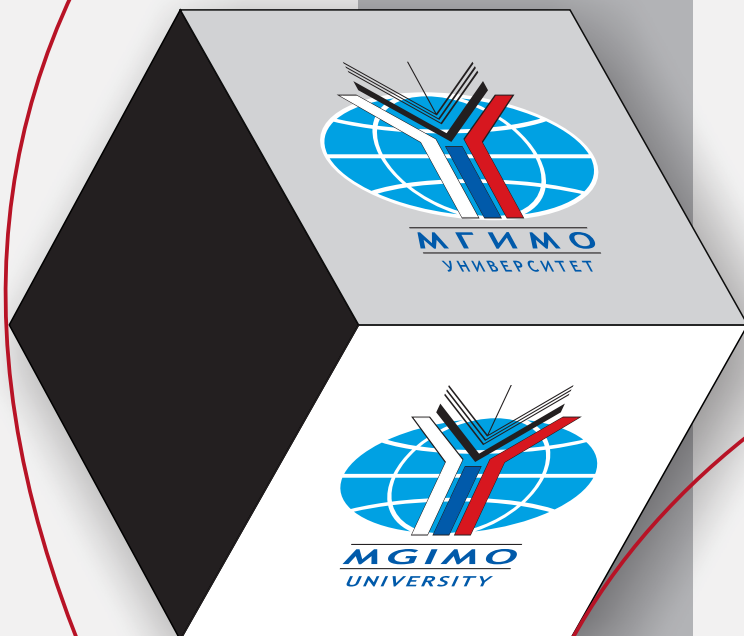

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Концепт:

ISSN (Print) 2541-8831
ISSN (Online) 2619-0540

Философия, религия, культура

Москва, 2019, №2 (10)

Главный редактор:

Симонов-Вяземский Ю.П. – к.и.н., профессор, заведующий кафедрой мировой литературы и культуры МГИМО(У) МИД России

Заместители главного редактора:

Силантьева М.В. – д.филос.н., профессор, заведующая кафедрой философии МГИМО(У) МИД России

Афанасьева Н.Д. – к.пед.н., профессор, заведующая кафедрой русского языка МГИМО(У) МИД России

Шеф-редактор:

Мунтян М.А. – д.и.н., профессор, МГИМО(У) МИД России

Редакционный совет:

Симонов-Вяземский Ю.П. – к.и.н., профессор, председатель Редсовета (Россия)

Торкунов А.В. – д.и.н., профессор, ректор МГИМО(У) МИД России, академик РАН (Россия)

Гусейнов А.А. – д.филос.н., профессор, академик РАН (Россия)

Гриер Т. Филип – почётный профессор философии Дикинсон колледжа (Пенсильвания, США)

Зеленев С.Б. – д.э.н., профессор исполнительный директор Совета по общественному благосостоянию (Нью-Йорк, США)

Легойда В.Р. – к.полит.н., профессор кафедры мировой литературы и культуры МГИМО(У) МИД России (Россия)

Пабст А. – старший преподаватель политологии Школы политических наук и международных отношений Кентского университета (Великобритания)

Терзич С. – гл.н.с. Института истории, член-корреспондент Академии наук Сербии, в настоящее время

Полномочный и Чрезвычайный Посол Сербии в Москве (Сербия)

Чугров С.В. – д.социол.н., главный редактор научного журнала «Полис» (Россия)

Шестопал А.В. – д.филос.н., профессор, Заместитель председателя Международного экспертного совета по присуждению учёных степеней МГИМО МИД России (Россия)

Редакционная коллегия:

Силантьева М.В. – д.филос.н., профессор, заведующая кафедрой философии МГИМО(У) МИД России (Россия)

Афанасьева Н.Д. – к.пед.н., профессор, заведующая кафедрой русского языка МГИМО(У) (Россия)

Аринин Е.И. – д.филос.н., профессор Владимирского государственного университета (Россия)

Братина Б. – доктор философии, профессор, Белградский государственный университет (Сербия)

Веденина Л.Г. – д.филол.н., профессор МГИМО(У) МИД России (Россия)

Гарза Т. – доктор философии, профессор, Университет штата Техас (США)

Глаголев В.С. – д.филос.н., профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД России (Россия)

Гуревич Т.М. – доктор культурологии, профессор МГИМО(У) МИД России (Россия)

Деретич И. – доктор философии, профессор, Белградский госуниверситет (Сербия)

Долгов К.М. – д.филос.н., профессор, г.н.с. Института философии РАН (Россия)

Каменец А.В. – доктор культурологии, профессор РГСУ (Россия)

Каргина И.Г. – д.социол.н., начальник Управления учебно-организационной работы МГИМО(У) МИД России (Россия)

Клэр Дж. – профессор по литературе Возрождения Школы искусств Университета г. Халл (Великобритания)

Капилуччи С.М. – доктор философии, профессор, Римский университет (Италия)

Кирсанова Л.И. – д.филос.н., профессор, Дальневосточный федеральный университет (Россия)

Лебедев С.Д. – к.филос.н., доцент, Белгородский госуниверситет (Россия)

Малоежник М.П. – титулярный профессор, директор департамента изучения международных отношений и региональной безопасности, Университет г. Гвадалахараш тат Халиско (Мексика)

Миронов В.В. – д.филос.н., член-корреспондент РАН, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия)

Мотрошилова Н.В. – д.филос.н., профессор, г.н.с. Института философии РАН (Россия)

Мунтян М.А. – д.и.н., профессор, МГИМО(У) МИД России (Россия)

Островская Е.А. – д.социол.н., профессор, Санкт-Петербургский госуниверситет (Россия)

Романчук А.А. – исследователь, лектор Университета «Высшая антропологическая школа» (Республика Молдова)

Скворцов Я.Л. – к.социол.н., декан Факультета международной журналистики МГИМО(У) МИД России (Россия)

Такаши Санами – ассистент профессора, Славистико-Евразийский исследовательский центр Университета Хоккайдо (Япония)

Редакция:

Мунтян М.А. – д.и.н., профессор, МГИМО(У) МИД России, шеф-редактор

Коннов В.И. – к.социол.н., доцент кафедры философии МГИМО(У) МИД России, редактор

Изотова Н.Н. – к.культурологии, доцент кафедры японского языка МГИМО(У) МИД России, редактор

Чупрова И.А. – к.филос.н., секретарь редакции журнала «Концепт» МГИМО(У) МИД России, редактор

Чмырёва В.А. – к.и.н., Институт экономики АН России, редактор

Волков Д.Е. – дизайнер, верстальщик, МГИМО(У) МИД России

Заборников А.В. – администратор сайта журнала, МГИМО(У) МИД России

Federal state autonomous institution of higher education
«Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation»

Concept: philosophy, religion, culture

ISSN (Print) 2541-8831
ISSN (Online) 2619-0540

Moscow, 2019, №2 (10)

Editor-in-Chief:

Simonov-Viazemsky Yu.P. – Ph.D of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the World Literature and Culture MGIMO University (Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

Silantyeva M.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy MGIMO-University (Russia)

Afanasyeva N.D. – PhD of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Russian Language MGIMO-University (Russia)

Editor-in-Charge:

Muntian M.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, MGIMO-University (Russia)

Editorial Council:

Simonov-Viazemsky Yu.P. – Ph.D of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the World Literature and Culture MGIMO University, Chairman of the Editorial Council (Russia)

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Professor, Academician of the RAS (Russia)

Guseynov A.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Academician of the RAS (Russia)

Grier F.T. – Honorary Professor of Philosophy and Religion at Dickinson College (Pennsylvania, USA)

Zelenev S.B. – Doctor of Economics, Professor, Executive Director of the Council on Public Welfare (New York, USA)

Legoyda V.R. – PhD (Political Sciences), Professor at the Department of World Literature and Culture at the MGIMO, Chairman of the Holy Synod Department for Church, Society and the Mass Media Relations of the Russian Orthodox Church (Russia)

Pubst A. – Senior Lecturer in Politics at the School of Politics and International Relations in the University of Kent (United Kingdom)

Terzich C. – Corresponding Member of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Serbia in Russia

Chugrov S.V. – Doctor of Sociology, Editor-in-Chief of the Scientific Journal «Polis» (Russia)

Shestopal A.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department for Philosophy (MGIMO University)

Editorial Staff:

Silantyeva M.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy MGIMO-University (Russia)

Afanasyeva N.D. – PhD of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Russian Language MGIMO-University (Russia)

Arinin E.I. – Doctor of Philological Sciences, Professor, University of Vladimir (Russia)

Bratina B. – Doctor of Philosophy, Professor, University of Belgrade (Serbia)

Vedenina L.G. – Doctor of Philological Sciences, Professor, MGIMO-University (Russia)

Garza M. – Doctor of Philosophy, Professor, University of Texas, Director of Texas Language Center (USA)

Glagolev V.S. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, MGIMO-University (Russia)

Gurevich T.M. – Doctor of Cultural Studies, Professor of MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Deretich I. – Doctor of Philosophy, Professor, University of Belgrade (Serbia)

Dolgov K.M. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Institute of Philosophy RAS (Russia)

Kamenetz A.V. – Doctor of Culturology, Professor, Russian State Sociological University (Russia)

Kargina I.G. – Doctor of Sociology, Head of the Educational and Organizational Work of MGIMO (University) of the MFA of the Russian Federation (Russia)

Klare J. – Professor of Renaissance Literature/ Co-Director of the Andrew Marvell Centre for Medieval and Early Modern Studies, School of Arts (United Kingdom)

Kapilupy C.M. – Doctor of Philosophy, Professor, University of Rome (Italy)

Kirsanova L.I. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, DVFU (Russia)

Lebedev C.D. – Candidate of Philosophical Sciences, docent, University of Belgorod (Russia)

Maloyezhnik M. Pablo – Titular Professor, the Director of the Department of Studying of the International Relations and Regional Security of the University Guadalajara, the State of Jalisco (Mexico)

Mironov V.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Corresponding Member of RAS (Russia)

Motroshilova N.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Institute of Philosophy of RAS (Russia)

Muntian M.A. – Doctor of History, Professor (MGIMO University), Editor-in-Charge (Russia)

Ostrovskaya E.A. – Doctor of Sociology, Professor of St. Petersburg University (Russia)

Romanchuk A.A. – Researcher of University «High Anthropological School» (Republic of Moldova)

Skvortsov Ya.L. – PhD (Sociology), Dean of the Faculty of International Journalism, MGIMO (U) MFA of Russia (Russia)

Takahashi Sanami – Assistant Professor, Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University (Japan)

Editorial Board:

Muntian M.A. – Doctor of History, Professor (MGIMO University), Editor-in-Charge

Konnov V.I. – Ph.D (Sociology), Associate Professor of the Philosophy Department (MGIMO University)

Izotova N.N. – Ph.D (Culturology), Editor (MGIMO University)

Chuprova I.A. – Ph.D (Culturology), Secretary of the Editorial Board (MGIMO University)

Chmyreva V.A. – Ph.D (History), Editor, (Institute of Economics RAS)

Volkov D.E. – Designer, Coder (MGIMO University)

Zabornikov A.V. – Site Administrator (MGIMO University)

Содержание

Обращение редколлегии к читателям	7
---	---

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

ФИЛОСОФИЯ

Миронов В.В. «Мой оптимизм – сдержанный»: о философии, образовании и человеке в современной российской культуре	9
Risteski Aleksandar D. Cartesian dualism and plotinus 'philosophy of mind	27
Шестопал А.В. Философия и философы в культуре и практике международных отношений (латиноамериканские примеры)	40

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Mona Abdel Malik Khalil Russians in Egypt: Aspects of Religious and Cultural Identification	57
Добрынин Динь Хиен Эссенциализм и конструктивизм в подходах к определению религии	65
Куропаткина О.В. Лестадянство и братские общины в российском лютеранстве как часть единой пиетистской традиции	72

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Братина Б.Р., Братина О.А. Видеогиф как социокультурный феномен	77
Лисенкова А.А. Репрезентация идентичности в практиках виртуальной коммуникации	85
Масленникова Е.М. Текст, контекст и культурологические лакуны: время и смыслы	92
Королёва А.А. Опыт культурной аналитики: андалузский миф о Геркулесе.	103
Подберёзкин А.И. Информационно-когнитивное силовое «форматирование» правящих элит субъектов военно-политической обстановки в «переходный период»	113

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Афанасьева Н.Д. Взаимосвязь эмпатии и обучения студентов в вузе	135
Калугина Т.Н. Приоритеты образовательной политики в контексте социокультурной глобализации	144
Шепелева И.М. Концепт праздника и перформанса у народов Европы	151

ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРА

Симонов-Вяземский Ю.П. Титаны и гении в мировой литературе	160
Ли Цзинься, Сунь Пинь. Переосмысление формирования идентичности писателя-классика	170

РЕЦЕНЗИИ

Аляев Г.Е. Полное собрание сочинений С.Л. Франка: издательский и исследовательский проект	178
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Долгов К. М. Шолохов М.А.: почти случайные встречи и беседы	182
Стрельцова А.С. Памяти Павла Григорьевича Чеснокова – дирижёра, композитора, педагога (1877 – 1944)	189
Дианина С.Ю. XIV конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ)	193
Глазунова С.Е. Рождение традиции (О 100-м заседании Межкафедрального семинара «Лингвострановедческий тезаурус и речевое поведение профессионала-международника»)	197
Литвак Н.В. О II Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Утопические проекты в истории культуры»	201
Афанасьева Н.Д. XIII Международная научно-практическая конференция «Языкознание для всех» студентов и школьников	203
Багинская И.П. V международная студенческая научная конференция «Русский язык в моей стране»	205

Table of Contents

Editorial Board of the journal	8
---	---

RESEARCH ARTICLES

PHILOSOPHY

Mironov V.V. "My optimism is restrained": about philosophy, education and a person in modern Russian culture	24
Risteski Aleksandar D. Cartesian dualism and plotinus 'philosophy of mind'	27
Shestopal A.V. Philosophy and philosophers in the culture and practice of international relations (Latin American examples)	54

RELIGIOUS STUDIES

Mona Abdel Malik Khalil Russians in Egypt: Aspects of Religious and Cultural Identification	57
Dobrynin Dinh Hien Essentialism and constructivism in the approaches to the definition of religion	70
Kuropatkina O.V. Lestadianism and fraternal communities in Russian Lutheranism as part of a single Pietistic tradition	75

CULTUROLOGY

Bratina B.R., Bratina O.A. Videogif as a sociocultural phenomenon	83
Lisenkova A.A. Identity Representation in Virtual Communication Practices	90
Maslennikova E.M. Text, context and cultural lacunae: time and meaning	101
Koroleva A.A. Experience of cultural analytics: the Andalusian myth of Hercules	109
Podberezkin A.I. Information and cognitive force «formatting» of the ruling elite subjects of the military-political situation in the «transition period»	132

INTERCULTURAL COMMUNICATION

Afanasyeva N.D. The relationship of empathy and student learning in high school	142
Kalugina T.N. Priorities of educational policy in the context of sociocultural globalization	149
Shepeleva I.M. The concept of celebration and performance among the nations of Europe	158

THE ART AND LITERATURE

Simonov-Vyazemsky Yu.P. Titans and geniuses in world literature	167
Li Jinxia, Sun Ping. Rethinking the formation of the identity of the classic writer	176

BOOK REVIEWS

Aliaiev Gennadii E. Complete Works of Semen L. Frank: Publication and Research Project	178
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Dolgov K.M. Sholokhov M.A.: Almost Random Meetings and Conversations	182
Streltsova A.S. In memory of Pavel G. Chesnokov – kapellmeister, composer, teacher (1877 - 1944)	189
Dianina C.Y. XIV Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature (MAPRYAL)	193
Glazunova S.E. The birth of tradition (On the 100th meeting of the Interdepartmental Seminar «Linguistic and Cultural Thesaurus and Speech Behavior of an International Specialist»)	197
Litvak N.V. On the II All-Russian (with international participation) scientific conference «Utopian projects in the history of culture»	201
Afanasyeva N.D. XIII International Scientific and Practical Conference «Linguistics for All» of students and schoolchildren	203
Baginskaya I.P. V International Student Scientific Conference «Russian language in my country»	205

Дорогие друзья!

Перед вами очередной, десятый по счёту, номер нашего журнала. За прошедшие два года, благодаря нашим авторам, мы с вами прошли несколько шагов по бесконечному пути познания:

- размышляя о доверии к праву и роли культуры в подготовке диплома-та;
- ставя вопрос о культуре иероглифического письма;
- углубляясь в философские дискуссии о живописи и кино (а также их отношениях с экономикой);
- описывая «девять комнат» человеческих потребностей и выделив среди них «доминантную комнату»;
- обращаясь к темам ценностных оснований различных культур и влияния аксиологических трансформаций на современную педагогику;
- разбирая модели аксиологической компетентности в межкультурной коммуникации;
- споря о сущности религии;
- познакомившись с шотландским пресвитерианством и мормонизмом;
- обратив внимание на связь античной пайдеи с миграционными процессами в эллинистическом мире;
- ещё раз задумавшись о теме дипломатии и культуры;
- изучая «Расёмон-эффект».

А ещё побывали на многих научных мероприятиях и обсудили ряд новых книг, обращая внимание на новинки издательства МГИМО, а также переводные издания. Итог нашей с вами работы позволил журналу войти в список рецензируемых журналов, рекомендованных ВАК для публикации основных результатов научных работ, с чем мы от души поздравляем наших авторов и читателей!

Надеемся, что с нами и дальше не будет скучно. Ведь самые большие неприятности, как говорит древняя мудрость, происходят от внутренней незанятости человека, отсутствия озабоченности чем-то очень для него важным, интересным и полезным (хотя и несъедобным). Именно эта когнитивная доминанта, перейдя на новый уровень, превратила любопытство, общее для всех приматов, в теоретическое внимание, без которого трудно делать что-то по-человечески. Тем более – заниматься наукой.

Наше *credo* – стараться давать на страницах нашего журнала основное место доминанте, позволяющей раздвигать границы научного познания. У нас в этом отношении большие планы. И мы очень надеемся с вашим участием оставаться интересными. Читайте наш журнал и публикуйте в нём свои научные труды. Творческого вам вдохновения!

Редколлегия

Dear friends!

In front of you the 10th edition of our journal. Thanks to our authors in the past two years we have made several steps forward on the infinite path to knowledge by:

- reflecting on the trust in law and the role of culture in the process of professional preparation of diplomats;
- raising question about the culture of hieroglyphic writing;
- getting deep into philosophical discussions about art and cinema (and their relations with the economics);
- describing “9 rooms” of human needs and specifying among them one “dominant room”;
- addressing the issues related to the value foundations of different cultures and the influence of axiological transformations on modern pedagogy;
- analyzing the models of axiological competence in cross-cultural communication;
- debating about the essence of religion;
- getting acquainted with the Scottish Presbyterianism and Mormonism;
- examining the link between ancient Paideia and migration processes in Hellenistic world;
- considering the issue of diplomacy and culture once again;
- studying the Rashomon Effect;

We have also participated in many academic events and discussed a number of new books, paying attention to the new MGIMO publications as well as translated works. The result of our joint work have allowed the journal to become listed among peer-viewed journals recommended by the Higher Attestation Commission for publication of the main academic results. We heartily congratulate our authors and readers with this news!

Hope that further it will not be boring with us either. According to the ancient wisdom, the greatest misfortunes stem from the inner idleness of a human being, lack of concern about something extremely important, captivating and useful (albeit inedible). It is this cognitive dominant after getting to a new level has turned curiosity, that has previously been common to all primates, into theoretical attention, without which it would have been difficult to do something in a human way. Especially to pursue science.

Our credo is to try to give on the pages of our journal the main place to dominant, that allows expanding the boundaries of academic knowledge. We have big plans ahead. And we very much hope to remain interesting with your active participation. Read our journal and publish your works in it. Wishing you creative inspiration!

EDITORIAL BOARD

«МОЙ ОПТИМИЗМ – СДЕРЖАННЫЙ»: О ФИЛОСОФИИ, ОБРАЗОВАНИИ И ЧЕЛОВЕКЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В.В. Миронов

Аннотация. В основу статьи легла беседа заместителя главного редактора журнала «Концепт», заведующей кафедрой философии МГИМО МИД России, профессора М.В. Силантьевой с деканом философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, член-корреспондентом РАН, доктором философских наук В.В. Мироновым.

Проблемы, задающие вектор инноваций в области образования, связаны сегодня не только с глобализацией и её многочисленными следствиями, включая унификацию, цифровизацию и общее снижение престижа образования в массовой культуре, включая попытки дискредитации гумбольдтовской модели университета – самой инновационной на сегодняшний день. Не меньшее значение для российского образования имеют его «внутренние» проблемы. В их числе – разрушение мотивированности студентов как один из результатов ЕГЭ, последовательное снижение доли гуманитарной составляющей в аудиторной нагрузке, а также перегруженность учебных планов в силу отсутствия системы индивидуальных образовательных треков.

Поиск путей и средств решения этих проблем требует, помимо прочего, аналитического рассмотрения места и роли философии в современной системе российской науки и образования. Что, в свою очередь, предполагает уточнение возможностей и границ философского знания (и знания как такового) применительно к запросам современного общества. В этой связи уместно обратиться к идее И. Канта о делении философии на два основных типа: «школярскую философию» и философию в широком смысле слова. Первая предполагает системное приобщение человека к теоретической культуре на уровне довузовской подготовки (как это делается в ряде стран Европы, например в Германии и Франции), предполагает учёт «проблемы перевода» и формирование представлений о связи национальной и мировой науки. Вторая «разновидность» философии может быть описана как вневременное смысловое пространство, «царство смысла». Его онтологизация в своё время обеспечила глубинную связь философии и науки, утвердив тезис о возможном существовании закона, пронизывающего природу и позволяющего с помощью умозрения выявлять неизменное в изменчивом. Соответственно для изучения второго типа философии «школярство» не годится.

Все это становится особенно важным в практике преподавания философии в системе высшего образования. Здесь необходимо учитывать, что философия – двойственная форма сознания, которая опирается как на рационально-теоретические компоненты – вектор, направленный к науке, так и на ценностно-эмоциональные, связанные с иными способами постижения бытия, кроме научного – искусство, религия и др. В этом смысле философия является центральной дисциплиной, влияю-

щей на формирование мировоззрения человека. Поэтому она необходимо должна присутствовать в системе высшего образования, если мы эту задачу ставим, и её место не могут заполнить какие-то иные дисциплины.

Ключевые слова: Философия, культура, образование, наука, университет, глобализация, цифровизация, управление.

Вопрос о месте философии в системе современного знания и образования, нередко связан с утверждением, что философия – самая бесполезная наука, как однажды обозначили мое интервью в одном информационном источнике¹. Для журналистов это простительно, нужен броский заголовок. А я там просто отметил тот факт, что в жизни людей, вообще-то говоря, много кажущихся бесполезностей, но без которых человек нормально не сможет жить: если мы уберём из нашей жизни всё бесполезное, то окажется, что и жить-то не очень нужно. При этом часто под философией могут понимать что угодно. Тренер футбольной команды может говорить о «философии игры» команды «Спартак», юрист о «философии преступника».

Более того, часто в затянувшейся беседе может прозвучать уничижительная фраза типа того, что мол «хватить философствовать, пора делом заниматься». В силу того, что рассуждения философа не всем понятны, всегда проще обозначить данный род мыслительной деятельности как обыкновенную глупость, вместо того, чтобы вдуматься в них. Кстати, не надо думать, что это свойство только современного сознания. Ещё Аристофан в своей комедии «Облака» уничижительно характеризует Сократа, который, по его мнению, ищет ответы на вопросы типа «пищит комар гортанью или задницей», «на сколько стоп блошиных блохи прыгают» [Аристофан, 1970: 355-356]. Я, кстати, записываю такого рода высказывания. Они у меня в смартфоне

хранятся, и я их иногда зачитываю студентам. Приведу несколько примеров. Косметическая фирма, рекламируя свою деятельность, пишет о своей философии по отношению к качеству кожи, что также «распространяется и в отношении волос». Другая говорит, что её девизом выступает философия «толчка в спину сотрудников», что помогает преодолевать кризисы. И эти примеры можно продолжать до бесконечности.

В каком-то смысле такие обыденные представления о философии присутствуют и в системе образования, правда, здесь на это ещё накладывается и специфика различных уровней этого преподавания, которые могут значительно отличаться. В этом контексте уместно вспомнить Канта, который говорил о двух возможных уровнях преподавания философии. Первый он обозначает как «школярская» философия. Это некоторая совокупность наиболее общих представлений о философии, философах, проблемах, которые стояли в её истории и с которыми должен ознакомиться каждый культурный и образованный человек в рамках своего самовоспитания, так же, как он знакомится в школе с религией, искусством, правом, не становясь при этом обязательно верующим, художником или юристом. Именно по этому принципу, кстати говоря, была построена немецкая система гимназического образования, и таким же образом выстраивалась система в российских гимназиях. В некоторых землях Германии до сих пор философия преподаётся в старших классах, причём

¹ Хорькова М. Философия – бесполезная наука // Татьяна день. 12.04.2010. URL: <http://www.taday.ru/text/376803.html> (дата обращения 30.04.2019).

достаточно долго, параллельно с этикой и религией (по выбору учеников).

Каков смысл преподавания «школярской философии», спросите вы? Сами по себе эти знания не учат людей философии, а лишь учат тому, что понимали под философией другие люди, но это знание приобщает человека к философской культуре. Точно также школьника приобщают к рисованию или к математике: ученик усваивает необходимые для формирования мышления сведения, хотя вовсе может не стать математиком или художником. На мой взгляд, огромная ошибка, что такого курса, в виде, например, «Введения в философию» нет в современной средней школе, особенно в ситуации, когда ученики сегодня могут свободно и в огромном количестве поглощать самую разнообразную информацию о мире и требуется вырабатывать навыки её отбора. Могут возразить: но есть же обществознание. Мне кажется, что в настоящем виде, это достаточно вымученный и искусственный предмет, представляющий собой просто набор различных дисциплин. В нём как раз отсутствует связующий философский стержень не в качестве той или иной главы учебника, а в качестве именного смыслового стержня. Именно в этом направлении можно было бы совершенствовать преподавание данного предмета в школе.

Кроме этого, «школярского» понимания философии, говорит далее Кант, есть ещё философия в её всемирно-историческом значении, которая является особой наукой о последних целях человеческого разума, придающая ценность всем другим видам знания и выявляя их значение для человека. При этом Кант не даёт чёткого определения философии. Почему? Ответ известен: потому что для философии это невозможно или, точнее, бессмысленно. Как усадить в одну лодку, условно говоря, Витгенштейна и Сартра, Ницше и Лейбница? Хотя все они философы. Философия в этом смысле выступает как смысловое вневременное пространство, в котором все равны и мыслители разных времён продолжают вести диалог. В этом состоит особенность истории фи-

лософии, в отличие от истории иных дисциплин, где последующая ступень развивающегося знания как бы «поглощает» или отбрасывает те истины, которые были открыты ранее. История философии это не «то, что перешло и исчезло», – пишет Гегель [Гегель, 1993: 99-100].

Такой вневременной диалог увеличивает массив интерпретации и конструирования новых идей. В каком-то смысле, я скажу крамольную вещь, хотя она закономерна: иногда лучше допустить искажения, которые позволят прочитать мысль по-новому, чем просто её лишь «повторять в точности», не развивая и догматически заучивая мысли других. Я, конечно, нарочно утрирую, и мы не должны призывать к искажениям, но важно осознавать, что философия является своеобразной «интерпретацией интерпретаций» (П. Рикёр), то есть, всё время творит новые смыслы.

Указанные два уровня философии принципиально отличны друг от друга и по целям, и по задачам, и по способам освоения. А вот этого у нас не очень понимают. В результате студентам не философских факультетов, для которых философия является внешним предметом, пытаются преподавать философию в целом, только значительно сократив на это время, а значит, неизбежно упростив и исказив. А здесь её можно было бы давать совсем по-иному. Философия – особая дисциплина, её вовсе не обязательно рассматривать как застывшую систему и вообще, как только некую систематику. Тут важнее задача пробудить самостоятельный интерес к философии и тогда обучающийся сам будет это осваивать. Поэтому, если в вузе работает хороший эстетик или этик, историк философии или логик, то они смогут вывести на все философские проблемы через свои предметы, лишь бы это было сделано профессионально и талантливо. Роль преподавателя философии здесь чрезвычайно важна, и философия является очень личностной дисциплиной.

Ещё одна особенность философии, имеющая огромное значение для образования, состоит в том, что философия в

своей основе отличается от конкретных наук. Вектор научного поиска всегда направлен к истине. Отсюда – своеобразный научный экстремизм: учёный может изучать таракана, а может и звёздные галактики. В обоих случаях он будет стремиться к полному познанию. Поэтому в науке последняя по времени научная теория, как правило, более адекватно отражает исследуемый объект. Условно говоря, Эйнштейн описывает мир более адекватно, чем Ньютон. В философии ситуация прямо противоположная. В этом философия близка к искусству, так как в ней могут создаваться и уникальные творения. Например, в живописи мы вряд ли можем утверждать, что картины Глазунова, например, хуже или лучше картин Рембрандта. То есть утверждать, конечно, можно, но что в данном случае будет критерием? Качество краски? Величина картины или её вес? Так бывает и в философии, когда произведение, созданное 2500 лет назад, может и сегодня доставлять нам эстетическое удовольствие, наряду с глубиной неустаревающих размышлений.

Результаты научного познания нацелены на точность и достигают её, но условием этого является опредмечивание действительного мира. Если я конструирую инвалидную коляску, то могу сказать, что человек есть совокупность рычагов. Более того, если стоит задача построить хорошую инвалидную коляску, то лучше не философствовать, а именно так и понимать. Однако мы прекрасно осознаём, что сущность человека не сводима к совокупности рычагов. Таким образом, учёный всегда надевает предметные очки. Биолог надевает биологические очки, физик физические, социолог, например, смотрит на человека как на часть социальной системы и ему безразлично, что вы красивы или прекрасно поёте. Хотя для индивида, который прекрасно поёт и красив, это может быть принципиально. Так действует каждая наука. И здесь есть свои плюсы и минусы.

Говорят, самая точная наука математика. Это действительно так, но это как

раз за счёт наиболее предельного огрубления, а значит и упрощения бытия до количественных отношений. Если их не удастся выявить, то математика работать не будет. Например, можем ли мы выявить чисто количественные отношения в таких человеческих проявлениях, как дружба или любовь? Можно попытаться, но вряд ли эти отношения будут близки к сущности их понимания. Сходным образом действует любая наука. При этом, когда человек находится внутри какой-либо науки, ему нередко кажется, что научным образом можно объяснять всё. И тогда учёный может быть склонен переносить хорошо известные ему закономерности на объяснения сущности явлений, в которых данные закономерности не являются определяющими.

Учёный здесь скорее проявляет себя как увлечённый собственным предметом и желанием объяснить всё и до конца. Честно говоря, и обвинять за это не стоит, а вот понимать, что такая позиция ограничена, необходимо. Иногда эта грань очень тонкая. Когда Пуанкаре говорит о том, что в науке есть конвенции, мы вряд ли сможем это оспорить, но когда он говорит о том, что в науке существуют только конвенции, это выходит за рамки науки как таковой, ибо речь ставится об истине и возможности её достижения. Например, Дарвин объясняет развитие животного мира борьбой за существование, а социал-дарвинизм переносит это на объяснение развития общества; Фрейд объясняет взаимоотношения между людьми сексуальными отношениями, а неофрейдизм ошибочно переносит это на объяснение культуры. И вот здесь философская позиция становится чрезвычайно важной.

Именно за счёт своей устремлённости к полноте философ может найти объяснения как сложным, так и простым вещам. И в этом смысле он как никто должен уметь объяснить сложные вещи относительно простым языком, ибо он объясняет другим людям и не только своим коллегам философам. У нас бытует мнение, что чем непонятнее человек излагает свои мысли, тем в большей

степени он философ. Я часто говорю, что идеалом такой позиции будет непонимание самого себя перед зеркалом, но это уже из области медицины или психиатрии. На самом деле, как не покажется это странным, гораздо легче говорить сложно о простом и, напротив, очень трудно говорить просто о сложных проблемах.

Философия как особое смысловое пространство конструируется на основании самых разнообразных форм постижения бытия. Отсюда – связь философии с другими формами сознания, такими, как наука, религия и искусство; и в то же время несводимость философии к ним. Конечно, на четырёх кантовских вопросах смысловые границы философии не замыкаются. Здесь тоже возможны изменения, ибо человек всё время задаёт вопросы бытию, и мы не знаем, как это будет описываться, например, через пятьдесят или сто лет. Но главное останется неизменным: это Человек. Мы как индивидуальные существа – пылинки в Космосе, но мы обладаем Разумом и способны осмысливать и своё собственное бытие, и бытие как таковое. В этом смысле, мы доводим своё «Я» до уровня бытия, равны с ним, ибо можем его мыслить.

Это и есть проявление метафизической сущности философского мышления, которое направлено не только на познание того, что есть, но и на предельные основания бытия, которые могут описываться только как метафизические конструкции разума. В этом философия пересекается с теологией в аристотелевском смысле, которая во времена античности была частью философии. У Аристотеля, как известно, термина «метафизика» не было (он возник позже у неоплатоников), и эту, в будущем метафизическую сферу философского исследования, он задолго до возникновения христианства обозначал как «протофилософия» (*prote philosophia*), или «первая философия»; или, что для нас примечательно, теология. Иначе говоря, эта сфера исследования всего того, что выходит за рамки природного бытия, то есть несозерцае-

мые сущности, которые мы можем постигать лишь умом, размышляя о них. Аристотелевская теология – синоним «первой философии», в отличие от более позднего или современного понимания философии, хотя по существу речь идёт о божественной сущности, которая недоступна прямому созерцанию [Аристотель, 2016].

Тут, кстати, существует любопытная коллизия, сталкивающая разные формы знания, а именно теологию, которая ныне стала входить в номенклатуру научных специальностей, и религиоведение. Теология, как бы не пытались сейчас говорить о возможности её надконфессионального преподавания, реализуется как конфессиональная дисциплина. Понятие «надконфессиональности» здесь просто фиксирует тот факт, что имеется много конфессий и в рамках преподавания теологии об этом можно говорить. Но при этом всегда будет доминировать догматика той или иной теологической системы и вряд ли представители иудаизма когда-нибудь признают православную троицу. Религиоведение – междисциплинарная дисциплина, в основе которой лежит сравнительное исследование религии и выявляются общие вопросы возникновения и функционирования религии и религиозных институтов, психологические аспекты верования. Поэтому здесь тесно сотрудничают психологи, социологи, историки, антропологи, искусствоведы и т.д.

Но в то же время предметом религиоведения выступает религия и проблема веры, и мне кажется, что наметившиеся ныне тенденции «оторвать» религиоведение от философии являются ошибочными. Тактические мотивы здесь понятны. Объявить себя позитивной наукой, которой не придётся решать вопросы мировоззренческого плана и тем самым избиваться от критики со стороны теологии и философии, требующими метафизического осмысления проблемы веры. Но сам предмет исследования, а именно вера, являются изначально вопросом метафизическим, то есть предельным, значит, эти метафизические вопросы

неизбежно придётся затрагивать. Необходимо будет объяснять, что такое религия, обозначать проблему истины, сравнивать религию с не-религией, изучать проблему разных религий.

Соответственно, мы неизбежно вернёмся к данным вопросам, то есть к философии. А если не вернёмся, то будем некритически воспроизводить те или иные стереотипы, которые будут влиять на «чистые» позитивные исследования не лучшим образом. В результате возникает своеобразная предметная неразбериха. Религиоведение (как позитивная дисциплина, по аналогии с математикой, физикой, биологией и т.п.) с лёгкостью встраивается в учебные планы по теологии, чему уже есть примеры. Однако теология не может быть внеконфессиональной (как иногда пытаются сегодня её строить) и она исследует религию изнутри её самой, изнутри конкретной религии, что, конечно, отличается от философского подхода.

С другой стороны, маячит новое образование в виде некоего «конфессионального религиоведения», то есть модели трансформации науки, базирующейся на сравнении разных религий, к её конструированию на базе какой-то одной религии. Подобное, частично, произошло с политологией, когда она оторвалась от философии как самостоятельная дисциплина. Это, безусловно, нормальное явление, но и возможные потери здесь налицо. Ибо теряется фундаментальное философское основание и может реализоваться тенденция превращения её в прикладную, то есть в обслуживающую запросы власти политехнологию.

Как при этом сохранить научную ориентацию на истину, сущность которой от власти не зависит, представляется серьёзной проблемой. Кстати, во многом тоже самое произошло и с социологией, особенно в нашей стране, когда она вместо социальной теории стала очень часто трактоваться, прежде всего, как прикладная дисциплина. Необходимо подчер-

кнуть, что, как только та или иная общественная наука принимает прикладной характер, она – вектор направленности к истине, будь то религиоведение, политология или социология. И тогда появляются менеджеры, которым достаточно безразлично, на кого они работают, и они могут сегодня обосновывать одно, а завтра другое. Боюсь, что и религиоведение, оторванное от философского фундамента, превратится в служанку власти политики или религии.

Наверное, я высказываю спорные мысли, но они вызваны моими наблюдениями и размышлениями, и я готов спорить на данную тему. Такова судьба философии, от неё все время кто-то отпочковывается. Вспомним известный пример В. Виндельбанда о том, что философия уподобилась Королю Лиру, всё раздавшему детям и оказавшемуся как нищий на улице [Виндельбанд, 1904: 16]². Те, кто его обычно приводят, утверждают, что от философии когда-то не останется ничего. Но можно предложить и иную интерпретацию. Прежде всего, Лир остался в результате данной операции легитимным королём и это позволило ему узнать, какая из дочерей его действительно любит, то есть познать истинное состояние дел, вместо лицемерных признаний. Так и философия очищается от того, что по мере развития научного знания приобретает свой предмет, становится «предметной» наукой.

Таким образом, философия как бы «очищает» собственное понимание от «примесей» конкретного знания, которое перемещается в предмет той или иной науки. Такое самоочищение позволяет ей оставаться в лоне метафизического понимания бытия, вовсе не противопоставляя себя наукам, но определяя разницу в подходах. В таком самоочищении нет ничего плохого. Это естественный процесс становления нашего познания мира. Физик времён Аристотеля, который, по сути, был философом, а физик периода Нового времени – это, как правило, по-

² «Философия подобна королю Лиру, который раздал своим детям всё своё имущество и которого вслед за тем, как нищего, выбросили на улицу»

клонник эмпирических методов обоснования физического знания. Но в любой науке, поскольку она движется вперёд, всегда остаются лакуны непознанного, которые невозможно объяснить сегодня, а может быть вообще только с позиции данной науки. И тогда здесь необходимым образом оказывается задействованной философия, причём опять же прежде всего в её метафизическом варианте.

Как-то директор Государственного астрономического института им. П.К. Штернберга МГУ академик А.М. Черепашук делал на философском факультете доклад по чёрным дырам. Завязалась очень интересная дискуссия, философы начали задавать вопросы и, в конце концов, он ответил, что на определённом пределе возникает ситуация, где мы не можем ответить на предельные вопросы с позиции современной астрономии, но это так «если вы в это верите» (имея в виду, конечно, не религиозную веру, веру в смысле *believe*). Он также отмечал, что на данный момент самая большая проблема Вселенной – её молчание, поскольку с естественнонаучной точки зрения такое молчание необъяснимо. Ведь если допустить существование цивилизаций старше нас на миллионы, миллиарды лет, то очевидно, что они должны были найти способы контактировать с себе подобными.

Так возникают проблемы теологического и метафизического характера. Не случайно среди физиков большое число верующих. Это связано с тем, что они работают на предельном уровне исследования, на котором, по сути, занимаются метафизикой, которая, как мы показали, сопряжена и с теологическими проблемами. Предположу, что наименьшее число верующих – в социологии, где нужен максимум «исчислимой» конкретики, и места для предельных вопросов просто не остаётся.

Кстати, для гуманитариев вообще характерен некий интеллектуальный снобизм, в том числе и для философов, которые вроде бы должны понимать, что философия не является чисто гуманитарной дисциплиной. Им кажется, что толь-

ко они, занимаясь гуманитарной сферой профессионально, могут быть творцами гуманитарных ценностей. Парадокс, но если бы провести социологические исследования, например, в МГУ, на тему, кто пишет стихи, то выяснится, что естественники творят в гуманитарной сфере не меньше, и среди них достаточно много поэтов и художников. Любопытно, что даже так называемую авторскую песню представляли в истории нашей страны не представители гуманитарных факультетов, а физики, а это ведь ещё было сопряжено и с критической гражданской позицией. Здесь, конечно, проявились и особенности развития нашей страны, но есть и внутреннее объяснение для этого, которое, конечно, не может являться окончательным. Как мне кажется, для учёного (того же физика), который работает в лаборатории, отвлечением от этого научного творческого труда (который содержит и рутинные процедуры) является перемещение интересов в нечто противоположное, в некое чистое творчество, результатом которого и выступают стихи или картины. Для гуманитария, если рассуждать по аналогии, это сложнее, так как тогда его зоной отдыха, напротив, должна была бы стать физическая или биологическая лаборатория. Такое, кстати, бывает, но гораздо реже.

Отдельная важная тема в контексте философского знания и его важности для современной науки и образования – культурная заданность. Не секрет: понятия выстраиваются в русле культурной жизни людей, а не просто «абстрагируют действительные отношения». Приведу несколько примеров. Нередко я говорю студентам, что при использовании понятия «дом бытия» Хайдеггера необходимо понимать, что речь не о русской избушке: понимание жилища у немца совершенно иное, как и отношение ко многим другим реалиям. Немецкий дом – это замкнутое пространство, сильно ограниченное личностью, в некотором смысле это внутриличностное пространство. В русском же языке и нашей культуре в целом понятие дома исторически очень сильно модифи-

цировалось: изба, избышка, дом – это нечто более открытое, чем у немцев.

Об этом много писал Г.Д. Гачев, говоря о втянутости представителя немецкой культуры в пространство. Поэтому для немца понятие *raum* (пространство) – связующее, ограничивающее; немец может сказать: «Я хочу убрать это пространство». Теоретически по-русски так сказать тоже можно. Однако никто так не скажет. Потому что для русской культуры пространство – это расстояние как растяжение, нечто прямо противоположное немецкому *raum*.

Или прекрасный пример. Для немецкого сознания лес – это прежде всего союзник и иногда даже говорят, что немцы «вышли из леса», или «люди леса». Лес, утверждал один из братьев Гримм, по-моему, Якоб, является центральным элементом немецкой культуры и с этим, в частности, связан культ немецкого романтизма. И сегодня в Германии, как это не покажется странным, главная часть природы – это лес, он органически входит в структуру городов, включая столичные, а под шоссевыми дорогами обязательно прокладывают тоннели для перехода по ним диких животных.

А вот для русского человека характерно противоречивое восприятие леса. С одной стороны, лес, отмечал В.О. Ключевский, был для русского человека надёжным убежищем и средством поставки еды и материала для изготовления домов и утвари. Но, одновременно, он для восприятия русского человека был и враждебным. Его было слишком много и его нельзя было полностью окультурить. Отсюда негативно-небрежное отношение к лесу. Его можно было и сжигать, и вырубать. Лес был заполнен различными страхами, в нём можно было заблудиться и т. д. [Ключевский, 1918: 72]³.

Различия культур фиксируются в их языках. Об этом пишет А.Ф. Лосев в книге «Эллинистически-римская эстетика», рассуждая о латинском языке древних римлян, с которым было связано «римское чувство красоты». Не помню уже, кто-то из философов верно отметил, что физика времен Декарта и Ньютона могла быть сформулирована только на латыни. Также как немецкий философский язык возникает позже, вслед за французским, становясь центральным языком философии.

Таким образом, роль культуры – колоссальная и определяющая. Сегодня нас постоянно призывают повысить цитируемость, увеличить количество публикаций на английском языке, на что я отвечаю, что в таком случае нужно просто запретить русский язык и через пятнадцать лет у вас цитируемость повысится, только Пушкина вы будете читать исключительно на английском... Нет сомнений, что у всех нас есть общие проблемы, однако культуры у нас разные, а это означает разное видение и описание мира. Поэтому так важен диалог между культурами. Здесь тоже есть своя особенность. На уровне высокой культуры с коммуникацией всё нормально, мы можем прекрасно слушать итальянскую оперу, не зная итальянского языка. Наиболее сильные смысловые столкновения происходят на уровне низовой обыденной культуры. Например, житель США очень часто за обедом кусок мяса сначала нарезает, а потом ест его вилкой, отложив нож, тогда как в Европе принято отрезать каждый кусочек и с помощью вилки отправлять в рот. Уже по этим деталям иногда мы можем отличать принадлежность человека к той или иной культуре. Я во времена ГДР оказался в такой ситуации. Плаваем в озере, полно

³ «Этим можно объяснить недружелюбное или небрежное отношение русского человека к лесу: он никогда не любил своего леса. Безотчётная робость овладевала им, когда он вступал под его сумрачную сень. Сонная, «дремучая» тишина леса пугала его; в глухом, беззвучном шуме его вековых вершин чувствовалось что-то зловещее; ежеминутное ожидание неожиданной, непредвидимой опасности напрягало нервы, будоражило воображение. И древнерусский человек населил лес всевозможными страхами. Лес – это темное царство лешего одноглазого, злого духа – озорника, который любит дурачиться над путником, забредшим в его владения».

людей и вдруг вмиг всё озеро освобождается: обед! В 12 часов все немцы вышли из воды и пошли обедать.

А для русского человека обед может и не наступить, а может случиться вечером, например. И стол мы накрываем в зависимости не от того, сколько времени, а от того, когда к нам гости приходят, хоть в 12 ночи. Подобных примеров масса. В тоже время культуры обмениваются смыслами и даже словами как таковыми, интегрируя их, иногда очень необычно, в другую культуру. Так славянские слова закрепляются в немецком языке, например, в названии городов Дрезден или Лейпциг. А, казалось бы, уж такое русское или украинское слово как ярмарка, происходит от немецкого слова «Jahrmarkt». Кроме того, в языке присутствуют калькированные образования, когда слово создано в данной культуре, но по образцу той культуры, которая в данное время была популярна. Например, слова типа «снегопад», «водораздел» или «здоровохранение», к которым мы так привыкли [Штарк, 1996: 199, 200]. Есть и забавные истории. Например, согласно одной из филологических гипотез, немцы, приезжавшие в Россию и не знавшие русского языка, старались расположить местное население – протягивали руку и говорили: «Ich liebe sie», откуда произошло такое русское слово «лебезить».

Такого рода проникновение языков и культур пронизывает их и является условием диалога, и любое явление опосредовано конкретной культурой, а значит выражено в языке. В этом смысле прав К. Маркс, который в одной из своих

ранних работ отмечал, что философия есть живая душа культуры, самосознание культуры, её квинтэссенция [Маркс, 1955: 105]⁴. Гегель мог появиться только в Германии, а Соловьев – только в России. Есть позиция, утверждающая, что национальной философии не существует. Я думаю, что это глубоко не верно, именно по тому, что она есть душа культуры.

Продолжая тему разницы культур, необходимо коснуться вопроса перевода. Для представителей естественных наук перевод – это передача информации, поэтому смешно непрерывно переводить одну и ту же работу Ньютона. А в философии мы можем встретиться с переводами одного и того же произведения по нескольку раз. То же и с художественной литературой. Казалось бы, давайте один раз переведем Шекспира, вырубим его тексты в граните навсегда. Однако оказывается, что тексты всегда связаны с современным прочтением. Это прочтение, в свою очередь, зависит от того, что «переводящая» культура в принципе может воспринять, и что она, даже воспринимая, может предъявить читающей публике, а что – нет, в том числе по обстоятельствам, лежащим вне самого произведения.

В.В. Биbihин как-то заметил, что для выражения своих мыслей Хайдеггеру мог бы подойти русский язык, так как в нём есть то, чего нет даже в немецком, может быть самым, по признанию многих, философском языке [Биbihин, 1991]⁵. Это очень глубокая мысль: она отражает ситуацию, когда философу может не хватать возможностей языкового выраже-

⁴ Маркс пишет: «Так как всякая истинная философия есть духовная квинтэссенция своего времени, то с необходимостью наступает такое время, когда философия не только внутренне, по своему содержанию, но и внешне, по своему проявлению, вступает в соприкосновение и во взаимодействие с действительным миром своего времени. Философия перестаёт тогда быть определённой системой по отношению к другим определённым системам, она становится философией вообще по отношению к миру, становится философией современного мира. Внешние проявления, свидетельствующие о том, что философия приобрела такое значение, что она представляет собой живую душу культуры, что философия стала мирской, а мир философским, – во все времена были одни и те же» (Передовица № 179 «Kölnische Zeitung»).

⁵ «...русский язык, так сказать, не хуже немецкого для мысли. Иногда в русском появляется даже то, чего Хайдеггеру в его немецком как будто бы не хватает. Например, у Хайдеггера пустота, как сказали бы на философском жаргоне, *продуктивна* в качестве вмещающей открытости; эта неожиданная сторона пустоты особенно ясно показана в поздней работе «Искусство и пространство». Русский язык подсказывает: пустота – это нечто отпущенное на простор и потому способное в себя впустить».

ния собственных мыслей и он начинает создавать новые языковые конструкции. После одной совместной с немецкими философами конференции по Хайдеггеру на нашем факультете, они сделали, конечно, в большей степени ироничный вывод, но который имеет основания, о том, что пока Хайдеггер не переведён на немецкий язык, лучше воздержаться переводить его на русский. Безусловно, здесь есть тонкая грань: насколько переводчик привносит своё собственное толкование или же он даже искажает смысл.

Ю.М. Лотману принадлежит изумительная формулировка, очень короткая и емкая: «Язык – это код плюс его история» [Лотман, 1992: 13]. Другими словами, любой живой язык содержит историю, а значит, возможность интерпретации. Поэтому, когда мы переводим текст, мы расшифровываем эти самые коды культуры. Это сложнейшая работа, связанная с поисками смыслов в своём языке, которые смогут передать смысл другого. Это не всегда удастся. М.М. Бахтин отмечал, что мы можем всегда перевести слова одного языка на другой язык, но мы не можем перевести всего текста как целостной языковой системы [Бахтин, 1986: 300-301]. Абсолютного совпадения языков достичь невозможно, также как невозможно отождествить жизненные пространства отдельных людей или их общественных совокупностей.

Любое реальное понимание смыслов текста есть особое взаимодействие в рамках диалога, субъектами которого могут выступать как отдельные личности, так и целые культуры. Поэтому творческая работа переводчика философских текстов – это не «простая» передача информации, но прежде всего смыслообразующая деятельность, обеспечивающая диалог культур. В философии концентрация этого смыслообразования является наиболее высокой. Вот пример из наших реалий. Существует, например, два перевода скандально известной речи М. Хайдеггера при вступлении его в должность ректора Фрайбургского университета в 1933 году. Перевод был осуществлен почти одновременно прекрасными перевод-

чиками и философами В.В. Библихиным и А.В. Михайловым. Однако эти переводы несли читателю отличающийся смысл, который по-разному передавал близость взглядов Хайдеггера к идеологии нацизма. Причём восприятие было настолько различным, что один из переводчиков предлагал считать другой перевод всего лишь переложением [Миронов, Миронова, 2016: 21-38]. С точки зрения чистого языкового перевода – они оба хороши и передают смысл, но, тем не менее, по-разному.

В связи с последним невозможно не затронуть ещё одну тему, важную для философии и философов во все времена, в том числе и в нынешние, это проблема соотношения философии и власти. Мы последнее время много об этом пишем [Миронов, Миронова, 2016: 21-38; Миронов, 2018: 69-72; Миронов, Миронова, 2018: 149-182]. В каком-то смысле это связано и с моей собственной работой вот уже более 20 лет в должности декана. Понятно, что здесь говорить о власти можно лишь условно, но, тем не менее, властные полномочия здесь также присутствуют и они также находятся в центре моих внутренних рефлексий. Я часто повторяю фразу о том, что философ должен быть дистанцирован от власти. Не в том смысле, что мы не должны данную проблему обсуждать. Как раз, напротив, это необходимо, а в том смысле, что философская мысль не должна становиться проводником власти. Здесь возникают проблемы и даже крупные мыслители становятся заложниками власти. Она всегда их заставляет действовать по собственным правилам, которые могут очень далеко отстоять от истины и справедливости.

Это наглядно видно по судьбам таких величин, как Платон, Аристотель или Хайдеггер, но, думаю, список можно продолжать. Хайдеггер – крупнейший философ, может быть, самый крупный в своём столетии, но соблазн власти, может быть с целью реализации собственных философских идей, для него тоже оказался непреодоленным. И как только он стал ректором, он, пусть и на относительно короткий период, превратился в идео-

лога, хотя все время критиковал данный тип мировоззрения. За год ректорства он произнес порядка 15 публичных речей, преимущественно вовсе не рассчитанных на слушателей университета, то есть идеологических речей, которые обосновывали доминирующую в то время идеологию в Германии. При этом философы, что по-своему любопытно, как правило, выбирают, скажем так, мягко, вариант близости именно с сильной властью. Видимо, логика такого выбора связана с тем, что власть демократического типа является более трудной для проведения и реализации своих собственных идей, ибо она потребует дополнительно обоснования и согласования через демократические процедуры. А вот в тоталитарной системе этого делать вовсе не обязательно, достаточно просто властных полномочий. И кажется, поэтому, что через это можно реализовать, в том числе, самые гуманные идеи. На самом деле, все кончается поражением философа, который становится придатком политика.

Это, конечно, не означает, что философ, если мы опустимся на более низкие управленческие уровни, – обязательно плохой руководитель. Думаю, что это не так и для руководства некой системой философский подход вовсе не помеха. Более того, безусловно, что философски настроенный человек может, по крайней мере, попытаться избежать жестких решений, чего никогда не будет делать чистый менеджер. Для философа-руководителя главным остаётся ценность человека, а для менеджера – выживаемость системы любой ценой. Если ему завтра скажут, что мы должны оценивать качество публикаций по их весу в килограммах, он даже вздохнёт свободно, ибо это значительно упрощает управление, предлагая так просто реализуемые индикаторы. К сожалению, сегодня мы пустились в пугающий своими претензиями на универсальность управленческий менеджмент, который диктует в том числе и попытку выделения простых критериев оценки.

В знаменитом произведении Фазиля Искандера «Пыры Валтасара» описыва-

ется пирушка, на которой сидит Сталин, а все присутствующие его хвалят. И когда один из самых близких к нему людей начинает произносить тост, Сталин про себя думает, что этого человека, который так много о нём знает, следует убрать в первую очередь. Ситуация власти такова, что люди, ею обладающие, как правило, несчастны. Совершенно ясно, они вынуждены подчинять свою личность законам власти, у них не может быть настоящих друзей, потому что те неизбежно их предадут. Вопрос в том, насколько это возможно минимизировать. С другой стороны, руководителя любой структуры всегда достаточно легко обвинить, поскольку он исполняет определённые функции, а функции в целом могут быть неверными.

Однако уходить от власти сегодня – это уходить от ответственности. В том числе, ответственности, связанной с системой науки и образования. Ведь не секрет, что сегодня имеют место попытки изъять философию из федеральных образовательных стандартов. Часто в качестве аргумента весьма незатейливым образом используют тот якобы факт, что ведь на Западе философии нет в высшей системе образования. Это не совсем и не везде так. Например, в ряде земель Германии философия является обязательной дисциплиной в школе, причём в гимназических классах, наряду с этикой (или религией, по выбору). Возраст гимназистов – это возраст наших студентов младших курсов, то есть даже здесь есть совпадение.

У нас же в школе, как мы уже сказали, философия по сути полностью отсутствует. Поэтому философия в высшем образовании нужна, но вот действительно весьма актуальным остаётся вопрос о том, как её преподавать, дабы не свести к ужасному курсу университетской философии по единому стандарту. Нет ничего более страшного для обучения философии, чем некие стандарты. Философия является прежде всего свободным мышлением, поэтому стандарт, в лучшем случае, может лишь оговорить объём часов и систему отчётностей, и, конечно, профессиональ-

ные требования к преподавателю. А вот далее можно представить свободу доведения философских идей до студентов.

Поэтому мы должны противостоять тенденциям ликвидации философии, попыткам её замены иными дисциплинами «мировоззренческого» плана. Следует признать, что сегодня это труднее делать, чем в так часто негативно упоминаемые 90-е годы. В те времена мы имели возможность обратиться во властные структуры, но главное, на это была реакция (у меня было несколько открытых писем министру, которые имели действие). Сегодня такое ощущение, что экспертного сообщества нет вообще, а министерство по стратегическим вопросам развития образования особо с нами общаться не желает. Исходя из сказанного, задача философов, работающих в качестве администраторов системы образования, сегодня состоит в том, чтобы публично обращаться к ответственным лицам, ни в коем случае не дистанцироваться от власти. Необходимо изначально использовать все легальные механизмы для достижения своей цели – сохранения и развития лучших традиций отечественного образования и науки.

В сегодняшних условиях рыночной экономики, где медицина и образование стали сферой услуг, многие неприглядные процессы прикрываются красивым словом «инновации». На самом деле, именно гумбольдтовская модель университета как раз и была самой инновационной и многие её принципы отнюдь не устарели. Она была основана на автономии университета, означавшей (здесь следует оценить степень моральной позиции), что государство доверяет университету. Оно даёт университету деньги, субсидирует его, ни о чём не беспокоится, подразумевая, что данный вклад денег в автономный и демократичный университет окажется эффективным. Характерно, что в истории почти нет случаев, когда бы это не срабатывало. То есть, будучи автономным и даже подвергая критике те или иные позиции государства, университет работал именно на развитие этого государства.

Повторюсь, гумбольдтовская модель инновационная ещё и потому, что один тот же человек на кафедре – преподаватель, а в лаборатории – учёный, передающий свои научные взгляды учащимся. Нынешняя же трактовка инновационного или исследовательского университета основана на так называемой «грантовой логике»: утром деньги, вечером стулья. Однако такой подход не работает в фундаментальной науке! Физики могут десять лет «чай пить» (если смотреть на их научные дискуссии глазами обывателя), а потом совершат открытие, которое всё окупит, и не только выпитый чай.

Именно поэтому в университете должна быть достаточно большая свобода как преподавателя и учёного, так и студента. Гранты могут быть дополнением к хорошему бюджетному финансированию научных исследований в фундаментальной науке, на основании которой только и могут возникнуть настоящие технологии. Исследовательская же модель университета – технологическая, являющаяся ответом на запросы рынка. Отсюда и сомнительные критерии оценки. В подобной модели преподаватель становится, по К. Марксу, наёмным рабочим. Поскольку от него требуют эффективности, он должен работать более интенсивно; а результаты его изысканий должны реализовываться на практике, то есть очень быстро окупаться. К сожалению, мы активно идём по этому пути.

Надо сказать, что наш Московский государственный университет старается сохранять значительную автономию. Виктор Антонович Садовничий никогда не отказывался от курса на фундаментальное образование в качестве ключа к реальным инновациям. Более того, риску предположить, что в обозримой перспективе тенденции усиления автономности усилятся. И хотя нельзя сказать, что сегодня у МГУ полная автономия (формально её сегодня меньше, чем семь-восемь лет назад), но зато, поскольку университет получает хорошие государственные субсидии, факультет оказывается свободным в принятии решения их использования на благо университета, в том числе.

Совсем другое дело, когда создаются новые университеты – и сразу претендуют на статус лучших. Хочется сказать им: поработайте хотя бы лет пятьдесят, тогда будет видно. Ведь даже сегодня, один из лучших исследовательских университетов Высшая Школа Экономики пока ещё в кадровом отношении опирается на преподавателей, которые были подготовлены не ими, а другими университетами. Думаю, что большинство из них питомцы МГУ, как и его нынешний руководитель. Вот когда они начнут репродуцировать собственных преподавателей, тогда можно сказать, что университет состоялся. Но, к сожалению, здесь их будут поджидать те же проблемы, с которыми сталкиваются классические университеты. Но это пример сильнейшего нового университета, а что уж там говорить о массе университетов, которые вчера были чуть ли не техникумами среднего уровня. Такое сверхизобилие университетов не может не размывать систему высшего образования. При этом нет сомнений, что в стране должны быть разные университеты.

Ещё одной проблемой отечественного образования (и головной болью для преподавателей) является ЕГЭ [Миронов, 2016: 1-9]. И дело здесь не в самой форме экзамена, а в том, что она не была реально экспериментально апробирована и в масштабах такой большой страны, со столь разными региональными подходами к образованию, не является объективной формой, тем более в качестве единственной, для отбора абитуриентов в вузы. В какие-то вузы вообще можно отбирать людей по росту или весу. Это не принципиально. Но должны быть вузы, ведущие вузы и их не может быть много, может быть, не более 10 на всю страну, где формы отбора устанавливаются сами этими университетами. Среди них, кстати говоря, и Высшая Школа Экономики, находящаяся сегодня на высоком уровне, а также университеты Петербурга, Москвы, Екатеринбурга. Более того, у них не должно быть никаких «общих» стандартов, потому что их программы должны зависеть от конкретного препода-

вательского состава, наличия (или отсутствия) в этом составе ведущих в своей области учёных.

К сожалению, такого в России, в отличие от США, пока нет. Нам длительное время навязывают идею о том, что ЕГЭ – это мировой опыт. Однако это далеко не так. В мировой практике мало стран, где только один общий экзамен или система экзаменов является условием поступления. Если обратиться к опыту, например, Германии, а нам об этом почему-то говорят меньше, настаивая на примате англосаксонской модели, хотя мы исторически ближе именно к немецкой модели, по которой и строилось наше образование, в том числе советское, то мы увидим, что там и речи не может идти о чём-то подобным ЕГЭ. Люди записываются в университеты вообще без экзаменов. Но достигается это за счёт того, что в гимназические классы, которые дают ту самую «абитуру» (соответствующую форму нашего аттестата), проходят лишь чуть более 30 процентов от числа школьников.

То есть отбор ведётся уже внутри школы. И кроме этого, у абитуриента должны быть высшие показатели по дисциплинам профильных для вуза, выбранного абитуриентом, специальностям. Главный минус ЕГЭ в том, что он разрушил мотивированность учащихся. Раньше человек учился в школе, подходил к старшим классам, постепенно выбирал какую-то специальность и осознанно шёл, например, на философский, юридический, на мехмат и т.д. Сегодня такой человек записывается на пять специальностей сразу. До введения ограничений у нас был рекорд: девочка записалась сразу на тридцать факультетов – от математики до философии. ЕГЭ деформировал обучение в старших классах школы, так как вместо системы знаний, последние годы посвящены часто прямому натаскиванию на ЕГЭ. Поэтому в университет сегодня приходят ребята, которые сильно отличаются от своих «до-ЕГЭшных» сверстников по многим параметрам.

Обозначу ещё несколько проблем, связанных с вузовским образованием в целом и философским образованием в

частности. Прежде всего, возникает вопрос дифференциации абитуриентов. Необходимо, наряду с общим преподаванием, выстраивать индивидуальные траектории. Зачем студенту тратить время на изучение языка, если он его прекрасно знает? Необходимо освободить его от этих занятий, дать возможность вместо этого заниматься другим предметом или изучать другой язык. В отечественной системе стандартов не хватает гибких подходов, поэтому студент, хорошо знающий французский язык, например, может получить тройку за то, что не сдал домашнее чтение. И здесь с самого начала должна повыситься роль научного руководителя или индивидуального куратора, который модифицировал бы программу студента, сообразуясь с потребностями и возможностями, а также со здравым смыслом. К слову, в МГУ индивидуальная работа существовала всегда. Однако сегодня она должна стать более существенной составляющей образовательного процесса.

Вторая проблема связана с перегруженностью наших учебных планов. Зачем в учебном плане физкультура? Этот предмет вполне может идти в качестве дополнительной нагрузки, которую студент осваивает самостоятельно, предоставляя в деканат справки о посещении фитнес центров или других спортивных учреждений, куда многие ребята и так ходят в соответствии со своими интересами и возможностями. Было бы очень разумно централизованно определить основные компоненты учебного плана или стандарта, но при этом дать более широкую возможность ведущим вузам формировать собственные учебные планы согласно их специфике. Ректор МГУ когда-то отмечал, что если бы в советское время были такие жёсткие стандарты, то различия между ленинградской школой математики и московской не было бы.

Следующая проблема касается социокультурной среды, которую застают очередные поколения студентов, причём речь идёт о среде в самом широком смысле. Так, говоря о современной ситуации, невозможно обойти стороной процес-

сы глобализации. Если воспользоваться широко известной метафорой, то не случайно Бог не допустил строительства Вавилонской башни. Этот образ очень хорош, поскольку он показывает: системой гораздо легче управлять, когда она однородна, но такая система не годится для человека как человека. Один язык, одна культура, желательно все одного роста, чтобы одежду легко было шить... Этого, к счастью, нет и не будет. Однако глобализация есть. Причём глобализация – процесс, не Богом спущенный или выдуманный некими злонамеренными теоретиками. Хотя человеческий фактор здесь явно присутствует, поскольку глобализация предстаёт прежде всего как процесс навязывания ценностной системы со стороны доминирующей страны-лидера. И это объективно, ибо, например, США являются лидером в технологиях и, соответственно, неизбежно будут пытаться доминировать в остальном. В этом суть глобализации.

Сегодня имеют место попытки навязать глобализацию Европе, которая, в свою очередь, является достаточно «странным» сооружением с позиции оголтелых глобалистов. Тут почему-то разные национальности, они имеют свои особенности, привычки и пристрастия. Швед отличается от грека и не только по росту. Каждая страна имеет систему собственных культурных ценностей. Зачем всё это, говорят нам глобалисты. Что даёт ваша культуры, говорят американцы, если она породила столько войн, а у нас их уже давно нет. Давайте сделаем всё одинаковым, но как у нас: перестраивайте ваше право, перестраивайте вашу культуру, а также свои понятия толерантности и прочее. И следуйте по пути, который вам предписывают. Конечно, с моей точки зрения, такой модели подчиняться нельзя. Одну из статей я посвятил глобализации и деформации международного права [Миронов, 2016: 1-9].

Ведь право вызревает из самой культуры, народ вырабатывает систему права, граждане внутри страны за неё голосуют, а потом им говорят, что с точки зрения международного права они не-

правы. Понятно, что Гитлера нельзя было осудить немецким судом, ведь он ничего не нарушал, как и Вышинский. Здесь требовалось международное право, и это вполне оправданно. Но когда международное право распространяется на частную жизнь человека, который не нарушает собственного права своей страны, это, по крайней мере, спорно и требует иного типа регуляции. Когда национальное право деформируется, начинается диктат международного права. А оно, как я уже сказал, не спущено Богом, а придумано чиновниками по модели права доминирующего лидера глобализации.

Что касается единой Европы, как мне кажется, в своё время было их огромной ошибкой, когда нашу страну не включили в состав ЕС. Понятно, что это не устраивало очень многих, ибо в этом случае ЕС стал бы равноправным полюсом мирового порядка, чего, конечно, некоторым странам не хотелось. Поэтому, хотя с этим многие могут не согласиться, нынешняя изоляция России – это прежде всего изоляция Европы, как самостоятельного

субъекта, так как без России Европа не может быть полюсом, равноправным по значению США. Хотя мы должны понимать, что изоляция всегда чревата многими неприятными последствиями, в том числе и идеологического толка. Как мы из неё будем выходить, пока не очень понятно.

Проблемы невозможно рассматривать в отрыве от других значимых и актуальных общественных проблем, например, эйфории, которая ныне охватила, наверное, всех, по поводу цифровизации. Например, цифровизация как масштабная управленческая технология – может открыть путь к глобальному тоталитаризму. Однако в тоталитарном мире неизбежно возникает другая проблема: если система слишком упростится, то она может оказаться недостаточно гибкой для решения сложных проблем, в том числе таких, как проблемы конкретных людей, или общества в целом. Поэтому мой оптимизм в этом отношении весьма сдержанный.

Список литературы:

- Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2016. 448 с.
- Аристофан. Облака // БВЛ. Том 5. Античная драма. М.: Художественная литература, 1970. 768 с.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- Бибихин В.В. Дело Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: Наука, 1991. 253 с.
- Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб.: Издание Д.Е. Жуковского. 1904. 374 с.
- Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. СПб.: Наука. 1993. 480 с.
- Гурина М. Философия. М.: Республика 1998. 540 с.
- Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука. 1980. 712 с.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть I. Петроград. Четвертая Государственная Типография, Фонтанка у Чернышева моста. 1918. 464 с.
- Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I-II вв. н.э. М.: Изд-во МГУ, 1979. – 416 с.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: «Гнозис». Издательская группа «Прогресс». 1992. 272 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1955. 699 с.
- Миронов В.В. Власть как предмет философской рефлексии // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 69-72.
- Миронов В.В. Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 2. С. 1-9.

Миронов В.В. Размышления о реформе российского образования: Доклад на международной научной конференции «Философия и образование в процессе трансформации культуры», посвящённой 70-летию воссоздания философского факультета в структуре МГУ имени М.В. Ломоносова. 2-е изд., стереотип. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 64 с.

Миронов В.В., Миронова Д. Ein Knabe, der träumt, или Опьянение властью // Логос. 2018. Т. 28. № 3. С. 149-182.

Миронов В.В., Миронова Д. Философия и власть: случай Хайдеггера // Вопросы философии 2016. № 7. С. 21-38.

Штарк Ф. Волшебный мир немецкого языка. М.: Издательство Моск.ун-та. 1996. 240 с.

Об авторе:

Миронов Владимир Васильевич – член-корреспондент РАН, д.филос.н., профессор, декан философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой онтологии и теории познания. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: vlamironov@yandex.ru.

“MY OPTIMISM IS KEPT”: ABOUT PHILOSOPHY, EDUCATION AND MAN IN THE MODERN RUSSIAN CULTURE

V.V. Mironov

Abstracts. *The article was based on the conversation of the deputy editor-in-chief of Concept magazine, the head of the philosophy department of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Professor M.V. Silantyev with the dean of the Faculty of Philosophy of Moscow State University. M.V. Lomonosov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy V.V. Mironov.*

The problems that define the vector of innovations in the field of education today are connected not only with globalization and its many consequences, including unification, digitalization and a general decline in the prestige of education in popular culture, including attempts to discredit the Humboldt model of the university, which is the most innovative today. No less important for the Russian education are its “internal” problems. Among them - the destruction of students’ motivation as one of the results of the Unified State Exam, a consistent reduction in the share of the humanitarian component in the classroom load, as well as an overloaded curriculum due to the absence of a system of individual educational tracks.

The search for ways and means to solve these problems requires, among other things, an analytical consideration of the place and role of philosophy in the modern system of Russian science and education. That, in turn, implies a clarification of the possibilities and limits of philosophical knowledge (and knowledge as such) in relation to the demands of modern society. In this regard, it is appropriate to refer to the idea of I. Kant on the division of philosophy into two main types: “scholarly philosophy” and philosophy in the broad sense of the word. The first involves the systematic introduction of a person to the theoretical culture at the level of pre-university training (as it’s done in several European countries, for example in Germany and France), involves taking into account the “problems of translation” and the formation of ideas about the relationship between national and world science. The second “variety” of philosophy can be described as a timeless semantic space, the “realm of meaning.” Its ontologization at the time provided a deep connection between philosophy and science, approving the thesis about the possible existence of a law that pervades nature and allows using revelation to reveal the unchanging in the changeable. Accordingly, for the study of the second type of philosophy, “schooling” is not suitable.

All this becomes especially important in the practice of teaching philosophy in the system of higher education. Here it is necessary to take into account that philosophy is a dual form of consciousness, which relies both on rational-theoretical components - a vector directed to science, and on value-emotional, associated with other ways of comprehending being, besides the scientific - art, religion, etc. In this sense, philosophy is the central discipline that influences the formation of a person's worldview. Therefore, it must be present in the higher education system, if we set this task, and no other discipline can fill its place.

Key words: *philosophy, culture, education, science, university, globalization, digitalization, management.*

References:

Aristotelis *Metaphysica* / Ed. Werner Jaeger. Oxford Classical Texts. Oxford University Press, 1957. 336 p. (In Greek). (Russ. ed.: Aristotel'. *Metafizika*. Moscow, Éksmo, 2016. 448 p.).

Aristophanes. *Clouds* / Edited with translation and notes by Alan H. Sommerstein. Aris [and] Phillips Warminster, 1982. 232 p. (In Greek). (Russ. ed.: Aristofan. Oblaka. *Biblioteka vsemirnoi literatury. Tom 5. Antichnaia drama*. Moscow, Fiction, 1970. 768 p.).

Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Art, 1986. 445 p. (In Russian).

Bibikhin V.V. Delo Khaideggera [The Case of Heidegger]. *Filosofiia Martina Khaideggera i sovremennost'* [Martin Heidegger's Philosophy and the Present]. Moscow, Science, 1991. 253 p. (In Russian).

Windelband W. *Präludien. Aufsätze und Reden zur Einleitung in die Philosophie*. 3. Auflage. Tübingen, Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1907. 463 s. (In German). (Russ. ed.: Vindel'band V. *Preljudii. Filosofskie stat'i i rechi*. Saint-Petersburg, Edition D.E. Zhukovsky, 1904. 374 p.).

Hegel G.W.F. *Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Erster Teil. Werke in zwanzig Bänden. Band 18*. Frankfurt am Main, 1979 (In German). (Russ. ed.: Gegel' G.V.F. *Lektsii po istorii filosofii*. Kniga pervaiia. Saint-Petersburg, Science, 1993. 480 p.).

Gurina M. *Filosofiia* [Philosophy]. Moscow, Republic, 1998. 540 p. (In Russian).

Kant I. *Traktaty i pis'ma* [Treatises and letters]. Moscow, Science, 1980. 712 p. (In Russian).

Kliuchevskii V.O. *Kurs russkoi istorii. Chast' I* [The course of Russian history. Part I]. Petrograd, The Fourth State printing House, Fontanka at Chernyshev bridge, 1918. 464 p. (In Russian).

Losev A.F. *Ellinisticheski-rimskaia estetika I-II vv. n.e.* [Hellenistic-Roman aesthetics I-II centuries AD]. Moscow, MSU Publishing House, 1979. 416 p. (In Russian).

Lotman Iu.M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, «Gnozis», Publishing group «Progress», 1992. 272 p. (In Russian).

Marks K., Engel's F. *Sochineniia. T. 1. - Izd.2-e* [Works. Vol. 1. 2nd Ed.]. Moscow, Publishing House of political literature, 1955. 699 p. (In Russian).

Mironov V.V. *Vlast' kak predmet filosofskoi refleksii* [Power as a subject of philosophical reflection]. *Voprosy filosofii - Questions of Philosophy*, 2018, no. 12, pp. 69-72 (In Russian).

Mironov V.V. *Transformatsiia ekonomiki, politiki i prava v usloviakh globalizatsii* [Transformation of economics, politics and law in the context of globalization]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk - Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2016, Vol. 86, no. 2, pp. 1-9 (In Russian).

Mironov V.V. *Razmyshleniia o reforme rossiiskogo obrazovaniia: Doklad na mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Filosofiia i obrazovanie v protsesse transformatsii kul'tury», posviashchënoi 70-letiiu vossozdaniia filosofskogo fakul'teta v strukture MGU imeni M.V. Lomonosova. - 2 izd., stereotip.* [Reflections on the reform of Russian education: A report at the international scientific conference «Philosophy and Education in the Process of Culture Transformation» dedicated to the 70th anniversary of the re-establishment of the Faculty of Philosophy in the structure of the Lomonosov Moscow State University. - 2nd ed., stereotype]. Moscow, Center for strategic conjuncture, 2014. 64 p. (In Russian).

Mironov V.V., Mironova D. *Ein Knabe, der träumt, ili Op'ianenie vlast'iu* [Ein Knabe, der träumt, or Power Intoxication]. *Logos - Logos*, 2018, Vol. 28, no. 3, pp. 149-182 (In Russian).

Mironov V.V., Mironova D. *Filosofiia i vlast': sluchai Khaideggera* [Philosophy and Power: the Case of Heidegger]. *Voprosy filosofii - Questions of Philosophy*, 2016, no. 7, pp. 21-38 (In Russian).

Shtark F. *Volshebnyi mir nemetskogo iazyka* [The Magic World of German]. Moscow, MSU Publishing House, 1996. 240 p. (In Russian).

About the Author:

Vladimir V. Mironov – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Moscow State University named after M.V. Lomonosov.
E-mail: vlamironov@yandex.ru.

CARTESIAN DUALISM AND PLOTINUS' PHILOSOPHY OF MIND

Risteski Aleksandar

Abstract: *In this paper my intention is to tackle a few issues concerning some interpretations of Plotinus' "philosophy of mind". Firstly, I will address the validity of the idea that Plotinus was "the first Cartesian", advocated by John Dillon and E.K. Emilsson. The idea has been mostly defended on the assumption that Plotinus had anticipated the substance dualism. However, the mind-body dualism evident in Plotinus' philosophy is in no way identical or similar to the Cartesian, since the basic premises of Plotinus' metaphysics do not make room for such notions. Another argument is the philosophical use of introspection by both Plotinus and Descartes. However, I would argue that it is exactly the way of employing the method of introspection what introduces a big difference between the two philosophers.*

Secondly, I will address the idea of Plotinus as a herald of post-Cartesian non-reductionist notions on the mind-body relationship. I argue that Plotinus and his theory of consciousness cannot be interpreted as a variation of the non-reductionist theories, since Plotinus' "philosophy of mind" in a way transcends the scope of the reductionists vs non-reductionists debates. In fact, non-reductionists share more similarities to Cartesian views, than Plotinus'. Hence comparing Plotinus' philosophy to post-Cartesian non-reductionism does not differ much from comparing it to Cartesian dualism. The conclusion of the paper is that philosophy of mind can find studying Plotinus' philosophy very rewarding. However, in paying attention to Plotinus and ancient philosophers in general, we should not miss to pay attention to the scientific and philosophical paradigms of our time that condition the way we approach a problem and anticipate a possible solution to it.

Key words: dualism, epistemology, matter, metaphysics, non-physical, non-reductionism, physical, reductionism.

1. Introduction

Despite their differences, it seems that philosophers of mind do generally agree on the origin of the philosophy of mind and its ever pertaining issue – *the mind-body dualism*, which makes Cartesian

dualism to appear as *arche* of the problems philosophy of mind is dealing with to this day [Griffin, 1998: 67, 46; Searle, 1992: 5-6; Westphal, 2016: 1-52]. What the various theories have in common is the basic metaphysical assumption derived from the scientific view on the body, matter and nature; it is no issue that

body is corporeal in accordance to the way biology and physics understand body, matter and corporeality [Broad, 1925: 56-76, 118-131; Griffin, 1998: 5-7; Kim, 2010: 18]. Since the corporeal body and the incorporeal mind are two distinct substances, the issue naturally arises when we try to reconcile the conscious experience and consciousness with “*res extensa*”; it is exactly how we arrive to *the easy problems and the hard problem* of consciousness [Chalmers, 1996: 24-25]. In regards to that, we can see why Descartes’ dualism is still a provocative and interesting topic.

There are some scholars whose studies have proven the theories of the ancient philosophers valuable to the contemporary philosophy of mind and particularly the mind-body problem [Dillon, 1990: 19-31; Furley, 1993: 72-94; Hutchinson, 2018: 1-5, 176-192; Inwood, 1993: 150-183; Rappe, 1996: 250-274; Елер, 2002: 7-87]. However, not everyone agrees on the value of and the way to employ these insights; some scholars tend to appreciate some theories only to the extent those are seen as contributing to and anticipating the contemporary notions and problems [Dillon, 1990: 19-31; Emilsson, 1988: 1-35; Hutchinson, 2018: 1-5]. Others, however, are pretty critical towards such notions, suggesting a different interpretative approach [Ross, 2000: 153-167; Елер, 2002: 45-46].

The aforementioned tendencies, especially the former, indeed deserve more attention and appreciation, since ancient philosophy has much to offer to the contemporary discourses. Such an endeavor certainly can spark critical reflections on contemporary notions [Hutchinson, 2018: 1-5, 38-39, 176-192; Ross, 2000: 153-167; Елер, 2002: 45-46]. However it is not uncommon for some of these scholars to share the same assumptions with the very concepts and interpretations they criticize. This is probably the reason why many prominent ancient philosophers are usually seen as mere “fore-runners” and “anticipators”, having “interesting” theories that may “elucidate” or even “enrich” the contemporary theories and notions [Елер, 2002: 45-46].

The ideas that may appear similar to some modern notions have had their special

place and role within a radically different ontological map of reality than our own. It is why we cannot assume some ancient “philosophy of mind” that only differs from the contemporary one by the number of scientific insights we have at our disposal today. It would be hard to deliver an account of, in this case, Plotinus’ philosophy of mind, if our framework is the issues we are dealing with. Hence it is hard to read, for example, the mind-body dualism of Cartesian type or some post-Cartesian “nonreductive” theory into Plotinus’ views, simply because what appears to be the mind-body dualism issue had a completely different meaning to him. So instead of looking for prefigurations and anticipations, maybe we should pay attention to what Plotinus has to say on the nature of consciousness, the metaphysical structure of body and matter, and how these concepts fit within the ontological frame of being they refer to. This may lead us to appreciate and recognize not only the vast number of interesting theories that may contribute to the contemporary discourses, but also help us see and suggest different ontological and epistemological paradigms in approaching and dealing with our own subject matter.

In what follows I will address some interpretations of Plotinus’ philosophy I find problematic. I will first address the notion of Plotinus as the first Cartesian, mostly advocated by Dillon (1990) and Emilsson (2017). In addressing the notion, I will try to show that this kind of comparison is misleading and hermeneutically unjustified. After that, I will address some views of D. M. Hutchinson, presented in his book *Plotinus on Consciousness* (2018). Hutchinson does not see Plotinus as the first Cartesian, but he does make some attempts to construct anti-materialist arguments based on his interpretations of Plotinus.

2. Plotinus as a herald of Cartesian philosophy?

The idea of Plotinus being the first Cartesian is not a new one. In fact, it has some pretty strong advocates and intellectual support among great scholars, like John Dillon and Eyjólfur Kjalar Emilsson [Dillon, 1990:

19–31; Emilsson, 2017: 176–179, 228–295; Hart, 1994: 265–269; Ross, 2000: 153–167]. It seems that the idea rests on at least two assumptions: the recognition of the substance dualism [Dillon, 1990: 23] and the use of introspection [Emilsson, 1988: 145]. The bottom line is that Plotinus and Descartes share the same preoccupation with the problem of the substance dualism, and use the same or similar approach to the problem, “pineal gland or no pineal gland” [Dillon, 1990: 23].

I would first like to address Dillon’s views concerning Plotinus being the herald of Cartesian dualism and the concept of the pineal gland, by pointing out the problem of metaphysical incompatibility between the works of the two philosophers. The incompatibility is reflected foremost in the concepts of body and matter. After that, I would like briefly to make a few observations regarding Cartesian dualism in general, comparing it to Plotinus’ thought. My view is that not only these two types of “dualism” differ in both form and content, as Ross holds [Ross, 2000: 167], but bringing Plotinus’ “dualism” in connection to the Cartesian is hard to maintain since Cartesian dualism in a way stands closer to a materialist and reductionist position, as we will discuss later.

With respect to the metaphysical incompatibility between Plotinus’ and Descartes’ thought, it seems that Dillon’s starting point in bringing Plotinus closer to Descartes is an observation that certain passages from the *Enneads* methodologically and conceptually have a lot in common to Descartes’ reflections in *The Passions* [Descartes, 1911b: 330; Dillon, 1990: 20; Enn.III.6[26]; IV.3-4[27-28]], which might be an indicator of a stronger similarity between the two philosophers, than previously assumed. The conclusion is that Plotinus made a new approach to the mind-body problem, having developed some significant notions in regards to the substance dualism, a problem unrecognized by both his predecessors and successors [Dillon, 1990: 23]. Among the most important notions Plotinus had developed (at least in a rudiment form), Dillon singles out the distinction between *res extensa* and *res cogitans* [Dillon, 1990: 31; Emilsson, 2017: 176–179]. Namely, Plotinus

was the first philosopher to seriously tackle the issue of how two fundamentally and radically different substances can interact [Dillon, 1990: 23]. In addition, Plotinus was a serious candidate to (almost) postulate the idea of the pineal gland prior to Descartes, only in a more rudiment form and using different and somewhat vague terminology [Dillon, 1990: 22–29].

That Plotinus had been reflecting on the differences between the physical and the non-physical prior to Descartes is no issue. However, to claim that Plotinus had anticipated or recognized the problem of the mind-body dualism requires a closer examination of the concepts of mind and body in his philosophy, since it is quite questionable whether he really understood body as a *substance* in the likeness of the Cartesian *res extensa*. Concerning Plotinus’ view on body, he indeed holds that spatiality is its basic attribute [II.4.12.14; III.6.12.53; Dillon, 1990: 22–24; Emilsson, 2017: 178–179]. However, that does not make body an independent substance, since body without its form is nothing (I.8.4.16 – 17; VI.3.2.1 – 2; 4.3.38 – 39). In fact, a body is not to be understood in the terms of *being*, but rather of *becoming* (VI.3.2.1 – 2).

Now, the reason why we observe bodies like that and in general the sensible world is an epistemological question (which, in my view, brings Plotinus closer to Leibniz, than Descartes). It is hence necessary to approach Plotinus’ reflections on this issue from a different perspective, foremost the epistemological one [Ross, 2000: 163–164]. This is further supported by Plotinus’ ontological distinctions between *matter* and the *corporeal body*, for he says that *hyle* is *incorporeal* (II.4.9.4 – 5). The distinction seems to be very important in regards to the concepts of body and the mind-body relationship. That *hyle* is *incorporeal* implies that a body, which is *corporeal* and *material* (I.8.4.16 – 17; II.4.12.13 – 14; III.6.6.33 – 34) has to acquire its attribute of extension elsewhere, and not from *matter* alone (I.6.1.12 – 13; III.8.2.25). The only option we have is to conclude that the corporeality of a body, as an attribute or quality is of *intelligible* origin, that is to say, it is foremost about how we observe and

reflect on the sensible objects. This view is further supported by Plotinus' claims that body is an obstacle ("is detrimental") to any thinking (IV.3.19.26 – 27; 8.2.44 – 45).

Despite some possible similarities in approaches and methodology, we still do not have a strong ground to claim that Plotinus had anticipated Cartesian dualism or is in any other way a Cartesian before Cartesius himself. Following Dillon's example, we can randomly cut out any piece of a philosopher's thought, and use the piece to interpret it in any way we want. For example, we may claim that Plato was the first Cartesian, because Plato was "first" to formulate the Cartesian *cogito*, and in a pretty much Cartesian fashion too. I particularly refer to *Phil.*37a-b, where Plato points out the ontological sufficiency of the very act of thinking, regardless of the content of a thought. However, given the rest of Plato's philosophy we can hardly propose such a notion.

The same, of course, goes for Plotinus. Finding a few passages that bear some similarities to Cartesian thought is not enough to claim that Plotinus is dealing with "the same problem Descartes is later faced with", which, in fact, Dillon literally claims, saying that Plotinus is:

"[...] faced with the same problem Descartes is later faced with, pineal gland or no pineal gland, but which Plotinus' predecessors do not seem to have appreciated the enormity of, that of deciding, or trying to express, how two entities of such radically different sorts as the soul and the body can act on each other". [Dillon, 1990: 23]

Following this statement, it appears that Plotinus had been discussing the same issue Descartes was occupied with, only using different terminology. To make such a conclusion is even more tempting if we bear in mind that the presence or absence of the concept of the pineal gland is, in Dillon's view, more to be regarded as an *accidental*, rather than a *substantial* difference between the two philosophers [Dillon, 1990: 23]. Plotinus, however, does not see body only as *res extensa*; it is at the same time something more and something less; body is something that *is*, and anything that is participates to some extent in the intelligible (I.6.1.12 – 13). The

problem of reading Descartes' dualism into Plotinus' views is especially striking when we take into consideration that Plotinus holds that it is not soul that resides in body, but rather body is in the soul [III.4.3.3 – 4; Emilsson, 2017: 179]! This actually introduces quite a different view in the mind-body debates, and it surely marks a strong distinction between Plotinus' and (post) Cartesian metaphysics of mind and body.

While criticizing Dillon's (and Emilsson's) views, Donald Ross (2000) is pointing out exactly the same problem! Plotinus' metaphysics and hence any account of mind-body relationship is simply incompatible with any of the Cartesian notions [Ross, 2000: 159]. The important thing to notice is that Ross too accentuates probably the most critical point of divergence between Descartes' and Plotinus' philosophy, namely, the concepts of body and matter [Ross, 2000: 159, 167]. Even if we suppose that Plotinus' account of awareness and passions is somehow quite reminiscent of Cartesian work, the fact that the concepts of body differ so radically is hard to ignore. The differences in understanding the metaphysical structure of matter and body are far more important indicators of the differences between the two philosophers, than any other possible conceptual or methodological similarity [Griffin, 1998: 7–8; Searle, 1992: 5–25].

It seems that Dillon evaluates Plotinus' ideas in the light of some more contemporary concepts of matter and mind, and at the same time criticizing Plotinus' predecessors for not being cunning enough to address "the same" philosophical issues. In light of that, Dillon is focusing on Plotinus' terminology. While analyzing the passages from the *Enneads*, Dillon is constantly suggesting that Plotinus was an important anticipator of the idea of the pineal gland, too [Dillon, 1990: 21–25]. In fact, Dillon is holding to this view with such a strong grip, that throughout his paper one may get the impression that the author is continuously suggesting that Plotinus was either the anticipator of the idea of the pineal gland, or had some other terminological alternatives that may be affiliated with the idea [Dillon, 1990: 29].

The effort to affiliate various Greek concepts to the concept of the pineal gland is more than evident; and even though Dillon admits that Plotinus ultimately failed to deliver such a concept, he still insists that Plotinus had at least anticipated the notion and continues on saying: “and for that he should be celebrated” [Dillon, 1990: 29]. However, the reason why Plotinus had not taken the path of unequivocally formulating the idea of the pineal gland is probably that such an endeavor was impossible (and frankly, unnecessary) within the basic settings of his metaphysical system. Hence I find it difficult to make some close comparisons between Plotinus’ and Descartes’ philosophy, while stating: “pineal gland or no pineal gland” [Dillon, 1990: 23], as if it were an insignificant difference. Cartesian dualism appears as a problem of Descartes’ theory of knowledge, while Plotinus’ as a moment within his epistemology and metaphysics of the three hypostases.

As regards to Cartesian dualism I do not see it as an attempt to defend or justify the concept of the immaterial *res cogitans* [Hart, 1994: 265–269] in the light of the scientific views on body and matter of the time. On the contrary, Descartes’ dualism appears to be an unwanted consequence of his gnoseological inquiries; a problem to be solved, not a position to be advocated [Risteski, 2017: 332–346]. It is exactly what the concept of *the pineal gland* is a good example of [Descartes, 1911c: 345–347]. The search for such a concept indicates that Descartes wanted to overcome his dualistic stance, not to stick to it. The fact, however, that Descartes came up with the pineal gland shows his primary theoretical inclination or commitment, which, I would argue, has a lot in common with materialism and reductionism in philosophy of mind [Guttenplan, 1994: 535–536].

Descartes’ dualism is a consequence of his reductionist theory of knowledge [Risteski, 2017: 332–346], and the fact that he sees matter as a substance is a clear indica-

tor that he gave some ontological sufficiency to it. Descartes is the one trying to depict how the two *substances* can interact, making it clear that *res extensa*, if not ontologically superior, then at least stands ontologically independent from and shoulder to shoulder with *the other substance*, a fact which is known *clara et distincta* [Descartes, 1911b: 140]. Concerning this, I would have to slightly disagree with Ross’ views on Descartes’ dualism, for it is not primarily *metaphysical* dualism, but *epistemological* [Descartes, 1911b: 238; Risteski, 2017: 334–342]!

Descartes did not claim that the whole of reality consists of two radically different substances [Kenny, 2006: 212–216]¹. *Res extensa* and *res cogitans* are not to be observed as two metaphysical principles that make the building blocks of reality. Descartes did claim, however, that mind and body *may exist* independently [Descartes, 1911a: 101], but the problem is – he does not know whether they really do, for it seems that there is some interaction, but the interaction cannot be known *clara et distincta* [Cottingham, 2006: 181–183; Risteski, 2017: 333]. The criteria *clara et distincta* is the *hypokeimenon* of Descartes’ reductionist theory of knowledge, since anything that cannot be epistemologically covered with the criteria appears to be an unsolvable problem. And *this is why* the pineal gland “must be postulated”². We can hardly maintain the view that Plotinus and Descartes shared the same notions concerning the substance dualism. So, if an apparent substance dualism does not make Plotinus a Cartesian, what does?

According to Emilsson it is the philosophical use of introspection and the ability to rethink the mind-body relationship through the prism of the conceptual pair *internal-external* [Emilsson, 1988: 145]. Emilsson claims that among the ancient philosophers Plotinus’ views were the closest to the modern theories of mind and the Cartesian substance dualism [Emilsson, 1988: 141–145]. Namely, Plotinus has made distinctions between mind and

¹ Actually, in *Prin.LI* [Descartes, 1911b: 238] he claims that there is *only one substance* in the true meaning of the sense (namely – God), which makes us question the metaphysical character of Cartesian dualism, and to approach it in a more epistemological sense.

² See Dillon, 1990, p. 22.

body, seeing the latter as something external and ontologically different from the former, hence the ontological gap between the two, where body has extension as its basic feature [Emilsson, 1988: 145].

These arguments indeed depict Plotinus as a proto-Cartesian thinker. Still, Plotinus uses introspection as a mean of marking a start point for a philosophical endeavor, claiming, much like Aristotle (*Phys.*184a15-20), that we should begin with something immediate and then to move onward (IV.3.1.1-10). In the *Enn.*IV that start point appears to be *ourselves* and what we perceive (IV.3.1.10-15). While doing that, the “ontological gap” between body and soul appears only as a moment in a philosophical reflection, especially on the level of *sense perception* (VI.3.8.19-20; 6.13.36 – 37), which Emilsson, undoubtedly stresses out [Emilsson, 1988: 141–148]. Bodies indeed appear as something external (III.6.6.75; 6.12.53; VI.4.15.20-21; 9.8.29-30). However, as the philosophical reflection progresses, it becomes more and more evident that the very distinction between the external and internal is a consequence of an uneducated and unenlightened mind, so no real “ontological gap” can be posed at that level (VI.6.13.36 – 37); the gap can only be notified as something that *appears to be* a part of a certain type of cognition (VI.1.2.3 – 4). This is best shown in *Against the Gnostics* (II.9), where Plotinus argues that we are all parts of a higher unity (II.9.5.1-30). Hence Plotinus’ differentiation between the external and internal is not a funding ground of his metaphysics or epistemology, but it only appears as *a moment* within them [Rappe, 2000: 67–78].

One may argue that Descartes too uses introspection as a ladder to strive further in developing a metaphysical account of the world, especially in the part of *Meditations* where he discusses the existence of the external world and introduces the notion of God (Med.3, 5-6). However, even though Descartes invokes the notion of God in his *Meditations* in order to justify the existence of the “external” world, he still remains within the conceptual framework of the “internal” and “external”, having the “ontological gap”

cemented. Given that, I would argue that it is exactly the use of introspection an example of how Plotinus radically differs from Descartes, not the other way round [Rappe, 1996: 253, 263; Rappe, 2000: 67–90].

Concerning the above mentioned, we can make the following conclusions. Since the basic operating concepts of matter in Plotinus’ and Descartes’ philosophy ontologically differ to such extent, no apparent resemblance can introduce and justify the hypothesis of Plotinus being “the first Cartesian”. This also includes the types of dualism developed by the two philosophers; not only they differ in regards to the content and form, and hence the task and the role, but it appears that Descartes’ ontological commitment would have been so alien to Plotinus’ that the latter would never develop and accept any concept similar to that of the pineal gland, for instance. Through the use of introspection, Plotinus did acknowledge the differences between the physical and non-physical, external and internal. However, given that he did not recognize body as an external substance, the distinction between the external and internal is as substantial as the body itself is a substance. Hence not only that Plotinus differs from Descartes in regards to the substance dualism, but the use of introspection as well.

3. The materialism of the nonreductive theories of mind

Aside of the above discussed tendencies to bring Plotinus closer to Descartes, there are other scholars, like Mr. Hutchinson, who goes a step further claiming that Plotinus’ theory of consciousness goes outside the Cartesian scope, and as such, if not completely, then to some extent stands closer to the contemporary nonreductive theories in philosophy of mind [Hutchinson, 2018: 57]. Given that, Hutchinson tends to “piece together” some anti-materialist arguments based on Plotinus’ insights [Hutchinson, 2018: 57]. A recently published book by D.M. Hutchinson *Plotinus on Consciousness* (2018) is a work that elaborates Plotinus’ philosophy and theory of consciousness in a pretty clear and concise manner. It is a valuable piece of work

for those who want to study Plotinus and his theory of consciousness.

In this chapter of the paper, however, I would like to address the notion of employing Plotinus' theory of consciousness in order to tackle the problems of materialism in contemporary philosophy of mind. Still, before I proceed with my critical assessment of Hutchinson's views, I would first like to express my sympathies for such a notion. Given the problem of materialism or physicalism in philosophy of mind, it is necessary to tackle the problem by the means of introducing radical philosophical reflections that may help us reevaluate and rethink the basic metaphysical and epistemological assumptions of reductive materialism. Reflecting on Plotinus' philosophy can certainly prove to be a valuable asset to the task of such proportions. It is for that reason that I find it necessary to discuss some attempts in that regard, in order to carry out the task, hopefully, more efficiently.

Similarly to Dillon, Hutchinson states that philosophy and philosophy of mind especially did not pay much deserved attention to Plotinus' philosophy and his theory of consciousness [Hutchinson, 2018: 1–4]. Yet Hutchinson, much like Klaus Oelher [Елер, 2002: 45–46], is very critical of the views that Descartes' philosophy is the only framework to study different concepts of consciousness throughout the history of philosophy [Hutchinson, 2018: 1–4]. Adequately Hutchinson dubs the views as a *dogma in philosophy of mind* [Hutchinson, 2018: 1]. Still, we have to ask: what exactly this dogma encompasses and what it means? I will try to articulate the answer in what follows.

Despite his critical tone, at the very beginning of his book Hutchinson seems to enclose *his own* position that may seem to share a lot with the very dogma he is about to criticize. This is best shown in the introductory part of his book, where he states:

"My concern is to show that Plotinus prefigures Descartes in developing a theory of consciousness. Recognition of this permits us to analyze the phenomenon of consciousness from a perspective outside the Cartesian framework and enables us to clarify the concept of consciousness we have

inherited from the post-Cartesian tradition" [Hutchinson, 2018: 2].

I would like to focus on the words I have underlined above: "prefigures", "permits", "clarify" and "the post-Cartesian tradition". These are, in my opinion, the keywords to understand the leading intentions of the author, or at least of the above quoted passage. In regards to the last three ("permits", "clarify", and finally the "post-Cartesian"), we will see later what Hutchinson has in mind. The word "prefigures" may seem to give a wrong impression about the author's intentions. If by it Hutchinson means that Plotinus had developed a theory of consciousness that is, of course, older than the Cartesian theory, and as such it provides us with an interesting and unique conceptual framework that go "outside Cartesian" thought, I can only agree with the view. However, if the word "prefigures" contains some other notions, like predating or *anticipating* then I think that the statement is a bit problematic. Plotinus may have influenced some later notions in the history of philosophy (and he surely did!) but it is hard to maintain that he had developed the rudiment versions of something that was discussed and developed by the Early Modern philosophers. Let us assume that by "prefiguring" Hutchinson takes the first route.

He indeed develops a good critic of philosophers that have failed to appreciate the theories of consciousness prior to Descartes' philosophy. Aside of that, the author also does not miss to critically assess some interpretations of Plotinus he finds questionable [Hutchinson, 2018: 38–39]! However, when he starts to develop his critique of "the dogma", it seems that he completely ignores the headline of the paper he firstly criticizes, which may lead us think that he believes that *the scientific/systematic approach* to consciousness somehow predates Descartes and can even be traced back to Plotinus.

It is one thing to claim that Plotinus had developed a philosophical theory of consciousness before Descartes, and undoubtedly *a different theory*. It is, however, a completely another thing to claim that by "prefiguring" Descartes, Plotinus is also a philosopher from whom a study of the

history of the scientific approaches to consciousness should have begun. This may be the case, but I believe it is necessary first to clarify what is meant by “scientific”, and thus “systematic”. In order to tackle the “dogma” concerning the overrated appreciation of Cartesianism, Hutchinson quotes the first line of the aforementioned criticized paper [Hutchinson, 2018: 1]³. What seems to be the problem is that the headline of the paper is *A Brief History of the Scientific Approach to the Study of Consciousness* [Frith, Rees, 2007: 9–22]. Why does this seem to be problematic and why I would argue that Hutchinson basically fails in his attempts to criticize the work⁴?

Firstly, based on the content of the paper criticized, the paper clearly suggests that by “the scientific approach” it aims at the conceptual affinity between the Early Modern and contemporary philosophico-scientific approaches, which actually is correct and which is only confirmed by the paper, concerning the beginnings of, at least the *scientific approaches* to consciousness [Frith, Rees, 2007: 9–22]. If some reflections concerning the history of a scientific approach start from Early Modern philosophers, it is clear that the words “science” and “scientific”, and following that *systematic* are certainly not taken in a sense of Greek επιστήμη [Kenny, 2006: 40]. If the very appreciation of Descartes’ philosophy is the problem here, and if this is being understood as a form of ignoring the philosophers before him, then it is evident that the critic believes, like Dillon, that the subject matter of the philosophers before and after Descartes is *the same subject matter*, but of different levels of development. However, I beg to differ.

Descartes indeed is the founder or at least one of the forerunners of that which is now

known as a *scientific/systematic approach* to the problem of consciousness; despite the reactions to the Cartesian problems and solutions, Descartes’ philosophy still resonates more with the scientific thinking today, than of any other philosopher before him [Griffin, 1998: 6]. This is reflected too in the fact that modern science understands *matter* and *body* (and, not less important – *the concept of science*) in a way more close to Descartes’ understanding, than Plotinus’. It is probably why most of the literature concerning the historical overview of the problems philosophy of mind is dealing with start from the Early Modern, especially Descartes’ philosophy onward [Broad, 1925: 20–99; Kim, 1998: 15–38; Westphal, 2016: 12–23]⁵.

Plotinus really had developed an important account of consciousness, but he in no way had anticipated the notions present in (post)Cartesian philosophy, and an apparent similarity between Plotinus’ and (post) Cartesian philosophy still refer to radically different mindsets and ontological frames of reality. As we have seen, unlike Dillon and Emilsson, Hutchinson does not actually claim that Plotinus had anticipated some Cartesian problems or concepts. Still, there is the other part of the puzzle that seems to make up the complete picture of Hutchinson’s intentions, and it is what I find problematic, namely, the idea of Plotinus being related to the (or “prefiguring”) “nonreductive” theories of consciousness in the contemporary philosophy of mind. My view is that comparing Plotinus to the non-reductionists does not differ much from comparing his philosophy to Cartesius’.

If we have determined Descartes to be a reductionist in a way, and if Hutchinson claims that Plotinus’ theory of consciousness goes beyond the Cartesian framework,

³ „The attempt to develop a systematic approach to the study of consciousness begins with Rene Descartes (1559 – 1650) and his ideas still have a major influence today” [Frith, Rees, 2007: 9].

⁴ Which at first may not seem to be an important part of the book’s content, but as an announcement of the forthcoming discussions is still an important conceptual elucidation of what the underlying intention of the book is.

⁵ We should also point out that the mind-body dualism of Cartesian (or any other kind) is basically a view derived from materialism and mechanistic view of nature. While a dualist allows and recognizes the existence of mind as a separate substance, he still finds it difficult *to fit that view* with the materialistic view of body and nature. This clearly refers to the fact that a dualist gives ontological primacy to the mechanistic view of matter, nature and body.

then wouldn't be a natural conclusion to say that Plotinus' theory of consciousness stands closer to the nonreductive theories? To answer that question, we have to briefly examine the very idea of reductionism. Roughly speaking, reductionism is a theoretical endeavor that aims towards bringing down any possible system of ideas to a small set of propositions that serve as an interpretative parameter [Guttenplan, 1994: 535–536; van Riel, Van Gulick, 2019]. That way, a reductionist may ascribe values of a physicist's view of the world to the interpretative parameters. Consequently, anything interpreted on the base of the aforementioned parameters will ultimately be explained by the language of natural sciences, including the social phenomena [van Riel, Van Gulick, 2019]. Hence, a materialist in philosophy of mind brings down all notions of mind and consciousness to that which can be explained on the base of the so called *physical information* [Guttenplan, 1994: 535–536; Jackson, 2006: 102–112]. Contrary to that, a non-reductionist would not accept such an approach, denying that consciousness can be explained that way alone [Chalmers, 1996: 94–98; Guttenplan, 1994: 536].

What Hutchinson sees as common to Plotinus and the modern nonreductive theories of consciousness is the fact that both hold the view that consciousness cannot be explained by or reduced to “physical or bodily states” [Hutchinson, 2018: 57]. While it is possible to make similar comparisons, what is important to bear in mind here is the fact that “Post-Cartesians” still inherit some notions of Cartesian philosophy [Griffin, 1998: 6]. It is hence hard to “reconstruct” the pieces of Plotinus' theories, as Hutchinson proposes to do so [Hutchinson, 2018: 57–58], in order to provide an argument that might address some contemporary issues. Plotinus' approach may indeed look similar to that of non-reductionists, but these theories still do not hold body ontologically inferior to mind; they are only looking for uncovering a better explanatory framework other than the language of physicalism. The existence of body and matter has not been brought into question at all [Griffin, 1998: 6–7, 46; Westphal, 2016: 1–52]. The reason why Plotinus

may hold the view that consciousness cannot be explained on the basis of physical information is certainly not because he had uncovered an explanatory framework that overcomes the problems of materialism, explaining thus how *two radically different substances can interact* (III.6.6.31–32). He is not looking elsewhere in order to avoid reducing psychical activities to matter. What these nonreductive theories, on the other hand, hold is that the so called *physical information* are not sufficient to explain certain phenomena. Given that, it seems that we are facing here some kind of a blurry hermeneutical endeavor; an interpretation without taking into account all the necessary details that might eventually lead to the *Horizontverschmelzung*.

The nonreductive theories aim to explain the meaningful content of the states of consciousness that clearly transcend all bodily states [Chalmers, 1996: 94–98]. However, when Plotinus “claims” that consciousness or *psyche* generally cannot be explained by the language of physicalism, it means that we can only *explain* the consequences by *contemplating the cause(s)* (III.4.3.3–4; 9.8.3–4). In other words, we cannot explain form on the grounds of matter or body, but the other way round. Non-reductionists, on the other hand, claim only that consciousness cannot be explained solely on the grounds of physicalism; they do not shift their metaphysical views on the body and the physical [Griffin, 1998: 6–7, 46; Westphal, 2016: 1–52], but barely point out the fallacies of reductionism.

Reductionists and non-reductionists share pretty much the same ontological standpoint when it comes to the concepts of nature, matter, body and being. According to Plotinus, not only that the “non-physical” cannot be explained by body, but the body itself exists on the grounds of it participating in the realm of the *intelligible* or *that-which-is-non-physical* (I.6.1.12 – 13) (a view rather alien to both Cartesian and post-Cartesian). And that's another interesting thing; the *intelligible* of Plotinus' is not exactly the same as the “non-physical” we are talking about today, since our concept of it is mostly based on the negation of the concept of the *physi-*

cal we have at our disposal. The *non-physical* of ancient philosophers differ from “our” “non-physical” as much as the concepts of the “physical” differ; a difference, one may agree, of no small significance.

There is no reason hence to try to “prove” that Plotinus holds that awareness is a “purely psychic activity” [Hutchinson, 2018: 57–58]; we can simply observe the main premises of his metaphysics to conclude that it would be impossible to claim otherwise. Matter (*hyle*) itself is unintelligible; it is thus impossible to explain any state of consciousness on the grounds of matter and “body” alone. This view however is in no way comparable to any of the modern theories. They may share some common notions, but these are derived from and based upon completely different ontological footings (that have more in common with Descartes’ theories, than Plotinus’).

It is exactly why I first chose to compare Plotinus and Descartes, given that the Descartes’ reductionism still echoes in contemporary theories [Griffin, 1998: 6–7, 46; Ryle, 2002: 34–36]. Non-reductionism is, in my view, but a dialectical counterpart of reductionism, not a radical shift from its scientific and philosophical paradigms (an endeavor presumably intended by Hutchinson). An attempt to (re)construct some kind of Plotinus’ philosophy of mind would, however, require such a shift. Comparing Plotinus’ notions to some contemporary theories of mind and mind-body relationship may tell us something about Plotinus; it may even suggest some constructive, creative and interesting solutions to contemporary conundrums, but it cannot provide us knowledge of the underlying intentions and hence the intrinsic value of his thought to contemporary scholars.

The reason lies, I believe, in the inconsistent application of philosophical methodology. It seems that many contemporary approaches usually ignore dialectics, as something obsolete and non-comparable to the analytic and scientific method. Plotinus, however, firmly insists that the only appropriate method to inquire the intelligible world is *dialectics* (I.3.4.2 – 6). It is from the reflections on the dialectics of matter and form that we draw conclusions regarding

the “physical” and “non-physical”, not from the “non-reductionist” or “reductionist” perspectives that evidently abstract the subject matter from the method, or from its “soul”, as Hegel would put it [Гадамер, 2003: 7–38; Хегел, 1987: 233–251].

4. Concluding remarks

In this paper I intended to tackle some, in my view, questionable interpretations of Plotinus’ philosophy in the light of the contemporary theories in philosophy of mind. While assessing the views of Plotinus as the first Cartesian, or as an anticipator of the post-Cartesian non-reductionist views, I was pointing out why I find these views questionable. There are many reasons we cannot claim with certainty that Plotinus was *the first Cartesian*, or that he had anticipated some contemporary theories of consciousness. Still, there are many reasons not to discard Plotinus’ philosophy and theory of consciousness as an ancient relic of a secondary historic importance to us.

My intention was to suggest a different interpretative approach to Plotinus’ “philosophy of mind”. We should not make attempts to “reconstruct” Plotinus’ arguments for the sake of dealing with contemporary issues only, since such a reconstruction may be but a *wishful thinking*, and may as well be guided by and imbued with the conceptual framework determined by the scientific and philosophical paradigms of our time [Griffin, 1998: 11–15]. The value of Plotinus’ and the theories of ancient philosophers in general should not be assessed only from the perspective of looking for “contributions”, “anticipations” etc., but instead should be viewed and appreciated as a whole. The resemblances ancient theories bear with contemporary theories are dialectical counterparts of the theories that radically differ from the contemporary ones. So maybe we should approach this matter too in a way preferred by Plotinus – *dialectically*. Maybe this kind of approach would make a good use of Plotinus’ views so to challenge the contemporary paradigms in philosophy of mind, creating a fertile ground for many discussions and notions to arise and develop.

References:

- Broad C.D. *The Mind and Its Place in Nature*. London, New York, Kegan Paul, Trench, Trubner & CO., LTD: Harcourt, Brace & Company, INC, 1925. 674 p.
- Chalmers D.J. *The Conscious Mind: In Search of a Theory of Conscious Experience*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1996. 375 p.
- Cottingham J. The Mind-Body Relation. In S. Gaukroger (Ed.). *The Blackwell Guide to Descartes' Meditations*. Malden, MA; Oxford; Victoria, Blackwell Publishing. 2006. pp. 179-192.
- Descartes R. Discourse on the Method of Rightly Conducting the Reason. In E.S. Haldane & G.R.T. Ross (Trans.). *The Philosophical Works of Descartes: Vol. I*. London, New York, Cambridge University Press, 1911a. pp. 79-130.
- Descartes R. Meditations on First Philosophy. In E.S. Haldane & G.R.T. Ross (Trans.). *The Philosophical Works of Descartes: Vol. I*. London, New York, Cambridge University Press, 1911b. pp. 131-199.
- Descartes R. The Passions of the Soul. In E.S. Haldane & G.R.T. Ross (Trans.). *The Philosophical Works of Descartes: Vol. I*. London, New York, Cambridge University Press, 1911c. pp. 328-427.
- Descartes R. The Principles of Philosophy. In E.S. Haldane & G.R.T. Ross (Trans.), *The Philosophical Works of Descartes: Vol. I*. London, New York, Cambridge University Press, 1911d. pp. 201-302.
- Dillon J. Plotinus, the First Cartesian? *Hermathena*. Dublin, Trinity College, 1990. pp. 19-31.
- Emilsson E.K. *Plotinus on Sense-Perception: A Philosophical Study*. New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney, Cambridge University Press, 1988. 179 p.
- Emilsson, E.K. *Plotinus*. London, New York, Routledge, Taylor Francis Group, 2017. 410 p.
- Frith C., Rees G. A Brief History of the Scientific Approach to the Study of Consciousness. In M. Velmans & S. Schneider (Eds.). *The Blackwell Companion to Consciousness*. Malden, MA, Oxford, Blackwell Publishing, 2007. pp. 9-22.
- Furley D. Democritus and Epicurus on Sensible Qualities. In J. Brunschwig & M. C. Nussbaum (Eds.). *Passions & Perceptions: Studies in Hellenistic Philosophy of Mind, Proceedings of the Fifth Symposium Hellenisticum*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1993. pp. 72-94.
- Griffin D.R. *Unsnarling the World-Knot: Consciousness, Freedom, and the Mind-Body Problem*. Berkeley and Los Angeles, California, London, England, University of California Press, 1998. 266 p.
- Guttenplan S. Reduction. In S. Guttenplan (Ed.). *A Companion to the Philosophy of Mind* (Blackwell Companions to Philosophy). Oxford, Cambridge, Blackwell Publishers, 1994. pp. 535-536.
- Hart W.D. Dualism. In S. Guttenplan (Ed.), *A Companion to the Philosophy of Mind* (Blackwell Companions to Philosophy). Oxford, Cambridge, Blackwell Publishers, 1994. pp. 265-269.
- Hutchinson D.M. *Plotinus on Consciousness*. New York, Cambridge University Press, 2018. 210 p.
- Inwood B. Seneca and Psychological Dualism. In J. Brunschwig & M. C. Nussbaum (Eds.), *Passions & Perceptions: Studies in Hellenistic Philosophy of Mind, Proceedings of the Fifth Symposium Hellenisticum*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1993. pp. 150-183.
- Jackson F. Epiphenomenal qualia. In M. Eckert (Ed.). *Theories of Mind: An Introductory Reader*. Lanham, Maryland, Rowman & Littlefield, 2006. pp. 102-112.
- Kenny A. *The Rise of Modern Philosophy*. Oxford, Clarendon Press, 2006. 356 p.
- Kim J. *Mind in a Physical World, An Essay on the Mind-Body Problem and Mental Causation*. Cambridge, Massachusetts, A Bradford Book, The MIT Press, 1998. 146 p.
- Kim J. *Essays in the Metaphysics of Mind*. New York, Oxford University Press, 2010. 317 p.
- Plotinus. *The Enneads* (S. MacKenna, Trans.). London, Faber and Faber Limited, 1917. 635 p.
- Rappe S. Self-Knowledge and Subjectivity in the Enneads. In L. P. Gerson (Ed.). *The Cambridge Companion to Plotinus*. New York, Cambridge University Press, 1996. pp. 250-274.
- Rappe S. *Reading Neoplatonism, Non-discursive Thinking in the Texts of Plotinus, Proclus and Damascius*. Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, Sao Paulo, Cambridge University Press, 2000. 266 p.
- Risteski A. Approaching Descartes' Dualism: Reductionism of His Theory of Knowledge. In S. Gouveia & M. Curado (Eds.). *Philosophy of Mind, Contemporary Perspectives*. Newcastle, Cambridge Scholars Publishing, 2017. pp. 332-347.

Ross D.L. Plotinus, the First Cartesian? *Hermathena*, No. 169, *Essays on the Platonic Tradition: Joint Committee for Mediterranean & Near Eastern Studies*. Dublin, Trinity College, 2000. pp. 153-167.

Ryle G. Descartes' Myth. In D. J. Chalmers (Ed.). *Philosophy of Mind, Classical and Contemporary Readings*. New York, Oxford, Oxford University Press, 2002. pp. 32-38.

Searle J.R. *The Rediscovery of the Mind*. Massachusetts London, MIT Press Cambridge, 1992. 104 p.

Van Riel R., Van Gulick, R. Scientific Reduction. In E.N. Zalta (Ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2019). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2019/entries/scientific-reduction/> (accessed 10 June 2019).

Westphal J. *The Mind-Body Problem*. Cambridge, Massachusetts; London, The MIT Press, 2016. 222 p.

Aristotel. *Fizika* (S.U. Blagojević, Trans.) [Physics (S.U. Blagojević, Trans.)]. Belgrade, PAIDEIA, 2006. 459 p. (In Serbian).

Gadamer Kh. G. *Khegelova dijalektika* (I. Marić, Ed.; E. Perunichić, Trans.) [Hegel's Dialectic (I. Marie, Ed.; Perunichić, Trans.)]. Belgrade, ПЛАТΩ, 2003. 349 p. (In Serbian).

Eler K. *Subjektivnost i samosvest u antitsi* (E. Perunichić, Trans.) [The Subjectivity and consciousness in antici (E. Perunichić, Trans.)]. Belgrade, ПЛАТΩ, 2002. 101 p. (In Serbian).

Platon. *Dijalozi: Teetet i Fileb* (V. Gortan & M. Sironić, Prev.) [Dialogues: Teetet And Fileb (V. Gortan & M. Sironi, Prev.)]. Zagreb, ITRO «Forward», 1979. 196 p. (In Serbian).

Plotin. *Eneade I-VI* (S.U. Blagojević, Trans.) [Eneade I-VI (S.U. Blagojević, trans.)]. Belgrade, Niro «Kiz-izhevne newspaper», 1984. 917 p. (In Serbian).

Khegel G.V.F. *Nauka logike, Treći deo, Subjektivna logika ili učenje o pojmu* (N. Popović, Trans.) [Science of logic, Treii deo, subjective logic or uche OE by concept (N. Popović, trans.)]. Belgrade publishing and graphic Institute, 1987. 266 p. (In Serbian).

About the Author:

Risteski Alexander – assistant Professor of philosophy the University of Pristina in Kosovska Mitrovica. E-mail: alekski114@gmail.com, aleksandar.risteski@pr.ac.rs.

КАРТЕЗИЙСКИЙ ДУАЛИЗМ И ФИЛОСОФИЯ РАЗУМА ПЛОТИНУСА

Александр Д. Ристецки

Аннотация: В этой статье я намерен решить несколько вопросов, касающихся некоторых толкований «философии разума» Плотина:

– во-первых, я остановился на обосновании идеи о том, что Плотин был «первым картезианцем», за что выступали Джон Диллон и Э. К. Эмильссон. Идея была в основном защищена как предположение, что Плотин предвосхитил субстанциональный дуализм. Однако дуализм разум-тело, очевидный в философии Плотина, ни в коей мере не идентичен и не похож на картезианский, поскольку основные предпосылки метафизики Плотина не оставляют места для таких понятий. Другим аргументом является философское использование интроспекции как Платином, так и Декартом. Тем не менее, я бы сказал, что именно метод использования интроспекции вносит большую разницу между двумя философами;

– во-вторых, я остановился на идее Плотина как вестника посткартезианских нередукционистских представлений об отношениях между разумом и телом. Я утверждаю, что Плотин и его теория сознания не могут быть истолкованы как разновидность теорий, не приводящих к сокращению, поскольку «философия разума» Плотина в некотором смысле выходит за рамки редукционистских и ненаправленных дискуссий. На самом деле, не редукционисты больше похожи на картезианские взгляды, чем Плотин. Следовательно, сравне-

ние философии Плотина с посткартезианским невосстановлением мало чем отличается от сравнения с картезианским дуализмом.

Заключение статьи состоит в том, что философия ума может найти изучение философии Плотина очень полезным. Однако, обращая внимание на Плотина и древних философов в целом, мы не должны упускать из нашего внимания научные и философские парадигмы нашего времени, которые обуславливают наши подходы к проблемам и философии разума Плотинуса, многие из которых ещё только ожидают возможного решения.

Ключевые слова: дуализм, гносеология, материя, метафизика, не физические, нередуccionизма, физического редуccionизма.

Об авторе:

Ристецки Александр – ассистент кафедры философии Приштинского университета в Косовской Митровице. E-mail: alekski114@gmail.com, aleksandar.risteski@pr.ac.rs.

ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФЫ В КУЛЬТУРЕ И ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ПРИМЕРЫ)

А.В. Шестопал

Аннотация. Культура и межкультурные коммуникации носят глубоко личный характер. Автор стремится подтвердить это положение на примерах многолетнего сотрудничества с видными философами, социальными и политическими мыслителями стран Латинской Америки – мексиканцами В. Уркиди, Л. Сеа, колумбийцем О. Фальс Борда, уругвайцем Р. Арисменди, аргентинцем Э. Агости.

Среди тем, разрабатывавшихся данными теоретиками, важное значение для развития российско-латиноамериканских компаративных исследований имеет проблематика особенностей развития стран среднего уровня, значение региона в современном мировом сообществе, связь моделей модернизации с национальной культурной традицией, проблемы национальной идентичности (особенно проблемы миграции и метисации), соотношение культуры и политики, роль интеллигенции в современных социально-политических процессах. Особое место занимают вопросы глобалистики как науки и идеологии и взаимосвязь гуманистических партий и движений с глобалистскими утопиями.

Люди, о которых я рассказывал, были разными по характеру. Агости – идеалист, Уркиди – реалистичный, спокойный, сторонник того, что надо работать, повышая культурный уровень, уровень образования, здравоохранения, правосознания шаг за шагом. В нём англо-саксонский момент присутствовал, латиноамериканцы более порывистые всё же люди. Сеа был порывистым, Орландо был наиболее страстным: весь кабинет в фото Торреса. Арисменди и Агости – «капитаны», как Агости называл своего друга Роднея, люди, готовые и к штилям, и к бурям. Но все они люди, безусловно, честные, с достоинством, благородством, почему приятно и полезно о них вспоминать.

Ключевые слова: страны Латинской Америки, межкультурные коммуникации, культурная традиция, национальная идентичность, В. Уркиди, Л. Сеа, О. Фальс Борда, Р. Арисменди, Э. Агости.

Культура и межкультурные коммуникации носят, на взгляд автора, глубоко личный характер. Я хотел бы подтвердить эту мысль при-

мерами из моей полувековой практики контактов с представителями латиноамериканской культуры – философии, социальной и политической мысли –

которым я много обязан и в плане регионоведческих исследований, и в плане общеполитических размышлений. Мои латиноамериканские путешествия начались в 1968 году: в мае 1968-го я прилетел в Мехико, это была моя первая командировка. Прямых рейсов тогда не было, и мы очень любили дни пересадок, когда можно было на несколько дней задержаться и погулять. Но в тот раз пересадка была необычная: Париж, май 1968 года. Я любил останавливаться в университетском районе около Люксембургского сада, а в тот приезд там как раз шли демонстранты, скандируя свои лозунги, которые потом стали так известны. Вот с такими впечатлениями я впервые прилетел в Мехико.

Там у меня было, как говорят мексиканцы, три «сомбреро»: главное сомбреро – я был стажёром Колехио де Мехико (El Colegio de México), следующее сомбреро – я являлся представителем молодёжных организаций СССР в Международном комитете по подготовке Олимпиады молодёжи, поскольку в 1968 году в Мехико состоялись большие Олимпийские игры. Но наряду с ними была и олимпиада молодёжи и олимпиада культуры. У каждой из них был свой организационный комитет и свои международные эксперты. И, наконец, третье сомбреро – это то, что я был аккредитован на Олимпийских играх как корреспондент журнала «Новое время». Тогда это был международный журнал, который выходил на разных языках в Москве.

Главное, конечно, было Колехио де Мехико: уже тогда это было достаточно элитное учебное заведение с небольшим количеством студентов, аспирантов и докторантов, очень сильное с точки зрения педагогического состава и специализировавшееся на общественных науках. Там были разные центры, в том числе – Центр международных исследований, к которому я и был прикреплён.

Виктор Уркиди (1919-2004)

Ректором Колехио де Мехико был Виктор Уркиди. Тогда в свои 49 лет он уже был признанным в масштабе не только Мексики, но и в масштабе всего региона экономистом, необычным экономистом – учёным с очень широким диапазоном интересов. Сам Уркиди происходил из семьи дипломатов, родился во Франции, вместе с родителями много ездил, провёл детство и юность в разных странах. Уркиди был безусловно мексиканец, но он был человек международного уровня культуры. Это было связано, между прочим, и с семейной традицией: его отец, мексиканец с басконскими корнями, а мама – австралийка. В Испании он встретил гражданскую войну, учился в Англии, в том числе слушал лекции Кейнса, был человеком широких интересов, любил английскую культуру, его отец переводил пьесы английских драматургов, будучи дипломатом. Вернувшись в Мексику, он тесно подружился с испанскими иммигрантами, которые приехали в Мексику и другие страны Латинской Америки, спасаясь от гражданской войны. Колехио де Мехико был во многом результатом сотрудничества между испанскими иммигрантами-учёными, преподавателями и мексиканской интеллигенцией.

Мы познакомились с Уркиди, первое впечатление от которого было совсем не мексиканское, и потом я понял, почему: крупный, невысокий человек, что-то в нём было даже северное, скандинавское. Мы начали разговор сначала протокольный: кажется, я был у них первым стажёром из СССР, но потом нашлась общая тема интересов. Дело в том, что Уркиди был много лет связан с Экономической комиссией ООН для стран Латинской Америки (ЭКЛА)*. Комиссия эта родилась несколько лет спустя после возникновения самой ООН и занималась разными проблемами развития стран

* Впоследствии Экономическая комиссия ООН для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК).

региона – не только экономическими. Уркиди некоторое время возглавлял их исследовательский центр, вокруг которого объединились ведущие учёные: экономисты, демографы, социологи, антропологи – вся деятельность Комиссии носила междисциплинарный характер [Urquidí, 1966: 22-45]. Я заинтересовал Уркиди вот чем: у меня к тому времени вышел небольшой учебник по ЭКЛА.

Дело было так: я написал диплом на тему «Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки: теоретические основания и практическая деятельность». Почему? Я заканчивал не факультет МЭО, а МО, но мне в тот период попался материал по ЭКЛА и в разговоре с одним из товарищей, который входил в команду косыгинских реформ, а тогда шли как раз косыгинские реформы, он посоветовал мне об этом написать. Я написал и защитил диплом по кафедре мировой экономики МГИМО и на основе этого диплома, когда я уже поступил в аспирантуру, сделал небольшой учебник по ЭКЛА. Он был напечатан небольшим количеством экземпляров. Я думал продолжать этим заниматься и с этим я и приехал в Мехико.

Уркиди было приятно, что я знаю работы ЭКЛА, в том числе его работы, а кроме того, его очень интересовали косыгинские реформы. А я с этим столкнулся уже не в первый раз, потому что за два года до того я был на практике во Франции, где тоже интересовались косыгинскими реформами. Тогда планировался визит Косыгина к де Голлю, а перед этим во Франции решили послать группу слушателей Высшей школы национальной администрации в СССР, чтобы ознакомиться с реформами. Тогда нашим пришла в голову мысль: послать аналогичную группу во Францию – группу «молодых администраторов», чтобы ознакомиться с тем, что происходит там.

Группу возглавил мгимовец Володя Ломейко, который потом был нашим представителем в ЮНЕСКО. Мы приехали накануне косыгинского визита во Францию, нас подсоединили к мероприятиям визита, как нам объяснили – «чтобы

были молодые лица», и поэтому у меня был некоторый опыт обсуждения косыгинских реформ в международном ключе. И это было второй нашей с Уркиди общей темой.

Что ещё его интересовало? Его интересовали взаимоотношения экономического и – шире – социального развития и организации власти, властного аппарата, бюрократии, в т.ч. и в сфере образования и высшего образования, которыми ему приходилось заниматься. Уркиди был по взглядам своим кейнсианцем, сторонником динамичного баланса роли государства и частного предпринимательства в развитии экономики и страны вообще. Его интересовала проблематика стран среднего уровня. Вот это то, что мне было очень интересно! Страны среднего уровня (вне зависимости от идеологии) он хорошо знал, интересовался теоретическими основами нашего советского развития. Он считал, что ленинский вариант марксизма – это очень эффективный вариант догоняющего развития.

Уркиди, кстати, хорошо знал английскую литературу по СССР. Я знал о книге Уэллса о поездке в Советскую Россию, но не знал о книге Рассела и его впечатлениях от поездки в Россию: её он как раз достал мне с полки и показал. В общем он интересовался результатами нашего форсированного догоняющего развития, считал, что это достаточно эффективный опыт, но с большими трудностями выхода из периода сжатия в период более спокойного состояния, причиной чему очень жёсткая идеологическая и политическая дисциплина.

Уркиди сравнивал советский и мексиканский опыт, где тоже была по существу однопартийная система. ПРИ (Партидо Революсионарио Институциональ) на протяжении десятилетий после мексиканской революции она осуществляла политическое и экономическое руководство. Уркиди был большим сторонником национализации нефти в 1930-е гг. президентом Ласаро Карденасом. Я ему рассказал о тех исследованиях по Карденасу, которые велись у нас в России (к тому времени вышла большая книга

А.Ф. Шульговского, посвящённая этим процессам). Короче говоря, вот эта проблематика: CEPAL, страны среднего уровня, сравнение взаимоотношений между политической властью, бюрократическим аппаратом, экономическим развитием – это то, что мы обсуждали.

К тому времени сложилось уже другая теоретическая группировка, которая оппонировала теоретикам-сепалистам (или как их называли – дессарольистам – от «дессароль» – развитие). Это была школа, связанная с Союзом ради прогресса – программой, выдвинутой в начале 1960-х годов США, правительственно-предпринимательской программой помощи развитию стран Латинской Америки, конечно, связанная с интересами тех, кто эту программу предлагал. И у них была своя теоретическая исследовательская группа, которая называлась «Интегральная элитарная школа». Речь шла о перевоспитании элит в регионе для того, чтобы обеспечить форсированное развитие, опирающееся на поддержку США. Когда мне Уркиди рассказывал об этих дебатах, я понял, что я об этом ничего не знаю. А он мне сказал: «Раз вы хотите написать о нашей школе, и вы уже что-то написали об этом, вы должны представлять и наших оппонентов, иначе непонятно, как идёт дискуссия». Он же тогда выдал мне ряд материалов по Интегральной элитарной школе и очень повлиял на ход моей работы. Моя кандидатская диссертация во многом была посвящена именно дискуссии между сепалистами и представителями Интегральной элитарной школы.

Моя первая статья в «Вопросах философии» называлась «Кризис “интегрально-элитарной” концепции» [Шестопал, 1974: 173-179]. Ну уж какой там был кризис – это отдельный вопрос... Это же первый номер журнала за 1970-й год, вышедший к столетию со дня рождения В.И. Ленина. Передовица, конечно, носила название «Ленинизм – идейно-теоретическое знамя современной эпохи», а всё остальное было исключительно про кризисы.

Но где действительно был кризис, так это за окном. В Мексику я приехал

как раз в тот момент, когда начались студенческие демонстрации: сначала за автономию университетов. В них, конечно, участвовали и слушатели Колехио де Мехико, что беспокоило Уркиди. Зная характер мексиканцев, он боялся, не выйдет ли это за пределы разумного. Он посоветовал мне (я же ещё и журналистом был, и только что из бурлящего Парижа) быть поосторожнее. Через несколько дней меня пригласили на митинг УНАМ (Национального автономного университета Мексики).

Когда я там появился, предложили с ходу выступить, к чему я был совершенно не готов. Митинг был не то чтобы антиправительственный, но явно протестный. Я развел руками, а кто-то из знакомых сказал: «Ты почитай стихи. Кого ты любишь? Маяковского? Вот тебе книжка!». Я вышел и стал читать стихи Маяковского в переводе, стяжал большой успех..., но не у Уркиди. Потому что, когда мы встретились с ним через несколько дней, он сказал мне: «Да-да, я знаю, вы поэзией интересуетесь... Но вы всё-таки полегче, поосторожнее». Олимпийский же экспертный комитет совсем от моего выступления приуныл и решил меня отослать подальше. Они мне сказали, что поскольку Олимпиада не только в столице, но и по всей стране (а действительно, были разные виды спорта в разных городах), поезжайте, посмотрите по стране, как оно там.

И это была невероятная удача! За их счёт, с красивой переводчицей меня отправили в путешествие по всей стране, она платила по всем счетам, за гостиницы, обеды и так далее: никогда – ни до, ни после – я так не путешествовал. И я увидел, как в городах поднимается молодёжное движение. Но был любопытный момент: поскольку в этих городах действительно готовились к Олимпиаде, были такие местные благотворительные кружки, куда входили властные и богатые люди, которые опекали подготовку к Олимпийским играм.

Они меня приняли как своего, делились впечатлениями так, как, конечно, в столице не делились: они весьма резко

отзывались относительно молодёжных движений. Но некоторые считали, что чем хуже, тем лучше, так как, дескать, засиделись *эти* из Институционно-революционной партии. И если студенческие волнения перейдут черту, то можно будет сказать, что правительство не справляется с ситуацией и вообще (тем более что Олимпийские игры под угрозой!) это будет поводом для того, чтобы вообще потеснить многолетнее владычество Институционно-революционной партии.

Вот с этими впечатлениями я вернулся и поделился с Уркиди, что, дескать, есть правое крыло, которое может поддерживать ультралевое крыло для того, чтобы свалить центристское правительство. Он сказал, что да, к сожалению, такая угроза есть. Вот это были наши весенние разговоры, а потом я уехал и вернулся осенью, когда события приняли уже трагический оборот. Тогда за несколько дней до начала Олимпийских игр был расстрелян студенческий митинг, так называемая «резня Тлателолко».

Это был страшный *массакр*: на площади Трёх культур (развалины пирамиды ещё доколумбовых времён, колониальный собор и здание министерства иностранных дел в современном стиле, окружённые каре из жилых домов) собралась толпа студентов на митинг. Лидеры стояли на балконе на высоте третьего этажа, и когда они там собрались, сверху нависли вертолёты, которые открыли огонь безо всяких предупреждений. И даже не так много людей погибло от стрельбы, гораздо большее количество бросилось в тесные проходы между домами и подавили друг друга.

Страшная история. Олимпийские игры, а в городе по существу режим ЧП, в переулках – бронетранспортёры, вместо спортивного парада – парад кадетов на открытии Игр. Мы встретились с Уркиди, он был грустным, в подавленном настроении. Незадолго до этого массакра на Площади трёх культур были и другие акции: обстреляли Колехио де Мехико. Так что осенью наши встречи были короткими и безрадостными. Потом мы встретились

на протяжении многих лет, он был ректором Колехио де Мехико больше 20 лет, основал там новые центры, в том числе Социологический центр, а я уже тогда определился точно в сторону социологии. Он очень мне помог в 1982 г., когда в Мехико проходил Международный социологический конгресс. Я был активно включен в его подготовку, а в Колехио де Мехико был уже Социологический центр, который возглавлял Родольфо Ставенхаген – известный социолог. Они помогли в налаживании наших контактов с мексиканскими социологами и в том, чтобы участие советских социологов в этом конгрессе было бы удачным, и оно было удачным. Уркиди выступал на пленарном заседании и сказал добрые слова в наш адрес.

Вообще Уркиди был человек большой общей культуры и этот вот момент – единство культуры в нём чувствовался. Он был экономистом высокого уровня, но был человеком с интересами и социологическими, и демографическими, и антропологическими. Когда он вернулся в молодости в Мексику, была такая группа в УНАМе – философская группа «Гиперион», которую патронировал Хосе Гаос – ученик Ортега-и-Гассета, один из испанских эмигрантов. И от этой группы пошла вся послевоенная мексиканская философия. К США, насколько я могу понять, у него было отношение реалистическое. Он хорошо знал США, у него были широкие связи в деловых и в академических кругах США, но тут он был мексиканцем: отлично понимал, что от США никуда не деться, но о том, что Штаты когда-то отрезали треть их территории, он не забывал.

Леопольдо Сеа (1912-2004)

Уркиди познакомил меня весной 1968-го г. с другим персонажем, о котором я хотел бы рассказать – это Леопольдо Сеа, его добрым знакомым ещё по «Гипериону» их молодых лет. Год их ухода из жизни был один, но Сеа был постарше, он 1912 г. рождения, а Уркиди 1919-го. Уркиди попросил Сеа, чтобы он принял

меня в своём Центре по координации и распространению латиноамериканских исследований – была такая организация тоже при поддержке ООН, которая базировалась на УНАМе, тесно сотрудничала с CEPAL. Вот тоже ещё одна черта Уркиди: он сказал мне: «Если вы хотите заниматься CEPAL, вы должны понять, что это не только экономические исследования, но и более широкие. Так что познакомьтесь с организацией, которая занимается вообще Исследованиями Латинской Америки».

На протяжении 25 лет нашего знакомства мы с Сеа встречались не только в Мексике, но и в Москве. С его центром у нас установились хорошие контакты, с ними сотрудничали советские латиноамериканисты из Института Латинской Америки, а также из Института мировой литературы и искусств (ИМЛИ). Позже, в 1984 г. в Москве была выпущена книга «Философия американской истории» [Сеа, 1984], а последний раз мы с ним встретились на Всемирном философском конгрессе в Москве в 1993 г. Что было темой разговоров? Сеа – один из основоположников концепции «латиноамериканидада» (и в частности «мехиконидада») – то есть особенностей исторического, культурного развития стран Латинской Америки, особенностей философии Латинской Америки и Мексики, но именно в обращении к своим истокам и корням.

Перед знакомством с Сеа я несколько дней провел у Давида Сикейроса. У меня были рекомендательные письма, и я поехал к нему в Куэрнаваку, где были его дом, студия. Кстати, когда я поехал в УНАМ к Сеа, то первое впечатление от УНАМ – огромная фреска Сикейроса «Народ — университету, университет — народу», это визитная карточка УНАМа. Сикейрос – это отдельная тема, хотя если говорить вообще о культурном влиянии, которое я испытал ещё до поездки в Мексику, наиболее крупные персонажи – это Пабло Неруда, Давид Сикейрос и Гарсиа Маркес. С Нерудой я имел счастливую возможность встречаться и слушать чтение им стихов, с Сикейросом тоже встречался, с Маркесом – нет, хотя и хорошо знал людей, которые общались с ним.

И вот Сеа мне сказал, что если вы видели Сикейроса, его работы – вот это и есть мекхиканидад. Его очень интересовало взаимовлияние трёх культур: индейской, испанской, мексиканской в сложных взаимоотношениях между ними. Испанцы – колонизаторы, разрушители и вместе с тем это то, что уже вошло в плоть и в кровь. Индейцы – которые погрузились в глубину, но всплывают из глубины.

У нас были с ним очень интересные разговоры насчёт метисации в России и вот об этих погружениях и всплываниях в русской культуре. С одной стороны – метисация времен Киевской Руси (варяги, славяне, половцы), встреча Востока и Запада, позднее слияние с угро-финнами при возникновении Московской Руси, затем русская культура, уходящая вглубь во время татаро-монгольского нашествия, затем метисация на востоке и на юге с тюркскими элементами, потом петровские реформы, погружение московской культуры, которую перекрывает западная, потом всплытие этой московской культуры.

Особенно ему понравился образ града Китежа, который уходит под воду, откуда потом доносится звон колоколов и время от времени град Китеж всплывает. Он сказал: «Так вот это же мы! Сейчас всплывает наша индейская культура. Вот ты видел Сикейроса – в нем всплывает этот пласт культуры». Но не меньше его интересовало и то, как возвращается испанская культура, ведь он был связан с «Гиперионом», который патронировал Хосе Гаос, и сформировался Сеа во многом под влиянием испанских эмигрантов. Это другая Испания, Испания, которая снова пришла в Латинскую Америку, но пришла уже не завоевателями, а в поисках убежища.

Кстати, я благодарен Сеа и вообще Латинской Америке за Испанию, ведь парадоксальным образом для моего поколения мы открыли ибероамериканский мир сначала латиноамериканским: Испания была закрыта до середины 1980-х гг. для контактов. У нас, конечно, были контакты в Москве с испанцами-республиканцами, это замечательно, но

поехать туда было невозможно. Поэтому я шёл к Испании через Латинскую Америку и в том числе через Сеа, через Хосе Гаоса выходил на Ортегу-и-Гассета и т.д.

Вот эпиграф, который выбрал к своей книге Сеа из Хосе Гаоса: «Стремление отринуть своё прошлое и перестроиться по внешним меркам не оправдало себя, как и любая другая утопия. Перестроиться по чужой мерке, видимо, ещё можно, а вот отрешиться от своего прошлого – вещь абсолютно невозможная. Не в этих ли обстоятельствах основная предпосылка длительного бездействия испано-американской мысли прежде и стремительного её оживления теперь, в последние годы.....» [Сеа, 1984: 11]. В этом суть, обращение к своим корням.

Был эпизод с публикацией книги Сеа в Москве, а она непросто шла, хотя были люди, которые контактировали с Сеа и которые хотели, чтобы она была напечатана. Сложность была вот такая: в московском издании этого нет, а вот в издании мексиканском есть полемика с классиками марксизма-ленинизма, потому что классики марксизма-ленинизма, в том числе Ф. Энгельс, приветствовали колониализм США и завоевание Калифорнии и Техаса, что, как мы понимаем, противоречит тому, как это воспринимают мексиканцы. Вообще, надо сказать, что в ЛА сложное отношение к некоторым пассажирам в наследии и К. Маркса и Ф. Энгельса, которые весьма поддерживали колониализм в целом, считая, что это прогрессивно и работает на общеисторическое движение, развитие экономики, производства и, в конце концов, приведёт к всемирному коммунизму. Но пока что есть издержки, с которыми надо мириться. А мириться не хотелось. Но, как вы знаете, и отношение к России было достаточно непростым у классиков марксизма-ленинизма.

Сеа я благодарен ещё и за то, что он сподвиг меня интересоваться историей русской философии. Дело в том, что наше поколение, за редким исключением, знало историю русской философии в весьма усечённом виде, а вот это обращение Сеа к истории философии, в т.ч. к истории ис-

панской философии очень настраивало меня на то, чтобы интересоваться историей русской философии в не усечённом виде.

Наше последняя встреча с ним была на Московском философском конгрессе 1993 г., который был за два месяца до того, как началась московская стрельба в октябре. В рамках конгресса был круглый стол «Евразия и Иberoамерика: традиции и модернизация, философские рефлексии» [Шестопа́л, Сеа, 1994: 48-72]. Он был подготовлен организационной группой в составе И. Мурильо (Испания, журнал «Диалог и философия»), А.В. Шестопа́ла (МГИМО) – сопредседатели – и ряда других лиц. И мы очень благодарны были Сеа за то, что он согласился выступить на этом круглом столе. В своём докладе он подчеркнул, что испанцы принесли с собой уникальный опыт смешения рас, сосуществования, что превратило этот регион в своего рода тигель для рас и культур, имевший огромное значение. Он вообще в тот период был преисполнен надежд и упований. Кстати, Уркиди был намного более реалистичен относительно оценки наших событий 1980-х-гг., перестройки и т.д. Сеа был уверен, что так же, как через почти два века после того, как стал распадаться ибероамериканский мир, имея в виду метрополию и колонии, происходит восстановление культурного единства ибероамериканского мира, основанного в первую очередь на языке. В будущем можно надеяться и на восстановление единства культур русскоязычного мира.

Орландо Фальс Борда (1925-2008)

Если первой своей монографией, которая вышла в 1974 г. [Шестопа́л, 1974], я во многом обязан В. Уркиди и дискуссии между сепалистами и Интегрально-элитарной школой, то второй книгой, которая вышла в 1981 г. [Шестопа́л, 1981], я во многом обязан Орландо Фальс Борда, профессору Национального университета Колумбии, основателю Социологического факультета. Этот факультет был основан в 1960 г. Орландо вместе с его другом,

известным социологом, одним из основателей теологии освобождения, католическим священником падре Камило Торресом. Последние месяцы жизни Торреса прошли в партизанском отряде, где он участвовал в походах и был убит в 1966 г. В основании Социологического факультета принимала участие и жена Орlando Мария-Кристина Саласар, тоже социолог.

Мы познакомились с Орlando на Социологическом конгрессе в Болгарии, в Варне, в 1970 г., где я отвечал за встречи нашей делегации с латиноамериканскими участниками. Познакомил нас Ален Турен, с которым мы были знакомы с 1966 г., когда я был в Париже на стажировке в Высшей школе национальной администрации (ЭНА). ЭНА – оплот французской бюрократии, её ректором тогда был месье Газье, который даже внешне был потрясающе похож на персонажа, который кочует из одного французского фильма в другой – такой вот генеральный директор («месье презедант директор женераль»).

Молодёжные движения процветали, поэтому по вечерам мы общались с левыми товарищами и их наставниками, вот среди наставников был и Ален Турен – известный к тому времени социолог, один из первых теоретиков постиндустриального общества и сторонник «участвующей социологии», и его ученики-«акционисты». Жена Турена была чилийкой, поэтому он был тесно связан с латиноамериканцами, в том числе с Фальс Борда, и вот благодаря Турену мы в Варне и познакомились. Там же была презентация книжечки Фальс Борда «Незавершенные революции в Латинской Америке (1809-1968)» [Fals Borda, 1970]. И хотя речь в книжке шла о том, как в зависимых странах исторические циклы находят друг на друга и возникает многоукладность, которая создаёт трудности в развитии этих стран, но воспринималась она во многом как незавершённость революции 1968 г., тем более, что там шла речь о том, как студенты становятся контрэллитой или антиэллитой.

В первой половине и середине 1970-х гг. я не раз бывал в Колумбии, мы с Ор-

lando общались, он знакомил меня со своими исследованиями крестьянства как питательной среды партизанской войны, истоков насилия. В моих отношениях с Фальс Борда мне помогла другая моя работа – по сути, моя первая научная статья, которая вышла в сборнике «Учёные записки МГИМО» за 1965 г. Речь идёт о студенческих и аспирантских материалах, ответственным за выпуск которых был аспирант Николай Ливенцев. Потом он много лет возглавлял кафедру международных экономических отношений, а сегодня она носит его имя. Моя глава была посвящена теме «Империализм США и внутриполитическое развитие Колумбии в 1944-49 гг.».

В основном в центре моего внимания было так называемый «боготасо» – восстание в Боготе в результате убийства лидера левых либералов Хорхе Гайтана в 1948 г. После этого, хотя восстание и было подавлено, началась гражданская война, которая идёт, по существу, до сих пор. Несмотря на все перемирия, примирения, международные премии мира, которые выдавались за восстановление мира в Колумбии. И вот эта тема «боготасо», насилия нас с Орlando очень объединила.

В 1977 году я был в Картахене на очень интересном симпозиуме, который был посвящён теме «инвестигасьон аксьон» (т.е. исследованиям-действиям) – проблеме акционистов. Организаторами были Орlando и его жена Мария [Fals Borda, 1978]. А в ноябре 1979 года я приехал в Боготу на круглый стол, который проводил Национальный университет. Когда я приехал, организаторы предложили в рамках культурной программы встретиться с тем, с кем мне будет интересно пообщаться. Я ответил, что хотел бы повидать Фальс Борда. Они переглянулись, но я не придавал этому значения. На следующий день приходит машина, я еду к Орlando, мы разговариваем, я чувствую какую-то напряженность, спрашиваю, как Мария, а он отвечает: «Ну как, она же ещё в тюрьме. Меня-то выпустили, а она всё ещё в тюрьме...».

Дальше из разговора я понимаю, что несколько месяцев назад Орlando и его жена были арестованы: в доме, принадлежавшем Марии, ультралевая организация «M19» хранила похищенные из арсенала винтовки. Мария мужественно взяла всю вину на себя, Орlando выпустили, а она провела в тюрьме больше года. Передав Орlando для Марии матрёшку, я вернулся в гостиницу и ночь провёл в кресле, не раздеваясь, на случай если будут неожиданные визиты. На следующий день был приём в нашем посольстве по случаю ноябрьских праздников. Ко мне подошёл один из колумбийских профсоюзников и сказал, что хочет познакомиться меня со своим университетским преподавателем, профессором права.

В ходе нашего разговора с профессором я спрашиваю, какие курсы он сейчас читает. Он отвечает: «Вы знаете, я на практической работе сейчас». Я отвечаю, что это очень полезно нам, преподавателям-теоретикам, быть время от времени на практической работе. Спрашиваю, какая же это работа? Он говорит: «Президент попросил меня отвечать за политическую полицию». И смотрит на меня. А я смотрю на него и, как говорят в таких случаях, я понимаю, что он понимает, что я понимаю. Короче говоря, он желает мне успехов в моих занятиях в университете. Пока мы говорили, ко мне подошёл наш советник по культуре и наступил на ногу. Я не понял сразу, почему. Мы распрощались с профессором, ко мне подходит этот советник и спрашивает: «Ну что?» Я отвечаю, что предупреждать надо, а он говорит: «А он у нас никогда не бывал раньше». Такая вот была встреча.

После чего мы несколько раз виделись с Орlando, последний раз – в 1986 г., они с женой подарили мне интересные книги. В одной из них он писал о самоорганизации крестьян, которые стали страдать от гражданской войны уже с двух сторон. Примерно тому же была посвящена книга Марии Саласар.

Последнее впечатление от Колумбии у меня такое: мы ехали через маленькие городки, в каждом – памятники «апо-

столам независимости», остановились в одном городке. Я уловил дивный запах кофе, и мы с Орlando и Марией пошли по улице, в конце которой была старинная усадьба в классическом варианте колониальных времен: барский дом, два крыла, а там груды кофе во дворе. И жаровни, на которых жарят зерна кофе. Мы подошли, они нам решили показать, что такое настоящий колумбийский кофе: налили мне кофе – на доньшке – но когда я выпил, голова пошла кругом! К удовольствию Орlando и Марии.

Кроме того, что Орlando познакомил меня за эти годы со своими левыми коллегами-социологами, он сохранил контакты и особенно жена его Мария – с левыми католиками, «теологами освобождения». Это был круг людей Камило Торреса: он был одним из наиболее ярких людей, а после своей гибели превратился без преувеличения во второго Че Гевару, по крайней мере, в Латинской Америке. И это очень важно: социолог-акционист, священник-акционист, ученый-акционист: подлинное знание – только когда ты участвуешь. Орlando, для которого не было секретом, что я преподаю для латиноамериканцев в Институте общественных наук (Международной ленинской школе), сказал: «Ты же акционист, ты же готовишь революционеров».

Этот вот вопрос – акционист или не акционист – был очень важен. Вообще, надо сказать, что мгимовская школа – это школа акционистов: здесь же всё-таки готовят, как теперь любят говорить, практико ориентированных специалистов – дипломатов, международных. У меня так получилось, что пришлось многие годы готовить политиков. Что это даёт? Это даёт немало. Но тут очень важно не оказаться пленником этой ситуации, пленником политики. Особенно это трудно для тех, кто готовит политиков. Помните старую шутку?

- Я медведя поймал!
- Так веди его сюда!
- Не идёт.
- Так сам иди!
- Так он меня не пускает!

Проблема – наука и политика, искусство и политика, церковь и политика, культура и политика. От политики никто не свободен, но, думаю, что всё-таки надо, чтобы была определённая доля независимости. Мне приходилось с этим встречаться не только теоретически, но и практически в разных ситуациях. Политик – это политик, политический советник – это политический советник, политолог – это политолог, философ, занимающийся политической философией, – это философ. И надо осознавать своё место, своё положение для того, чтобы не оказаться заложником политической ситуации.

Эктор Агости (1911-1984)

И некоторый опыт в этом отношении у меня был ещё до поездки в Мексику. В течение года я был референтом Роднея Арисменди – генсека Коммунистической партии Уругвая. Он был очень интересным человеком, политиком и теоретиком, автором книги «Проблемы континентальной революции» (в советском издании «Проблемы латиноамериканской революции» [Arismenendi, 1964]). В середине 1960-х гг. у нас обострились отношения с кубинцами в силу разных обстоятельств, в первую очередь это шло от Карибского кризиса.

Но дело было не только в этом: мы не поддерживали идею континентальной революции Кастро и Че Гевара. Кастро стал создавать параллельные компартии в странах Латинской Америки, что, конечно, никак нас не могло устроить. Короче говоря, единственный человек, который продолжал поддерживать отношения и с нами, и с Кастро – это был Р. Арисменди. Был ещё Ч. Джаган из Гайаны, но формально его партия не была коммунистической. А Арисменди какое-то время передвигался по треугольнику Монтевидео – Москва – Гавана – Москва – Монтевидео и надолго задерживался в Москве. Это был 1967-й год, год подготовки к 50-летию Великой российской революции, которая тогда называлась Великая Октябрьская социалистическая револю-

ция. Ему нужен был референт, вот я и был его референтом в течение года как внештатный младший референт Международного отдела ЦК КПСС.

Я обязан Арисменди по многим причинам. Во-первых, благодаря ему я вблизи увидел нашу политическую верхушку во время переговоров, встреч: я был не только референтом, но и переводчиком. Во-вторых, узнал латиноамериканскую левую политическую верхушку, когда они съехались в Москву на юбилей революции. Арисменди писал в то время свою книгу «Ленин и Латинская Америка». И я готовил ему материалы. Что важно для меня было – это интерес Арисменди к проблемам региона, региональному масштабу в современной политике. Он, между прочим, и Советский Союз воспринимал как регион.

Среди людей, с которыми я познакомился благодаря Арисменди, был Эктор Агости – крупный теоретик аргентинской компартии, писатель, философ, главный редактор журнала «Cuadernos de Cultura». Арисменди, хотя и был автором крупных книг, себя ощущал в первую очередь политиком. И я помню, что он говорил иногда: «Алексей, ты должен решить, кто ты: политик или учёный – политолог, социолог, философ? Это разные вещи. Учёный может сказать: «Да, но...» или «Нет, но...», а политик должен говорить: «Да» или «Нет», и чем тверже он это говорит, тем больше у него простор для будущих переговоров, компромиссов и пр. Но он чётко должен сказать, я с вами или не с вами. Учёный не обязан. Он может начинать с сомнений».

Агости был философом, писателем и политиком, но, я думаю, что в первую очередь все же философом и писателем. Мы с ним потом встречались довольно часто в Институте общественных наук, когда туда приезжали трёхмесячные группы теоретиков аргентинской компартии. Вообще, надо сказать, представители аргентинской партии были самыми сильными в теоретическом плане из компартий. И я думаю, что не только из компартий, а вообще из левых латиноамериканских партий. Там была силь-

ная команда. они приезжали не для того, собственно, чтобы учиться, а для чтобы дискутировать, обмениваться мнениями.

С аргентинцами работали всегда самые сильные наши почасовики. Были среди них И.Т. Фролов и М.К. Мамардашвили. Аргентинцы дружили с журналом «Вопросы философии», который тогда переживал свою золотую, я считаю, эпоху. И Агости был опекуном этих трёхмесячных групп, часто присутствовал на занятиях. А я присутствовал на этих занятиях в силу одной любопытной особенности: если занятия в группах вели не штатные преподаватели, а почасовики, должен был участвовать либо ведущий кафедрой, либо заместитель ведущего. Но поскольку Ю.А. Замоскин не участвовал, то участвовал я. И обычно на таких встречах я представлял группе уважаемого гостя в начале встречи и благодарил в конце, а сам сидел и слушал, что было очень интересно. Благодаря этому я услышал много интересных наших людей.

Но однажды приключился вот какой эпизод. Аргентинцы любили Мамардашвили и всегда, когда приезжали, просили, чтобы он пришел к ним. Однажды он пришёл, прочитал лекцию, за которой последовали вопросы. А незадолго до этого за рубежом были опубликованы критические комментарии Солженицына по поводу письма, с которым Сахаров обратился к вождям Советского Союза, известная полемика между Солженицыными и Сахаровым. И поскольку в Институте общественных наук не было запретных тем, то они спросили Мераба, читал ли он то, что Солженицын написал, и что об этом думает.

Мамардашвили очень критично отозвался о Солженицыне в пользу Сахарова. Не знаю, что на меня накатило, но бывают такие необъяснимые вещи: я сказал, Мераб Константинович, вы извините, но мне кажется, что есть аргументы и в пользу позиции Солженицына. «Как интересно», – сказал Мамардашвили. Завязался разговор. А через несколько дней группа собиралась уезжать и было при-

нято, чтобы на прощание их принимал кто-то из Международного отдела ЦК, спрашивал о впечатлениях. Не знаю, как там прошла беседа, но мне позвонил ректор Ф.Д. Рыженко: «Зайди ко мне!». При встрече он спросил, как у нас с аргентинцами прошло занятие с Мамардашвили. Я ответил, что нормально все прошло. «Вы что совсем уже что ли? Ничего не понимаете? Как вам пришло в голову устроить дискуссию по поводу Сахарова и Солженицына?!», – воскликнул ректор.

Оказывается, они из лучших побуждений сказали, что все было хорошо, но особенно хорошо была дискуссия, где один советский товарищ был за Сахарова, а другой – за Солженицына. Хорошо, что их принимал В.В. Загладин, который курировал Институт общественных наук от Международного отдела и заведовал кафедрой в ИОНе. И хорошо, что на беседе присутствовал Агости. Он тоже понял, что происходит, и подтвердил, что все было хорошо. Что все всё правильно поняли. А так мы с каждой из этих трёхмесячных групп бывали в «Вопросах философии», их принимали главный редактор Фролов и Мамардашвили как заместитель главного редактора.

Мы общались с Агости на Латиноамериканском симпозиуме ИОН, где сокоординаторами были мы вдвоём с С.И. Семёновым, тоже мгимовцем. Это были симпозиумы, где обсуждались документы партии, теоретические работы, такой действующий клуб. И в частности, там была одна тема, в обсуждении которой Агости активно участвовал – интеллигенция и революция. Эта тема традиционная вообще-то, но тут возникла проблема перехода к постиндустриальному обществу, роль классического рабочего класса, роль нового рабочего класса – те, кто трудятся уже не в сфере материального производства, а новых технологий, информации и т.д. Были разные позиции по этому вопросу, вызывавшие в том числе изрядную дискуссию и у нас тогда. Среди латиноамериканистов был очень интересный авторский коллектив: А.Ф. Шульговский, Б.И. Коваль и С.И. Семёнов. Они выпустили многотомное исследо-

вание по социальной структуре стран Латинской Америки [Мерин, 1985: 376, Шульговский, 1972: 479, Шульговский, 1974: 479, Мерин, Шульговский, 1978].

И они стояли на продвинутой позиции постиндустриального общества, а эту позицию не принимал директор Института Латинской Америки В.В. Вольский. Все они, кстати, тоже мгимовцы: Семёнов из ИЛА перешёл в ИОН; Коваль на некоторое время тоже уходил в ИОН, потом он ушёл к Т. Тимофееву в Институт международного рабочего движения; Шульговский на время ушёл в МГИМО, потом вернулся в ИЛА. Но суть была не в этом, главное, что их тексты обкатывались на симпозиуме и потом можно было сослаться на мнение теоретиков латиноамериканских партий уже при обсуждении в нашей отечественной латиноамериканистике.

И вот Агости поддерживал эту позицию о возрастании роли интеллигенции в социальных процессах, причём он во многом следовал традиции Грамши. Ещё раньше он начал знакомить с работами Грамши латиноамериканскую аудиторию, и не только аргентинскую, а и шире. Кстати, последняя работа Агости, которая вышла в Москве через несколько месяцев после его кончины в 1984 г. – сборник его статей «Революция. Интеллигенция. Культура» со вступительной статьей Арисменди [Арисменди, 1984: 3-20]. Я принимал участие в подготовке этой работы.

Когда готовилась книга Сеа «Философия американской истории», были сложности: пришлось снять параграф, посвященный марксизму в истории латиноамериканской философии, а мне пришлось написать дополнительную рецензию. С работой Агости никаких сложностей не было, но я помню, что по поводу этой вступительной статьи Арисменди мы встречались и общались.

Тема, которая вызывала небольшие сложности, – это тема глобализма, глобальных проблем современности, которая обсуждалась на семинаре Загладина – Фролова. Почему я так его называю: он начинался как семинар Загладина, это был семинар молодых учё-

ных, который должен был объединить действительно молодых мгимовцев, которые пришли с Рыженко вместе в ИОН. Загладин согласился быть научным руководителем данного семинара.

В Институте общественных наук я провел больше 20 лет, с 1970 по 1991 (а познакомился и того раньше – в 67-м, когда приезжал туда вместе с Арисменди). Институт был образован ещё во времена Хрущёва, предполагалось, что ректором (конечно, как почётным руководителем) института будет Суслов. В институте занимались представители партий более 60 стран – капиталистических, развитых, развивающихся, потому что представители социалистических стран учились в Академии общественных наук вместе с нашими товарищами, а вот представители коммунистических, социалистических, народно-демократических партий учились в ИОН. Был назначен первый заместитель Суслова из секретарей обкомов, который и сформировал коллектив так, как он считал нужным, как если бы он формировал высшую партийную школу.

А потом Суслов передумал и отказался, и тогда, с подачи Андропова, был назначен Ф.Д. Рыженко – ректор МГИМО. Когда Фёдор Данилович пришел в ИОН, он увидел, что тот коллектив, который был сформирован, не очень подходит для решения задач, поэтому он привёл с собой команду мгимовцев со знанием языков, международных отношений. Отношения между этими двумя частями в коллективе были непростыми и оставались такими до конца – до 1991 г. В общем, чтобы объяснить мгимовцам, как себя надо вести и действовать, был создан Семинар молодых учёных, руководителем стал мгимовец, заместитель заведующего Международным отделом В.В. Загладин, а я стал старостой этого семинара. Сначала семинар занимался современными проблемами дискуссии в левом движении, а тогда дискуссия очень обострилась после чешских событий: один фланг был евро-коммунистическим, другой был прокитайским. И на том, и на другом возникало много вопросов, надо

было искать какие-то темы, по которым вообще можно встречаться и говорить. И оказалось, что такая тема – это глобальные проблемы современности.

Ими занимался И.Т. Фролов – в тот момент главный редактор журнала «Вопросы философии», до того он был в «Проблемах мира и социализма». Понемногу глобальные проблемы вошли в центр работы семинара. Кроме Фролова туда вошёл ещё Э.А. Араб-Оглы, который также вёл спецкурсы по глобальным проблемам в ИОНе. Участвовали ещё Бестужев-Лада, Григорян из Сектора проблем человека Института философии. Фролов уговорил Загладина сделать совместную книгу по глобальным проблемам, Загладин защитил докторскую по этой проблематике [Загладин, 1981].

Семинар был очень интересный. Принимали участие и зарубежные гости, и в том числе Арисменди и Агости. Агости ещё в 1970-х – начале 1980-х гг. не раз выступал против иллюзий глобализма, то есть не против глобалистского универсализма, к чему мы привыкли, а против иллюзий. Это было связано с тем, что в Аргентине зародилось в конце 1960-х так называемое «гуманистическое движение» за гуманистические ценности, за ненасилие. И эта позиция стала получать влияние в левом движении Аргентины, тем более, что насилия в тот момент в стране было предостаточно: с одной стороны были ультралевые городские партизаны, а с другой – стали формироваться «батальоны смерти» – правые радикалы, и страна стала двигаться к гражданской войне.

В этой ситуации пропаганда гуманизма как ненасилия стала получать все большую аудиторию. Но Агости говорил, что насилие нельзя остановить ненасилием. Он, кстати, неплохо знал нашу историю, и историю толстовства, и что оно не остановило развитие терроризма в России, и всех последующих акций. Надо сказать, что по этому вопросу при всём уважении, которое было к Агости со стороны его молодых коллег, единства не было: были довольно острые и сложные дискуссии. Он выступал против

иллюзий гуманистического глобализма и говорил о том, что глобалистика, если она примет идеи Сило и гуманистического движения, может превратиться в новую утопию. Уже тогда стали в Аргентине называть гуманизм «переработанным марксизмом», и считать, что это будет путь от науки к утопии. Помните, есть работа Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»? Так вот, это будет наоборот от науки к утопии. И он, надо сказать, как в воду глядел.

Агости умер в 1984 г. В 1985-м вышел номер журнала «Латинская Америка», где на первой странице был портрет Михаила Сергеевича Горбачёва, нового генерального секретаря ЦК КПСС, а в конце были воспоминания А.В. Шестопала об Агости. Такой вот диапазон. Эти воспоминания были переведены и напечатаны в «Cuadernos de Cultura» [Shestopal, 1985: 18-23]. После 1985 г. начались известные исторические события. Фролов тогда уже не был редактором «Вопросов философии», его сняли после разгромной критики в середине 1970-х гг.

Но тот, кто его снимал, не учёл, что Иван Тимофеевич учился вместе с Раисой Максимовной Горбачёвой – это было за 10 лет до того – а когда Михаил Сергеевич стал генсеком, а Раиса Максимовна, соответственно, первой леди, Иван Тимофеевич стал главным редактором газеты «Правда», членом Политбюро и т.д. А идеи глобалистики стали «новым политическим мышлением». И критика их стала уже, конечно, невозможна. Тем не менее судьба глобалистики очень интересна. Пошло ли ей на пользу превращение её в наш вариант из науки в идеологию? А пошло ли на пользу марксизму превращение в идеологию? Какова роль интеллигенции в этом? То, о чём тоже размышлял Агости...

У него была ещё одна тема, которая его интересовала. Если Сеа интересовала тема мексиконидада, то Агости интересовала тема архентинидада. В латиноамериканской идентичности есть два наиболее оформленных полюса: полюс мексиканидада (который исходит из синтеза испано-индейского) и полюс архин-

тинедада, где индейская составляющая очень мала. У аргентинцев вообще весьма своеобразное представление о себе, и оно менялось: в конце XIX – первой половине XX вв., когда их дела шли достаточно хорошо и они преуспевали, это была латиноамериканская Европа, новый Париж. Это, кстати, отражается и в архитектуре Буэнос-Айреса. Отношение к соседям, где было много метисного и индейского населения, было пренебрежительное – «чолос».

Потом дела стали идти хуже, хуже и хуже и вдруг произошёл переворот: обнаружили дедушки-бабушки индейского происхождения, благородные касики и т.д. Агости, который с большим уважением относился к индейским культурам, эти заявления о индейских предках тех, кто даже по внешнему виду никакого отношения к индейцам не имел, всерьёз не воспринимал. И он не раз посмеивался, называл их чингачгуками.

Но сама тема идентичности аргентинской его очень занимала, потому что это действительно тема идентичности молодой нации, которая должна ощутить себя. И он считал, что Аргентина – как раз пример синтеза прежде всего европейских культур, но не только европейских: он любил вспоминать прошлое Испании, включавшее в себя многие культуры, в том числе финикийские, арабо-исламские, эпоху андалузов, где сочетались три авраамистические религии и культуры. Эта тема идентичности как синтеза культур его очень занимала.

В 1984 году Агости не стало. Меня попросили написать воспоминания, я написал о нем как о друге СССР, хорошо знавшем наших деятелей культуры, нашу историю. Писал о нём как о человеке партии, сделавшем много для левого движения. Но в самом начале я написал, что, когда уходит человек такого масштаба, нужна дистанция, чтобы оценить его труды, его наследие. Сегодня бы я, ничего не меняя из того, что написал, добавил к тем воспоминаниям вот эти его раз-

мышления относительно гуманизма, его опасения по поводу «гуманистического» глобализма и другие вещи, которые тогда не были так ясны, а сегодня с учетом дистанции многое становится понятнее.

В середине 1980-х Аргентина для нас открылась после военной диктатуры, мы стали там бывать. Я помню, как мы встречались как раз с теми людьми, которые приезжали к нам на трёхмесячные стажировки в ИОН, вспоминали Агости, сидели в его любимых кафе. Однажды в одном из кафе на центральной площади нам была дана картинка того, что может и чего не может ненасилие: вдруг на площадь стали собираться две толпы – это было вскоре после «Декрето зеро» – «нулевого декрета», который объявлял амнистию и для тех, кто был левым радикалом, городским партизаном, и тем, кто был в «батальонах смерти». И на площади собирались жены и матери убитых с одной и другой стороны протестовать против этой амнистии и требовали наказания. И маленькая цепочка гвардейцев, которая разделяла две толпы, которые рвались разорвать друг друга на части... Более страшной картины я припомнить не могу: две женские толпы, бросающиеся друг на друга. Остановить это могла только сила, и было видно, как колеблется цепочка, которая разделяла этих обезумевших людей.

Аргентина была последней из латиноамериканских стран, в которых я был. Моё путешествие длилось с 1968 по 1991 год. Летом 91-го я улетал вместе с коллегами из Буэнос-Айреса после Международного политологического конгресса, где советская делегация прочно раскололась на две части. И мы возвращались, чтобы наблюдать и обсуждать проблемы насилия и ненасилия уже у себя дома...

Люди, о которых я рассказывал, были разными по характеру. Но все они люди, безусловно, честные, с достоинством, благородством, почему приятно и полезно о них вспоминать.

Список литературы:

- Арисменди Р. Эктор П. Агости – философ, литературный критик и публицист / Агости Э. Революция, интеллигенция, культуры. М.: Политиздат. 1984. 399 с. С. 3-20.
- Господствующие классы Латинской Америки. (Шульговский А.Ф., Галкина А.Д., Самаркина И.К. и др./ Отв. ред. Шульговский А.Ф., Мерин Б.М.) М.: Наука, 1978. 444 с.
- Загладин В.В., Фролов И.Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М.: Международные отношения, 1981. 240 с.
- Сеа Л., Шестопал А.В. Евразия – Ибероамерика: традиции и модернизация // Латинская Америка, 1994. №3. С. 48-72.
- Пролетариат и революционный процесс в Латинской Америке /Отв. ред. Мерин Б.М. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Сеа Л. Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки. М.: Прогресс, 1984. 352 с.
- Сельские трудящиеся Латинской Америки / Отв. ред. Шульговский А.Ф. М.: Мысль, 1972. 479 с.
- Средние городские слои Латинской Америки / Отв. ред. Шульговский А.Ф. М.: Мысль, 1974. 479 с.
- Шестопал А.В. Кризис «интегрально-элитарной» концепции (идейно-теоретическая борьба в связи с развитием социологии в Латинской Америке) // Вопросы философии, 1970. №1. С. 173-179.
- Шестопал А.В. Миражи Эльдorado в XX веке. Критические очерки буржуазной социологии в Латинской Америке. М.: Мысль, 1974. 230 с.
- Шестопал А.В. Леворадикальная социология в Латинской Америке. Критика основных концепций. М.: Мысль, 1981. 207 с.
- Arismendi R. Problemas de una Revolución Continental. Montevideo: Ed. Pueblos Unidos, 1962. Пер. Арисменди Р. Проблемы латиноамериканской революции. М.: Прогресс, 1964. 692 с.
- Crítica y Política en Ciencias Sociales. Coordinado por O.Fals Borda. T. 1. Teoría y Política en Investigación-Acción. Bogotá: Ed. Guadalupe Ltd. 1978. 450 p.
- Fals Borda O. Las Revoluciones Inconclusas en América Latina (1809-1968). México: Siglo XXI Editores, 1970. 83 p.
- Shestopal A. En memoria de Héctor P. Agosti. Cuadernos de Cultura. 1985. №3. Pp. 18-23.
- Urquidí V. Integración Latinoamericana y Planeación // Foro Internacional. 1966. Vol. VII, Num. 1-2, pp. 29-45.

Об авторе:

Шестопал Алексей Викторович – д.филос.н., профессор, Заместитель председателя Международного экспертного совета по присуждению ученых степеней МГИМО МИД России.

PHILOSOPHY AND PHILOSOPHERS IN CULTURE AND PRACTICE OF INTERNATIONAL RELATIONSHIPS (EXAMPLES OF LATIN AMERICA)

Alexei Viktorovich Shestopal

Abstracts. Culture and intercultural communication are deeply personal. The author seeks to approve this provision on examples of long-standing cooperation with distinguished philosophers, social and political thinkers of Latin America, such as V. Urquidí, L.Zea, Colombian O. Fals Borda, Uruguayan R.Arismendi, Argentinien E.Agosti.

Among themes, developed by above theorists, the problem of characteristics of middle - ranking countries, importance of region to the modern world society, link of model of modernization with na-

tional traditional culture, problem of national identity (especially some migration and cross-breeding problems), ratio of culture to politics, part of intellectuals in modern socio-political processes are very important. Very special are the problems of globalistics as science and ideology and the relationship of humanistic party with globalist utopia.

The people I talked about were different in character. Agosti is an idealist, Urkidi is a realistic, calm, supporter of the fact that it is necessary to work, raising the cultural level, level of education, health care, sense of justice step by step. The Anglo-Saxon moment was present in it, Latin Americans are more impetuous people. Cea was impetuous, Orlando was the most passionate: the whole office in the photo of Torres. Arimendi and Agosti are "captains," as Agosti called his friend Rodney, people who were ready for calms and storms. But they are all people, of course, honest, with dignity, generosity; this is why it is nice and helpful to remember them.

Key words: Latin-American countries, intercultural communication, cultural tradition, national identity, V. Urquidi, L.Zea, O. Fals Borda, R.Arimendi, E.Agosti.

References:

Arimendi R., Ektor P. Agosti – filosof, literaturnyi kritik i publitsist [Hector P. Agosti – philosopher, literary critic and publicist]. *Agosti E. Revoliutsiia, intelligentsiia, kul'tury* [Agosti E. Revolution, intelligentsia, culture]. Moscow, Politizdat, 1984. 399 p. (In Russian).

Gospodstviushchie klassy Latinskoi Ameriki. (Shul'govskii A.F., Galkina A.D., Samarkina I.K. i dr.) [The ruling classes of Latin America. (Suligowski A. F., Galkin, A. D., I. K. samarkina, etc.)] / Eds. A.F. Shulgovsky, B.M. Merin. Moscow, Science, 1978. 444 p. (In Russian).

Zagladin V.V., Frolov I.T. *Global'nye problemy sovremennosti: nauchnyi i sotsial'nyi aspekty* [Global problems of our time: the scientific and social aspects]. Moscow, International relations, 1981. 240 p. (In Russian).

Proletariat i revoliutsionnyi protsess v Latinskoi Amerike [The proletariat and the revolutionary process in Latin America] / Resp. ed. by B. M. Gelding. Moscow, Science, 1985. 376 p. (In Russian).

Sea L., Shestopal A.V. *Evrasiia – Iberoamerika: traditsii i modernizatsiia* [Eurasia – Iberoamerica: traditions and modernization]. *Latinskaia Amerika - Latin America*, 1994, no. 3, pp. 48-72 (In Russian).

Sea L. *Filosofiia amerikanskoi istorii. Sud'by Latinskoi Ameriki* [Philosophy of American history. The Fate Of Latin America]. Moscow, Progress, 1984. 352 p. (In Russian).

Sel'skie trudiashchiesia Latinskoi Ameriki [Rural workers in Latin America] / Ed. A. F. Kuligowski. Moscow, Thought, 1972. 479 p. (In Russian).

Srednie gorodskie sloi Latinskoi Ameriki [The middle urban strata in Latin America] / Ed. edited by A. F. Kuligowski. Moscow, Thought, 1974. 479 p. (In Russian).

Shestopal A.V. *Krizis «integral'no-elitarnoi» kontseptsii (ideino-teoreticheskaiia bor'ba v sviazi s razvitiem sotsiologii v Latinskoi Amerike)* [Crisis of "integral-elite" concept (ideological and theoretical struggle in connection with the development of sociology in Latin America)]. *Voprosy filosofii - Questions of philosophy*, 1970, no. 1, pp. 173-179 (In Russian).

Shestopal A.V. *Levoradikal'naia sotsiologiia v Latinskoi Amerike. Kritika osnovnykh kontseptsii* [The sociology of the radical left in Latin America. Criticism of basic concepts]. Moscow, Thought, 1981. 207 p. (In Russian).

Shestopal A.V. *Mirazhi El'dorado v XX veke. Kriticheskie ocherki burzhuaznoi sotsiologii v Latinskoi Amerike* [The Mirages of Eldorado in the twentieth century. Critical essays on bourgeois sociology in Latin America]. Moscow, Thought, 1974. 230 p. (In Russian).

Arimendi R. *Problemas de una Revolución Continental*. Montevideo, Ed. Pueblos Unidos, 1962. (In Spanish).

Crítica y Política en Ciencias Sociales. Coordinado por O. Fals Borda. T. 1. Teoría y Política en Investigación-Acción. Bogota, Ed. Guadalupe Ltd., 1978. 450 p. (In Spanish).

Fals Borda O. *Las Revoluciones Inconclusas en América Latina (1809-1968)*. México, Siglo XXI Editores, 1970. 83 p. (In Spanish).

Shestopal A. En memoria de Héctor P. Agosti. *Cuadernos de Cultura*, 1985, no. 3, pp. 18-23 (In Spanish).

Urquidí V. Integración Latinoamericana y Planeación. *Foro Internacional*, 1966, Vol. VII, no. 1-2, pp. 29-45 (In Spanish).

About the Author:

Alexei Viktorovich Shestopal – Dr. of Philosophical Sciences, Professor, Deputy Chairman of the International Expert Council for the award of academic degrees MGIMO Russian Foreign Ministry.

RUSSIANS IN EGYPT: ASPECTS OF RELIGIOUS AND CULTURAL IDENTIFICATION

Mona Abdel Malik Khalil

Abstract: *The article studies mechanisms of preserving cultural and religious identity by the Russian residents in contemporary Egypt. Since the beginning of the XX century, three waves of Russian immigration to Egypt took place, each bearing its characteristic and unique features. Formation of the first sizeable Russian community in Egypt dates back to the beginning of the XX century when a number of the "White" emigrants from the Russian Empire, escaping from the October Socialist Revolution of 1917, arrived in Alexandria. The second wave of Russians, or Soviets to be precise, appears in Egypt starting from the beginning of 1960-es: after getting their higher education or academic degrees in the USSR young Egyptian men return to Egypt with their Russian wives. The third wave of Russian nationals emerge in Egypt from middle 1990-es due to a tremendously intensified tourist flow from Russia to Egypt: Russian females start travelling to the Red Sea resorts, particularly to Hurghada and Sharm-El-Sheikh, get acquainted with the Egyptian men working, as a rule, in tourism industry, get married and relocate to Egypt.*

The present day Russian community in Egypt is comprised predominantly from the so-called "Soviet" and "Russian" wives of the Egyptians, whose adaptation in a foreign cultural environment is analyzed according to the model suggested by Professor John Berry. He suggests that acculturation is being realized in four strategies: assimilation, separation, integration and marginalization. The study of acculturation strategies used by the Russian residents in contemporary Egypt reveals difference between the generation of "Soviets" and "Russians": the first category used mainly separation and rarely integration, while the second category on the contrary is characterized by a high degree of integration into the local social environment, while separation strategy could be rarely observed.

Key words: culture, identity, acculturation, immigration, Russia, Russian community in Egypt, "Soviet" and "Russian", Egypt, religion.

Migration since recent years has become one of the most debatable issues in both social discussions and academic discourses as most of human flows

started to intensely moving from south to north and from east to west. Syrian humanitarian catastrophe resulted in a tremendous emigration of Syrians (by 2017 the number

reached 6.9 million people according Migration Data Portal¹) to several European countries, which expressed readiness to accept them as potentially new citizens. Indeed, the second half of the XX century a global migration triggered off due to complex and contradictory processes resembling tectonic shifts in social structure, economy, ecology and culture [Silantieva, 2008: 84].

However, reverse migration processes from west to east and from north to south also take place, but definitely at a much lesser scale, which still has all reasons to be taken into consideration and carefully studied. Especially taking into account that problems of cultural and religious self-identity of migrants in both cases turn to be fundamentally similar. The only paramount difference would be in perception of newcomers by the local population: for example, mass communication in Sweden could not refrain from concerns over the changes in country's ethnic and religious composition [Dianina, 2014: 128] as immigrants from the developing countries arrive in significant numbers. Needless to say that such worries have no grounds in the developing countries with a little migration flow, including Egypt and its Russian immigration, which still remains rather poorly explored.

During the last twenty years multi-million flow of Russian tourists to Egypt (according to The Russian Federal Agency for Tourism, until 2015 Egypt was annually receiving up to three million tourists from Russia)² caused solid increase of Russian community in the Land of Pyramids. While there is no official information about quantitative picture of Russians permanently living in Egypt, according to non-official sources, this number makes not less than thirty thousand people. Gender structure of this community is distinctive: dominating majority (up to 90%) are Russian wives of Egyptians.

The prime self-identification factor of Russians in Egypt is Russian culture, which

is absorbing and transforming all other components: based on cultural memory self-identification is inevitably comprised from various components, including ethnic, national, historical, social, etc. [Glagolev, 2008: 51].

Formation of the first sizeable Russian community in Egypt dates back to the beginning of the XX century when a number of the "White" emigrants from the Russian Empire, escaping from the October Socialist Revolution of 1917, arrived in Alexandria. Later many of them would leave Egypt and relocate to other countries for permanent residence, but in 1920-es their presence in Alexandria was tangible: Russian refugees came to Egypt in five ships and their number reached 4350, of which men were making majority [Belyakov, 2003: 136]. According to archive documents, by the end of 1921 the Russian camp at Sidi Bishr hosted about 1800 refugees among them 1200 men, 400 women and 200 children. During their force stay in Egypt the Russian refugees made their utmost to preserve cultural and religious identity. Facts have it that the most numerous entity in the Russian camp was the "Russian Cultural-Educational Society", while public, educational and children libraries as well as a reading hall functioned permanently. Magazine "At Foreign Land" was published monthly; there also operated musical and theatre group "Bayan", a crew from the Great Russian Balalaika Chorus, Russian brass band, Russian symphonic orchestra, Russian mixed choir, as well as a church choir. Besides there functioned three Christian Orthodox churches [Belyakov, 2003: 138]. Naturally, at those times the talk about either integration or assimilation of Russians in Egypt was impossible due to a wide range of social, cultural and religious reasons, which are beyond the scope of the present paper.

The second wave of Russians, or Soviets to be precise, appears in Egypt starting from the beginning of 1960-es: after getting their

¹ Syrian Arab Republic. Key migration statistics // Migration Data Portal. Available at: <https://migrationdataportal.org/?i=groups&t=2017&cm49=760> (accessed 10 June 2019).

² RST Named the number of tourists who would choose Russian resorts instead of foreign ones // Interfax. Available at: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/30911/> (accessed 10 June 2019).

higher education or academic degrees in the USSR young Egyptian men return to Egypt with their Russian wives³. This tendency continues until 1972 and terminates with the decision of the Egyptian president Anwar Sadat to cut off relations with its strategic ally USSR. Today these Soviet wives compose the oldest segment of the Russian community in Egypt.

The third wave of Russian nationals emerge in Egypt from middle 1990-es due to a tremendously intensified tourist flow from Russia to Egypt: Russian females start travelling to the Red Sea resorts, particularly to Hurghada and Sharm-El-Sheikh, get acquainted with the Egyptian men working, as a rule, in tourism industry, get married and relocate to Egypt. Since recent years, a large number of Russian wives begin to settle in Cairo and Alexandria. According to Russian officials there are around 35 000 Russian residents in Egypt most of whom are wives of Egyptians⁴.

Thus, at present there are two generations of Russians in Egypt: elderly generation of the so-called "Soviet wives" and a younger community of "Russian wives". Socialization of these two groups with Egyptians in a culturally alien environment is realized differently. The first group was leaving their Soviet homeland practically forever, having almost no hope to return. Having moved to Egypt these ladies were obliged to obtain entry visa to the USSR despite possessing Soviet citizenship. In addition to paper issues, the transport communication was not well developed: air flights were rare and tickets expensive. At that time alternative and mostly acceptable means of transportation were Soviet ships sailing off during navigation period along the route Odessa – Alexandria – Odessa. Consequently Soviet wives with their children were going to homeland as often as once a year during summer holidays. Other means of preserving contacts with USSR were post and telephone. However,

it took several months for letters to reach destination and telephone calls had been costly.

In addition, relatives, friends and acquaintances sometimes completely cut off contacts with these women, because communication with "traitors" was becoming a dangerously compromising, almost blackmailing factor: leaving Soviet motherland was often interpreted as betrayal.

As neither satellite TV nor social networks existed, the "Soviet wives" were compelled to preserve theirs and their kids' cultural identity on their own by enthusiastically creating amateur theatres, reading Russian books and giving lessons of Russian language.

At that time cultural life of Russian community was spinning around the Soviet Cultural Centers (in Cairo and Alexandria), where Soviet feasts were celebrated, including New Year, February 23rd, March 8th and of course the Victory Day on May 9th. In addition, Soviet Cultural Centers had regularly been organizing concerts, theatre performances, musical evenings and Soviet film screenings. There also functioned Russian language classes, libraries and other activities.

As long as Egyptian husbands of Soviet women used to study in the USSR acquiring a good knowledge of Russian language, at home as a rule they spoke Russian, read Russian literature and kept friendship with the similarly mixed "Russian families". Majority of children from such mixed Russian – Egyptian marriages report to belong to both cultures: besides fluent native Arabic language and Egyptian cultural identity they usually speak colloquial Russian, are familiar with the main Russian customs and traditions, perceive Russian culture as native. However, in reality bicultural phenomena is rare among Russian – Egyptian kids: their cultural identity is mainly shaped by the Egyptian culture due to two reasons. Firstly,

³ According to unofficial Russian sources the number of Egyptians, who studied in the Soviet Union reached 30 000 people, the overwhelming majority of them were males.

⁴ According to the Coordination Council of Russian Compatriots in Egypt the number of Russians permanently residing in Egypt by 2017 was over 50 000 people. See: <http://www.rusegypt.net/p34aa1.html> (accessed 10 June 2019).

the culture of one's permanent residence has a greater influence on identity formation; secondly, being collectivistic Egyptian culture suggests a person having not several, but one identity that is strongly related to the community belonging [Hofstede, 2010: 23].

At the same time, religious identity was not a priority to the "Soviet wives": originating from the USSR, a home to Marxist-Leninist atheist ideology, they naturally adhered to either atheistic or secular convictions, while their Egyptian husbands, who went through the Soviet acculturation, shared secular views or in case of remaining religious didn't impose religiosity upon their foreign wives.

As a result of such neutral attitude to religion "Soviet wives" often converted into Islam (if their husbands belonged to the Muslim confession of course), yet doing that mostly in a formal way to simplify juridical issues related to issuing necessary documents and managing matters of marriage, property and inheritance, which are regulated by Sharia in Egypt. Having religious belonging is compulsory to issue citizen's ID. Moreover, birth certificate, death certificate, and marriage certificate – all have a mandatory indication of one's religion [Khalil, 2016: 89].

Naturally Russian immigrants to Egypt were faced with the challenges of adaptation, including a complicated process of fitting into a new cultural reality – acculturation. Acculturation understood as a process of cultural and psychological changes happening in the course of contacts between different cultural groups and their members [Berry, 2010: 196] enables to define the degree of success in adapting to a new cultural environment. According to cross-cultural psychologist John Berry, there are four acculturation strategies: 1) assimilation: individuals do not wish to preserve their own cultural identity and do their best to communicate with representatives of another culture as much as possible; 2) separation: individuals are evaluating their own culture very highly and try to avoid interaction with other cultures; 3) integration: individuals preserve their own culture willing at the

same time to interact and learn from the new culture; 4) marginalization: individuals are not interested in neither one's own nor a foreign culture. It should be stressed however that there is significant difference between integration and assimilation as long as the first implies considerable degree of maintaining one's cultural identity [Berry, 2010: 199].

Proceeding from this classification, basic strategies used by the "Soviet wives" were mainly separation and integration, but at a much lesser scale though. Firstly, because majority of wives did not work – as a rule they were not sufficiently socialized with the local population, their contacts with Egyptians were limited by interacting with husband's relatives and/or by everyday needs (shops, concierges, workmen, etc.). Secondly, majority of them were able to communicate in their native language inside their families (husbands usually had a good command of Russian), which made them learn only colloquial dialect of Arabic languages sufficient only for basic communication, but definitely not enough for an overall acculturation. Thus, this segment of Russian community in Egypt is characterized mainly by basic and surface acculturation.

As for the "Russian wives", there was no need to overcome political or bureaucratic obstacles: being citizens of the open world, they could return homeland any time. Nevertheless, the process of their cultural adaptation was more difficult than that of the previous wave, because their Egyptian husbands never studied or lived in Russia and had no idea about Russian culture, psychology or traditions. So lack of cultural awareness on both sides has always been the main reason for conflicts and misunderstandings in such families, despite the fact that many of such couples have a good command of foreign languages – Russian ladies often speak English or Arabic and their Egyptian husbands speak English or Russian.

In modern times there appeared multiple means helping to preserve cultural identity: from freedom of travelling to free of charge talks with relatives and friends on daily basis via Internet (Viber, Skype, Messenger, etc.). A certain role belongs to the

Russian satellite TV channels, which are helping to sustain cultural identity abroad. In Egypt such Russian TV channels as "1", "Russia Planet", "Russia 24", "STS" and "TNT" are easily accessed free of charge. Due to Internet there is possibility of access to almost all Russian mass-communication sources, including social networks, the role of which in preserving Russian identity abroad can hardly be overestimated. In Facebook alone the following Russian groups are actively functioning: "Russian Hurghada", "Russians in Hurghada", "Russians in Hurghada. Help & Advices", "Hurghada. All kinds of repair works", "Russian Sharm", "Russian-speaking Sharm", "Russians in Cairo", "Russian-speaking New Cairo", "Russian Female Egyptians", "Russian Egypt", "Sun of Egypt", "Beauty in Egypt", "Information Board in Egypt", "Egyptian Needlewomen", "Emergency Aid in Egypt", "Egyptian Gardeners", "Information Book of Egypt" and others.

Local Russian-language newspaper "Moskovsky Komsomolets in Egypt" is published once in two weeks. In every Egyptian town that has Russian community regular Russian meetings are arranged. Successful private initiatives are also actively emerging – feasts and entertaining events of Russians take place in various parts of the country (especially those dedicated to traditional holidays, such as New Year, 8th of March and Victory Day).

Considerable number of Russians in Egypt work, many of them establish small manufactures or companies of their own usually in service sector. Unlike elder generation, today many Russians have good command of Arabic and English. Due to the abovementioned factors, their integration into the local society has a greater impact, while separation as acculturation strategy is rarely observed.

The issue of religious identity of "Russians wives" is more acute than before: post-Soviet generations of Russian women demonstrate high degrees of religiosity or at least serious inclination towards their religious identity. Consequently, they either convert to Islam quite often turning into vigorous adepts of their new faith typical for neophytes (unlike "Soviet wives", who

demonstrated mainly formal conversion), or forcefully defend their right to remain in their religious tradition (usually Orthodox Christianity). The latter have a chance to attend services at the Russian Orthodox Church of Dmitry Salunskiy in Cairo or at the Greek Orthodox cathedrals in various Egyptian governorates.

In 2016 we carried out a poll among forty Russians permanently residing in Egypt, among them 92% females and 8% males; age range 26 – 55 years old. Using observation method it is possible to claim that the poll results demonstrate high degree of validity.

Thus, 77.5% of Russians permanently living in Egypt have higher education, 12.5% have special secondary education. Almost half of them – 47.5% are working, 40% are not working and 5% are studying. Majority of respondents – 80% – know two or more languages.

The answers demonstrate importance of religious factor for Russian residents in Egypt: 42.5% consider themselves Orthodox Christians, 45% Muslims, 5% said they were atheists.

The marital picture looks as follows: 82.5% are married, 5% are unmarried and 2.5% are widows or widowers; 70% have children, 67.5% of Russians live in Egypt due to marriage and only 10% due to work. As for the durability of living in the Land of Pyramids the answers divided almost in half: 47.5% are living in Egypt since recently, i.e. less than 5 years, while 45% are living in Egypt longer than 5 years, 10% reside here for more than 20 years.

The following figures show high level of acculturation among the respondents: 70% know Arabic language at basic or medium level, 82.5% have friends among Egyptians, 52.5% have positive attitude towards Egyptians. Majority of respondents evaluated their level of adaptation in Egypt as high: 35% as 5/5, 40% as 4/5 and 22.5% as 3/5. Also 80% noted that they have changed after moving to Egypt. The optional question "What are these changes?" received the following replies: "I'm being influenced by the country's traditions", "My attitude to my compatriots worsened and I became more

cautious about them", "I'm no longer in a hurry, became more soft and morally flexible", "I became calmer and more sentimental", "I became more reserved". On the whole answers show that majority of positively estimate their life in Egypt: 20% evaluate it as 5/5, 52.5% as 4/5 and only 37.5% however only 37.5% wished to remain living in Egypt, while another 37.5% said they wished to move to another country and 2.5% expressed desire to return back to Russia.

Aspects related to identification features of Russians in Egypt could be detected from the following answers: 70% speak at home in Russian language, 60% communicate with other Russians very frequently. Among ways helping to sustain a good level of native language is mainly communication with other compatriots (50%) and to a lesser extent watching Russian TV (10%). Basic factor helping to keep ties with homeland are talks with relatives and friends by telephone and/or in social networks (50%), regular trips to

Russia (35%) attending various occasions organized by compatriots in Egypt (7.5%). Interesting that not a single respondent mentioned the work of the Russian Culture centers in Cairo and Alexandria (0%) as a source of cultural identity preservation.

The above analysis enables to draw the following conclusion. The process of preserving and keeping cultural identity by the two generations of Russians in Egypt developed in different ways: "Soviet" generation made considerable efforts not to lose their native language and culture and to pass it to their children. Moreover, considerable help was provided by the Soviet cultural centers. For the generation of "Russians" preserving cultural identity was a relatively easy thing as main mechanisms, such as mass communication (including Internet and TV) as well as possibility of non-limited trips to homeland, made the role of Russian cultural centers in this particular context reduced to minimum.

References:

Beliakov V.V. «*K sviashchennym beregam Nila...*» *russkie v Egipte* [«To the sacred banks of the Nile...» Russians in Egypt]. Moscow, Institute of Asia and Africa at Moscow state University, Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental studies, RAS, 2003. 303 p. (In Russian).

Glagolev V.S. Puti identifikatsii i samoidentifikatsii russkikh (Rossiia i zarubezh'e) [Ways of identification and self-identification of Russians (Russia and abroad)]. *Slavianskii mir v tret'ei tysiacheletii. Slavianskaia identichnost' - novye faktory konsolidatsii* [Slavic world in the third Millennium. Slavic identity - new factors of consolidation]. Moscow, Institute of Slavonic studies, RAS, 2008. pp. 51-59 (In Russian).

Dianina S.Iu. Musul'mane v SMK Shvetsii: problemy i metamorfozy vospriiatiia [QMS Muslims in Sweden: problems and change in perception]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia «Politologiya. Religiovedenie» - Proceedings of the Irkutsk state University. Series «Political Science. Religious studies»*, 2014, Vol. 9, pp. 127-135 (In Russian).

Silant'eva M.V. Gumanitarnyi aspekt problemy samoopredeleniia Rossii: mezhdru obshchestvom potrebleniia i natsional'noi samobytnost'iu [Humanitarian aspect of the problem of self-determination of Russia: between the consumer society and national identity]. *Gumanitarnyi vektor. Seriiia: Pedagogika, psikhologiya - Humanitarian vector. Series: Pedagogy, psychology*, 2008, no. 1, pp. 84-88 (In Russian).

Khalil' M.A. *Sotsiokul'turnye aspekty musul'mansko-khristianskogo vzaimodeistviia (na primere deiatel'nosti sredstv massovoi kommunikatsii i sistem obrazovaniia Rossii i Egipta): dis. ... kand. filos. nauk* [Socio-Cultural aspects of Muslim-Christian interaction (on the example of mass communication and education systems of Russia and Egypt). Kand. philos. sci. diss.]. Moscow, 2016. 241 p.

Berry J.W. Mobility and Acculturation. S.C. Carr (ed.) *The Psychology of Global Mobility, International and Cultural Psychology*. Springer Science+Business Media, LLC 2010. 342 p.

Hofstede G.H. *Cultures and Organizations: software of the mind: intercultural cooperation and its importance for survival* / by Geert Hofstede, Gert Jan Hofstede, and Michael Minkov. 3rd ed. New York, McGraw-Hill, 2010. 279 p.

About the Author:

Mona Abdel Malik Khalil – PhD (in philosophy), Member of the Egyptian Council for Foreign Affairs, Executive director at The Russian – Egyptian Business Council at the Chamber of Trade and Industry of the Russian Federation. Academic specialization: inter-religious (Muslim-Christian) interaction, cross-cultural communication, axiology of cultures. Egyptian Council for Foreign Affairs: 11431, Tower 2, Luxury Othman Towers, Corniche El Nile Maadi, Cairo – Egypt.
E-mail: mona_khalil@mail.ru.

РУССКИЕ В ЕГИПТЕ: АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Халиль Мона Абдель Малик

Аннотация: В статье рассматриваются механизмы сохранения культурной и религиозной идентификации россиян, постоянно проживающих в Египте. С начала XX века в Египет из России прибывали три волны иммиграции, каждая из которых имела свои характерные и уникальные особенности.

Формирование первой значительной русской общины в Египте относится к началу XX века, когда в Александрию прибыли белые эмигранты, бежавшие из Российской империи в результате Октябрьской социалистической революции 1917 года. Вторая волна русских, а точнее, советских граждан, появляется в Египте с начала 1960-х годов: после получения высшего образования или ученой степени в СССР молодые египетские мужчины возвращаются в Египет со своими русскими женами. Третья волна российских граждан появилась в Египте с середины 1990-х годов благодаря чрезвычайно интенсивному туристическому потоку из России в Египет: русские женщины приезжают на курорты Красного моря, в частности в Хургаду и Шарм-Эль-Шейх, знакомятся с египтянами, работающими, как правило, в индустрии туризма, выходят за них замуж и переезжают на постоянное место жительства в Египет.

Современная русская община в Египте состоит в основном из так называемых «советских» и «русских» жен египтян, чья адаптация в инокультурной среде анализируется по модели, предложенной профессором Джоном Берри. Согласно данной модели аккультурация реализуется путем выбора четырех стратегий: ассимиляции, отделения, интеграции и маргинализации. Изучение стратегий аккультурации, используемых россиянами в современном Египте, выявляет разницу между поколениями «советских» и «российских» женщин: первая категория использовала в основном разделение и редко интеграцию, а аккультурация второй категории, напротив, характеризуется высокой степенью интеграции в местную социальную среду, в то время как стратегия разделения наблюдается крайне редко.

Ключевые слова: культура, идентификация, аккультурация, ассимиляция, интеграция, маргинализация, иммиграция, Россия, Египет, религия.

Список литературы:

Беляков В.В. «К священным берегам Нила...» русские в Египте. М.: Институт Азии и Африки при Московском государственном университете, Российская академия наук, Институт востоковедения РАН, 2003. 303 с.

Глаголев В.С. Пути идентификации и самоидентификации русских (Россия и зарубежье) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность - новые факторы консолидации. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 51-59.

Дианина С.Ю. Мусульмане в СМК Швеции: проблемы и метаморфозы восприятия // Известия Иркутского государственного университета». Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Т. 9. С. 127-135.

Силантьева М.В. Гуманитарный аспект проблемы самоопределения России: между обществом потребления и национальной самобытностью // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2008. №1. С. 84-88.

Халиль М.А. Социокультурные аспекты мусульманско-христианского взаимодействия (на примере деятельности средств массовой коммуникации и систем образования России и Египта): дис. ... канд. филос. наук. М., 2016. 241 с.

Berry J.W. Mobility and Acculturation // S.C. Carr (ed.) The Psychology of Global Mobility, International and Cultural Psychology. Springer Science+Business Media, LLC 2010. 342 p.

Hofstede G.H. Cultures and Organizations: software of the mind: intercultural cooperation and its importance for survival / by Geert Hofstede, Gert Jan Hofstede, and Michael Minkov. 3rd ed. N.Y.: McGraw-Hill, 2010. 279 p.

Об авторе:

Халиль Мона Абдель Малик – к. филос. н., член Египетского совета по международным делам, Исполнительный директор Российско-египетского делового совета при ТПП РФ. Научная специализация: межконфессиональное (мусульмано-христианское) взаимодействие, кросс-культурная коммуникация, аксиология культур. Египетский совет по международным делам: 11431, Tower 2, Luxury Othman Towers, Corniche El Nile Maadi, Cairo – Egypt.
E-mail: mona_khalil@mail.ru.

ЭССЕНЦИАЛИЗМ И КОНСТРУКТИВИЗМ В ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ РЕЛИГИИ

Динь Хиен Добрынин

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к определению религии. Автор предпринимает попытку проверить обоснованность положения, согласно которому множество способов концептуализации религии сводится к двум основным подходам: нормативистскому, который связывается с эссенциализмом, и дименсионалистскому, который берёт своё начало в конструктивизме. Автор приходит к выводу, что данный тезис не является корректным. В статье осуществляется выявление иных координат, в свете которых возможно корректным образом типологизировать широкий спектр существующих подходов к определению религии. Дименсионализм целесообразно противопоставлять не нормативизму, а подходам к определению религии, которые основаны на её определении посредством явной родовидовой дефиниции. Последние, в свою очередь, могут носить как нормативный, так и ненормативный характер.

В статье обосновывается тезис, согласно которому эссенциализм не является неотъемлемой частью подходов, использующих явные родовидовые определения религии, так как они могут базироваться и на конструктивистских установках. Более того, автор выявляет эссенциалистское содержание в дименсионалистских подходах к определению религии, что свидетельствует о некорректности сведения дименсионализма к совокупности конструктивистских подходов к определению религии. Автор приходит к выводу о том, что множество подходов к определению религии можно рассматривать в двух независимых друг от друга измерениях: с одной стороны, просматривается ярко выраженная полемика между сторонниками использования явного родовидового определения религии, и сторонниками дименсионализма; с другой стороны, в попытках определить религию имеет место противостояние эссенциалистских и конструктивистских парадигм.

Ключевые слова: определение религии, эссенциализм, конструктивизм, дименсионализм, реализм, антиреализм, Н. Смарт, конвенционализм, религия, К. Поппер.

Актуальность изучения различных подходов к определению религии заключается в том, что эта проблема имеет принципиальное значение для исследовательской деятельности религиоведов. Понятие религии широко

используется для построения теоретических конструкций. В частности, решение указанной проблемы является необходимым условием изучения влияния религии на социальные отношения. Однако на сегодняшний день среди науч-

ного сообщества не выработано единого теоретико-методологического подхода к определению религии.

Распространена точка зрения, что в широком спектре подходов к концептуализации религии можно выделить два основных направления [Аринин, 2014: 14] – нормативный подход (или эссенциализм) и дименсионализм. Сторонники первого подхода «критикуются за явные или скрытые «метафизику» и «онтологизм»» [Аринин, 2014: 14], а представители второго подхода – «за «релятивизм» и «плюрализм»» [Аринин, 2014: 14]. Целью настоящей статьи является установление обоснованности выделения нормативного подхода (эссенциализма) и дименсионализма в качестве двух противостоящих друг к другу способов концептуализации религии.

Прежде всего разберёмся в терминах. Часто полагают, что нормативный подход подразумевает выделение «истинной» религии среди тех религий, которые таковыми не являются [Агаева, 2012: 21]. Как правило, такого рода попытки определить религию имеют конфессиональную природу. В религиоведении данная реализация нормативного подхода является неприемлемой. В контексте религиоведческих исследований нормативный подход к определению религии предполагает поиск существенных признаков, чётких критериев, которые позволят провести границу между религией и не-религией (без конфессиональной тенденциозности). При таком понимании данного подхода «подлинной» дефиницией», как правило, служит явное родовидовое определение. Применение нормативного подхода к определению религии, на взгляд автора данной статьи, связано, прежде всего, с попытками задать «норму», определить идеал, относительно которого будут ранжироваться исследуемые религиоведом явления.

В рамках представленной парадигмы существует опасность, что исследователь переключит своё внимание с того, чтобы выявлять закономерности наличествующих явлений и процессов в том виде, в каком они предстают в общественной

жизни, на то, чтобы определять идеал религии, то есть говорить о том, каким должно быть то или иное исследуемое явление. Кроме того, нормативистский подход может быть основан не только на родовидовой дефиниции, но и на остенсивном определении, когда религия определяется посредством указания на какую-либо конкретную систему верований, практик, организаций.

Стоит заметить, что использование явных родовидовых определений не делает подход к определению религии нормативистским с необходимостью. Ведь вовлечение в процесс концептуализации религии явных родовидовых определений может осуществляться не с намерением отличить «нормальную религию» от всех остальных, а с целью упорядочить эмпирические данные, имеющиеся у исследователя (как это будет показано ниже). Дименсионализм предполагает отказ от попыток явного родовидового определения религии и поиска признаков, которые отличали бы её от других феноменов. Вместо этого сторонники данного подхода предлагают сосредотачивать внимание на определённом количестве аспектов, «измерений» религии как явления социокультурного (или какого-либо иного) рода.

Под эссенциализмом в данной статье будет пониматься методологическая установка, которая предполагает, что цель науки – постижение сущности какого-либо явления (например, религии). В работе «Нищета историцизма» К. Поппер говорит, что эссенциализм в социальных науках приводит к тому, что исследователи пытаются дать «исчерпывающие» ответы на вопросы о сущности исследуемых явлений, раскрыть их истинную природу [Popper, 1957: 29]. Эссенциализм предполагает, что используемые исследователями теоретические термины имеют референты в реальности и могут, таким образом, в той или иной степени, отражать их сущность. Таким образом, соответствие/несоответствие значений терминов их референтам можно оценивать в свете корреспондентской теории истины. В данном кон-

тексте эссенциализм можно называть формой реализма (направления в философии науки), основным тезисом которого, является то, что «термины, входящие в состав научных теорий, могут обозначать реально существующие объекты и характеристики внешнего мира...» [Фурсов, 2013: 8]. Однако отождествление эссенциализма и реализма можно делать только с учётом оговорки, что реализм не является единым течением в философии науки, следовательно, некоторые его формы могут основываться на тезисах, которые не включает в себя эссенциализм в попперовском смысле.

В социально-гуманитарном знании антиреалистическая позиция воплотилась в конструктивизме, огромное влияние на который оказала работа П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности». Из указанной работы следует, что термины науки, являющиеся частью языка, не столько формируются в ходе поиска сущности каких-либо явлений учёными, сколько «производят», конструируют реальность, так как «язык реализует мир в двояком смысле слова: он его постигает и он его производит» [Berger, Luckmann, 1991: 173].

Позднее конструктивизм начал развиваться в подходах к исследованию религии. Это выражается в том, что исследователь сам прочерчивает границу между религией и не-религией, признавая, что «естественной границы» [McKinnon, 2002: 72] между ними нет, а, следовательно, нет и никакой «сущности» религии. Ориентиром для исследователя в данном случае будут выступать «соображения удобства и простоты» [Пуанкаре, 1990: 231], а религия не будет рассматриваться как то, что «существует независимо, вне научного сообщества» [Smith, 1982: XI].

Исследование терминологического аспекта проблемы показало, что дименсионализм противопоставляет себя не столько нормативизму, сколько подходам, использующим явные родовидовые определения (среди этих подходов есть и нормативистские). Только в силу данного обстоятельства положение, установление обоснованности которого было

целью настоящей статьи, можно признать некорректным.

Однако автор считает необходимым предпринять попытку выявления основных векторов полемики сторонников разных подходов к определению религии. Учитывая приведенные выше соображения, можно допустить, что дименсионализм, тесно связанный с конструктивизмом, противостоит подходам к концептуализации религии посредством явного родовидового определения, которые, в свою очередь, предполагают принятие эссенциалистских установок. Приступим к проверке обоснованности этого допущения.

Для этого нам надо, во-первых, ответить на вопрос, предполагают ли подходы к концептуализации религии, использующие явное родовидовое определение, обязательное принятие эссенциалистских установок. Во-вторых, мы должны установить, влечёт ли дименсионалистский подход к определению религии обязательное принятие установок антиреализма (в том числе конструктивизма).

Начнем с разрешения первого вопроса. В современном религиоведении попытки сформулировать явное родовидовое определение религии вызывают следующую проблему: исследователи не могут достичь соглашения, какое содержание понятия «религия» не приведёт ни к чрезмерному расширению, ни к чрезмерному сужению его объёма. Первый аспект данной проблемы хорошо известен на примере определения религии Э. Фроммом, которое позволяет относить к религии политико-идеологические системы, тем самым, по мнению некоторых исследователей, необоснованно расширять объём понятия «религия». Второй аспект указанной проблемы проявляется при ограничении объёма понятия религия, например, только теистическими системами.

По мнению автора, вполне оправданным будет предположение, что претензии на описание сущностной природы вещей, которые предполагает эссенциализм, вовсе не являются необходимыми

для теорий, содержащих явные родовидовые определения религии. Отличительный признак или признаки, которые указываются в определяющей части дефиниции, могут объединять в единый класс и отделять то, что обладает этими признаками (в нашем случае, религию), из предметной области, которая состоит из объёмов других понятий. Они также позиционируются только лишь как «наши интеллектуальные конструкторы, позволяющие лучше упорядочивать данные наблюдения». И эти конструкторы «не обозначают нечто, имеющее независимое от познающего субъекта существование в объективном внешнем мире» [Фурсов, 2013: 10].

При этом за элементами объёма полученного понятия совершенно необязательно искать референты в реальности. Ничто не мешает исследователю трактовать явное родовидовое определение религии, содержащее специфичные для религии признаки, как средство упорядочивания опытных данных как научный конструкт [McCutcheon, 1998]) в духе конвенционализма А. Пуанкаре, идеи которого перекликаются с идеями П. Бергера. С точки зрения последнего, «определения по своей природе не могут быть истинными или ложными, они могут быть более и менее пригодными» [Berger, 1967: 175]. Данный подход к определению религии в таком случае будет антиреалистичным.

Приступим к рассмотрению второго поставленного в начале статьи вопроса: влечёт ли дименсионалистский подход к определению религии обязательное принятие установок эссенциализма (антиреализма)? К сторонникам дименсионализма Е.И. Аринин [Аринин, 2014: 14] относит Н. Смарт и И.Н. Яблокова.

Ниниан Сمارт выделяет 7 измерений (dimensions) религии [Smart, 1997: 13-21]: ритуальное, опытное (или эмоциональное), мифическое, доктринальное, этическое, социальное и материальное. Подробное описание теоретических вы-

кладок Н. Смарт не входит в задачи данного исследования¹. Н. Сمارт отказывается от явного родовидового определения религии и поиска признаков, которые характерны только для неё. В отечественной науке творчество Н. Смарт, как было сказано выше, понимается в конструктивистском ключе, то есть его позиции приписывается антиреализм. Является ли такая интерпретация обоснованной?

Отказ от поиска видового отличия религии ничего не должен говорить нам об отказе термину «религия» в референциальности. Западный исследователь Тимоти Фитцджеральд рассматривает концепцию Н. Смарт именно как эссенциалистскую. Он приводит шесть аспектов [Fitzgerald, 2000: 57], в которых теория Н. Смарт предполагает наличие у религии референта в реальности в духе корреспондентской теории истины. В данной статье будет излишним воспроизводить рассуждения Т. Фитцджеральда, так как заинтересовавшийся читатель может с лёгкостью ознакомиться с ними самостоятельно.

Более уместным будет привести собственные соображения автора данной статьи. Н. Сمارт отказывается от явного определения религии, но включает объём этого понятия в объём понятия «мировоззрение» («worldview»). Вопрос об оправданности такого решения мы оставляем за скобками. Нас интересуют следствия применения такого подхода к определению религии. Семь измерений религии, по словам Н. Смарт, в той или иной степени присущи всем «мировоззрениям», и не присущи иным феноменам (а если присущи, то эти феномены следует относить к мировоззрениям). Следовательно, семь измерений религии можно интерпретировать в качестве сущностных признаков мировоззрения.

У понятия «мировоззрение», в свою очередь, находятся референты (по Смарту, ими являются христианство, буддизм, национализм, коммунизм). Таким обра-

¹ Кроме того, краткий обзор измерений религии Н. Смарт уже был сделан К.А. Колкуновой [Колкунова, 2010: 140].

зом, получается, что дименсионализм смартовского определения религии не освобождает его теоретическую систему от эссенциализма. Данный подход достаточно сложно отличить от изначально эссенциалистского подхода, при котором содержание понятия «религия» строится таким образом, что его объём расширяется, включая, например, политико-идеологические системы. Именно так поступил Э. Фромм, которого отнести к конструктивистам будет весьма проблематично.

В качестве примера, опровергающего то, что дименсионализм с необходимостью предполагает принятие конструктивистских установок, можно использовать теоретическую концептуализацию религии И.Н. Яблоковым. Указанный автор выделяет 5 измерений, в контексте которых религия представляет собой:

- необходимо возникающий в процессе становления человека и общества аспект их жизнедеятельности, её активно действующий компонент;
- способ выражения и преодоления человеческого самоотчуждения;
- отображение и воспроизведение поступающей «извне» информации;
- феномен культуры;
- общественную подсистему.

Как видим, эти измерения не характеризуют религию в рамках явного родовидового определения, скорее, они задают методологическую парадигму, в рамках которой «осуществляется синтез различных определений» [Яблоков, 2014: 164-165]. Однако, данный подход к определению религии не предполагает отказ от реалистических установок, то есть от попыток зафиксировать сущностные стороны религии: «Своеобразие религии выражается в типической комбинации и корреляции определённых черт, в большей по сравнению с другими областями духовной жизни их представленности и интенсивности, в особенной их субординации» [Яблоков, 2014: 164].

На основе вышеизложенного материала становится ясно, что тезис, состоящий в том, что среди различных способов концептуализации религии

можно выделить нормативный подход (отождествляемый с эссенциализмом) и противоположный ему дименсионалистский подход, является некорректным. Это обусловлено:

- во-первых, тем, что дименсионалистский подход к определению религии методологически противопоставляется подходам, которые основаны на явных родовидовых определениях (и не исчерпываются нормативистскими подходами);
- во-вторых, нет оснований противопоставлять дименсионализм эссенциализму, который, как было уже сказано, необоснованно отождествляется с нормативизмом. Это, в свою очередь, обуславливается наличием дименсионалистских подходов к определению религии, которые базируются на эссенциалистских установках.

В результате попыток выявить более репрезентативную картину, отражающую многообразие способов концептуализации религии, автор пришёл к выводу, что полемика сторонников разных подходов к определению религии развёртывается в следующих координатах:

- дименсионалистские подходы противопоставляются подходам, использующим явные родовидовые определения (эти подходы могут быть как нормативными, так и ненормативными);
- в другой плоскости находится противостояние реализма и антиреализма. Это значит, что дименсионалистские подходы могут быть как реалистическими (эссенциалистскими), так и антиреалистическими (конструктивистскими);
- то же самое относится и к подходам, которые используют явные родовидовые определения религии. Тот факт, что достаточно часто представители подходов к определению религии с помощью явного родовидового определения являются сторонниками эссенциализма (реализма), а представители дименсионализма – сторонниками конструктивизма (антиреализма), не свидетельствует о том, что указанные теоретико-методологические установки с необходимостью предполагают друг друга.

Список литературы:

Агаева Т.М. Роль классификации религий в становлении содержания религиозного сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. Ч. 1. №3(17). С. 19-22.

Аринин Е.И. Филологическое и этимологическое измерение религии // 750 определений религии: история символизаций и интерпретаций: монография / Под ред. Е. И. Аринина. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014. 460 с.

Колкунова К.А. Ниниан Смарт и современное религиоведение // Религиоведческие исследования. 2010. №3-4. С. 137-142.

Пуанкаре А. О науке: Пер. с фр. / Под ред. Л. С. Понтрягина. - 2-е изд., стер. М.: Наука. 1990. 736 с.

Фурсов А.А. Проблема статуса теоретического знания науки в полемике между реализмом и антиреализмом. М.: Издатель Воробьев А.В, 2013. 240 с.

Яблоков И.Н. Социология религии: теоретические аспекты. М.: МАКС Пресс, 2014. 260 с.

Berger P. The sacred canopy: elements of a sociological theory of religion. N.Y.: Anchor Books, 1967. 240 p.

Berger P., Luckmann, T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. L.: Penguin Books, 1991. 249 p.

Fitzgerald T. The Ideology Of Religious Studies. N.Y.,Oxford: Oxford University Press, 2000. 276 p.

McCutcheon R. Review of Bryan S. Rennie, Reconstructing Eliade // Religion. 1998. Vol. 29. 293 p.

McKinnon A. Sociological definitions, language games, and the «essence» of religion // Method and theory in the study of religion. 2002. Vol. 14. P. 61-83.

Popper K. The Poverty Of Historicism. L., N.Y.: Ark Paperbacks, 1957. 177 p.

Smart N. The Worlds Religions. Cambrige: Cambridge University Press, 1998. 608 p.

Smith J.Z. Imagining Religion. Chicago, L.: University Chicago Press, 1982. 165 p.

Об авторе:

Добрынин Динь Хиен – аспирант кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Россия, 119234, Москва, Ленинские горы, 1. Научная специализация: религиоведение, психология межрелигиозных отношений.

E-mail: din-dobrynin@mail.ru.

ESSENTIALISM AND CONSTRUCTIVISM IN APPROACHES TO DEFINING RELIGION

Din Khien Dobrynin

Abstracts. *The article touches upon different approaches to religion's conceptualization. The author makes an attempt to check the accuracy of the proposition according to which many ways of conceptualization of religion are reduced to two main approaches. One of them is the normative approach, which is associated with essentialism. Another approach is dimensionalism, which originates in constructivism. The author comes to the conclusion that this thesis is not correct. The article identifies other coordinates in the light of which it is possible to correctly typologize a wide range of existing approaches to religion's conceptualization. The author considers dimensionalist's models of religion to oppose to those ways of religion's conceptualization which involve explicit genetic definitions. The latter group of approaches can be divided into normative and non-normative.*

The author proves the thesis that essentialism is not a necessary part of approaches which based on generic definitions of religion. One of the arguments in favor of this statement is the existence of such religion's conceptualization strategies, which derived from the constructivist paradigm. Moreover, the essen-

tialistic traits have been found in dimensionalist's models of religion. This fact testifies to the incorrectness of reduction of dimensionalism to the sum of constructivist approaches to the definition of religion.

The author comes to the conclusion that many approaches to the definition of religion can be considered in two independent dimensions: on the one hand, there is a pronounced controversy between supporters of using of an explicit generic definition of religion and supporters of dimensionalist's models of religion; on the other hand, there is a confrontation between essentialist and constructivist paradigms, which are implemented in a plenty of contemporary attempts to define a religion.

Key words: definition of religion, essentialism, constructivism, dimensionalism, realism, antirealism, N.Smart, conventionalism, religion, K. Popper.

References:

Agaveva T.M. Rol' klassifikatsii religii v stanovlenii soderzhaniia religioznogo soznaniia [The role of classification of religions in the formation of the content of religious consciousness]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* - Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice, 2012, Part I, no. 3 (17), pp. 19-22 (In Russian).

Arinin E.I. Filologicheskoe i etimologicheskoe izmerenie religii [Philological and etymological dimension of religion]. *750 opredelenii religii: istoriia simvolizatsii i interpretatsii: monografiia* [750 definitions of religion: history of symbolism and interpretation: monograph] / Ed. E.I. Arinin. Vladimir, Publishing house of VSU, 2014. 460 p. (In Russian).

Kolkunova K.A. Ninian Smart i sovremennoe religiovedenie [Ninian Smart and contemporary religious studies]. *Religiovedcheskie issledovaniia* - Religious studies, 2010, no. 3-4, pp. 137-142 (In Russian).

Poincaré H. *La Valeur de la Science*. Paris, Urnest Flammarion, 1939. 304 p. (Russ. ed.: Puankare A. O nauke: Per. s fr. / Ed. L.S. Pont'ragina. - 2 ed., stereotypical. Moscow, Science, 1990. 736 p.).

Fursov A.A. *Problema statusa teoreticheskogo znaniia nauki v polemike mezhdu realizmom i antirealizmom* [The problem of the status of theoretical knowledge of science in the debate between realism and antirealism]. Moscow, Publisher Vorobiev A.V., 2013. 240 p. (In Russian).

Iablokov I.N. *Sotsiologiia religii: teoreticheskie aspekty* [Sociology of religion: theoretical aspects]. Moscow, MAX Press, 2014. 260 p. (In Russian).

Berger P. *The sacred canopy: elements of a sociological theory of religion*. New York, Anchor Books, 1967. 240 p.

Berger P., Luckmann, T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. London, Penguin Books, 1991. 249 p.

Fitzgerald T. *The Ideology Of Religious Studies*. New York, Oxford, Oxford University Press, 2000. 276 p.

McCutcheon R. Review of Bryan S. Rennie, Reconstructing Eliade. *Religion*, 1998, Vol.29, 293 p.

McKinnon A. Sociological definitions, language games, and the «essence» of religion. *Method and theory in the study of religion*, 2002, Vol.14, pp. 61-83.

Popper K. *The Poverty Of Historicism*. London, New York, Ark Paperbacks, 1957. 177 p.

Smart N. *The Worlds Religions*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 608 p.

Smith J.Z. *Imagining Religion*. Chicago, London, University Chicago Press, 1982. 165 p.

About the Author:

Dobrynin Din Khien – PhD student, the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Philosophy Faculty of Lomonosov Moscow State University. 119234, Russia, Moskva, Leninskie gory, 1. Specialization: religious studies, psychology of interreligious relations. E-mail: din-dobrynin@mail.ru.

ЛЕСТАДИАНСТВО И БРАТСКИЕ ОБЩИНЫ В РОССИЙСКОМ ЛЮТЕРАНСТВЕ КАК ЧАСТЬ ЕДИНОЙ ПИЕТИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ¹

О.В. Куропаткина

Аннотация. В статье сопоставляются лестадианство и братская традиция в российском лютеранстве как две части единой пиетистской традиции. Изложена краткая история и основные положения пиетизма, а также краткое описание истории лестадианства в Северной Швеции и деятельность пастора и антрополога Ларса Леви Лестадиуса. Описана также история проникновения лестадианства на территорию Российской империи. Лестадианство активно распространялось в Финляндии, а также через финнов-иммигрантов, приезжавших в Санкт-Петербург на заработки. Рассказана история общины «ушковайзет», или хеххулитов – лестадиан из Российской Карелии.. Изложены особенности вероучения и практики лестадиан: обязательная исповедь перед любым из «братьев» в общине, строгая семейная мораль (запрет на контрацепцию, развод и повторный брак), категорический запрет на алкоголь и отказ от «мирских» развлечений (спорта, видеофильмов, кроме документальных, нецерковной музыки, кроме некоторых классических произведений, и т.п.), нейтралитет по отношению к государственной власти. В статье также изложена история братской традиции в российском лютеранстве. Во время Второй мировой войны многих немцев депортировали, лютеранская церковь была фактически разгромлена. В постсоветское время братские общины сталкиваются с тем, что пасторы официальной церкви слишком, на их взгляд, либеральны, и либо отказываются от контактов, либо требуют признать их право соблюдать свои традиции. На основании исследования автор приходит к выводу, что лестадианство и братская традиция в российском лютеранстве обнаруживают схожие черты в вероучительных и социальных установках: идея «рождения свыше», оппозиция церковному руководству и отстаивание независимости своих общин, жесткое отделение себя от мира, строгая семейная и бытовая мораль, нейтральное или дистанционное отношение к государству – что позволяет считать их частями единой пиетистской традиции, которые следует изучать в сопоставлении друг с другом.

Ключевые слова: лютеранство, пиетизм, скандинавские страны, Ларс Леви Лестадиус, лестадианство, Российская империя, Карелия, ушковайзет, хеххулиты, братские общины.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01194, на базе Уральского федерального университета (УрФУ).

Лестадиянство – консервативное лютеранское движение, возникшее в середине XIX в. благодаря проповеди пастора Ларса Леви Лестадиуса среди саамов, братские общины – это лютеранские объединения в России, придерживающиеся пиетистской (см. ниже) традиции. В западной науке лестадианство хорошо изучено – достаточно упомянуть фундаментальные исследования В. Хепокоски (W. Hapokoski) и Э. Суоминена (E. Suominen). В российской науке лестадианство изучено значительно меньше – подробно личность Ларса Леви Лестадиуса и история его проповеди среди саамов изложена в диссертационной работе М.П. Широной (2009), кратко упоминает его исследователь истории Церкви Швеции О.В. Чернышева; о российских лестадианах кратко рассказано в монографии М.А. Витухновской. Братские общины и в целом пиетистская традиция в российском лютеранстве описана в рамках масштабного исследования социологов религии из Кестонского института (серии «Современная религиозная жизнь России», «Атлас современной религиозной жизни России», «Религиозно-общественная жизнь российских регионов»).

И лестадианство, и лютеранская братская традиция относятся к одному «крылу» большого движения – пиетизма, к его закрытой, дистанцированной от общества части. Чтобы увидеть две формы пиетизма как единую традицию и оценить скандинавские и российские религиозные процессы более полно и взвешенно, в статье изложены социальные установки этих общностей в рамках сравнительного метода.

Необходимо сказать несколько слов о той традиции, к которой принадлежат и лестадиане, и лютеранские братские общины – пиетизме. Пиетизм (от лат. *pietas* – благочестие) – это движение, возникшее внутри немецкого лютеранства в XVII в., которое был сосредоточен на углублении молитвенной жизни христиан и на их личном благочестии. В центре внимания пиетизма – идея покаяния и «рождения свыше» – человек не про-

сто сожалеет о конкретном поступке, а с ним происходит коренной переворот, он полностью меняет жизнь в результате действия Божьей благодати. «Возрожденные» люди образуют «ячейку» Царства Божия на земле, которое они должны строить здесь и сейчас. Такой ячейкой были малые домашние группы (конвектикулы), где люди вместе читали Библию, делились опытом своего покаяния и обсуждали его [Gordon].

Пиетизм, возникнув в Германии, в XVIII в., попал в скандинавские страны и способствовал возникновению в них общественно-политических движений. Пастор и антрополог Ларс Леви Лестадиус (1800-1861), проповедовавший среди саамов в Северной Швеции, в 1844 г. услышал проповедь о «рождении свыше», принял этот опыт и начал «движение возрождения» среди своей паствы, положившее начало лестадианству [Cornell]. В настоящее время насчитывается около 200 тыс. лестадиан, более половины проживает в Финляндии [Смирнов].

Помимо «рождения свыше», к важным особенностям лестадианства относится практика обязательной исповеди перед любым из «братьев» в общине, а также строгая семейная мораль (запрет на контрацепцию, развод и повторный брак), категорический запрет на алкоголь и отказ от «мирских» развлечений (спорта, видеофильмов, кроме документальных, нецерковной музыки, кроме некоторых классических произведений, и т.п.). По отношению к государственной власти сохраняется нейтралитет, запрещены выступления против власти, но не поощряется голосование за «нецензурные» партии [Suominen].

Попало лестадианство и на территорию России, прежде всего через Финляндию, которая в XIX в. входила в Российскую империю. На Мурмане, по некоторым свидетельствам, жили финны-лестадиане [Орехова, 2009: 121]. Лестадианские проповедники в 1870-е гг. часто посещали Санкт-Петербург, работая среди финнов, приехавших туда на заработки [Невалайнен, 2005: 48]. Ещё одна группа – лестадиане, которые назывались «ушковайзет»,

или хеххулиты, появившиеся в 1870-х гг. в с. Ухта (российская Карелия) в 1870-х гг. На их собраниях Библия читалась по-фински и разъяснялась по-карельски, а в конце богослужения хеххулиты каялись в грехах, исповедовались перед «истинно верующим» (для исповеди не нужен был священник) и впадали в коллективный транс. Хеххулиты не призывали уходить из православной церкви, считая, что в любой конфессии можно обрести истинную «сердечную» веру [Витухновская, 2006: 113]. Лестадиянство, несмотря на гонения, оказалось очень привлекательным для карел, поскольку было сходно с популярным у них старообрядчеством своим нравственным ригоризмом [Витухновская, 2006: 114].

Братская традиция лютеранства в России так же, как и лестадиянство, связана с пиетизмом. С 1760-х гг. по манифесту Екатерины II в Россию стали приезжать немцы-колонисты; те из них, кто исповедовал лютеранство, были, как правило, пиетистами. Селились они в Поволжье и в Крыму. Во время Второй мировой войны многих немцев депортировали. Лютеранская церковь была фактически разгромлена. В общинах сосланных немцев на первый план вышла именно пиетистская традиция: личная молитва, строгие моральные нормы, равнодушие к обрядности [Братские общины, 1997].

Когда в постсоветское время лютеранские структуры стали восстанавливаться, то обнаружилось, что либеральная немецкая церковь, под патронажем которой восстанавливались церковные структуры, имеет очень мало общего с консервативными братскими общинами. Кто-то вступил в Евангелическо-лютеранскую церковь («немецкую» ЕЛЦ), какие-то об-

щины - в более консервативную «финскую» Евангелическо-лютеранскую церковь Ингрии (ЕЛЦИ) – например, в Саратове, Минусинске, Абакане, Саяногорске [Лютеранство, 2003: 41], несколько групп вошли в Евангелическо-лютеранскую церковь Аугсбургского исповедания (ЕЛЦ АИ) [Алтайский край, 2013: 60-61], а кто-то остался на положении автономных общин, жестко критикуя руководство лютеранских церквей за либерализм [Филатов, Стенина, 2002]. Их много в Алтайском крае – одном из центров независимых братских общин. Евангелическо-лютеранская церковь (ЕЛЦ) с конца 1990-х гг. признает право братских общин сохранять свои традиции [Лютеранство, 2003: 40].

Большая часть «братских» общин находится в Поволжье, на Урале и в Сибири. Внутри этих общин приняты острые эсхатологические ожидания и жесткая дистанция от государства (многие общины отказываются от регистрации). Они жестко придерживаются консервативных традиций XIX в. в богослужении, семейной морали и в быту [Лютеранство, 2003: 25; Кемеровская область, 2016: 295; Красноярский край, 2005: 462].

Таким образом, лестадиянство и братская традиция в российском лютеранстве обнаруживают схожие черты в социальных установках: идея «рождения свыше», оппозиция церковному руководству и отстаивание независимости своих общин, жесткое отделение себя от мира, строгая семейная и бытовая мораль, нейтральное или дистанционное отношение к государству. Это позволяет считать их частями единой пиетистской традиции, которые следует изучать в сопоставлении друг с другом.

Список литературы:

- Алтайский край // Религиозно-общественная жизнь российских регионов / Ред. и сост. С.Б. Филатов. Т. 1. СПб., М.: Летний сад, 2013. С. 33-69.
- Братские общины // Вестник/DerBote. 1997. № 3. С. 27.
- Витухновская М.А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905-1917. СПб.: Норма, 2006. 381 с.

Кемеровская область // Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т. 2. / Ред. и сост. С.Б. Филатов. СПб., М.: Летний сад, 2016. С. 273-306.

Красноярский край // Атлас современной религиозной жизни России: в 3 тт. Т. 1 / Под ред. М. Бурдо и С. Филатова. СПб., М.: Летний сад, 2005. С. 443-476.

Лютеранство // Современная религиозная жизнь России. Энциклопедия: в 4 тт. Т. 2 / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.: Логос, 2003. С. 11-80.

Невалайнен П. Исход. Финская эмиграция из России, 1917-1939 гг. СПб.: Коло, 2005. 446 с.

Орехова Е.А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX - первой трети XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2009. 311 с.

Смирнов М.Ю. Лестадиянство [Электронный ресурс] // Энциклопедия. URL: http://summa.rhga.ru/edin/schools/detail.php?raz=2&ELEMENT_ID=5304 (дата обращения: 15.10.2018).

Филатов С., Степина А. Русское лютеранство: между протестантизмом, православием и католицизмом [Электронный ресурс] // Дружба народов. 2002. №9. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2002/9/fil.html> (дата обращения: 15.10.2018).

Cornell V. Laestadianism and the Loss of the Traditional Sámi Worldview // Texas Liberal Arts. Available at: <https://www.laits.utexas.edu/sami/diehtu/siida/christian/vulle.htm> (accessed 15 October 2018).

Gordon R. Pietism in 17th century Germany // Church of the Brethren Network. Available at: <http://www.cob-net.org/pietism.htm> (accessed 07 July 2017).

Suominen E. An examination of the pearl // An examination of the pearl. Available at: <http://examinationofthepearl.org/> (accessed 30 October 2018).

Об авторе:

Куропаткина Оксана Владимировна – кандидат культурологии, заместитель директора Центра изучения и развития межкультурных отношений, 119571, Москва, проспект Вернадского, 127-1, специализация – протестантизм, piatved@mail.ru.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01194, на базе Уральского федерального университета (УрФУ).

LAESTADIANISM AND RUSSIAN LUTHERAN BRETHREN AS THE PARTS OF THE UNITED PIETISTIC TRADITION

O.V. Kuropatkina

Abstracts. The article compares the Laestadianism and Russian Lutheran Brethren as two parts of the Pietistic tradition. A brief history and the main provisions of the Pietism are outlined, as well as a brief description of the history of Laestadianism in the Sweden and the activities of Lars Levi Laestadius. Also the article describes the history of the Laestadianism in the Russian Empire. Laestadianism was spread in Finland, as well as through Finn immigrants who came to St. Petersburg. The story of the community "Uskovayset", or Hihhulites is set out. The features of the beliefs and practices of the Laestadians are set out: mandatory confession before "brothers", strict family morality (prohibition of contraception, divorce and remarriage), a categorical ban on alcohol, and the rejection of "worldly" entertainment. The article also describes the history of the Russian Lutheran Brethren. During World War II, many Germans were deported, and the Lutheran church was actually crushed. Post-Soviet Russian Lutheran Brethren are faced with the fact that pastors of the official church are too liberal and either refuse to contact with official Lutherans or demand to recognize their right to keep their traditions. Based on the study, the author comes to the conclusion that Laestadianism and Russian Lutheran Brethren have similar features in their religious and social attitudes: the idea

of «born again», opposition to official church, strict separation of themselves from the world, strict morality, neutral or distant attitude to a state — it makes them the considered parts of the united Pietistic tradition.

Key words: Lutheranism, Pietism, Scandinavian countries, Lars Levi Laestadius, Laestadianism, Russian Empire, Karelia, Uskovaiset, Hihhulites, Lutheran Brethren

References:

Altaiskii krai [Altai Krai]. *Religiozno-obshchestvennaia zhizn' rossiiskikh regionov* [Religious and social life of the Russian regions] / Ed. and comp. S.B. Filatov. T. 1. Saint-Petersburg, Moscow, Summer Garden, 2013. pp. 33-69 (In Russian).

Bratskie obshchiny [Lutheran Brethren]. *Vestnik/Der Bote – Gazette*, 1997, no. 3, p. 27 (In Russian).

Vitukhnovskaia M.A. *Rossiiskaia Kareliia i karely v imperskoi politike Rossii, 1905-1917*. [Russian Karelia and Karelians in the imperial policy of Russia, 1905-1917]. Saint-Petersburg, Norma, 2006. 381 p. (In Russian).

Kemerovskaia oblast' [Kemerovo Oblast]. *Religiozno-obshchestvennaia zhizn' rossiiskikh regionov. T. 2*. [Religious and social life of the Russian regions] / Ed. and comp. S.B. Filatov. Saint-Petersburg, Moscow, Summer Garden, 2013. pp. 273-306 (In Russian).

Krasnoarskii krai [Krasnoyarsk Krai]. *Atlas sovremennoi religioznoi zhizni Rossii: v 3 tt. T. 1* [Atlas of modern religious life in Russia. In 3 vols. V. 1] / Eds. M. Burdo and S. Filatov. Saint-Petersburg, Moscow, Summer Garden, 2005. pp. 443-476 (In Russian).

Liuteranstvo [Lutheranism]. *Sovremennaiia religioznaia zhizn' Rossii. Entsiklopediia: v 4 tt. T. 2* [Modern religious life of Russia. Encyclopedia. In 4 vols. V. 2] / Eds. M. Burdo, S. Filatov. Moscow, Logos, 2003. pp. 11-80 (In Russian).

Nevalainen P. *Iskhod. Finskaia emigratsiia iz Rossii, 1917-1939 gg.* [Exodus.Finnish emigration from Russia, 1917-1939]. Saint-Petersburg, Kolo, 2005. 446 p. (In Russian).

Orekhova E.A. *Kolonizatsiia Murmanskogo berega Kol'skogo poluostrova vo vtoroi polovine XIX - pervoi treti XX vv.: dis. ... kand. istor. nauk* [Colonization of the Murmansk coast of the Kola Peninsula in the second half of the 19th century - first third of the 20th century. Cand. hist. sci. diss]. Saint-Petersburg, 2009. 311 p. (In Russian).

Smirnov M.Iu. Lestadianstvo [Laestadianism]. *Entsiklopediia - Encyclopedia*. Available at: http://summa.rhga.ru/edin/schools/detail.php?rraz=2&ELEMENT_ID=5304 (accessed 15 October 2018) (In Russian).

Filatov S., Stepina A. Russkoe liuteranstvo: mezhdu protestantizmom, pravoslaviem i katolitsizmom [Russian Lutheranism: between Protestantism, Orthodoxy and Catholicism]. *Druzhba narodov – Friendship of Peoples*, 2002, no. 9. Available at: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2002/9/fil.html> (accessed 15 October 2018) (In Russian).

Cornell V. Læstadianism and the Loss of the Traditional Sámi Worldview. *Texas Liberal Arts*. Available at: <https://www.laits.utexas.edu/sami/diehtu/siida/christian/vulle.htm> (accessed 15 October 2018).

Gordon R. Pietism in 17th century Germany. *Church of the Brethren Network*. Available at: <http://www.cob-net.org/pietism.htm> (accessed 07 July 2017).

Suominen E. An examination of the pearl. *An examination of the pearl*. Available at: <http://examinationofthepearl.org/> (accessed 30 October 2018).

About the Author:

Olga V. Kuropatkina – PhD in Cultural Studies, Deputy Director of the Study and Development of Cross-Cultural Relations Center, 127-1 Vernadskogo pr., Moscow, Russia, 119571, specialization – Protestantism, piatved@mail.ru.

ВИДЕОГИФ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Б.Р. Братина, О.А. Братина

Аннотация. Видеогиф – пример медиаобраза, творчества аудитории, созданный доступными средствами и ухвативший суть актуального события. Медиаобраз – образ, транслируемый посредством медиа, формирующий индивидуальное и общественное сознание. Видеогиф – это низкокачественные изображения, самодельные видеоклипы; сюжеты, снятые на мобильный телефон. Gif вместе с тем – анимации, использующиеся в социальных сетях для выражения эмоций; мемы; юмористические коллажи.

Теоретическое осмысление феномена видеогифа возможно на основе исследований о “бедном образе” Хито Штейерль. Видеогиф ломает классическую иерархию верха/низа, нормированного/ненормированного, дозволенного/запрещённого, уводя нас в область социального и культурного карнавала. Новый режим контроля напоминает монадическую систему функционирования Лейбница. Каждый из пользователей может поддерживать связь друг с другом исключительно через «верховную монаду». Видеогиф – двуликий феномен культуры: с одной стороны, он создаёт иллюзии личной свободы, с другой стороны, является агентом глобализации. В современном мире наблюдается всплеск творческой инициативы аудитории: читательской, зрительской и писательской. В видеогифе нужно видеть нарастающую социальную и политическую силу. Это новый способ выражения коллективных идеалов, включая идеалы маргинальных групп.

Ключевые слова: Медиаобраз, видеогиф, визуальное, идеология, культура, общественное сознание, народное творчество.

Исследование феномена медиаобраза необходимо для понимания современной социальной действительности и раскрытия алгоритмов создания новых исторических и культурных мифологем, направленных на изменение, а иногда и на искажение образов реальной действительности. Введённые в медиаоборот понятия “медиареволюция”,

“медийные войны”, “медиагерой”, “медийная персона” говорят о становлении нового этапа исторической действительности с новыми персонажами. Их имена:

Эдвард Сноуден – человека, который доказал существование “Великого брата”;

– Джулиан Ассанж – человека, который посредством медиа разобла-

чил преступления и интеллектуально-технологические средства Американской Империи;

– Джереми Симерман – человек, который технически доказал, что у нас отнята приватность);

– Марк Цукерберг – хозяин Facebook-а, в 2018 г. передавшего персональные данные пользователей социальных сетей силовым структурам США).

Видеогиф – новый социокультурный феномен медиареальности, который демократично и популярно, доступными средствами доводит распространённые в обществе суждения и мнения, реализуя так называемое “народное творчество”. Зачастую это низкокачественные изображения, циркулирующие в интернете и социальных сетях в качестве реакции на актуальную тему (события, праздники).

Распространение простого “самодельного” образа, творческой, социальной и политической инициативы аудитории связано с технологическими продвижениями. В каждом телефоне теперь есть камера высокого разрешения, что позволяет легко снимать случайные или постановочные видео, монтировать чужие видео или ретушировать фотографии, снимать небольшие мультипликационные фильмы. Площадками для обмена актуальными видеогифами стали социальные сети Facebook, Vkontakte, WhatsApp, Viber.

Видео, мемы, смайлики, изображения и фотографии стали эффективными коммуникативными средствами. Примером общения на уровне визуального является Instagram. В нём история, прошлое, путешествия, биография, значимые события, окружение – всё отражено в фотографиях. За каждым человеком тянется “лунная дорожка” из изображений, анимаций, скриншотов, видеоклипов, “аватаров”, вступающих в коммуникацию с другим. Является ли это свободой выражения или новым средством культурного, коммерческого и идеологического воздействия на массы?

Шесть лет назад в своём эссе «В защиту бедного образа» исследователь медиа

Хито Штейерль осмысливает явление “бедного образа” (*poorimage*) [Steyerl, 2012]. “Бедный образ” возникает на фоне усиления визуального в коммуникации. Одной из важнейших характеристик в культуре цифровых изображений становится разрешение (*resolution*). Это был 2012 год, что для технологического развития – большой срок. История видеогифа начинается с истории “бедного образа”. Сейчас “бедный образ” стал сложнее, визуально интереснее, обогатился техническими средствами и приёмами.

Изображения высокой чёткости – сверхнасыщенные, богатые образы – прямо заявляют о своих претензиях на конструирование социальной реальности, оставаясь прочно встроенными в систему культуры потребления и систему власти. Вспомним “фабрику грёз” и дорогостоящий, высококачественный и высокооплачиваемый кинематограф. Его производство всегда было частью национальной культуры, студийного производства и культа оригиналов.

В дорогих рекламных блоках, гляцевых журналах, блокбастерах, заказчики и исполнители при помощи красивых картинок увязывают идею счастья и успеха с культурой потребления. Визуальное сегодня служит обогащению. Долгое время производство видео являлось полем элитарной культуры. Оно требовало дорогостоящего оборудования, навыков обращения с ним и включённость в профессиональное сообщество, открывавшее автору доступ к аудитории. С некоторыми оговорками то же самое можно сказать о фотографии и дизайне. Сейчас смартфон с камерой высокого разрешения перестал быть средством роскоши, а каналы передачи данных расширились настолько, что отправление видео и просмотр их он-лайн стали обыденным занятием. Другой этап развития технологий связан с появлением социальных сетей, где наиболее быстрая коммуникация также происходит посредством изображения.

Опираясь на авторское понятие “бедного образа” Хито Штейерль, мы определяем стержень понятия видеогифа как

феномена культуры, теоретически не проработанного в современном интеллектуальном пространстве. «Бедный образ – это люмпен-пролетарий в классовом обществе изображений; копия в движении, плохого качества, с разрешением, не дотягивающим до стандартов; это призрак образа, превью, набросок, блуждающая идея, странствующий образ, распространяемый задаром, восстановленный, обрезанный, и вставленный в другие каналы распространения» [Steyerl, 2012: 32]

В соответствии с этими доводами, влияние видеогифов на формирование индивидуального сознания и отношения к происходящим в культуре, политике событиям растёт, как растёт и техническая оснащённость самих медиа. Мы можем предположить, что видеогиф является средством воздействия на массы со стороны властных и коммерческих структур. Метод “наивного медиаписма” совершенствуется и, возможно, будет использоваться в рекламных целях.

До сих пор кажется, что всё, что может создать талантливый человек или группа людей, может быть воспроизведено и использовано системой в своих целях. Видеогифы на своём начальном этапе развития задают основы новой культуры визуального. Интернет-мемы полагаются на сетевую нерыночную солидарность, представляя собой опасность «визуального андеграунда», который выражает не только многосторонний интерес, но и назревающий социальный протест. Неудивительно, что высококачественные СМИ, в свою очередь, пытаются использовать ресурсы видеогифа в серийном потоке производства коммерческой и социальной рекламы.

Связанный с творчеством вопрос авторских прав остаётся актуальным. Некогда монополия на визуальное была у государственных телеканалов, потом появилась конкуренция в лице частных телеканалов. Вопросы об оригинале и копии, пиратских дисках стали вопросами обороны так называемого “святого оригинала”, если он когда-либо существовал. Мы знаем, что в постмодерной современ-

ности плагиат частично отрицается. Цитирование, эклектичное смешение стилей, палимпсестное копирование часто используются в качестве собственного интеллектуального продукта.

Можно вспомнить пример современной действительности СССР: на уроках рисования к празднику Великого Октября школьники могли рисовать красный флаг, Кремль, большевиков, но не могли рисовать портрет Ленина. Сейчас нет неприкосновенных ликов, все могут рисовать, карикатурировать, определяя комический или романтический вид изображённого объекта. Понятия “оригинал” и “копия” стали относительными. Всякий результат редактируется, корректируется, имитируется и репродуцируется. “Бедный образ больше не имеет отношения к чему-то подлинному. Вместо этого он воплощает свои собственные подлинные условия бытия” [Steyerl, 2012: 23]. Он создаёт новую реальность, условия которой прочно утверждены в сознании людей, получающих и отправляющих видеогифы по новым каналам сетей.

“Святого оригинала” просто – напроsto не осталось. Мы знаем пример “иконы”, которую реставрировала 83-летняя прихожанка Храма Милосердия в испанском городе Борха Сесилия Хименес. Она попыталась восстановить лик Иисуса. Сейчас эту икону в СМИ называют “пушистый Иисус”, а город – новым местом туристического паломничества. “Уникальная икона” в первоначальном классическом виде не была интересна публике. Художника Элиаса Гарсиа Мартинеса никто не знал, а после “реставрации” прихожанкой Сесилией, икона стала артефактом культурного интереса и некоего религиозно-художественного поклонения. Подобное изображение Иисуса в той же Испании в XV-XVI вв. привело бы художника к очистительному от ереси “костру”, а в XIX в. к отлучению от Церкви. Сейчас же поле “сакрального” сильно пошатнулось и благодаря видеогифам и сетям потрескавшаяся фреска стала объектом внимания туристов и прихожан. Также много примеров можно

привести из области политики. Краткие видеогифы о культурных и политических явлениях могут быть ироничными, карикатурными, иносказательными, как видеогиф декабря 2017 г. про Деда Мороза, который “украл” Рождество у Санта Клауса.

Автор того или иного популярного видео может не повторить свой предыдущий успех, потому что не обладает технологиями, репутацией, престижем, стабильным рейтингом или финансовыми вложениями, необходимыми для создания нового культурного продукта. Мы не можем говорить о постоянном творческом процессе, но некоторые идеи чётко и прозрачно, уловив дух времени, в отдельно взятом моменте, могут быть уложены в видеогиф с миллионными просмотрами, фокусируя внимание аудитории и резонируя новыми и новыми ссылками. На экранах компьютеров и смартфонов всё чаще встречаются и профессионально сделанные видеогифы.

Медиаобраз живёт в постоянной социокультурной трансформации. Он похож на киноленту, кадры которой останавливают, вырезают, переставляют, снова крутят и показывают. И эта лента Мёбиуса бесконечна. Финального кадра нет, как нет одного режиссёра или автора сценария. В этом привлекательность видеогифа. Он открыт творчеству масс.

Видеогиф уводит нас в область социального и культурного карнавала, где с помощью масок рушится иерархия верха/низа, нормированного/ненормированного, дозволенного/запрещённого. [Штайн, 2012:32] Как и карнавал, он “враждебен всякому увековечению, завершению и концу” [Бахтин, 1965:243]. Конечно, видеогиф несёт в себе идеологическую составляющую. Он в своих трансформациях никогда не равен своему оригиналу и реализуется через необходимые метафоры и метонимии. Штейерль пишет: “Утрачивая визуальную плотность, он возвращает себе политическую мощь” [Steyerl, 2012:42]. В видеогифе всегда присутствует пустота, которую можно заполнить собственной интерпретацией. Видеогиф по-своему

схож с карнавальной маской или костюмом.

Много актуальных масок производится в мире. К Чемпионату мира по футболу 2018 г. выпустили серию масок известных футболистов для болельщиков. Последняя коллекция включает 12 изображений: Месси, Роналду, Неймара, легенд футбола Марадоны и Пеле. Популярными и значимыми становятся маски из фильмов. Например, из фильма “Крик” (режиссёр Кевин Уильямсон) или маска Дарта Вейдера из “Звёздных войн” (режиссёр Джордж Лукас). Дарт Вейдер появляется не только на площадях и в протестующей толпе, он подаёт свою кандидатуру на выборы в Президенты Украины 2014 г. Заместитель главы «Интернет-партии Украины» Виктор Алексеевич Шевченко, 1956 г. рождения, использовал образ Дарта Вейдера в предвыборной кампании.

Самой популярной и известной маской стала маска Гая Фокса из фильма “V значит Вендета” (“V For Vendetta”, режиссер Джеймс МакТиг). Маска Гая Фокса – показательный пример мема, сделавшего звёздную карьеру в пространстве низовых политических инициатив” [Steyerl, 2012:54]. В фильме она символизировала анонимный протест против тоталитарного правительства (уже более как 5 лет стало ясно, где “Большой брат” живёт). Данная маска символизировала сетевую организацию хакеров “Anonymous”, выступающих против правообладателей. “Anonymous”, популярная группа хактивистов (активистов-хакеров), осуществляла набеги на разные цифровые инстанции и называла себя цифровой анархией в мире Интернета. В 2012 г. американский журнал “Тайм” включил их в список наиболее влиятельных людей года, что говорит об общественном признании организации, не имеющей лидера, эмблемой которой является костюм с вопросительным знаком вместо головы и маской Гая Фокса вместо лица. Судьба маски – символ протеста, понятного всем от участников «Оккупируй Уолл-Стрит» до митингующих на Болотной площади в Москве.

В протестных современных движениях встречаются и другие маски. Например, 22 марта 2018 г. в Страсбурге (Франция) часто встречались маски “молодых ову” со смешными разноцветными шляпами. Во Французский общенациональный день при протесте против трудовой реформы в 2018 г. использовались маски с лицом Э. Макрона. Часто в протестной толпе можно встретить на лицах противогазы.

Видеогиф – двуликий социокультурный феномен: с одной стороны, он создаёт иллюзии личной свободы, с другой стороны, является агентом глобализации. Доступное изменение облика – впечатление “откровенного” и открытого разговора в соцсетях, но не сам разговор. «Впечатление, а не погружение. Яркость, а не созерцательность» [Steyerl, 2012:42].

Видеогиф – социальная, культурная и политическая сила, способная к перестраиванию реальности. В современном мире наблюдается всплеск творческой инициативы аудитории: читательской, зрительской, и писательской. Каждый считает себя писателем, поэтом, фотографом и режиссёром. Техническое оснащение позволяет каждому писать, снимать и фотографировать.

Графомания и фотомания располагаются и отвоёвывают топасы у истинного творческого пространства. Про смерть автора стали говорить за полвека до того, как в Японии при получении литературной премии в шорт-лист был включён рассказ «День, когда компьютер напишет роман». Рассказ прошёл отбор в 1450 кандидатов. Автор рассказа «Нечеловек» – так именуют программу написания художественных произведений. Стивен Индерман, глава компании-разработчика ИИ, говорит о показателе быстрого развития машинных алгоритмов. При написании рассказа задаётся сюжет и альтернативные ситуации, «нечеловек» делает выбор и получается новое произведение. На премию принимались рассказы ещё 11 роботов или «неживых участников», но они не прошли в финал. Мы можем говорить о работе типа составления документации, анализа готовых текстов,

но сложнее говорить о творчестве со стороны роботов. Известно, что в современности идут споры о необходимости легитимизировать права роботов.

С уверенностью можем сказать, что современные СМИ приближаются к идеалу монадической системы функционирования Лейбница. Каждый из нас может поддерживать связь друг с другом, но только и исключительно через «верховную монаду». Она передаёт содержание от пользователя к пользователю и ничего кроме, что передаёт «верховная монада», не входит в расчёты, потому как монады действительно закрыты и «не имеют окон». Другими словами, у них нет независимой, свободной коммуникации. Она находится под строгим контролем центральной монады и является единственно возможной [Братина, 2013: 46].

Такая модель режимной работы современных медиа не поддерживает свободную коммуникацию их пользователей. Целенаправленный и тщательно контролируемый процесс обмена информацией мы могли бы назвать имперской моделью коммуникации. Большой Брат заменил “умершего” 120 лет назад Бога не только в философии. На его месте появился «святой» Google, представляющий всевидящую и всезнающую центральную монаду. Возможности избавления от такого положения дел не очевидны, как не очевидно и то, произойдёт ли марксистская эмансипация “через рабство”.

В разгар грозного контента “паноптикума” новой информационной власти есть и хорошие идеи. Видеогиф как и любой медиаобраз – это новый способ выражения коллективных идеалов, включая идеалы маргинальных и других больших и малых культурных и субкультурных групп. Видеогифы в Интернете – это среда для тех, чьи голоса не слышны или закрыты для официальных медиа.

Видеогиф стал малым топосом приватности. Частная сфера человека фактически помещена в Интернет в обмен на популярность. Например, существует множество творцов с ярко выраженной склонностью к нарциссизму, которые записывают свою повседневную жизнь

и транслируют в прямом эфире в определённом блоге (онлайн-жизнь), не говоря о реалити-шоу, переполняющих Интернет и телевидение. В отличие от этих причудливых вещей, дело обстоит совсем иначе, когда речь заходит о “серьёзных вещах”. Каждый индивид может стать объектом просмотра в силу запроса технического или административного ресурса. “Прозрачность” приватной сферы стала приемлемым договором в обмен на пользование гаджетами.

На вопрос журналистов Мартина Кноббе (Martin Knobbe) и Йорга Шиндлера (Jörg Schindler) для немецкого журнала “Шпигель” (Der Spiegel): “Чего Вы добились?” Эдвард Сноуден ответил: “Летом 2013 г. общественность узнала о том, о чём до этого знать было запрещено. О том, что правительство США могло узнать обо всём из вашего аккаунта на Gmail. Что ему не нужен для этого ордер на обыск, если ты не американец, а, например, немец. Такой вид дискриминации является нарушением основных прав. Но всё больше стран, не только США, занимаются этим. Я хотел дать шанс обществу решить самому, где оно проведёт свои границы” [Spiegel, 2016].

В случае со среднестатистическим потребителем социальных сетей можно говорить, что люди сами предъявляют или отдают большой объём личной информации, добровольно принимая условия договора взамен на возможность пользования аккаунтом. Одна из особенностей медиареальности – отсутствие попыток скинуть маски. Драма может обернуться комедией (вспомним карнавал как “перевёртыш” М.М. Бахтина), приватное – публичным, а маска – лицом. Ничто не реально в полной мере и одновременно всё определяет реальность. Видеогиф минимальными средствами демонстрирует возможность невозможного, реальность вымышленного.

Медиаобразы в век социальных сетей, смартфонов, дронов, которые посылают wi-fi прямо с неба, живут на поверхности или глубоко на дне изображения, наполняя его социальным, коммерческим и идеологическим содержанием. V-человек-маска из фильма “V For Vendeta”, говорит своему убийце: “Под этой маской нечто большее, чем тело. Под ней идея. А идеи не умирают”.

Социокультурный феномен медиаобраза необходимо учитывать при раскрытии алгоритмов создания новых исторических мифологем. Одним из видов медиаобраза является видеогиф – новый популярный феномен медиареальности, который доступными средствами распространяет общественное мнение. Видеогиф, в свою очередь, “вырос” из теоретического осмысления явления “бедного образа”, о котором шесть лет назад писала Хито Штейерль.

Влияние видеогифов на формирование индивидуального и общественного сознания и отношения к происходящим в культуре и политике событиям растёт, как растёт и техническая оснащённость самих медиа. Нужно признать, что до XXI в. производство видео требовало дорогостоящего оборудования, навыков обращения с ним и включённость в элитарное профессиональное сообщество, открывавшее автору доступ к аудитории.

Видеогиф – двуликий социокультурный феномен: с одной стороны, он создаёт иллюзии личной свободы, с другой стороны, является агентом глобализации. В современном мире наблюдается всплеск творческой инициативы аудитории: читательской, зрительской и писательской. В видеогифе нужно увидеть нарастающую социальную и политическую силу. Это новый способ выражения коллективных идеалов, включая идеалы маргинальных и других культурных групп.

Список литературы:

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. 543 с.

Штайн О.А. Маска как форма идентичности: Введение в философию образа. СПб.: Издательство РХГА, 2012. 160 с.

Я не российский шпион. Интервью Spiegel с Э. Сноуденом, Газета. Ru [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170912/240261322.html> (дата обращения: 06.06.2018).

Братина Б. Теория одного дня: тотальный контроль? // ActaEruditorum. 2013. № 13. С. 45-48.

Steyerl H. The Wretched of the Screen. L.: Sternberg Press, 2012. 198 p.

Об авторах:

Братина Борис Рудольфович - профессор, профессор кафедры философии философского факультета Университета в Приштине (КосовскаМитровица). Сербия, 38220, КосовскаМитровица, ул. Филиппа Вишница, 6/6. Научные интересы: онтология, современная философия, политическая теория. E-mail: bokibor@yahoo.com.

Братина Оксана Александровна - кандидат философских наук, доцент, научная школа "Проксима: социальная онтология в конструктивно-герменевтическом аспекте", Удмуртский государственный университет, кафедра философии. Россия, 426010, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 6. Научные интересы: социальная философия, современная философия. E-mail: shtaynshtayn@gmail.com.

VIDEOGIF AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMEN

B.R. Bratina, O.A. Bratina

Abstracts. Videogif is an example of a media image, a manifestation of the audience's creativity, created by available means and grabbed the essence of the current event. The media image is an image, broadcast through the media, which forms an individual and public consciousness. These are low-quality images: homemade video clips; subjects, filmed on a mobile phone; gif-animation, used in social networks to express emotions; memes; humorous collages. Theoretical comprehension of the phenomenon of the videogif is possible on the basis of studies on the "poor image" of Hito Steyerl. Videogif breaks the classical hierarchy of the top/bottom, normalized/unregulated, permitted/forbidden, leading us to the carnival area. As a relatively new control regime of all connections is formed, it is reminiscent of the monadic system of Leibniz's functioning. Each of the users can communicate with each other exclusively through the "supreme monad". Videogif is a two-faced socio-cultural phenomenon: on the one hand, it creates illusions of personal freedom, on the other hand, it is an agent of globalization. In today's world there is a surge in the creative initiative of the audience: reader, viewer, and writer. In the videogif we need to see the growing social and political power. This is a new way of expressing collective ideals, including the ideals of marginal and other cultural groups.

Key words: media image, videogif, culture, ideology, public consciousness, folk art.

References:

Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura Srednevekov'ia i Rennessansa* [Creativity Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, 1965. 543 p. (In Russian).

Shtain O.A. *Maska kak forma identichnosti: Vvedenie v filosofiïu obraza* [Mask as a form of identity: Introduction to the philosophy of the image]. Saint-Petersburg, Publishing house of Russian Christian Humanities Academy, 2012. 160 p. (In Russian).

Ia ne rossiiskii shpion. Interv'iu Spiegel s E. Snoudenom, Gazeta. Ru [I'm not a Russian spy. Interview Spiegel c E. Snowden, Newspaper. Ru]. Available at: <https://inosmi.ru/politic/20170912/240261322.html> (accessed 06 June 2018) (In Russian).

Bratina B. Teoriia odnogo dnia: total'nyi kontrol'? [Own day theory: total control?]. *ActaEruditorum - ActaEruditorum*, 2013, no. 13, pp. 45-48 (In Serbian).

Steyerl H. *The Wretched of the Screen*. London, Sternberg Press, 2012. 198 p.

About the Authors:

Bratina Boris R. – D.Sc. (Philosophy), Professor of the Philosophy Department, University of Prishtina (Kosovska Mitrovica), Serbia, Kosovska Mitrovica, 38220, Filipa Visnica str, bb. Scientific interests: ontology, modern philosophy, political theory. E-mail: bokibor@yahoo.com.

Bratina Oksana A. – PhD, Associate Professor, scientific school "Proxima social ontology for constructive hermeneutic aspects", State University of Udmurt Republic. Udmurt Republic, Izhevsk, 426001, Universitetskaya str, 1. Scientific interests: social philosophy, modern philosophy. E-mail: shtaynshtayn@gmail.com.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРАКТИКАХ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.А. Лисенкова

Аннотация. В статье анализируется современное состояние виртуального коммуникационного социального пространства, как специфического поля конструирования и репрезентации стратегий идентификации. Особенность данного процесса заключается не только в присущей всем виртуальным коммуникациям интерактивности, анонимности, глобальности и постоянной включённости. Она проявляется в возникающих новых направлениях так называемого профессионального любительства, стимулирующего развитие дополнительных навыков в различных сферах. Такого рода изменения являются основанием для трансформации идентификационных стратегий и практик в среде виртуальных коммуникаций, предъявляя новые требования к 4К-компетенциям современного человека и создавая условия для развития автопроектных идентичностей с виртуальным публичным капиталом в пространстве глобальной сети. В последующем именно они оказывают колоссальное влияние на реальные повседневные практики идентификации и репрезентации в связи со всё меньшей раздельностью онлайн и офлайн пространства.

Современное глобальное социокультурное виртуальное пространство «строится из распадающихся фрагментов текста культуры, конструируясь по принципу монтажа или коллажа. Тем не менее, познающий субъект стремится воссоздать целостность культуры, придать ей некую, пусть свободную и аморфную, но форму» [Саяпин, 2012: 109]. Данная форма даёт новые основания для формирования стратегий идентификации, проявляющихся в креативном конструировании интерактивного контента на основе реального персонального опыта. Виртуальные практики любительства, таким образом, оказывают значительное влияние не только на идентификационные процессы, но и на «поле культуры» в целом, находясь наравне с профессиональными в поле единого медиапространства, получая отклики, признание и возможности персональной реализации и идентификации в новых сферах.

Ключевые слова: виртуальность, идентификация, идентичность, репрезентация, креативность, информационное общество, цифровизация, профессиональное любительство.

В современных условиях развития цифровых технологий и мобильных устройств всеобщая коммуникационность, определяемая как «связь всего со всем» [Маклюэн, 2005: 211], становится главенствующей чертой общества. Происходящие процессы децентрализации СМИ, мозаичности и превалирования горизонтальных коммуникаций становятся основой развития информационного общества в эпоху всеобщей цифровизации. В данном отношении основоположники теории развития информационного общества (от Й. Масуда, Д. Белла, Э. Тоффлера, В.А. Трапезникова до М. Кастельса, Ф. Уэбстера, П. Дракера и Л. Мановича) констатировали изменение трендов в сфере общественного производства, отмечая смещение вектора на приоритет развития знания, значимости человеческого капитала и акценте на все более возрастающую индивидуализацию в различных сферах жизнедеятельности.

Трансформация индустриального типа общества в информационное стало основополагающей тенденцией в конце XX века. Так, Ф. Уэбстер, основываясь на теории М. Кастельса, отмечает, что развитие «электронных супермагистралей» привлекло внимание к потоку информации, чреватому, возможно, пересмотром отношений «время-пространство» [Уэбстер, 2004: 26]. Он делает вывод о том, что образная сфера и антропологические характеристики воображения существенно изменяются, становясь основой для развития принципиально нового типа пространства.

С начала 1980-х гг. проблемы глобализации, информатизации и интеграции вошли в активный исследовательский дискурс. В работах Э. Гидденса, Р. Робертсона, М. Кастельса, Р. Райха неоднократно показано, как размываются грани локального и глобального в единой информационной среде, становясь независимыми от любого места и региона. В данном отношении существенным видится наблюдение М. Кастельса, который оценивает изменения времени и пространства через так называемое

«пространство потоков» и «вневременное время» [Кастельс, 2004: 53], в пределах которых происходит формирование новых коллективных и индивидуальных идентичностей.

Данную идею развивает профессор Г.Л. Тульчинский, указывая на перераспределение отношений власти и трансформацию коммуникации в формировании «автопроектных идентичностей» [Тульчинский, 2017: 82], в стремлении символического потребления и демонстративной самоидентификации, что влечёт за собой повышенные требования к индивидуальной креативности и коммуникативной открытости. Данные утверждения основываются также на идеях П. Бурдьё и Ж. Бодриара, которые утверждают, что символическое потребление через потребление значений и смыслов в эпоху лавинообразно увеличивающихся информационных потоков с умножающимися по экспоненте значениями и смыслами становится основой гиперпотребления. Оно, в свою очередь, приводит к размыванию и нестабильности ценностно-смысловых ориентиров, трансформируясь в бесконечную череду интерпретаций, виртуального потребления и производства информации.

Говоря о симмулятивности символического потребления в отношении пространства, Б.А. Фуркин акцентирует внимание на том, что «информационное общество посредством демонстративного потребления потребляет не столько саму вещь, сколько её ценность в глазах окружающих, а также значение, придаваемое ей в социуме. Таким образом, сущность демонстративного потребления состоит в том, что вещь потребляется не по назначению (в соответствии с материальными потребностями), но как символ чего-то другого, что не заключено в свойствах самой вещи..., а вся реальность сводится к эффекту, производимому имитацией реального» [Фуркин, 2012: 45]. На фоне этого непрерывного потребления происходит «маркетизация всех сфер социальной жизни» [Тульчинский, 2008: 62]. И данные изменения становятся главенствующей характеристикой

современности, оказывая колоссальное влияние на идентификационные стратегии человека в новых условиях глобального информационного пространства.

Интенсивное умножение информационно-коммуникационных потоков информации требует от современного человека постоянного присутствия и включённости в стремлении заявлять о себе, подтверждая и демонстрируя собственную идентичность и собственное присутствие. В этих условиях основания для конструирования идентичности становятся размытыми и «текучими» (Ш. Теркл), а ценностные координаты изменяются, оказывая влияние на идентификационные стратегии и модели, всё в большей степени попадая под влияние интерактивного пространства глобальной сети. Постоянная включённость, производство нового контента становятся основанием для появления гипертекстуальности и гипервизуальности в непрерывной взаимосвязи глобального интернет-дискурса.

Развитие интернет-платформ, расширение семантического сбора и анализа информации, рост интерактивности и индивидуализации в создании гипертекстов влекут появление новых форм виртуальной таксономии и самокатегоризации идентичности. Таким образом, неконтролируемое увеличение информационного потока становится основой для множественности и постоянной текучести любой репрезентации, порождая мозаичность и возможность непрерывного выбора и самоопределения.

В новом информационном мире человек становится одновременно и производителем, и потребителем информационного контента. Он попадает, благодаря семантическим сетям, в удобный для него культурно комфортный и ценностно приемлемый информационный кокон. Здесь интерактивность, как неотъемлемая часть современного мира, позволяет пользователю присутствовать на различных платформах, в различных статусах и различных сообществах одновременно в качестве и коммуникатора,

и творца, и потребителя, создавая тем самым удобное поле для репрезентации различных идентичностей.

Мы видим, что производство разного рода контента позволяет сегодня пользователю не просто участвовать в создании персонализированной виртуальной реальности, но и идентифицировать и проявлять себя в разных ролях и статусах, а идентификационный процесс, протекающий в контексте виртуальной реальности, постоянно фрагментарно достраивается в рамках идеализированного образа, желаемого «Я». В пространстве интерактивной виртуальной реальности читатели становятся авторами и соавторами, воспроизводящими свою персонализированную гипертекстуальную реальность в непрерывном идентификационном сторителлинге.

Любой человек в пространстве сети, чей контент является сегодня актуальным и представляет интерес, привлекает внимание и получает социальное признание. Виртуальное присутствие помогает выйти за рамки существующих социальных ограничений в реальном мире (при этом для обретения популярности и признания не обязательно обладать высоким статусом, знаниями, опытом и т.п., их ценность нивелируется в рамках виртуальных коммуникативных практик) на первый план выводя креативность, способность действовать, принимать нестандартные решения и воплощать придуманные идеи. Все эти качества становятся основой современного виртуального публичного капитала, который с успехом может быть конвертируем в реальный. Так, например, популярные социальные сети создают практически безграничные возможности для самопрезентации и самоконструирования. Эта яркая креативная среда виртуального существования современного общества, благодаря высокой медийности, становится полноценным ресурсом раскрытия собственного потенциала и личностного роста, который в последующем можно транслировать в реальный мир, а виртуальных друзей и связи переводить в реальные. Как отмечает Е.П. Белин-

ская, «в силу ряда объективных технологических особенностей (анонимности, дистантности, маркеров телесности), виртуальная коммуникация задаёт для пользователя максимальные возможности в самоопределении и непосредственном самоконструировании» [Белинская, 2019]. Более того, в современном мире, благодаря мессенджерам и социальным медиа, грань между онлайн и офлайн присутствием стирается, и виртуальная коммуникативная среда все более тесно становится интегрированной в нашу повседневную жизнь, не разделяя (как было ранее) на жизнь в сети и вне её.

Данные процессы порождают бурный рост любительства в интернет-среде, выводя на первый план непрофессионалов, создающих массу любительской продукции, а цифровизация создаёт условия для высокотехнологичного контента в возможности «отчуждения» в сети своих произведений, привлекая внимание большой аудитории.

Следует отметить и тот факт, что новые сферы не всегда сопровождаются появлением новых профессионалов. В них часто находит реализацию виртуальное отражение повседневности и репрезентация обыденного в связи с тем, что идентификационные стратегии и креативные практики в плотном информационном мире тесно связаны с повседневной жизнью современного человека и «усиливаются поддержкой коммуникаций и самой средой, которая формируется в интернет-сообществах» [Соколова, 2009: 39]. Технологические возможности, развитие технологий, совершенствование новых навыков порождают эффект трансформации любительства в так называемое «любительство профессионального качества» [Лидбiter, Миллер, 2019].

Таким образом, мы можем говорить о том, что при всплеске любительского творчества, виртуальной креативности и производства культурного продукта новые стратегии сетевого любительства оказываются отвечающими запросам современного общества и реализуют потребность человека в саморазвитии,

признании и свободном проявлении собственного «Я» в различных сферах (ранее часто недоступных). Всё это служит развитию и появлению инноваций, позволяя накапливать новый культурный опыт и капитал, развивая собственную индивидуальность в пространстве актуальной культурной парадигмы.

Значимым видится тот факт, что виртуальная реальность (её социальное пространство) оказывает существенное влияние на содержание базовых категорий самоопределения человека, таких, как самопознание, самосознание, самопрезентация и самопроектирование. Автопроектность (самопроектность) личности, как определённая черта репрезентации, по мнению Г.Л. Тульчинского, является значимой и определяющей чертой современности и благодаря развитию современных цифровых технологий и возможностей виртуального творчества приобретает беспрецедентное поле для реализации стратегий идентификации. При этом в виртуальной реальности современный человек может достигнуть большего успеха и быть признанным в отличие от реальной жизни. Данное утверждение обосновано в связи с активным появлением развитием персонализированных видеохостингов и блоггинг-каналов (таких, как Youtube, Instagram, TikTok и других).

Анализируя виртуальное пространство сетевой коммуникации и стратегии репрезентации в виртуальной реальности, можно охарактеризовать специфические отличительные особенности данного процесса, которые заключаются в интерактивности, анонимности и гипертекстуальности, присущие интернет-среде в целом. Данные особенности создают безграничные возможности для «игр с идентичностью» и конструирования персональных автопроектов практически «с нуля»:

- размывая культурные границы и нормы в глобальном поликультурном пространстве;

- оказывая воздействие на развитие межкультурной коммуникации и диалога;

– влияя на познавательные практики и расширение индивидуального публичного капитала за пределами географического местоположения участников коммуникационного процесса.

В этой связи необходимо отметить, что кардинальное изменение практик идентификации, коммуникации, сетевого творчества, репрезентации претерпевает существенные социокультурные трансформации, связанные с развитием цифровой среды. Данные изменения способствуют рождению нового феномена Pro-Am (любительского профессиона-

лизма) и оказывают непосредственное влияние на развитие нового типа восприятия и мышления, востребованного сегодня во всём мире в виде так называемых soft-skills, которые можно обозначить как мышление 4К: креативность, кооперация, коммуникация и критичность. Таким образом, мы можем говорить не только о трансформации идентификационных стратегий и практик, но и об изменении культурных образов, смыслов и всей ценностно-смысловой парадигмы современного общества.

Список литературы:

Белинская Е.П. Интернет и идентификационные структуры личности [Электронный ресурс]. URL: <http://banderus2.narod.ru/70244.html> (дата обращения: 10.06.2019).

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.

Лидбiter Ч., Миллер П. PRO-AM – профессиональный любитель: революция XXI века [Электронный ресурс]. URL: <http://chelpro.ru/professional-in-books/pro-am> (дата обращения: 10.06.2019).

Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М.: Фонд «Мир», Академический Проект, 2005. 448 с.

Саяпин В.О. Смысловые реалии гипертекста в виртуальной коммуникации // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 3 (11). С. 105-113.

Соколова Н.Л. Популярная культура web2.0: к картографии современного медиаландшафта. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. 204 с.

Тульчинский Г.Л. Идентичность как проект: Условия политического позиционирования личности // Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 5: Политика идентичности. М.: РАН, ИНИОН, 2017. С. 80-97.

Тульчинский Г.Л. Массовая культура как воплощение гуманизма Просвещения, или Почему российское общество самое массовое // Философские науки. 2008. № 10. С. 38-75.

Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.

Фуркин Б.А. Символическое потребление и человек в информационном обществе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 6 (50). С. 45-50.

Об авторе:

Лисенкова Анастасия Алексеевна – кандидат культурологии, проректор по научной и международной деятельности Пермского государственного института культуры.

THE REPRESENTATION OF IDENTITY IN THE PRACTICES OF VIRTUAL COMMUNICATION

A.A. Lisenkova

Abstracts. *The article analyzes the current state of virtual communication social space as a specific field of construction and representation of identification strategies. The peculiarity of this process is not only inherent in all virtual communications interactivity, anonymity, globality and constant involvement, but also in the emergence of new areas of so-called professional Amateur, stimulating the development of additional skills in various fields. These changes are the basis for transformation identification of policies and practices in the environment of virtual communication, presenting new requirements for 4K competencies of the modern person and creating conditions for the development of avtoproekt identities with virtual publicity capital in the space of the global network, subsequently exerting enormous influence on the actual everyday practices of identification and representation in connection with a smaller separate online and offline space.*

Contemporary global socio-cultural virtual space "is formed from collapsing blocks of text culture, konstruirujas on the principle of montage or collage. However, the cognitive subject aims to recreate the integrity culture, give her some, let loose and loose, but the form "[Sayapin, 2012:109]. This form gives a new reason for identification strategies, manifested in creative designing interactive content on the basis of a real personal experience. Virtual practice amateurishness, therefore, have a significant impact not only on identification processes, but also in the field of culture in General, while on par with professional in the field of a single media space, getting feedback, recognition and the possibility of personal realization and identification in new spheres.

Key words: *virtuality, identification, identity, representation, creativity, information society, digitalization, Professional Amateur (Pro-Am).*

References:

Belinskaia E.P. *Internet i identifikatsionnye struktury lichnosti* [The Internet and the identification of the personality structure]. Available at: <http://banderus2.narod.ru/70244.html> (accessed 10 June 2019) (In Russian).

Kastel's M. *Galaktika Internet: Razmyshleniia ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflections on Internet, business and society]. Ekaterinburg, U-Faktoriya, 2004. 328 p. (In Russian).

Lidbiter Ch., Miller P. *PRO-AM – professional'nyi liubitel': revoliutsiia XXI veka* [PRO-AM – professional Amateur: revolution of the XXI century]. Available at: <http://chelpro.ru/professional-in-books/pro-am> (accessed 10 June 2019) (In Russian).

Makliuen M. *Galaktika Gutenberga: Stanovlenie cheloveka pechataiushchego* [The Gutenberg Galaxy: the making of man print]. Moscow, Mir Foundation, Academic Project, 2005. 448 p. (In Russian).

Saiapin V.O. *Smyslovyie realii giperteksta v virtual'noi kommunikatsii* [Semantic realities of hypertext in virtual communication]. *Vestnik Permskogo universiteta - Bulletin of Perm University*, 2012, Issue 3 (11), pp. 105-113 (In Russian).

Sokolova N.L. *Populiarnaia kul'tura web2.0: k kartografii sovremennogo medialandshafta* [Popular culture web 2.0: to cartography of the modern media landscape]. Samara, Publishing House «Samara University», 2009. 204 p. (In Russian).

Tul'chinskii G.L. *Identichnost' kak proekt: Usloviia politicheskogo pozitsionirovaniia lichnosti* [The Identity as a project: Terms of the political positioning of the person]. *Simvolicheskaiia politika: sb. nauch. tr. Vyp. 5: Politika identichnosti* [The Symbolic politics: collection of scientific works. Tr. Issue. 5: identity Politics]. Moscow, Russian Academy of Sciences, INION, 2017. pp. 80-97 (In Russian).

Tul'chinskii G.L. *Massovaia kul'tura kak voploshchenie gumanizma Prosveshcheniia, ili Pochemu rossiiskoe obshchestvo samoe massovoe* [Mass culture as the embodiment of the humanism of Educa-

tion, or Why Russian society is the most mass]. *Filosofskie nauki - Philosophical Sciences*, 2008, no. 10, pp. 38-75 (In Russian).

Uebster F. *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the information society]. Moscow, Aspect Press, 2004. 400 p. (In Russian).

Furkin B.A. Simvolicheskoe potreblenie i chelovek v informatsionnom obshchestve [Symbolic consumption and people in the information society]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv - Bulletin of the Moscow state University of culture and arts*, 2012, no. 6 (50), pp. 45-50 (In Russian).

About the Author:

Anastasia A. Lisenkova – candidate of cultural studies, Vice-rector for scientific and international Affairs, Perm state Institute of culture, associate Professor.

ТЕКСТ, КОНТЕКСТ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ: ВРЕМЯ И СМЫСЛЫ

Е.М. Масленникова

Аннотация. В художественном тексте находит отражение система доминирующих в социуме ценностей. В смысловом пространстве текста читатель ищет себя. В случае перевода как двуязычной текстовой коммуникации процесс направляется совокупностью ценностных ориентаций переводчика и его «видением» текста относительно текущей (актуальной) «своей» и / или современной коммуникативной ситуации. Текст перевода призван заменить собой текст оригинала в системе принимающего языка и культуры.

Между переводом и оригиналом устанавливаются особые отношения (квази)тождественности, а степень признания перевода адекватным и / или эквивалентным зависит от объёма и качества передаваемой в нём информации. Кроме чисто языковых препятствий (разница в системе языков, языковые нормы и правила) автора оригинала, переводчика и вторичного читателя перевода разделяют текстовые лакуны, вызванные особенностями самого текста (его содержанием, формой, поэтикой и приёмами, жанром и типом читателя, для которого он предназначен). Временные параметры авторского кода, лежащего в основе художественного текста, делают его для следующих поколений читателей либо закрытым текстом в виде текста не для всех, либо полужакрытым текстом, требующим комментирования.

В статье обсуждаются сложности межкультурной коммуникации и художественного перевода как письменно зафиксированного продукта и результата межкультурной двуязычной текстовой коммуникации, возникающие из-за несовпадений поведенческих норм, невербальных средств коммуникации, художественно-образного восприятия мира и национальных характеров. Подобные несовпадения становятся источником культурологических лагун не только для переводчика, выполняющего функцию первичного читателя, но и его вторичного читателя из системы принимающего языка и культуры. Материалом для статьи послужили переводы романа «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова на английский язык.

Ключевые слова: текст, понимание, интерпретация, межкультурная коммуникация, текстовая коммуникация, контекст, контекст кода, лакуны, перевод, М.А. Булгаков, «Мастер и Маргарита».

Содержание текста образовано текстовой информацией и включает пропозициональный и прагматический компоненты, задаваемые замыслом, коммуникативно-познавательным намерением, авторской интенцией, которые, в свою очередь, регламентированы социальными конвенциями. Содержание определяет внутреннее коммуникативное пространство текста, где размещаются личностные (авторские и читательские) смыслы. Коммуникативное пространство текста и культурное пространство читателя-адресата вступают между собой в отношения взаимодополнительности.

В тех случаях, «когда коммуниканты придают особое значение правильности интерпретации (пониманию) письменного сообщения, письменные тексты всегда содержат дополнительные сведения, облегчающие адресату восстановление структуры» коммуникативного акта [Тарасов, 1979: 101]. Художественный текст изначально избыточен, так как цель автора быть «правильно понятым» своим читателем, поэтому именно автор организует диалоговые отношения «текст ↔ читатель», задавая тем самым интерпретационный диапазон личностной (читательской) проекции текста.

«Обретение» читателем смысла художественного текста тесно связано с системой культурологических отсылок, присутствующих в нём и носящих интра- и интертекстуальный характер. Широкий контекст делает возможным приращение смыслов за счёт воздействия социокультурных факторов. В случае межкультурной коммуникации из-за несовпадений поведенческих норм, невербальных средств коммуникации, художественно-образного восприятия мира и национальных характеров возникают «культурологические лакуны» [Марковина, Сорокин, 2010].

С. Адамсон [Adamson, 1998] выделяет контекст кода (context of the code), где под кодом имеются в виду интерпретативные рамки (interpretative framework), очерченные нормами языка. Использование автором языковой системы носит более

или менее индивидуальный характер. Читатель действует внутри интерпретативных рамок, прочитывая и/или «вчитывая» текст в хронология автора и его современников. Как подчёркивается в работе [Пищальникова, Сонин, 2009: 410], «контекст по сути своей может быть разным: а) контекст, присутствующий в сознании коммуникантов и не зависимый от словесного его выражения; б) аспекты контекста, так или иначе выраженные в высказывании; их значимость выявляется после произнесения высказывания».

Именно индивидуальность «авторского» языка (поэтический идиолект) допускает вариативное прочтение текста. Освоение содержательности (cognitive content) текста читателем происходит с опорой на имеющийся у него реальный или вымышленный (fictional) опыт [Heusden, 1997]. Временные параметры авторского кода, лежащего в основе художественного текста, делают его для следующих поколений читателей, находящихся на пространственно-временной и коммуникативно-временной дистанции от автора, либо закрытым текстом в виде *текста не для всех*, либо полузакрытым текстом, требующим комментирования.

Смысловая структура художественного текста рассчитана на активную включённость читателя как интерпретирующей личности в диалог с текстом, протекающий в постоянном режиме «текст ↔ читатель» в момент «здесь и сейчас». Поскольку культурологические лакуны обусловлены, главным образом, экстралингвистическими факторами, то коммуникативно-прагматическая составляющая переводческой деятельности проявляется в том, чтобы максимально уменьшить «разрывы» понимания своего вторичного читателя и по возможности избежать возникновения у него культурного шока.

В качестве примера приведём отрывок из романа «Мастер и Маргарита» (1929–1940, опубликован в 1966–1967) М.А. Булгакова (1891–1940), чей лакунизированный характер обусловлен непосредственно самой спецификацией

текста и коммуникативно-временной дистанцией. В настоящий момент сосуществуют шесть переводов романа на английский язык как «The Master and Margarita» (M. Ginsburg, 1967; M. Glenny, 1967; D. Burgin and K. Tiernan O'Connor, 1995; R. Peaver and L. Volokhonsky, 1997; H. Aplin, 2008; M. Karpelson, 2011).

Итак, в главе 7 «Нехорошая квартира» рассказывается предыстория места, где случился великий бал у сатаны (*квартира эта – № 50 – давно уже пользовалась если не плохой, то, во всяком случае, странной репутацией*), а люди, чьи фамилии оказывались *утраченными, из этой квартиры начали бесследно исчезать*. Исчезновение из перевода М. Гинзбург упоминаний об обстоятельствах пропажи жильца с утраченной фамилией, набожной Анфисы и самой хозяйки квартиры, о таинственных стуках и горевшем ночью в квартире электрическом свете, объясняется, возможно, что она работала по первому сокращённому изданию романа в журнале «Москва». Переводчица сразу переходит к рассказу о Берлиозе.

Будучи вынужденной опускать при переводе русские эксплетивы как бранные слова и выражения, ругательства и табуированные выражения в силу культурных норм и предписаний англоязычного социума первой половины XX века, М. Гинзбург прибегает к лексическим средствам, например, глагол *plague* 'мучать; досаждать, беспокоить' и прилагательное *infernal* 'адский, дьявольский' служат средством подобной компенсации.

... начались в квартире необъяснимые происшествия... ↔ ... a series of inexplicable events began to plague the apartment... (Ginsburg); *чертовщина с чёрным беретом ↔ that infernal business with the black beret* (Ginsburg)

Аналогичные решения присутствуют и в переводе М. Гленни, но, надо отметить, в меньшем количестве.

... у них началось чёрт знает что. ↔ ... all sorts of infernal things began to happen. (Ginsburg); *... the oddest things started happening to them too.* (Glenny)

Лишённые подобных предрассудков современные переводы, где есть не толь-

ко производные от *devil* – *devilish things* (Burgin & O'Connor), *devil knows* (Peaver & Volokhonsky), *the-devil-knows-what* (Aplin), но и более сильный вариант – *all hell broke loose* (Karpelson), свидетельствуют об изменившейся языковой ситуации.

... devilish things started happening to them, too. (Burgin & O'Connor); *... devil knows what started, happening with the as well!* (Peaver & Volokhonsky); *... the-devil-knows-what began happening to them too.* (Aplin); *... all hell broke loose.* (Karpelson)

Языковая свобода как снятие запретов на использование ранее табуированных слов и выражений позволила избежать необходимости прибегать к лингвокультурной адаптации, поэтому о *чертовщине с чёрным беретом* переводчики говорят прямо: *this diabolic character with his black beret* (M. Glenny); *the devilshed character with the black beret* (Burgin & O'Connor); *this devilry with the black beret* (Peaver & Volokhonsky); *the devilished business with the black beret* (Aplin); *the diabolic mess with the character in the black beret* (Karpelson).

Текстовые средства находятся в прямой зависимости от предпрограммируемых смыслов, а также от имеющихся у читателя представлений о корреляции текстовых средств и смыслов в привычной для него их коррелятивности. Так, в зависимости от предполагаемой целевой аудитории переводчики выбирают соответствующие эквиваленты для передачи названия главы «Нехорошая квартира». В тексте, ориентированном на британских читателей, присутствует слово *flat* 'квартира': «The Haunted Flat» (Glenny). Для американской аудитории, естественно, более привычным оказывается вариант со словом *apartment* 'квартира': «The Sinister Apartment» (Ginsburg), «The Evil Apartment» (Burkin & O'Connor), «A Naughty Apartment» (Peaver & Volokhonsky), «A Bad Apartment» (Aplin) и «A Fishy Apartment» (Karpelson).

Что касается названия главы «Нехорошая квартира», то в контексте всего романа прилагательное *нехороший* имеет широкий диапазон интерпретируемости. Автор сначала говорит о *плохой* и

странной репутации квартиры, а потом использует по отношению к ней эпитеты *окаянная* и *проклятая*, повторив словосочетание *проклятая квартира* в главе 18 и усилив его как *трижды проклятая квартира* в главе 27. В.И. Даль называет *проклятый* и *окаянный* синонимами: в общий с ними синонимический ряд попадают *нечестивый*, *изверженный* и *погибший духовно* [Даль, 1996]. Погибшими духовно можно назвать проживавшего в нехорошей квартире атеиста Берлиоза и чертыхающегося Лиходеева (*головой вниз полетит к чёртовой матери в преисподнюю; черт её знает*), который на работе ни черта не делает.

Через эпитет *проклятый* представлены основные герои (*проклятый иностранец на Патриарших прудах; проклятый переводчик Коровьев; проклятый бесовский кот; проклятый Фагот; проклятая Гелла*). Кроме этого, существительное мужского рода *проклятый* имеет значение 'бес, дьявол, сатана, вообще нечистая сила или нежить'. В главе 29 к Воланду обращаются как к *духу зла*, то есть *нечистому духу*. В.И. Даль относит прилагательное *нехороший* в значении 'поганный, дурной' к южному от Москвы говору, а *поганный* – это 'нечистый, по вере, или по обычаям, поверьям' [Даль, 1996]. После бесследной пропажи людей из нехорошей квартиры, она *простояла пустой неделю*, а по народным верованиям в пустом и незанятом жильцами доме поселяется нежить (В НЕЖИЛОМ ДОМЕ НЕЧИСТО; В НЕЖИЛОМ ДОМЕ ОДНА НЕЖИТЬ).

Изменения во внешности главных героев (*Воланд, гаер Фагот-Коровьев, а гаер* – это 'шут в народных игрищах', *кот Бегемот, Азazelло* и сам *Мастер*), произошедшие в последней главе романа, также восходят к народным представлениям о нежити (У НЕЖИТИ СВОЕГО ОБЛИЧИЯ НЕТ, ОНА ХОДИТ В ЛИЧИНАХ). По отношению к нечистой силе и нежити глагол *шутить* меняет значение на 'дурить, зло проказить, морочить, пугать' (В ЭТОТ ЛЕС ОДИН НЕ ХОДИ, ТАМ ШУТИТ, НЕЧИСТО), поэтому для московских обывателей *шуткарь-регент* Коро-

вьев вместе с Бегемотом, оказавшимся демоном-пажом и лучшим шутком, кажутся шутами гороховыми, а вся хулиганская шайка проделывает скверные шуточки и что эти шуточки связаны с исчезновением Лиходеева.

При выборе эпитетов, максимально точных представляющих квартиру, переводчики обыгрывали несколько значений английских прилагательных, чтобы позволить читателю построить план-текст относительно дальнейших событий: *sinister* 'дурной, зловещий, злополучный; несчастный; гибельный' (Ginsburg), *evil* 'зловещий, дурной; порочный' (Burgin & O'Connor), *bad* 'злобный, зловещий' (Aplin). У прилагательного *naughty* имеется архаичное значение 'порочный, греховный, испорченный', а в библейском контексте *evil* – 'плохой, худой' (Peaver & Volokhonsky). М. Гленни обыгрывает значения прилагательного *haunted* 'часто посещаемый, населённый (призраками и т.д.)' и 'терзаемый, преследуемый' (Glenny). Современный переводчик предпочёл разговорную форму *fishy* 'сомнительный' (Karpelson).

Инфернальные события в нехорошей квартире начались с того, что в выходной день явился в квартиру милиционер, вызвавший жильца (*просят на минутку зайти в отделение милиции*) и впоследствии исчезнувший вместе с ним. Что касается выходного дня, то мнения переводчиков разделились: от нейтрального *a holiday* 'выходной' (Aplin) до *one weekend* 'выходные дни в конце недели' (Karpelson). Обычно *a day off* 'выходной день' (Burgin & O'Connor; Peaver & Volokhonsky) используется в отношении свободного дня прислуги.

Визит милиционера состоялся в выходной день, а далее в ретроспективном изложении предшествующих событий упоминается *понедельник* (*Второй жилец исчез, помнится, в понедельник*). Подобное смешение темпоральных планов как фактологический сдвиг-неточность (термин Ю.А. Сорокина), причиной которому стал сам автор, заставляет переводчика восстановить смысловую незащищённость текста.

One Monday afternoon a policeman called, invited the second lodger (the one whose name is no longer known) into the hall <...> The anonymous lodger disappeared, you will remember on Monday... (Glenny)

Как особый авторский приём используется ретроспективность изложения событий из московских глав романа (*вселились – покойный Берлиоз с супругой; пришёл с покойным М.А. Берлиозом и т.д.*). Чтобы не запутать читателя главы М. Гленни не акцентирует внимание на уже случившейся смерти героя (*before Berlioz and his wife <...> moved into it*).

Со стороны автора одним из способов косвенного информирования для передачи содержательно-подтекстовой информации [Кобозева, Лауфер, 1988] служит намёк через неопределённость, посылку, дополнительность, апелляцию к интересам, двусмысленность, иносказание. Дополнительные детали, вводимые М.А. Булгаковым, позволяют русскоязычному читателю восстановить причинно-следственные отношения в Мире текста, где за пропавшим жильцом по фамилии Беломут заехала машина, чтобы отвести его на службу. Наличие служебной казённой машины с шофёром предполагает высокий статус человека, который, скорее всего, находился на государственной службе: *the government car* (Ginsburg). В последнем из известных нам переводов присутствует уточнение, что это была машина компании – *the company car* (Karpelson). Этот же вариант был предложен переводчиком и для казённой машины (*Машину зря гоняет казённую!*).

Иносказательное описание пропажи человека, явное занимающего важное начальственное положение (*машина ... назад никого не привезла и сама больше не вернулась*), вписывается в общий исторический и социокультурный контекст 1930-х годов. Тогда арестованные люди действительно исчезали бесследно, а об их судьбе близкие узнавали только через много лет. Авторское обыгрывание двух форм обращения к женщине *мадам Беломут* и *гражданка Беломут* обеспечивает имплицитную передачу оценочности,

отражая специфику установившихся в 1930-е годы внутрисоциальных отношений. Обращение *мадам* (от французского 'madame') обычно используется в сочетании с фамилией по отношению к замужней женщине. Именованная жена Беломута как *гражданка Беломут*, а также упоминание *запечатанных дверей* объясняют, скорее всего, что муж *мадам Беломут* был арестован, а его жена как родственник врага народа также оказалась арестованной (*не застала уже гражданки Беломут в квартире*).

На советском новоязе *гражданин* и *гражданка* это не только взрослый человек мужского и женского пола, соответственно [Ожегов, 1986]. Именно такие формы наименования взрослых лиц согласно данным из «Национального корпуса русского языка» (URL: <http://ruscorpora.ru>) присутствуют в современных контекстах, связанных с правоприменительной практикой, хроникой происшествий и т.д. Для тех, кто жил в эпоху массовых репрессий обращение *гражданин* или *гражданка* в сочетании с глаголом *пройти* в форме повелительного наклонения *пройдёмте* выводит на дополнительные смыслы (арест, ссылка и даже расстрел), о чём свидетельствуют воспоминания и мемуары переживших ужасы заключения и ссылки Л.К. Чуковской (1907–1996) и Е.С. Гинзбург (1904–1977).

К моему удивлению, никто не сказал мне «пройдёмте, гражданка» и не повёз ни на Гороховую, ни на Шпалерную... Л.К. Чуковская. Прочерк (1980–1994); А некоторым просто говорили «пройдёмте» и уводили в задний дворик комендатуры, а оттуда – неизвестно куда. Е.С. Гинзбург. Крутой маршрут (1975–1977)

Если для *мадам Беломут* переводчики, за исключением М. Карпельсона (*Madam Belomut*), оставили французское включение, то в отношении *гражданки Беломут* всё оказалось сложнее. Её наименование осталось *Madame Belomut* (Glenny) или же через привязку к мужу – *Belomut's wife* (Burgin & O'Connor) и – *Mrs Belomut* (Karpelson). Для американского

лингвосоциума слова *citizen* 'гражданин, гражданка' и *citizenship* 'гражданство' имеют особую эмоциональную нагрузку, поэтому как вариант предлагается *the wife of citizen Belomut* 'жена гражданка Беломута' (Peaver & Volokhonsky). Х. Аплин использовал в качестве формального маркера рода суффикс *-ess*, чтобы создать соответствующее слово для формы женского рода *гражданка* как *Citizeness Belomut* (Aplin).

По вполне понятным причинам все выбранные переводчиками романа М.А. Булгакова варианты для *зайти в отделение милиции* передают в той или иной степени только характер действия, а не значимые культурно-специфические смыслы и подтексты: *asked him to come along to the police station* (Glenny); *come down to the police station* (Burgin & O'Connor); *was invited to come to the police station* (Peaver & Volokhonsky); *was requested to drop into the police station* (Aplin); *asking him to drop by the police station* (Karpelson). Кстати, художественные тексты и нехудожественная публицистика советского и постсоветского периода сохраняют устойчивую формулу *пройдёмте (гражданин / гражданка)*, услышав которую человек испытывает страх и ужас.

... двое под локотки меня возьмут и скажут: *пройдёмте*. А. Битов. Записки из-за угла (1964); *Пройдёмте в дежурное помещение для установления личности и составления протокола*. А. Кабаков. Салон (1987)

М.А. Булгакову удалось благодаря немногим изменённым формам глагола (*зайти в отделение*, а не *пройти в отделение*) и причастия (*запечатанные двери*, а не *опечатанные двери*), дать читателю скрытый «ключ» к настоящим обстоятельствам пропажи жильца. Ниже приведены «прямые» и явные контексты употребления данных словосочетаний:

Пройдёмте в отделение для установления личности. Д.В. Бавильский. Чужое солнце (2012); *Увидев в своей комнате человека, уносящего опечатанный стул...* И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев (1927); *Мне было разрешено вскрыть опечатанный шкаф*. Анна Ла-

рина (Бухарина). Незабываемое (1986–1990)

Фразеологизм *как сквозь землю провалился* указывает на то, что объект 'бесследно, неожиданно исчез, пропал' [Фразеологический словарь русского языка, 1986]. Просторечный глагол *провалиться* 'пропасть, исчезнуть' часто используется вместе с наречием *куда-то* в форме изъявительного наклонения прошедшего времени (*куда-то провалился*, т.е. исчез в неизвестном направлении). Два переводчика выбрали одинаковые варианты: *vanished from the face of the earth* (Glenny; Karpelson). Американские переводчики, чья цель состояла в создании «читабельного» (readable) вторичного текста, предпочли форму сослагательного наклонения и буквальную реализацию фразеологизма: *as if he had fallen through the earth* (Burgin & O'Connor). Другие варианты: *seemed to drop from sight* (Peaver & Volokhonsky) и *vanished into thin air* (Aplin).

Обычно освободившиеся квартиры репрессированных передавались другим людям, при этом часто им же доставалась обстановка от предыдущих хозяев (*водка в объёмистом ювелиршином графинчике; на ювелиршином пуфе*). Так, в 1938 году лётчик А.К. Серов (1910–1939) вместе с женой знаменитой актрисой В. Серовой (1917–1975) получили роскошную квартиру, ранее принадлежавшую репрессированному маршалу А.И. Егорову. Использованное М.А. Булгаковым для описания принадлежности кровати своего героя (*лежит навзничь у себя на кровати, то есть на бывшей ювелиршиной кровати*) допускает двойную интерпретацию относительно экстралингвистических условий функционирования слова в данном контексте. Для прилагательного *бывший* выделены два самостоятельных значения как 'некогда существовавший' и 'переставший занимать какую-либо должность, положение' [Словарь русского языка, 1981–1984]. В этом отношении *бывший* может относиться к *кровати*, указывая на изменение её принадлежности. Кроме указания на изменение свойств характеризуемого

объекта, прилагательное *бывший* указывает на изменение принадлежности объекта, особенно в сочетании с именем: *бывший граф Орешин* и *бывшая графиня* (М. Зощенко. Жертва революции), *бывший садовник бывших Шереметьевых* (М.А. Булгаков. Роковые яйца), *в Киеве на бывшей Институтской улице* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

По нормам русского языка прилагательное «бывший» не сочетается с обозначениями свойств, полученных объектом «навечно»: с именами естественных классов (**бывшая курица*), с так называемыми «перфектными» именами (**бывший автор*)» [Булыгина, Шмелёв, 1997: 380], поэтому *бывшая ювелирша* – это нынешняя *вдова ювелира*. Возникла определённая сложность с тем, чтобы уловить соответствующие темпоральные и смысловые отсылки, позволяющие «двойное» прочтение эпизода. Фразеологизм *бывшие люди* объясняется следующим образом: это люди, потерявшие своё положение, или опустившиеся люди [Словарь русского языка, 1981–1984].

Кроме этого, в словарной статье указывается, что *бывшие люди* – это лица из эксплуататорских классов России, лишившиеся в результате Великой Октябрьской социалистической революции своего привилегированного общественного положения. Со временем выражение *бывшие люди* превращается в выражение *бывший человек*, где усиливается смена эмоционального состояния субъекта. М. Гинзбург делает мужа *ювелирши* бывшим ювелиром (*ex-jeweler's wife*), т.е. потерявшим свой профессиональный статус. М. Гленни, чей перевод вышел практически одновременно с работой М. Гинзбург, предпочёл не вдаваться в детали.

... *in his own bed, that is, in the bed of the ex-jeweler's wife, in the bedroom.* (Ginsburg);
... *he was lying cross-wise on the bed in his own bedroom.* (Glenny)

Остальным переводчикам удалось акцентировать вызванные культурными факторами смысловые различия с помощью грамматических средств: модального глагола *used to* (Burgin & Tiernan

O'Connor) и двойного генитива в сочетании с прилагательным *former* 'прежний, бывший' как *the jeweller's wife's bed* (Peaver & Volokhonsky; Karpelson) и *the former jeweler's wife's bed* (Aplin).

Как очутились Берлиоз и Стёпа Лиходеев в квартире ювелирши? М.А. Булгаков использует глагол *вселиться*. По данным «Национального корпуса русского языка» в отношении пресловутого квартирного вопроса действие, обозначаемое глаголом *вселиться*, предусматривает получение разрешения, поэтому английские глаголы *occupy* 'занять' и *happen upon* 'натолкнуться' (Karpelson) не совсем точно воспроизводят особенности текстового Мира. Большинство переводчиков выбрали фразовый глагол *move in* 'въезжать' (Ginsburg; Glenny; Burgin & O'Connor; Peaver & Volokhonsky; Aplin), но М. Гленни не стал упоминать о том, что квартира была запечатанной (*sealed, under seal* и т.д.). По мнению М. Гинзбург, покойный Берлиоз с супругой арендовали квартиру (*it was rented*).

Царящая в 1930-е годы атмосфера всеобщей подозрительности и постоянный страх перед арестами показана как игра с чертовщиной (*это колдовство; у них началось чёрт знает что*). По данным программы «Google Books Ngram Viewer» (URL: <http://books.google.com/ngrams>) *witchcraft* 'колдовство, чёрная магия' (Glenny; Burgin & O'Connor; Aplin; Karpelson) значительно превосходит по частотности *sorcery* 'колдовство, волшебство, магия' (Peaver & Volokhonsky).

Набожная, а откровеннее сказать – суеверная, Анфиса так напрямик и заявила очень расстроенной Анне Францовне, что это колдовство и что она прекрасно знает, кто утащил и жильца и милиционера, только к ночи не хочет говорить... М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита

Относительно глагола *утащить* переводчики представили широкий выбор вариантов: от фразовых глаголов *entice away* 'увлечь за собой' (Glenny), *spirit away* 'тайно увести, похитить' (Burgin & O'Connor) и *steal away* 'незаметно исчезнуть' (Aplin) до глагола *steal* в его разговорном значении 'увести' (Peaver

& Volokhonsky) и даже глагола *snatch* 'похищать, арестовывать' (Karpelson), неявно указывающего на вероятные дальнейшие последствия для исчезнувшего жильца с утраченной фамилией.

Говоря о «нехорошей» квартире, где днём исчезают жильцы, а всю ночь слышались какие-то стуки и будто бы до утра в окнах горел электрический свет, М.А. Булгаков следует характерной для фантастических повестей русских романтиков XIX века фольклорной окраске. Например, схожее описание активного воздействия потусторонних сил на повседневную жизнь героев встречается в повести А. Погорельского (1787–1836) «Лафертовская маковница» (1825), где в доме ведьмы после её смерти всю ночь был шум, свист, хохот и крик до самого рассвета.

... рассказывали жильцы других квартир, что будто бы в № 50-м всю ночь слышались какие-то стуки и будто бы до утра в окнах горел электрический свет. М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита ↔ ... соседи видели, что у неё в доме светился огонь <...> Необыкновенный шум, свист, хохот и крик, говорят, слышен был в её доме до самого рассвета. А. Погорельский. Лафертовская маковница

Кстати, у ведьмы также имелся чёрный кот, явившийся в образе человека по фамилии Мурлыкин просить руки её внучки.

... порывался в магазин толстяк в рваной кепке, действительно, немного смахивающий рожей на кота. М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита ↔ ... бросив нечаянно взгляд на чёрного кота, она увидела, что на нём зелёный мундирный сюртук; а на месте прежней котовой круглой головки показалось ей человеческое лицо... А. Погорельский. Лафертовская маковница.

Описываемые М.А. Булгаковым ночные стуки в «нехорошей» квартире можно принять за сигналы потустороннего мира, но горевший до утра в окнах электрический свет, сопровождающий, скорее всего, проводившийся обыск, позволяет русскоязычному читателю объединить в одной точке текстового про-

странства события двух планов. Одно из неписанных табу советского человека было связано с репрессивными органами и органами власти различного уровня, из-за чего возник эвфемизм *куда надо*, используемый обычно с определёнными глаголами (*сообщить / написать / позвонить / обратиться / донести / заявить / побегать / идти / пойти / попасть / вызвать / пригласить / везти / доставить* и т.д. *куда надо*).

Его вызвали куда надо и сказали, чтобы он не совался... С.П. Капица. Мои воспоминания (2008).

О суеверности домработницы Анфисы говорит используемое выражение *к ночи не хочет говорить*: фразеологизм *не к ночи будь сказано* (вариант – *не к ночи будь помянут*) содержит в себе запрет говорить о страшных или неприятных предметах, к числу которых обычно относятся потусторонние силы и нечисть.

Кого черти носят – не к ночи будь сказано? М. Горький. В людях (1915–1916).

Подобные отсылки оказываются утраченными по причине отсутствия схожих суеверий в принимающей культуре и, следовательно, соответствующих языковых средств для их перевыражения.

... she dared not pronounce the name at night-time. (Glenny); ... she didn't want to say because it was almost nighttime. (Burgin & O'Connor); ... only she did not wish to talk about it towards tight-time. (Peaver & Volokhonsky); ... only with night approaching she did not want to say. (Aplin); ... only she did not wish to speak his name this close to night-time. (Karpelson)

В русском языке междометье *ей-ей* 'действительно, ей-богу' [Ожегов, 1986] употребляется вместо божбы как 'истинно, право, точно, подлинно, верно' [Даль, 1996]. В общем «чёрном» контексте главы с повторяющимся прилагательным *чёрный* (*чёрная щетина; одетый в чёрное и в чёрном берете; чёрная дыра; чёрная магия; чёрный маг; чёрный кот*) передавать божбу (*не поверит, ей-ей, не поверит*) через упоминание имени Божьего явно не является подходящим: *By God, he wouldn't believe it* (Ginsburg); *honest to God, he would not believe it*

(Aplin); *by God, no one would believe it* (Karpelson).

То есть кому хотите сказать, что Берлиоз что-то натворил, – не поверит, ей-ей, не поверит! М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита ↔ *You could tell anyone else that Berlioz had gotten into mischief, but not to Styopa... By God, he wouldn't believe it!* (Ginsburg); ... *tell anyone you like that Berlioz had done something wrong, and he wouldn't believe it, honest to God, he would not believe it!* (Aplin); ... *and, by God, no one would believe it!* (Karpelson)

Переводческий тандем Р. Пивера и Л. Волохонской предпочёл восклицание *by Jove* 'ей-богу!; боже мой!; боже милостивый; вот те на!', восходящее к римской традиции клясться богами (буквально 'Клянусь Юпитером!'). М. Гленни использует риторическое предложение (*Who could ever imagine Berlioz...*), а американская аудитория перевода Д. Бёргин и К. О'Коннор получила *truly* 'по правде говоря' в функции вводного слова.

... tell anyone you like that Berlioz has been up to no good – no one will believe it, by Jove, no one will believe it! (Peaver & Volokhonsky); *Who could ever imagine Berlioz getting into any sort of trouble?* (Glenny); *If you told anyone that Berlioz had done something bad, no one would believe it, truly, no one would believe it!* (Burgin & O'Connor)

Что касается комментариев к советскому фону главы «Нехорошая квартира», то они сопровождают только два перевода. Х. Аплин вводит комментарий к предложению о *сургушной печати* на двери кабинета Берлиоза, объясняя, что подобная печать означала арест собственника жилья («This usually meant that some

had been arrested and their possession had been sealed for further investigation»). Для перевода Д. Бёргин и К. Тирнан О'Коннор, заявивших в предисловии о том, что они старались сделать перевод максимально читабельным (an accurate, readable American English translation), подробные комментарии написала Э. Проффер / Ellendea Proffer Teasley (p. 1944), крупный специалист по творчеству М.А. Булгакова. Она обращает внимание обычного читателя (casual reader) на исторический фон главы, когда на случай ночного ареста (*из этой квартиры люди начали бесследно исчезать*) у многих всегда стоял наготове чемоданчик со всем необходимым.

Выводы. В процессе художественной текстовой коммуникации непосредственно интерпретирующий потенциал текста, заложенный в него автором и поддерживаемый с помощью отобранных языковых средств, (не) позволяет читателю установить необходимые параметры реконструкции коммуникативно-прагматической интенции автора.

Коммуникативная компетенция переводчика взаимосвязана с социальной, поведенческой и прагматической компетенцией. Перед переводчиком встают следующие задачи: выделить комплекс тактик и стратегий, необходимых для оптимизации текста; определить социальные константы, представленные в оригинале; снять границы непонимания; найти средства для замещения культурных ценностей; комбинировать собственно перевод и описание / объяснение.

Список литературы:

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. СПб.: ТОО «Диамант», 1996. Т. 1. 800 с.

Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Об одном способе косвенного информирования // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47. № 5. С. 462-471.

Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 144 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.

Пищальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкознание. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 448 с.

Словарь русского языка: в 4 тт. М.: Русский язык, 1981–1984. 2980 с.

Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Наука, 1979. С. 5–147.

Фразеологический словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1986. 543 с.

Adamson S. The code as context: language-change and (mis)interpretation // Context in Language learning and Language Understanding. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. P. 137–168.

Heusden B., van. Why Literature? An Inquiry into the Nature of Literary Semiosis. Tübingen: Stauffenburg-Verl., 1997. 275 p.

Об авторе:

Масленникова Евгения Михайловна – к.филол.н., доцент, доцент кафедры английского языка факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета. Российская Федерация, 170100, Тверь, ул. Желябова, 33. Научная специализация: лингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода. E-mail: e-maslennikova@inbox.ru.

TEXT, CONTEXT AND CULTURAL LACUNAE: TIME AND MEANINGS

E.M. Maslennikova

Abstracts. *A literary text is the reflection of dominant values existing in the society. Within the semantic space of the text, readers are trying to find their self-determination. Translation is considered as a bilingual text communication. The translating process is guided by the set of interpreters' value orientations and their vision of the text with reference to the current (actual) and / or modern communicative situation. The translated text as a target secondary text is to replace the original source text in the host language and culture system. There are special relationships between the translation and the original as they are (quasi-)identical. Their adequacy or equivalence depends on the amount and quality of the information transmitted in the secondary text in comparison with the source text. In addition to purely linguistic barriers (different language systems and rules), the author, the translator and the secondary reader are divided by textual gaps (lacunae) caused by text peculiarities. Text peculiarities are influenced by its content, form, poetics and techniques, genre and readers for which the text is intended. Temporal parameters of the author's code can make the text for the next generation of readers either a closed text in the form of a-text-not-for-all, or a semi-closed text that requires proper comments. The article deals with complexities of bilingual cross-cultural text communication arising because of discrepancies in behavioural norms, non-verbal means of communication, artistic perception of the world and national characters. Such discrepancies turn out a source of cultural lacunae not only for interpreters who act as primary readers, but also for secondary readers from the host language and culture system. The article is based on six English translations of M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita".*

Key words: text, understanding, interpretation, intercultural communication, text communication, context, code context, lacunae, translation, M.A. Bulgakov, "The Master and Margarita".

References:

Bulygina T.V., Shmelev A.D. *Iazykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (by the material of Russian grammar)]. Moscow, School «Languages of Russian culture», 1997. 576 p. (In Russian).

Dal' V.I. *Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 tt.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language, in 4 vols.]. Saint-Petersburg, DIAMANT LLP, 1996. Vol.1. 800 p. (In Russian).

Kobozeva I.M., Laufer N.I. Ob odnom sposobe kosvennogo informirovaniia [On One Method of Indirect Informing]. *Izv. AN SSSR. Ser. lit. i iaz. - Izv. USSR academy of sciences. Ser. lit. and languages*, 1988, Vol. 47, no. 5, pp. 462-471 (In Russian).

Markovina I.Iu., Sorokin Iu.A. *Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiiu* [Culture and text. Introduction to lacunology]. Moscow, GEOTAR-Media, 2010. 144 p. (In Russian).

Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russian language, 1986. 797 p. (In Russian).

Pishchal'nikova V.A., Sonin A.G. *Obshchee iazykoznanie* [General Linguistics]. Moscow, Publishing center «Academy», 2009. 448 p. (In Russian).

Slovar' russkogo iazyka: v 4 tt. [Dictionary of Russian language, in 4 volumes]. Moscow, Russian language, 1981-1984. 2980 p. (In Russian).

Tarasov E.F. K postroeniiu teorii rechevoi kommunikatsii [On the construction of the theory of verbal communication]. *Teoreticheskie i prikladnye problemy rechevogo obshcheniia* [Theoretical and applied problems of speech communication]. Moscow, Science, 1979. pp. 5-147 (In Russian).

Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka [Phraseological Dictionary of Russian]. Moscow, Russian language, 1986. 543 p. (In Russian).

Adamson S. The code as context: language-change and (mis)interpretation. *Context in Language learning and Language Understanding*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1998. pp. 137-168.

Heusden B., van. *Why Literature? An Inquiry into the Nature of Literary Semiosis*. Tübingen, Stauffenburg-Verl., 1997. 275 p.

About the Author:

Evgeniya Maslennikova – PhD (Linguistics), Lecturer, Senior Lecturer, Faculty of Foreign Languages and International Communication, Tver State University, 33, Zhelyabova St., Tver, Russian Federation, 170100. Areas of specialization: linguistics; psycholinguistics; cognitive linguistics; intercultural communication; theory, history and practice of translation. E-mail: e-maslennikova@inbox.ru.

ОПЫТ КУЛЬТУРНОЙ АНАЛИТИКИ: АНДАЛУЗСКИЙ МИФ О ГЕРКУЛЕСЕ

А.А. Королёва

Аннотация. Визуальные образы в современном мире приобрели особую значимость в процессе трансляции социального опыта. Самая популярная визуальная сеть Instagram уже стала не просто медиумом, а социокультурным феноменом. Культурная аналитика использует математические и компьютерные методы, а также методы визуализации результатов анализа феноменов культуры, особенно для изучения современной цифровой культуры. Большая часть цифровых платформ предоставляет метаданные с помощью API (интерфейсы программирования, создания приложений). Однако использование метаданных может нарушать границы приватности пользователей и вступать в конфликт с законами о защите персональных данных.

Тем не менее, исследования в области культурной аналитики не ограничиваются компьютерным анализом, а основываются на парадигмах и теориях, разработанных за последние два века. На материале андалузского сегмента сети в статье представлена современная интерпретация образа Геркулеса. На протяжении веков образ Геркулеса присутствовал в ряду символов Андалусии: пройдя путь от покровителя финикийского Гадир до символа андалузской идентичности. Век назад на Асамблее в Ронде были утверждены флаг и герб Андалусии, предложенные идеологом андалузского национализма Бласем Инфанте, ставшие официальными символами автономного сообщества с 30 декабря 1981 г.

Выбор образа Геркулеса символизирует призыв к возрождению андалузской идентичности, обращаясь к культурному наследию Андалусии. Образ Геркулеса как символ Андалусии практически ушёл в область исторической памяти, сейчас к нему обращаются учреждения культуры, но «простые» пользователи Instagram ассоциируют Геркулеса с каноническими подвигами и мультфильмом.

Ключевые слова: Геркулес, Мелькарт, Гадир, андалуизм, цифровая гуманитаристика, культурная аналитика, коммуникация, цифровые культурные артефакты, визуальные образы, Instagram.

Научная школа философов и культурологов МГИМО МИД России уже заняла достойное место среди исследователей, занимающихся вопросами межкультурной коммуникации.

Как отмечает М.В. Силантьева, «решая двуединую задачу подготовки кадров для осуществления международной деятельности, наш вуз «по определению» призван готовить своих выпускников та-

ким образом, чтобы они владели системными знаниями и навыками в области «свежих» коммуникативных процессов, происходящих в России и за рубежом» [Силантьева, 2013: 16].

Визуальные образы в современном мире приобрели особую значимость в процессе трансляции социального опыта. Самая популярная визуальная сеть Instagram уже стала не просто медиумом, а социокультурным феноменом. Данное исследование сосредоточено на контенте активных пользователей сети, поскольку социальные сети рассматриваются как средство публичной коммуникации, влияющее на формирование общественного мнения. Социальные сети являются одним из объектов научных исследований кафедры рекламы и связей с общественностью факультета Международной журналистики МГИМО МИД России [Скворцов, 2016]. В.Д. Соловей исследует социальные сети в контексте проблематики информационных войн и медиаманипулирования [Соловей, 2015]. П.В. Меньшиков специализируется на актуальных проблемах связей с общественностью во внешней политике и бизнесе [Меньшиков, 2016а]. Е.П. Смольская обращается к вопросам современного коммуникативного пространства и роли информационно-коммуникационных технологий [Смольская, 2017]. Исследования А.В. Гуменского фокусируются на динамике социальных сетей [Гуменский, 2016].

Из-за масштабности культурного контента и современного коммуникационного пространства сложно использовать только качественные методы, чтобы даже просто окинуть его взглядом. В 2005 г. один из ведущих мировых медиатеоретиков, Л.Манович, ввёл новый термин в области цифровой гуманитаристики «Culturalanalytics». Культурная аналитика использует математические и компьютерные методы, а также методы визуализации данных для изучения культурных феноменов и процессов, особенно для изучения современной цифровой культуры. Компьютерные методы необходимы

для выявления тенденций в потоках цифровых культурных артефактов и определения того, как люди взаимодействуют с этими артефактами. Использование же метода «малых данных» нужно для интерпретации паттернов, выявленных в результате автоматического компьютерного анализа [Манович, 2017: 96-98].

Без доступа к большим объёмам цифровых артефактов и их метаданным использование методов культурной аналитики не представляется возможным. Большая часть цифровых платформ предоставляет метаданные с помощью API (интерфейсы программирования, создания приложений). Однако использование метаданных может нарушать границы приватности и вступать в конфликт с законами о защите персональных данных. 1 июля 2016 г. Instagram ограничил доступ к API, а политика использования платформы запрещает предпринимать попытки создания аккаунтов с целью сбора информации или доступа к ней несанкционированными способами, в том числе создание аккаунтов и сбор информации с помощью автоматизированных средств без прямого разрешения платформы¹, что существенно осложняет использование методов культурной аналитики.

Тем не менее, исследования в области культурной аналитики не ограничиваются компьютерным анализом, а основываются на парадигмах и теориях, разработанных за последние два века [Силантьева, 2016: 51]. Появляется всё больше комплексных междисциплинарных исследований российских исследователей, специализирующихся по регионам [Масумова, 2015; Иванова, 2016; Воротников, 2016; Габарта, 2016; Глаголев, 2011] и на нематериальных факторах в международных отношениях [Глаголев, 2015; Щипков, 2015; Габарта, 2015; Шишелина, 2017]. К проблемам межкультурной коммуникации обращаются и представители Школы ибероамериканистики МГИМО. Стоит отметить монографии и учебники, подготовленные на

¹ Политика платформы Instagram <https://www.instagram.com/about/legal/terms/api/>

кафедре испанского языка МГИМО МИД России [Романова, 2014; Астахова, 2017; Дементьев, 2006]. К проблемам взаимовосприятия России и Испании [Черкасова, 2017; Константинова, 2017; Гранцева, 2017; Агрба, 2018], а также особенностям испанских регионов [Кузина, 2017; Филатов, 2017; Хенкин, 2016] всё чаще обращаются российские испанисты.

Интерпретация образа Геркулеса

Образ Геркулеса, персонификация физической силы и храбрости, занимает особое место среди символов Андалусии. Обычно дихотомия восток/запад для Андалусии ассоциируется с Аль Андалуз, но образ Геркулеса занимает центральное место, так как берёт своё начало из античности [González Alcantud, 2014: 23]. Цель исследования заключалась в верификации данного тезиса: актуальна ли данная интерпретация мифологического архетипа или он уже относится к области исторической памяти. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: анализ образа Геркулеса как символа андалусизма и его современной интерпретации в социальной сети Instagram.

Век назад, в январе 1918 г. на Асамблее регионалистов в Ронде были утверждены официальные символы Андалусии, разработанные идеологом андалусизма Бласем Инфанте. Они стали официальными символами автономного сообщества с 30 декабря 1981 г. На гербе изображен Геркулес, укрощающий двух львов на фоне Геркулесовых столпов, над которыми расположена арка с девизом Кадиса «Dominator Hercules Fundator».

Для Б. Инфанте первостепенную важность составляли глубокие исторические корни Андалусии. Ещё в античный период на этой земле появилось первое государство Пиренейского полуострова – Тартесс, взаимодействовавшее с античными средиземноморскими культурами, что наряду с последующим арабским влиянием повлияло на формирование у их потомков психологического склада, отличного от жителей других испанских областей [Infante, 1983: 66-67].

Так как на гербе отсутствует геральдический щит, то его следовало бы считать эмблемой. Образ полубога Геркулеса символизирует витальные силы человечества, в первую очередь андалусцев, их жажду перемен и преодоления стагнации, выраженную в укрощении львов, интерпретируемых Б. Инфанте как «животные инстинкты» [Королёва, 2019].

Легенда об основании Кадиса

Прототипом герба Андалусии послужил герб города Кадис (Гадир), основанной финикийцами столицы самой южной провинции Испании. Открытым вопросом остаётся время его основания. В начале I в. до н.э. город уже считался одним из самых древних в античном мире. Согласно античным литературным источникам, датой основания Гадира считается 1100 г. до н.э. Но самые ранние археологические находки, относящиеся к финикийской колонии, датированы только VIII в. до н.э. [Fierro Cubiella, 1995: 11-79].

Античный письменный источник легенды об основании Гадира – посвящённая Пиренейскому полуострову Третья книга Географии Страбона. Он никогда не посещал полуостров, а ссылаясь на Посейдония и Полибия, а в рассказе о Гадесе упоминал ещё Артемидора. В представленной легенде первоисточником указан рассказ самих гадитян. Гадир был основан финикийцами только с третьей попытки, что может объясняться неприятием финикийцев местным населением, на что указывает и само название города, означающее укрепление, крепость [Циркин, 2011: 24]. Хронология основания города остаётся вопросом для исследования ввиду недостаточности археологических находок.

Политическая ситуация в Средиземноморье XII в. до н.э., обусловленная агрессивной миграцией народов моря, ставит под сомнение основание Гадир в 1100 г. до н.э.:

– во-первых, с 1200 по 1050 гг. до н.э. Тир переживал «тёмные времена» и экономически был не в состоянии организовать дальние мореплаванья;

- во-вторых, расцвет культа Мелькарта в Тире относится к X в. до н.э.;
- в-третьих, расцвет финикийского мореплавания и кораблестроения пришёлся на X – VIII вв. до н.э. [Fierro Cubiella, 1995: 13-66].

Култ Мелькарта

Гадир, как и Карфаген, был крупной и богатой колонией финикийского Тира. Только римляне ценой гигантских усилий смогли одолеть финикийцев и их колонии в Западном Средиземноморье. Храм Мелькарта в Гадире был известен во всем Средиземноморье. Храмовая община пользовалась правом десятины и сконцентрировала большие богатства, которыми, в конечном счёте, воспользовались римляне, при этом на Пиренейском полуострове только Гадесу они сохранили автономию, а жители города считались римскими гражданами [Козловская, 2012: 57-58, 75].

Финикийский Мелькарт был как покровителем Тира, так и колонистов. По одной из версий мифа о смерти в огне и воскрешении Мелькарта, его смерть (вероятно, и «пробуждение») локализуется на Пиренейском полуострове, а могила – в гадитанском храме [Королева, 2019]. О ритуальной стороне культа Мелькарта известно, что в храм не допускались женщины и были запрещены жертвоприношения свиней [Fierro Cubiella, 1995: 122].

Ввиду того, что Кадис находится в сейсмоактивной зоне (со стороны Атлантического океана Пиренейский полуостров ограничен системой разломов), считается, что храм Мелькарта ушёл под воду, но точное местоположение не известно. По одной из версий, на которую указывал и Страбон, храм Мелькарта находился в зоне острова Санкти Петри. Указывают на эту версию и архивные записи середины XVIII в. Во время сильных отливов на поверхности оказалась большая часть Гадира: руины домов и возможно храма Мелькарта, откуда из-

влекли исполинскую бронзовую статую. В марте 1731 г. были произведены археологические раскопки после того, как в период отливов в феврале были обнаружены руины [Fierro Cubiella, 1995: 184-185]. В 1984 г. в музей Кадиса поступили скульптуры, датированные VIII – VII вв. до н.э. Позднее была обнаружена бронзовая скульптура Геркулеса с яблоком Гесперид в левой руке, датированная V в. до н.э., на сегодняшний день экспонирующаяся в музее Кадиса.

Мелькарт-Геракл-Геркулес

Бог-покровитель финикийского Тира и колонистов Мелькарт отождествляется с греческим Гераклом и римским Геркулесом. Скорее всего это связано с авантюризмом финикийских мореплавателей и подвигов Геракла. Римский поэт I в. н. э. Силий Италик описал изображения подвигов именно финикийского Мелькарта на воротах храма в Гадесе: только десять подвигов из двенадцати канонических, зато был нетипичный для греков сюжет смерти и воскрешения Геракла [Fierro Cubiella, 1995: 126].

Тартессийский этнос складывался при взаимодействии финикийской колонизации и становления тартессийской державы. Цикл мифов о Мелькарте мог повлиять и на тартессийский миф о Гаргорисе и Габисе, типичных архетипов героя, которым приписывается введение тех или иных достижений цивилизации. Тартессийский царь Герион, с которым сражался Геракл, вероятно принадлежал к тем мифологическим фигурам, которые народная фантазия помещала на край ойкумены, по мере её расширения сцены из таких мифов переносились все дальше к концу земли [Циркин, 2011: 57].

Геркулес сегодня

Проблема методологии: под впечатлением от исследований Л. Мановича в области культурной аналитики² было ре-

² Подробнее о проектах см. на официальном сайте Л. Мановича <http://manovich.net/index.php/exhibitions>

шено проанализировать материал сети и выявить тренды интерпретации образа Геркулеса как учреждения культуры, так и обычными пользователями сети. Проведенное исследование продемонстрировало слабости данного метода анализа современной культуры и необходимость поиска новых источников данных, доступных на сегодняшний день. Новый международный исследовательский проект Л. Мановича «Elsewhere», начавшийся в 2019 г., возможно, создаст новую траекторию для развития культурной аналитики. Прежде всего, новый проект фокусируется на локациях и мероприятиях, а не на анализе опубликованного контента в социальных медиа, легальный доступ к которому на сегодняшний день затруднен. Кроме того, новый проект Л. Мановича «Elsewhere» фокусируется не на современных мегаполисах, а на средних и малых городах, таких, как Кадис, обладающих своей самобытностью, выраженной, в том числе, и в современной культуре.

Сбор материала: материал собирался вручную в два этапа. В соответствии с политикой платформы Instagram, соблюдалась конфиденциальность персональных данных, а также авторские права, материал обрабатывался в режиме реального времени и массив данных не хранился. На первом этапе в апреле 2018 г. была собрана подборка аккаунтов учреждений культуры Андалусии. Это занимало слишком много времени, и в такой форме было крайне неудобно анализировать найденный материал. На втором этапе, в ноябре 2018 г. для поиска материала были привлечены студенты в рамках темы «гражданская наука» курса «Реклама и связи с общественностью в сфере культуры». Материал, созданный обычными пользователями, классифицировался по тематике публикаций.

На третьем этапе, в январе 2019 г., было проанализировано по 100 новейших публикаций по хэштегам #melqart (всего 331 публикация), #hércules (всего

39 247 публикаций) и #heracles (всего 35 463 публикаций).

Результаты исследования

На первом этапе работы была составлена база данных из 50 аккаунтов андалусских учреждений культуры. В неё вошли музеи, архивы, библиотеки, издательства, образовательные, религиозные учреждения и некоммерческие организации. К образу Геркулеса как национальному символу чаще всего обращаются учреждения Кадиса. Прежде всего, музей Кадиса (@museodecadiz), архив Кадиса (@ahpcadiz) и замок Санкти Петри (@castillosanctipetri).

Большинство найденных публикаций, собранных на втором этапе исследования, не интерпретируют Геркулеса как символ андалусизма. Большое количество найденных публикаций связаны с американским полнометражным мультфильмом 1997 г. «Геркулес», подвигами Геракла, татуировками, спортом и домашними животными. При этом встречается незначительное количество публикаций с официальной символикой Андалусии в контексте официального праздника «День Андалусии».

Из 100 просмотренных публикаций по хэштегу #melqart к Андалусии имели отношение 13 публикаций, остальные относились к другим регионам финикийской колонизации. Больше всего публикаций относились к острову Санкти Петри и музейным экспонатам. По хэштегу #hércules было найдено только 3 подходящие публикации, а по хэштегу #heracles из 100 публикаций ни одна не относилась к Андалусии.

Образ Геркулеса как символ Андалусии практически ушёл в область исторической памяти, сейчас к нему обращаются учреждения культуры, но «простые» пользователи Instagram ассоциируют Геркулеса с каноническими подвигами и мультфильмом.

Список литературы:

- Агрба А.А. Социальная реклама в России и Испании: структурно-компаративный анализ ценностного содержания // Конфликтология / nota bene. 2018. № 2. С. 54-65.
- Астахова Е.В. Испания как метафора. М.: МГИМО-Университет, 2017. 276 с.
- Воротников В.В., Габарта А.А. Влияние трудовой миграции на социально-экономическое развитие Польши и стран Прибалтики после 2004 года // Современная Европа. 2016. № 6. С. 125-136.
- Габарта А.А. Опыт региональной интеграции и сотрудничества в рамках Вишеградской группы // Современная Европа. 2015. № 6. С. 76-88.
- Габарта А.А. Особенности внешнеторговой и инвестиционной политики Польши // Современная Европа. 2016. № 6 (72). С. 97-106.
- Глаголев В.С. Модели адаптации этнических структур к глобализационным вызовам современности // Актуальные проблемы истории и этнологии. 2011. С. 65-79.
- Глаголев В.С. Нематериальные факторы в международных отношениях // Современная наука о международных отношениях за рубежом. М., 2015. С. 10-18.
- Гранцева Е.О. Образ культурной оппозиции франкизму на страницах советских журналов «Иностранная литература» и «Искусство кино» [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 10 (64). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840002039-1-1> (дата обращения: 08.02.2019).
- Гуменский А.В. Связи с общественностью в цифровой среде // Российская школа связей с общественностью. 2016. Т. 8. С. 53-69.
- Дементьев А.В., Волкова Г.И. Учебный испанско-русский лингвострановедческий словарь-справочник. М.: Высшая школа, 2006. 657 с.
- Иванова Н.А. Официальный и публичный диалог между Литвой и Россией: поиск коммуникативных решений // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 5. С. 63-71.
- Козловская В.И. Эпоха железа в Испании – время великих колонизаций и расцвета местных цивилизаций // История Испании. Том 1. С древнейших времен до конца XVII в. М.: Индрик, 2012. С. 45-90.
- Константинова Н. Культурная идентичность Испании и России: общее и особенное [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 10 (64). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001972-8-1> (дата обращения: 08.02.2019).
- Кузина Н.А. В поисках национального стиля (русский модерн и каталонский модернизм) [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 10 (64). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001991-9-1> (дата обращения: 08.02.2019).
- Королёва А.А. Символическая коммуникация исторического андалусизма в начале Гражданской войны в Испании [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 2 (76). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840002602-1-1/> (дата обращения: 05.06.2019).
- Манович Л. Теории софт-культуры. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. 208 с.
- Масумова Н.Р. Дисбалансы в Турции // Мировое и национальное хозяйство. 2015. № 1. С. 2.
- Меньшиков П.В. PR в контексте российской внешней политики [Электронный ресурс] // Международные коммуникации. 2016а. №1. URL: <http://www.intcom-mgimo.ru/2016-01/polit-pr>. (дата обращения: 08.02.2019).
- Меньшиков П.В. Каким он будет - бизнес PR инновационного уклада экономики? // Служба PR. 2016б. №2. С. 20-25.
- Романова Г.С., Иовенко В.А., Ларионова М.В. Испанский язык для международных. Уровни В2-С1: учеб.-метод. комплекс. М.: МГИМО-Университет, 2014. 379 с.
- Силантьева М.В. Коммуникация как способ трансляции интенционального опыта локальных культур // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2016. Т. 5. № 4. С. 49-55.

Силантьева М.В. Межкультурный диалог – основа плодотворного взаимодействия в системе международного партнерства // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2013. Т. 2. № 5. С. 14-17.

Скворцов Я.Л. О научных направлениях факультета МЖ: кафедра связей с общественностью [Электронный ресурс] // Международные коммуникации. 2016. № 1. URL: <http://www.intcom-mgimo.ru/2016-01/pr>. (дата обращения: 08.02.2019).

Смольская Е.П. Содержание коммуникации [Электронный ресурс] // Международные коммуникации. 2017. № 2. URL: <http://intcom-mgimo.ru/2017-02/communication-content>. (дата обращения: 08.02.2019).

Соловей В.Д. Информационная война и медиаманипулирование: что, почему, кто // Российская школа связей с общественностью. 2015. № 6. С. 148-164.

Филатов Г.А. Формирование региональной идентичности в Галисии в XX в. [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Выпуск 8 (72). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840002467-2-1> (дата обращения: 08.02.2019).

Хенкин С.М. “Баскская проблема” как фактор разобщения испанской политики // Политическая наука. 2016. № 1. С. 124-146.

Циркин Ю.Б. История Древней Испании. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 432 с.

Черкасова Е.Г. Россия и Испания: проблемы взаимовосприятия на современном этапе [Электронный ресурс]. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 10 (64). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001994-2-1> (дата обращения: 08.02.2019).

Шишелина Л.Н., Габарта А.А., Дрыночкин А.В. Вишеградская четверка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции. Сер. 342 Доклады Института Европы. М., 2017. 138 с.

Щипков В.А. Многополярность и проблема этики в теории современных международных отношений // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 3. С. 288-289.

González Alcantud J.A. El mito de Al Ándalus. Almuzara, 2014. 362 p.

Fierro Cubiella J.A. Gadir: La historia de un mito. Cádiz, 1995. 293 p.

Infante B. Antología de textos. Sevilla: Imprenta Sevillana, 1983. 381 p.

Об авторе:

Королёва Алина Алексеевна – кандидат культурологии, ст. преподаватель Кафедры рекламы и связей с общественностью МГИМО МИД России. a.koroleva@inno.mgimo.ru.

EXPERIENCE IN CULTURAL ANALYTICS: ANDALUSIAN MYTH OF HERCULES

A.A. Koroleva

Abstracts. Visual images in the world today have acquired a special significance in the process of social experience translation. The most popular visual network Instagram has already become not just a medium, but a sociocultural phenomenon. Cultural Analytics refers to the use of mathematical, computational, data visualization methods for the study of contemporary culture. Most of the digital platforms provides metadata using the API (application programming interfaces, application development). However, the use of metadata may violate the privacy of users and conflict with personal data protection laws. But research in the field of cultural analytics is not limited to computer analysis, but is based on paradigms and theories developed over the past two centuries. The modern interpretation of the image of Hercules is presented on the material of the Andalusian network seg-

ment. For centuries, the image of Hercules was present in a series of symbols of Andalusia: having gone from the patron saint of Phoenician Gadir to the symbol of Andalusian identity. A century ago, the flag and coat of arms of Andalusia, proposed by Andalusian nationalism ideologist BlaceInfante, became official symbols of the autonomous community from December 30, 1981, at the Assembly Hall in Ronda. The image of Hercules as a symbol of Andalusia has practically gone to the region of historical memory, now cultural institutions are turning to it, but "simple" Instagram users associate Hercules with canonical feats and cartoon.

Key words: Hercules, Melkart, Gadir, Andalusism, digital humanities, cultural analytics, communication, digital cultural artifacts, visual images, Instagram.

References:

Agrba A.A. Sotsial'naia reklama v Rossii i Ispanii: strukturno-komparativnyi analiz tsennostnogo sod-erzhaniia [Social advertising in Russia and Spain: a structural-comparative analysis of value content]. *Konfliktologiya. Nota bene - Conflictology. Nota bene*, 2018, no. 2, pp. 54-65 (In Russian).

Astakhova E.V. *Ispaniya kak metafora* [Spain as a metaphor]. Moscow, MGIMO- University, 2017. 276 p. (In Russian).

Vorotnikov V.V., Habarta A.A. Vliianie trudovoi migratsii na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiie Pol'shi i stran Pribaltiki posle 2004 goda [The impact of labor migration on the socio-economic development of Poland and the Baltic countries after 2004]. *Sovremennaiia Evropa - Contemporary Europe*, 2016, no.6, pp. 125-136 (In Russian).

Habarta A.A. Opyt regional'noi integratsii i sotrudnichestva v ramkakh Vishegradskoi gruppy [Experience of regional integration and cooperation within the Visegrad Group]. *Sovremennaiia Evropa - Contemporary Europe*, 2015, no. 6, pp. 76-88 (In Russian).

Habarta A.A. Osobennosti vneshnetorgovoi i investitsionnoi politiki Pol'shi [Features of the foreign trade and investment policy of Poland]. *Sovremennaiia Evropa - Contemporary Europe*, 2016, no. 6, pp. 97-106 (In Russian).

Glagolev V.S. Modeli adaptatsii etnicheskikh struktur k globalizatsionnym vyzovam sovremennosti [Models of adaptation of ethnic structures to the globalization challenges of modernity]. *Aktual'nye problem istorii i etnologii - Actual problems of history and ethnology*, 2011, pp. 65-79 (In Russian).

Glagolev V.S. Nematerial'nye faktory v mezhdunarodnykh otnosheniiax [Intangible factors in international relations]. *Sovremennaiia nauka o mezhdunarodnykh otnosheniiax za rubezhom* [Modern science of international relations abroad]. Moscow, 2015. pp. 10-18 (In Russian).

Grantseva E.O. Obraz kul'turnoi oppozitsii frankizmu na stranitsakh sovetskikh zhurnalov «Inostrannaiia literatura» i «Iskusstvo kino» [The Image of the Cultural Resistance to the Francoism in the Pages of Soviet Magazines «Inostrannaya Literatura» and «Iskusstvo Kino»]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia» - Electronic scientific and educational journal "History"*, 2017, T. 8, Issue 10 (64). Access for registered users. Available at: <http://history.jes.su/s207987840002039-1-1> (accessed: 08 February 2019) (In Russian).

Gumensky A.V. Sviazi s obshchestvennost'iu v tsifrovoy srede [Public Relations in the Digital Environment]. *Rossiiskaia shkola sviazei s obshchestvennost'iu - Russian School of Public Relations*, 2016, vol. 8, pp. 53-69 (In Russian).

Dement'ev A.V., Volkova G.I. *Uchebnyi ispansko-russkii lingvostranovedcheskii slovar'-spravochnik* [Educational Spanish-Russian linguistic dictionary]. Moscow, Higher school, 2006. 657 p. (In Russian).

Ivanova N.A. Ofitsial'nyi i publichnyi dialog mezhdou Litvoi i Rossiei: poisk kommunikativnykh reshenii [Official and public dialogue between Lithuania and Russia: the search for communication solutions]. *Vestnik MGIMO Universiteta – Vestnik MGIMO-University*, 2015, no. 5, pp. 63-71 (In Russian).

Kozlovskaiia V.I. Epokha zheleza v Ispanii – vremia velikikh kolonizatsii i rastsвета mestnykh tsivilizatsii [The era of iron in Spain - the time of the great colonization and flourishing of local civilizations]. *Istoriia Ispanii. Tom 1. S drevneishikh vremen do kontsa XVII v.* [History of Spain. Volume 1. From ancient times to the end of the XVII century]. Moscow, Indrik, 2012, pp. 45-90 (In Russian).

Konstantinova N. Kul'turnaia identichnost' Ispanii i Rossii: obshchee i osobennoe [Cultural Identity of Spain and Russia: General and Special]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia» - Electronic scientific and educational journal «History»*, 2017, T. 8, Issue 10 (64). Access for registered users. Available at: <http://history.jes.su/s207987840001972-8-1> (accessed 08 February 2019) (In Russian).

Kuzina N.V. poiskakh natsional'nogo stilia (russkii modern i katalonskii modernizmo) [In Search of a National Style (Russian Modern and Catalan Modernismo)]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia» - Electronic scientific and educational journal «History»*, 2017, T. 8, Issue 10 (64). Access for registered users. Available at: <http://history.jes.su/s207987840001991-9-1> (accessed 08 February 2019) (In Russian).

Koroleva A.A. Simvolicheskaja kommunikatsiia istoricheskogo andalusizma v nachale Grazhdanskoi voyny v Ispanii [The Symbolic Communication of Historical Andalusism at the Beginning of the Spanish Civil War]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia» - Electronic scientific and educational journal «History»*, 2019, T. 10, Issue 2 (76). Access for registered users. Available at: <https://history.jes.su/s207987840002602-1-1/> (accessed 05 June 2019) (In Russian).

Manovich L. *Teorii soft-kul'tury* [Theory of soft culture]. Nizhny Novgorod, Red swallow, 2017. 208 p. (In Russian).

Masumova N. Disbalansy v Turtsii [Imbalances in Turkey]. *Mirovye i natsional'noe khoziaistvo - World and National Economy*, 2015, no.1, p. 2 (In Russian).

Menshikov P.V. PR v kontekste rossiiskoi vneshnei politiki [PR in the context of the Russian foreign policy]. *Mezhdunarodnye kommunikatsii - International Communications*, 2016a, no.1. Available at: <http://www.intcom-mgimo.ru/2016-01/polit-pr> (accessed 08 February 2019) (In Russian).

Menshikov P.V. Kakim on budet - biznes PR innovatsionnogo uklada ekonomiki? [What will it be like - the business of PR in the innovation mode of the economy?]. *Sluzhba PR - PR service*, 2016b, no. 2, pp. 20-25 (In Russian).

Romanova G.S., Iovenko V.A., Larionova M.V. *Ispanskii iazyk dlia mezhdunarodnikov. Urovni B2-C1: ucheb.-metod. kompleks* [Spanish for internationalists. Levels B2-C1: studies.-method. Complex]. Moscow, MGIMO-University, 2014. 379 p. (In Russian).

Silantieva M.V. Kommunikatsiia kak sposob transliatsii intentsional'nogo opyta lokal'nykh kul'tur [Communication as a Way to Broadcast an Intentional Experience of Local Cultures]. *Nauchnye issledovaniia i razrabotki. Sovremennaja kommunikativistika - Scientific research and development. Modern communication studies*, 2016, T. 5, no. 4, pp. 49-55 (In Russian).

Silantieva M.V. Mezhdunarodnyi dialog – osnova plodotvornogo vzaimodeistviia v sisteme mezhdunarodnogo partnerstva [Intercultural dialogue as basis of fruitful co-operation in the system of international partnership]. *Nauchnye issledovaniia i razrabotki. Sovremennaja kommunikativistika - Scientific research and development. Modern communication studies*, 2013, Vol. 2, no. 5, pp. 14-17 (In Russian).

Skvortsov Ya.L. O nauchnykh napravleniiakh fakul'teta MZh: kafedra sviazei s obshchestvennost'iu [On the scientific directions of the faculty of breast: department of public relations]. *Mezhdunarodnye kommunikatsii - International Communications*, 2016, no. 1. Available at: <http://www.intcom-mgimo.ru/2016-01/pr> (accessed 08 February 2019) (In Russian).

Smolskaya E.P. Soderzhanie kommunikatsii [Communication content]. *Mezhdunarodnye kommunikatsii - International Communications*, 2017, no. 2. Available at: <http://intcom-mgimo.ru/2017-02/> communication-content (accessed 08 February 2019) (In Russian).

Solovey V.D. Informatsionnaia voyna i mediamanipulirovanie: chto, pochemu, kto [Information war and media manipulation: what, why, who]. *Rossiiskaja shkola sviazei s obshchestvennost'iu - Russian School of Public Relations*, 2015, no. 6, pp. 148-164 (In Russian).

Filatov G. Formirovanie regional'noi identichnosti v Galisii v XX v. [The Formation of Regional Identity in Galicia in the 20th Century]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia» - Electronic scientific and educational journal «History»*, 2018, T. 9, Issue 8 (72). Access for registered users. Available at: <http://history.jes.su/s207987840002467-2-1> (accessed 08 February 2019) (In Russian).

Khenkin S.M. «Baskskaja problema» kak faktor razobshcheniia ispanskoi politiki [«The Basque problem» as the factor of disunity in the Spanish polity]. *Politicheskaja nauka - Political Science*, 2016, no. 1, pp. 124-146 (In Russian).

Tsyarkin Yu.B. *Istoriia Drevnei Ispanii* [History of ancient Spain]. Saint-Petersburg, Faculty of Philology, Nestor-History, 2011. 432 p. (In Russian).

Cherkasova E.G. Rossiia i Ispaniia: problem vzaimovospriiatiia na sovremennom etape [Russia and Spain: Problems of Mutual Perception at the Present Stage]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia»* - *Electronic scientific and educational journal «History»*, 2017, T. 8, Issue 10 (64). Access for registered users. Available at: <http://history.jes.su/s207987840001994-2-1> (accessed 08 February 2019) (In Russian).

Shishelina L.N., Habarta A.A., Drynochkin A.V. *Vishegradskaia chetverka v Evropeiskom soiuze: dilemmy konvergentsii. Ser. 342 Doklady Instituta Evropy* [The Visegrad Four in the European Union: Convergence Dilemmas. Ser. 342 Reports of the Institute of Europe]. Moscow, 2017. 138 p. (In Russian).

Shchipkov V.A. Mnogopoliarnost' i problema etiki v teorii sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii [Multipolarity and ethics in contemporary international relations theory]. *Vestnik MGIMO Universiteta - Vestnik MGIMO- University*, 2015, no. 3, pp. 288-289 (In Russian).

González Alcantud J.A. *El mito de Al Ándalus. Almuzara*, 2014. 362 p. (In Spanish).

Fierro Cubiella J.A. *Gadir: La historia de un mito*. Cádiz, 1995. 293 p. (In Spanish).

Infante B. *Antología de textos*. Sevilla, Imprenta Sevillana. 1983. 381 p. (In Spanish).

About the Author:

Koroleva Alina Alekseevna – PhD (Kulturology), Senior Lecturer, Department of Advertising and Public Relations, Department at MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
a.koroleva@inno.mgimo.ru.

ИНФОРМАЦИОННО-КОГНИТИВНОЕ СИЛОВОЕ «ФОРМАТИРОВАНИЕ» ПРАВЯЩИХ ЭЛИТ СУБЪЕКТОВ ВОЕННО – ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В «ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД»

А.И. Подберёзкин

Аннотация. Анализ и прогноз развития возможных средств силовой политики в «переходный период» до 2024 года имеет самое большое значение не только для планов военного строительства и будущего гособорон-заказа (и, соответственно, военных расходов страны), но и для возможных сознательных изменений в военном искусстве. Прежде всего, речь идёт о стратегии государств, которые непосредственно зависят от средств ведения как вооружённой, так и невооружённой, силовой политической борьбы. Это принципиальное положение политической и военной науки хорошо известно уже давно [Шапошников, 2016].

Также очевидно, что не только в настоящее время наблюдаются радикальные изменения в приоритетах применения тех или иных силовых средств, то есть в выборе наиболее предпочтительных (наименее рискованных, более эффективных и менее дорогостоящих) силовых средств политики из всего существующего и постоянно пополняемого огромного набора таких средств. Но эта специфика наблюдалась и прежде, например, с появлением ядерного оружия и средств его доставки, когда стратегические задачи стало возможно решать непосредственно, без последовательного достижения тактических результатов¹.

Более того, выбор наиболее эффективных невоенных средств в эпоху ядерного оружия ставился многократно и вполне естественно в СССР и на Западе весь прошлый век. Причём, подчеркну, не только – и может быть, даже не столько, – средств вооружённой борьбы (ВВСТ), сколько именно силовых средств политического воздействия вообще – экономических, информационных, политико-дипломатических и иных².

Но именно в современный «переходный период» (2014–2025 гг.) эти процессы приобрели не только ускоренную динамику, но и откровенно дестабилизирующий характер, игнорирующий как прежние договорённости о соблюдении норм международной безопасности и поддержанию стратегической стабильности, так и старые традиционные нормы международного права и политического общения.

Ключевые слова: правящие элиты ВПО, тактика, стратегия, силовые средства политики, дестабилизация МО, традиционные нормы политического общения, «переходный период».

¹ Этому вопросу также было уделено много внимания в советское время, в том числе и автором.

² Международная научная конференция «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений в интересах национальной безопасности России: сб. докладов. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 169 с.

Собственно говоря, перечисленные выше некоторые критерии эффективности выбора того или иного инструмента насилия уже изначально предполагают отсутствие в выборе средств политики силы абсолютной универсальности для тех или иных силовых средств. А это не может не ставить перед исследователями сложнейшую задачу обоснования политической и военной эффективности средств насилия³. Среди таких силовых средств, на первый взгляд, нет «абсолютного» оружия, или таких видов и систем вооружений и силового принуждения, которые использовались бы при любых условиях против любых субъектов ВПО. И, что очень важно, соответствовали бы всем основным критериям эффективности его применения.

Это объясняется тем, что по отношению к тому или иному субъекту мирового сообщества в различные периоды времени должен существовать выбор достаточно конкретных силовых инструментов, который, как правило, каждый раз тщательно анализируется именно с точки зрения его эффективности и минимизации политических и военных рисков и экономических издержек. Это – не только принцип эффективной политики, но и норма международных отношений, которая должна учитываться как в анализе, так и прогнозе развития военно-политической обстановки (ВПО)⁴. Странно, например, если бы в ответ на высылку дипломатов начиналась массированная бомбардировка с использованием ВТО оппонента. Даже не спровоцированный обстрел сирийской авиабазы со стороны США крылатыми ракетами был ограничен по времени и масштабам, а, главное, по формально декларируемым задачам.

Таким образом, неизбежно востребуется дифференциация в выборе силовых средств как по их эффективности, так и относительному соответствию этих средств существующим международным нормам и реалиям. Прежде всего, по заявленным и реальным политическим целям⁵. Так, в отношении своих союзников по военно-политической коалиции США могут использовать преимущественно политико-дипломатические, медийные или специальные средства силового принуждения (и чем больше, например, их возможность контролировать личную жизнь и коммуникации политических лидеров), тем легче манипулировать их поведением.

По отношению к новым центрам силы – Китаю, Индии, Бразилии, России и другим – используется уже более широкий набор силовых инструментов – от «мягкой силы» и торгово-экономических санкций до политико-дипломатического давления и даже шантажа. Последние имеют исключительно важное значение с точки зрения применения военного насилия [Долгосрочное прогнозирование..., 2017:97-101]. Они представляют собой разновидности политико-психологических форм военной силы, которые могут использоваться как в открытом, эксплицитном виде («шантаж»), так и скрытом имплицитном виде («создания позиции силы»).

Причём, как неоднократно доказывалось, обе эти формы политико-психологического использования военной силы, как правило, оказывались намного эффективнее прямого применения вооруженного насилия как с политической и военной, так и экономической точек зрения. Поэтому в последние десятилетия к прямому военному наси-

³ Эта задача была предметом изучения в течение нескольких лет в НИИ № 46 Минобороны, авторы которого в итоге опубликовали соответствующее исследование: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. – М.: Издательский дом «Граница». – 512 с.

⁴ Подберёзкин А.И., Харкевич М.В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования международных отношений. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – С. 99–101.

⁵ Подберёзкин А.И., Жуков А.В. Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника // Вестник МГИМО-Университета, 2018. – № 6 (63). – С. 143–147.

лию США прибегают в том случае, когда другие средства оказываются неэффективными или исчерпаны, то есть фактически в крайнем случае. Последствия и издержки войн в Корее, Вьетнаме, в Афганистане и Ираке, безусловно, учитываются в Вашингтоне, хотя отнюдь не означают отказа от прямого вооружённого насилия.

В то же время надо отчётливо понимать, что без уверенности в возможности эффективного применения военной силы (то есть без подготовленных и реально существующих ВВСТ и ВС, а также соответствующего планирования) и политической воли к её применению, политико-психологические формы её использования не выглядят убедительными, а, значит, и бессмысленными. Это означает, что чем реалистичнее военная мощь, чем очевиднее готовность правящей элиты к её применению, тем более эффективнее применение невоенных средств принуждения, включая и «мягкой силы».

И, наоборот, чем сильнее и эффективнее оборона, например, ПРО-ПВО, тем наименее эффективны не только военная политика оппонента, но и силовая политика вообще. В этом смысле, например, эффективная система ПВО не только России, но и любого государства или коалиции. как доказала судьба Югославии, Ирака, Ливии и других стран, равнозначна понятию «суверенитет»⁶. Иными словами, чем реалистичнее угроза войны, тем эффективнее представляется политика, что, безусловно, резко увеличивает риски возникновения военных конфликтов и войн [Missile Defense Review, 2019:8-14].

Подобная современная военно-политическая реальность особенно опасна, когда речь идёт о политике силового принуждения в отношении потенциальных противников, которым (в соответствии с этой логикой) необходи-

мо наглядно, а порой и демонстративно, показать как военно-технические возможности, так и способности, и политическую решимость их использования. По сути дела, этот подход превращается в провокацию даже в тех случаях, когда стороны хотят избежать военного столкновения. Так, нередко звучащие угрозы со стороны членов западной военно-политической коалиции о готовности использовать ядерное оружие неизбежно ставят Россию перед проблемой своевременного нанесения ответного удара. В особенности в условиях развития ПРО США. Более того, их планы, действия и намерения неизбежно рассматриваются под углом зрения развития «наихудшего сценария», то есть предположения об использовании ЯО или массированного применения ВТО первыми [Summary of the 2018: 3-11]. Тем более, когда у США создана и стремительно совершенствуется в «переходный период» военно-техническая возможность для таких действий, в чём убеждают финансовые планы на 2019–2021 гг.

В этой связи возникает традиционный вопрос о стратегической стабильности, который активно обсуждается с 80-х годов не только экспертами, но и на политическом уровне. Считается, что все стороны заинтересованы в укреплении стратегической стабильности. Это относится, прежде всего, к России и США, которые опасаются рисков ядерной войны. Но на практике политика США в последние два десятилетия направлена именно на разрушение стратегической стабильности, внесения неопределённости в действия и намерения с тем, чтобы максимально увеличить воздействие военно-силовой политики.

Это стало особенно очевидным после отказа США в 2002 г. от Договора по ПРО⁷, ратификации ДОВСЕ, а также ускоренному развитию ВТО и других ударных вооружений и заявленному на лето

⁶ Подберёзкин А.И. Евразийская воздушно-космическая оборона. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – С. 155–187.

⁷ Ненартович Н.Э., Горевич Б.Н. Система противоракетной обороны США. Анализ и моделирование. – М.: ПАО «НПО «Алмаз», 2018. – С. 16–28.

2019 г. выходу из ДРСМД. Таким образом, получается, что реальная политика США направлена не на укрепление, а на разрушение стратегической стабильности и предсказуемости в области использования ЯО. Это заставляет по-новому оценить перспективы развития ВПО и стратегий различных стран, но, прежде всего, США и возглавляемой ими коалиции.

Если говорить о современной стратегии США, то неизбежно приходишь к принципиальному выводу о том, что в последние десятилетия, но особенно в «переходный период» произошло изменение политических целей войны (в XXI в. это привело к тому, что процесс формирования ВПО происходит с помощью самого широкого спектра средств – от ядерных до «мягкой силы»), среди которых исключительно важное значение приобрели электронные СМИ и интернет-ресурсы, в особенности социальные сети. И если прежние цели во многом определялись сохранением стратегической стабильности и недопущением военной эскалации, то в «переходный период» всё происходит наоборот – результатом оказываются внутривнутриполитическая и внешняя дестабилизация, подчинение правящих элит ВПО, что предопределяет необходимость применения самых разных средств и способов ведения войны.

Комплексность использования «жесткой силы» и «мягкой силы» – обязательный принцип силовой политики США и их союзников, получившей название политики «силового принуждения». Об этом нельзя забывать, в частности, потому, что эффективное использование информационно-когнитивных средств и экономических санкций возможно только в том случае, если они обеспечены эффективной поддержкой самого широкого спектра возможных средств вооруженного насилия – от ядерных, стратегических, до электронных [Summary of the 2018:3-11].

Этим также вызывается и настойчивое стремление США максимально по-

высить боевую эффективность всего спектра ядерного оружия, предполагающее создание новых и развитие существующих тактических, оперативных и стратегических ядерных сил. При этом использование ядерного оружия США первыми считается нормой в политическом и военном стратегическом планировании страны⁸.

В Комитете начальников штабов ВС США считается, например, что из-за потенциальной угрозы удара со стороны США соперникам тяжелее принимать решения. Иными словами, инициатива в применении ответных мер со стороны обороняющейся стороны должна быть максимально ограничена. Именно так считает глава Объединённого комитета начальников штабов Джозеф Данфорд. При этом другие силовые средства ни в коем случае не исключают применение ядерного оружия. В частности, на специальном заседании комиссии сената в марте 2019 года он подчеркнул, что кибероружие, по его мнению, «не сможет заменить ядерную триаду». Смысл такого отношения к возможности применения ядерного оружия, по его мнению, заключается в следующем:

«Мне кажется, что наша текущая политика (в области обороны, которая допускает такое право, – РБК) осложняет противнику процесс принятия решения. Я бы не рекомендовал принимать решение, которое облегчит ему этот процесс», – заявил Данфорд. «Я также могу вообразить несколько ситуаций в будущем, при которых мы не захотим, чтобы у президента не было такой возможности» – сказал он, добавив, что подробности он готов изложить только на закрытом заседании.

Следующий вопрос касался того, согласен ли Данфорд с мнением, что сейчас у США достаточно неядерных способов сдерживания противников, в частности, в области киберпространства. Ответ председателя КНШ был вполне определён:

⁸ Гатинский А. В Пентагоне выступили против отказа от права нанести ядерный удар первыми // Эл. ресурс: «РБК» https://www.rbc.ru/politics/15/03/2019/5c8ac2b59a7947296ee1b046utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

«Сенатор, я не считаю, что возможности в киберпространстве могут подменить ядерный потенциал, ... нам надо сохранять безопасный, но эффективный потенциал ядерного сдерживания»⁹.

Таким образом силовая политика принуждения Соединенных Штатов предполагает применение следующей формулы: *использование всех силовых инструментов политики принуждения США должно быть обеспечено реальной возможностью эффективного применения всего спектра военной силы, включая ядерное*.

Наконец, резкое изменение состояния ВПО в мире, по оценке руководства США, привело к качественному росту числа возможных противников в мире. Если к концу прошлого века в США военная политика формировалась, исходя из возможности военного конфликта только с 2 противниками – Россией и Китаем, то во втором десятилетии США рассматривают в качестве потенциальных противников уже до 50 субъектов ВПО¹⁰. О реальности такой перспективы в своё время предупреждал С. Хантингтон, который писал: «Глобальная политическая география, таким образом, изменилась: вместо одного мира в 1920 г. на карте появилось три мира в 1960-м и с полдюжины миров в 1990-х годах»¹¹.

Формально-политическое признание этого факта Государственным департаментом США означало, что по отношению к этим государствам должна проводиться не универсальная, а дифференцированная силовая (и военно-силовая) политика. «Как минимум 50 стран в современном мире способны нанести урон США», заявила по этому поводу директор отдела политического планирования Госдепартамента Кирон Скиннер. Выступая в марте 2019 г. в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне, Скиннер

отметила стремительное изменение мировой политики в вопросе безопасности. Она также подчеркнула, что сейчас урон США могут нанести не только ядерные державы, но и другие страны путем «кибервойны, экономической войны или информационного противостояния». Причем одним из «главных испытаний» для Вашингтона, по её мнению, стали развивающиеся страны.

Эти изменения в ВПО неизбежно требуют пересмотра стратегии и набора силовых инструментов в отношении возможных противников из числа «новых» государств, обладающих возможностями к сопротивлению военно-силовому давлению, имея в виду КНДР, Иран и целый ряд других государств. В этой связи неизбежен вывод о том, что в связи с рядом принципиальных изменений в МО и ВПО США и их союзники стоят перед необходимостью корректировки в использовании политики силы как в её «мягкой», так и в самых «жестких» формах. Это добавляет специфики в особенности «переходного периода» во внешней и военной политике США, важнейшей из которых становится *смена главной цели силового воздействия* [Summary of the 2018:3-11].

На этом очень важном обстоятельстве необходимо остановиться подробнее. В прежние периоды человеческой истории такими наиболее приоритетными целями войны и силовой политики вообще являлись:

- ограбление, контрибуции, захват рабов;
- захват территории, оккупация с целью получения дополнительной выгоды;
- изменение политики, религии, отношений с союзниками и т.п.;
- наконец, разгром ВС и всего государства.

В настоящее время контроль над государствами и их подчинение может

⁹ Гатинский А. В Пентагоне выступили против отказа от права нанести ядерный удар первыми // Эл. ресурс: «РБК» / https://www.rbc.ru/politics/15/03/2019/5c8ac2b59a7947296ee1b046utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

¹⁰ См. подробнее: Эл. ресурс: «Известия». 2019.15.03.

¹¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2016, с.69.

быть более эффективно и безопаснее осуществлён не с помощью открытых военных действий, а с помощью подконтрольной элиты. Военные действия не исключаются, более того, предполагаются. На начальной стадии к ним стараются не прибегать, а только угрожают их применением [Публичная дипломатия, 2017: 21-36], в то время как главной целью является силовое принуждение правящих элит к той политике и системам ценностей, тем нормам, которые наиболее выгодны нападающей стороне. В этой связи можно констатировать, что в современную эпоху оккупация, военные действия становятся всё более рискованными и невыгодными экономически, политически опасными, а их последствия – практически непредсказуемыми¹².

Ярким примером такой политики выступает политика США по отношению к Венесуэле, а до этого – к Сирии, где используется весь спектр силовых инструментов для смены правящей элиты. Принципиально от этой политики не отличается и политика США по отношению к России, где «доля» собственно военных средств (помощь Украине, поддержка террористов и пр.) пока что используется ограниченно. Можно, таким образом, выделить, как минимум, 4 основных группы стран, по отношению к которым проводится достаточно дифференцированная политика «силового принуждения» западной коалиции в «переходный период», которую можно разделить по использованию средств силового принуждения:

- первая группа – союзники и партнёры США, входящие в их военно-политическую коалицию, в отношении которых активно применяются политико-дипломатические, экономические и информационные средства силового принуждения, которые отнюдь не гарантируют от использования военного

силового принуждения. Так, в отношении Германии показательны меры политического и финансово-экономического силового давления с целью заставить отказаться от продолжения реализации газопровода «Северный поток-2». Но не известны возможные меры военного давления, которые могут быть использовать США, например, в соответствии с секретными договорённостями или даже без оных, просто потому, что на территории Германии размещены военные базы, которые не подконтрольны национальному правительству (как это было в Турции);

- вторая группа – страны, не входящие в коалицию, по отношению к которым США используют откровенно силовые меры принуждения, не останавливаясь в том числе и перед военными угрозами и действиями. В реальности, однако, в отношении этих государств вполне хватает политико-дипломатических и информационно-когнитивных средств давления из-за их неспособности оказать активное противодействие. В тех же случаях, когда таких средств оказывается недостаточно, США прибегают к интервенциям. Примеров – более чем достаточно, в том числе и не всегда для США удачных. Так, весьма спорные последствия силовые инструменты давления имели для политики Ирана, КНДР, Кубы и целого ряда других стран, включая Венесуэлу;

- третья группа государств, – государства, пытающиеся публично или имплицитно противодействовать политике США. По отношению к этим странам не только допускаются, но и предполагается применение военно-силовых средств, включая и ОМУ. Более того, готовность использовать военную силу демонстрируется открыто, в том числе и для обеспечения более эффективного применения экономических и информационных средств¹³. Проблема состоит, однако, в

¹² Прежде всего, в качестве силовых средств политики используются такие силовые не военные средства, как экономические и торговые санкции. См. подробнее: Подберёзкин А.И., Подберёзкина О.А. Политика санкций как часть политики «силового принуждения» // Обозреватель, 2018. – № 11. – С. 7–9, а также: Обозреватель, 2018. – № 12. – С. 8–28.

¹³ Подберёзкин А.И., Подберёзкина О.А. Политика санкций как часть политики «силового принуждения» // Обозреватель, 2018. – № 11. – С. 7–9, а также: Обозреватель, 2018, № 12. – С. 8–28.

том, что политические и военные риски, которые могут стать следствием такой политики, всегда и неизбежно высоки. Прямая агрессия, даже если она изначально и удачно осуществлена (как в Гренаде, Ираке или Афганистане), должна закончиться политическими решениями, которые далеко не всегда скореллированы с применённой военной силой.

Таким образом, можно сделать несколько выводов относительно особенностей использования военной силы в «переходный период»:

1. Военная сила не является универсальным средством политики, которое пригодно для любых политических целей;

2. Военная сила является составной частью политики «силового принуждения» и обеспечивает эффективность применения невоенных инструментов политики;

3. Военная сила не может решать конечные политические задачи;

4. Военная сила несёт неизбежные политические, военные и иные риски и издержки.

Наконец, главный вывод, который следует из этих рассуждений: *в конечном счёте, более эффективными и результативными, а также менее рискованными, являются не военные меры силового воздействия, среди которых исключительно важную роль в «переходный период» стали выполнять информационно-когнитивные средства, которые представляют собой самый широкий спектр информационных, образовательных, культурных и иных средств и лиц, институтов и организаций, направленных на формирование необходимых систем ценностей, принципов, норм и правил.*

Но не только. Информационно-когнитивные средства влияния меняют политическую, социальную и даже правовую основы общества, превращая их в удобный для противника субъект или актор, как правило, не способный сохранить свой суверенитет и идентичность. Так, разрушение православия на Украине, запрет на использование рус-

ского языка, ограничения в культурно-просветительской деятельности, образовании, традициях (включая семейные уклады) означает трансформацию общества, нации и государства в подчинённый внешнему влиянию актор.

Используя терминологию XX века, можно говорить о том, что это идеологические и воспитательные средства, формирующие у нации определённую социально-политическую и культурно-историческую идентификацию. Во внешней политике эти универсальные средства имеют стратегическое значение, ибо они предназначены:

- для достижения конечных политических целей (смены правящих элит, их принуждению), разрушению суверенитета и идентичности;
- являющиеся универсальными по отношению к любой группе государств;
- несущие минимальные политические и военные риски и экономические издержки.

При этом важно подчеркнуть: независимо от того, в какую группу входит тот или иной субъект МО или иной актор, а также какие силовые средства используются против него, изначально планируется использование всех возможностей и способов (включая военные) в единой системе политики силового принуждения, но приоритет будет всегда отдаваться информационно-когнитивным средствам влияния. Во втором десятилетии XXI в., а именно в «переходный период» 2010–2025 гг., в политике государств западной военно-политической коалиции произошла смена политических и доктринальных установок, которая в целом крайне негативно отразилась на состоянии стратегической стабильности и эволюции ВПО в мире.

Фактически началась эскалация военных приготовлений как в области создания качественно новых ВВСТ, так и в области военного искусства, где на всех уровнях вёлся поиск новых способов применения вооружённого насилия. Директор Центра Карнеги в Москве Д. Тренин следующим образом описал эту смену доктринальных установок: «Оче-

видно, что развитие технологий ведёт к изменениям военно-доктринального характера. Президент Путин заявил об ответно-встречном ядерном ударе как об основной стратегии применения ядерного оружия РФ. В отличие от ответного удара, который наносится после того, как ядерные заряды противника уже достигли территории государства, такая стратегия несёт в себе риск, поскольку не даёт полной гарантии от ошибки» [Тренин, 2019].

Странно было бы ожидать, пока твои объекты будут уничтожены и только после этого отвечать (да и кому и чем придётся отвечать в этом случае?). Военная доктрина России, измененная в 2014 г. «в связи с новыми военными угрозами», в отличие от американской, предусматривает не десятки, а только два условия, при которых будет нанесён ответно-встречный удар¹⁴.

Но подобная смена акцентов России привела к тому, что в странах НАТО стала преобладать точка зрения, согласно которой Россия в последние годы приняла так называемую стратегию «эскалации для деэскалации», то есть первого применения ядерного оружия с целью завершения военного конфликта на выгодных или приемлемых для себя условиях», – продолжает Д. Тренин [Тренин, 2019]. В России такую интерпретацию называют неверной, отмечая, что исторически никогда и нигде не делали ставку на ведение ограниченных ядерных войн.

Совсем другое дело США, где в «переходный период» просматривается отчётливое стремление создать потенциал по ведению ограниченных войн. Упор делается как на развёртывании большого числа ВТО, прежде всего КР и аэробаллистических ракет, создании эшелонированной системы ПРО, а также огромного спектра возможностей по внутривнутриполитической дестабилизации государств. Суть политики Запада в «переходный период» заключается в сочетании средств силового принуждения по внутренней де-

стабилизации и внешних военных угроз. Иногда этот подход называли «Стратегией «Троянского коня», о которой достаточно определённо высказался 2 марта 2019 года НГШ ВС России В. Герасимов как о стратегии уничтожения России.

Действительно, применение ВТО и тактического ядерного оружия открывает возможность для неконтролируемой эскалации. Кроме того, в отличие от США, отделённых от возможных театров войны океанами, ограниченная война с применением ядерного оружия велась бы вблизи от российских границ или на российской территории. Тем не менее, ещё в начале 1990-х гг. Россия отказалась от декларативного обязательства Советского Союза не применять ядерное оружие первой.

В военной доктрине РФ указывается, что ядерное оружие может быть применено, если страна подвергнется ядерному нападению, либо если под угрозой окажется существование государства. Именно такое разъяснение даётся в Военной доктрине России, причём периодически представители России (как это сделан посол РФ в США А. Антонов в марте 2019 г.) вынуждены повторять этот тезис.

Это положение появилось в доктрине, когда обычные вооружённые силы России были существенно ослаблены и ядерная мощь виделась единственным гарантом военной безопасности страны. Возникает, однако, вопрос: что именно считать угрозой для существования государства? Будет ли считаться такой угрозой, например, локальное военное поражение, ведущее, возможно, к падению существующей власти, но не угрожающее жизни подавляющего большинства граждан страны? Можно предположить, что ни одна из трёх крупных держав не смирится с унижительным поражением в конфликте с использованием только обычного оружия.

Применение ядерного оружия первым в ходе уже начавшегося локального

¹⁴ Путин В.В. Указ Президента России № 815 от 25 декабря 2014 г. «О признании утратившими силу документа «О военной доктрине Российской Федерации» от 2010 года.

или регионального конфликта с целью его деэскалации на выгодных или приемлемых для себя условиях является стержневым элементом политики сдерживания [Summary of the 2018: 3-11]. Если перед военными США стоит вопрос, как защитить союзников и одержать победу над противником, обладающим ядерным оружием, то для руководства России актуальна другая проблема: нивелирование огромного превосходства в обычных вооружениях, которым обладают США.

Необходимо учитывать также возможность использования ядерного оружия в ходе локальных/региональных конфликтов за пределами треугольника США – Китай – Россия. В этом последнем случае, вероятно, крупные державы постараются остановить конфликт, угрожающий последствиями остальному миру¹⁵. Таким образом, в «переходный период» уже произошли радикальные изменения в процессах формирования МО и ВПО, которые можно свести к следующим базовым тенденциям:

- фактическому появлению сразу нескольких центров силы и противоборствующих субъектов МО-ВПО и десятков относительно самостоятельных субъектов и акторов;

- появление качественно новых видов и систем ВВСТ, изменивших характер войны, прежде всего, с точки зрения разработки многочисленных концепций его применения;

- изменение военно-политических установок, стратегий и способов ведения политики вообще и военной политики, в частности, нацеленных на достижение радикальных и бескомпромиссных политических целей, включая ликвидацию суверенитетов государств и разрушение их национальной идентичности;

- ослабление ощущения реальной опасности войны, «привыкание» к ней и игнорирование угроз в общественно-политическом сознании. В результате резко усилилась агрессивность не только деклараций, но и реального поведения

субъектов МО, их бескомпромиссность и готовность идти на радикальные шаги.

Главным итогом этой части «переходного периода» стал возврат к политике силы, где инструменты насилия в разной форме используются системно и комплексно. Конечная политическая цель такого влияния – создание и подконтрольного субъекта и нации, лишённых суверенитета и идентичности, своих систем ценностей. Как одно из важнейших последствий такой эволюции в течение «переходного периода» уже ко второму десятилетию нового века обнаруживается, что произошло очень резкое усиление значения информационно-когнитивных силовых средств, включая военные.

За последние 30–40 лет функции СМИ изменились кардинально: из средств информации они превратились в средства формирования общественного сознания, которое должно обладать заранее заданными свойствами. Прежние функции отошли на второй и даже третий план, поэтому и относиться к СМИ надо как к политическим и радикальным инструментам.

В современных войнах, которые принято именовать «гибридными», государства используют самый широкий набор средств и методов [Summary of the 2018:3-11]. В арсенале США, например, присутствуют все самые современные электронные технологии и средства телевизионного вещания (в том числе функционирующие в сети Интернет). Стратегия реализации принадлежит Broadcasting Board of Governors (BBG – Агентству международного вещания), которое для информационно-когнитивного противоборства использует два достаточно эффективных способа:

- 1) критикует общественное развитие другого государства;

- 2) обращается к дискуссионным моментам истории.

Вышеперечисленные способы в своей работе применяют такие СМИ, как «Голос Америки», «Радио Свободная Европа» /

¹⁵ Тренин Д. Стратегическая стабильность в условиях смены миропорядка // Центр Карнеги. – М.: 13 марта 2019 / www.carnegy.ru/2019/03/13.

«Радио Свобода» и другие [Мальчикова, 2018]. BBG для реализации проектов публичной дипломатии не поддерживает напрямую местные неправительственные организации, а предоставляет гранты различным благотворительным фондам. В числе наиболее крупных американских благотворительных фондов необходимо указать такие полуправительственные организации, как:

- Национальный фонд в поддержку демократии (NED);
- Национальный демократический институт (NDI);
- Международный республиканский институт (IRI), деятельность которых признана нежелательной на территории России¹⁶.

Программы Агентства международного развития США (USAID) сыграли значительную роль в подготовке и осуществлении «цветных» революций: в 2003 г. в Грузии, в 2004 г. – на Украине, а также «Арабской весны» в мусульманских странах. Наибольшую значимость приобретает отдел по Ближнему Востоку, который реализовывал программу Middle East Partnership Initiative (MEPI), включающую в себя более 300 проектов публичной дипломатии по культуре, образованию и информации. В отчёте USAID от 2004 г., например, откровенно сказано, что программы реализуются для:

- изменения политического строя путём создания партий, подготовки альтернативных политиков, формировании демократически настроенной молодёжи;
- улучшения экономической ситуации путём создания слоя бизнесменов, получивших западное образование;
- реформирования системы образования посредством расширения доступа женщин к образованию, обеспечения школ и университетов американскими учебниками.

В «переходный период» деятельность BBG вышла на качественно новый уро-

вень – широкий охват информационной сети Интернет. На этом уровне создавалось глобальное движение для мобилизации при проведении протестных акций и движений. Активисты получали через различные НПО, финансируемые из Вашингтона, программное обеспечение, которое позволяло скрывать интернет-трафик и кодировать сообщения, что значительно затрудняло работу государственных органов ближневосточных стран. Описанные приёмы и инструменты были использованы в ходе событий «Арабской весны» и продемонстрировали свою высокую эффективность [Мальчикова, 2018].

В начавшихся волнениях 2017 г. в социальных сетях начали публиковаться записи с расписанием и местом проведения протестных акций, также активно распространились хэштеги в поддержку «персидской весны» как на английском языке (например, #IranProtests, #nationwide_riots, #FreeIran), так и на фарси. Свой вклад в популяризацию антиправительственных лозунгов внёс президент США Дональд Трамп, который опубликовал в Twitter несколько записей, где призвал иранское общество избавиться от «репрессивного» режима». Несмотря на то, что Facebook, YouTube и Twitter были запрещены в Иране с 2009 г., протестующие активно пользовались технологиями, позволяющими обходить ограничения в доступе к сайтам.

В отчёте за 2012 г. сказано, что BBG финансировал создание подобных технологий, в том числе программного обеспечения Tor, которое позволяет иранским пользователям Интернета сохранять в тайне свое местоположение и отправлять закодированные сообщения. Всё вышеперечисленное свидетельствует о том, что программы публичной дипломатии, реализованные с помощью сети Интернет, способствовали развитию протестного движения в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

¹⁶ Национальный Демократический Институт Международных Отношений (National Democratic Institute for International Affairs) // Министерство юстиции РФ, 2016. 17 марта. URL: <http://minjust.ru/ru/node/237699> (дата обращения 01.01.2018).

Интересно, что в законопроекте S.1780, который подписан Президентом США, также есть раздел о противодействии «русскому влиянию и агрессии». Сек. 7070 (а) гласит, что никакие средства, ассигнованные настоящим Законом, не могут быть предоставлены для оказания помощи центральному правительству РФ. Логика этих законопроектов была продолжена в 2018–2019 годах, когда на те же цели было выделено более 500 млн. долл. Ожидается, что до 2024 года, то есть в «переходный период», финансируемость возрастёт ещё существеннее и к нему будут подключены союзники США по коалиции из негосударственных источников.

Так, на сайте Агентства международного развития США представлена интерактивная карта, где можно посмотреть финансирование определённых программ по странам. Из представленных сведений видно, что Госдепартамент вкладывает значительные средства в деятельность Национального фонда поддержки демократии для неспециализированных НПО, где общая сумма вложений на российские проекты в 2016 г. составляла \$17,195 млн.¹⁷

Принятый Федеральный закон № 327 – лишь продолжение мер по ограничению распространения влияния Запада, который старается использовать все ресурсы для повторения событий «Арабской весны» только уже на территории Российской Федерации. Поэтому Вашингтон выделяет огромные средства для ведения подрывной деятельности в СМИ, которая стала особенно интенсивной в преддверии президентских выборов в России. В первую очередь следует обратить внимание на гранты, выделяемые Западом для «укрепления демократии», особенно на проекты, финансируемые гражданином Соросом, ко-

торый выделил под российские выборы абсолютно рекордную грантовую сумму в размере \$18 млрд.¹⁸

Важно особо подчеркнуть, что эта политика направлена не только на идеологические, информационно-когнитивные области, но и на формирование экстремистских и террористических групп в России. По сути дела, это известно ещё с последних лет существования СССР, когда были созданы сотни экстремистских организаций, ставших реальной силой по развалу СССР. В последующие годы эта «гуманитарная политика» продолжалась. В августе 2018 г., например, в Чечне несколько молодых людей совершили заранее бессмысленное нападение на полицейских, в результате которого они погибли.

Расследование показало, что глава Чеченской республики Рамзан Кадыров считал: группа подростков, напавших на полицейских, получила приказ из-за границы через социальные сети. Об этом он написал на своей странице в «ВКонтакте». По его словам, в этом сейчас нет никаких сомнений. Глава Чечни считает, что цель организаторов преступления – расколоть российское общество. «Привлечение юнцов с неокрепшей психикой к совершению тяжких преступлений носит глубоко продуманный и целенаправленный характер», – подчеркнул Кадыров. Он добавил, что у вербовщиков была цель вызвать в российском обществе недоверие даже к подросткам, «чтобы в каждом ребёнке 10–12 лет видели потенциального террориста и особо опасного преступника»¹⁹.

По мнению Рамзана Кадырова, боевики стремились «создать видимость наличия каких-либо сил, способных организовывать вооружённые акции и теракты» в Чечне. «Нет никаких сомнений в том, что мозги молодым людям заморочили

¹⁷ USAID. URL: <https://explorer.usaid.gov/> (дата обращения 01.01.2018).

¹⁸ Сорос перевёл \$18 млрд. в фонд по продвижению демократии «Открытое общество» // Russia Today. 2017. 18 октября / URL: <https://russian.rt.com/world/news/440672-soros-fond-dengi> (дата обращения 01.01.2018).

¹⁹ Эксперт по безопасности: социальные сети – это оружие / Эл. ресурс: «ВИПЕРСОН», 24.08.2018 / www.viperson.ru. 24.08.2018.

по соцсетям различные там иблосовцы (сторонники террористической группировки «Исламское государство» – А.П.). Но картина дня свидетельствует о том, что никакой поддержки, никакой социальной базы у них в республике нет. Об отсутствии у «хозяев» даже признаков стыда и совести свидетельствует тот факт, что они привлекают подростков с неокрепшей психикой»²⁰, – заявил Кадыров.

Это мнение руководителя Чечни стало по сути уже общим местом в оценке роли социальных сетей. Эксперт в области безопасности Александр Власов считает, например, что «социальные сети – это огромный и очень сильный фактор влияния. Его даже можно рассматривать в определённой степени как некое оружие социальной инженерии. Мы все помним пример «арабской весны», когда призывы выйти на площадь отдавались именно через соцсети. Поэтому исключать такой вариант развития событий нельзя. Для борьбы с этим есть законодательство, есть огромные полномочия у Роскомнадзора, много инициативных и патриотично настроенных пользователей интернета – все должны делать одно дело, выявлять такие группы или тех, кто занимается рассылкой такой информации и блокировать её. Другого способа нет»²¹, – сказал Александр Власов.

Уже коротко говорилось, что среди политических приоритетов Запада в начале нового века произошёл сдвиг от собственно политических целей в направлении усиления влияния на правящие элиты и системы национальных ценностей. Это стало стратегическим сдвигом в политике западной военно-политической коалиции, немедленно отразившемся на средствах и способах системного и комплексного воздействия на своих политических оппонентов,

среди которых исключительно важную роль стали выполнять социальные СМИ и сетевые ресурсы. Так, известный портал «Википедия», например, сегодня задаёт тон не только в фактологической подаче материала, но и в его интерпретации, более того, понятийном аппарате и трактовке тех или иных исторических, культурных и иных событий, которые самым фундаментальным образом влияют на формирование системы ценностей нации.

Кроме того, изменение целей внешней политики западной военно-политической коалиции в сторону их резкой радикализации неизбежно привело к корректировке в средствах их достижения, которые стали относиться не только к военным, но и не военным, силовым, инструментам политики. Это видно на примере массовых политических, дипломатических, но, прежде всего, информационных провокаций, которые стали использоваться Западом скоординировано практически в ежедневном режиме. По очевидному согласованию ежедневно в информационное пространство вбрасывается очередной «информповод» интернет-ресурсами самых разных стран, среди которых особенную активность проявляют США, Великобритания и финансируемые ими интернет-ресурсы Польши, Украины и некоторых других государств.

Политика «силового принуждения» предполагает, что очень важное значение приобретают средства массовой информации, связи и особенно сетевые СМИ. Именно они способны очень быстро изменить не только политику правящей элиты, но и симпатии общественности²². Настолько быстро, что можно говорить о сознательном формировании общественно-политических настроений и сценариев развития МО в достаточно

²⁰ Эксперт по безопасности: социальные сети – это оружие / Эл. ресурс: «ВИПЕРСОН», 24.08.2018 / www.viperson.ru. 24.08.2018.

²¹ Эксперт по безопасности: социальные сети – это оружие / Эл. ресурс: «ВИПЕРСОН», 24.08.2018 / www.viperson.ru. 24.08.2018.

²² Подберёзкин А.И., Жуков А.В. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России / Информационно-аналитический журнал «Обозреватель», 2018. – № 4 (339). – С. 22–25.

короткие сроки [Summary of the 2018:3-11]. Можно привести в этой связи достаточно развёрнутую цитату из аналитического прогноза Национального Совета по разведке США, которая описывает «парадокс развития» человечества, когда силовые инструменты в политике начинают играть всё более важную роль²³.

Развивая эту мысль, эксперты НРС подчёркивают, что, с одной стороны, наблюдается процесс объединения различных групп людей, расширение их прав и возможностей, повышение уровня жизни. Однако этот же прогресс вызывает такие потрясения, как мировой финансовый кризис 2008 г., арабская весна, глобальный рост популистской политики. Эти потрясения демонстрируют всю хрупкость достижений прогресса и в то же время подчёркивают необходимость глубоких изменений в картине мира, что предсказывает непростое будущее.

По мнению авторов Прогноза, следующие пять лет будут отмечены усилением напряжения как внутри ряда стран, так и между ними. Мировой рост замедлится, одновременно сложные глобальные проблемы станут более реальными. Постоянно растущее число государств, организаций и наделённых властью индивидуумов (акторов) будет определять общее состояние геополитики. Развитие мировых процессов свидетельствует об окончании эпохи доминирования Америки. Вероятно, то же самое произойдёт с мировым порядком, основанным на правовых нормах, которые сложились после Второй мировой войны. Станет гораздо труднее осуществлять международное сотрудничество и управлять странами в соответствии с ожиданиями их народов. Государства, наделённые правом вето, будут всё чаще угрожать «запретом сотрудничества», а информационные органы станут поддерживать бесконечное множество противоречивых явлений

действительности, подрывая общее понимание мировых событий.

Основу этого этапа мирового кризиса, как считают эксперты НРС, составят различия подходов на местном, национальном и международном уровнях в вопросах «правильного понимания роли» правительств в решении проблем от экономики до экологии, религии, безопасности и прав человека. Споры о моральных ценностях, «кто кому и чем обязан», станут всё более явными и будут угрожать международной безопасности.

Хотя «материальная сила», по мнению экспертов НРС, сохранит своё важное значение в решении вопросов на геополитическом и государственном уровнях, наиболее влиятельные акторы, в целях как конкурентной борьбы, так и кооперации будут делать акцент на сетевую и информационную сферы.

Недавно в обиход было введено название «Поколение Y», который используется социологами для описания молодых людей, родившихся после 1980 г. и для которых Интернет стал неотъемлемой частью жизни. Для них также существуют синонимы «поколение net» и «поколение C». Последний ярлык предложили специалисты компании Booz & Company, занимающиеся вопросами стратегии и технологической трансформации (на английском языке ряд слов, характеризующих новый тип людей, начинается с буквы «C» – connected, communicating, content-centric, computerized, community-oriented, clicking)²⁴.

В их исследовании «Появление поколения C» указывается, что эти люди, как правило, родились в 1990 г., а к 2020 г. будут составлять 40% населения в странах Европы, США, БРИКС и 10% в остальных странах. Они образуют самую большую в мире группу потребителей. Это будет первое поколение, которое не знает иной реальности, кроме той, что представлена

²³ Грубин Н.П. Будущее глазами американской разведки. Аналитический обзор доклада национально-го разведывательного совета США «Глобальные тенденции: парадоксы прогресса». – М.: МГИМО-Университет, ИМИ. – Вып. № 2 (48). – С. 9.

²⁴ Friedrich R., Michael Peterson M., Koster A. The Rise of Generation C. Implications for the world of 2020 / http://www.strategyand.pwc.com/media/file/Strategyand_Rise-of-Generation-C.pdf.

в Интернете, мобильных устройствах и социальных сетях. Они хорошо знакомы с технологиями, постоянно используют различные сервисы для коммуникации, в работе с мобильным телефоном чаще применяют текстовые сообщения, а не голос. Это новое «поколение С», полагают исследователи Booz & Company, создаст жизненный цикл, который поможет стимулировать экономический рост [Публичная дипломатия..., 2017:36-53].

По этим расчётам, взаимосвязь технологий и социальных сетей породит общество нового формата, отличное от традиционных социальных связей (семья, друзья, коллеги по работе и т.д.). Новое общество, расширив (или искажив) традиционные социальные отношения, вберёт знакомых, онлайн-собеседников, анонимов из групп по интересам. Этот тип общественного объединения условно назван «*социальное животное 2.0*». Авторы концепции предрекают в скором времени увеличение политического и экономического давления на индивида, расширение доступа к личной информации людей – их счетов, деталей о платежах и покупках, предпочтений, интересов, членствах и т.д. При этом зависимость от цифровых технологий у старших поколений также будет возрастать.

Социальная виртуализация будет проходить повсеместно. Интернет также станет децентрализованным. Традиционные порталы уйдут в прошлое. Интернет-сервисы будут динамично переконфигурироваться, исходя из предпочтений потребителей. Центром бытия человека станет цифровая идентичность, структурирующая сферы работы и досуга, включающие в себя труд, дом, развлечения, коммуникации, шопинг, передвижения, заботу о здоровье и т.п. Эти сферы будет обволакивать кольцо «приспособлений» – технических устройств, необходимых для связи, а над ним находится еще один концентрический круг

под названием «подключение». Таким образом, индивид будет находиться во «всегда подключенном мире»²⁵.

Пока это не является данностью, но в той или иной форме может проявляться в различных сферах жизни, в том числе в политическом управлении и предпринимательстве²⁶. Особенно важны, на наш взгляд два фактора, отмеченные в докладе, которые могут быть применимы в сетевом государственном управлении:

– *первый* – это социальная виртуализация. Поскольку подключение, социальные сети, а также отношение к личной свободе будут проникать дальше, проходя сквозь стены корпораций и государственных служб, то и жизнь чиновников и служащих будет сдвигаться от традиционной иерархической структуры. Вместо этого работники, смешивая бизнес и личные дела в течение дня, будут «самоорганизовываться» в живые «сообщества по интересам». К 2020 г. более половины сотрудников крупных корпораций будет работать в виртуальных проектных группах;

– *второй* – это *цифровое предпринимательство*. Опытные и инновационные цифровые предприниматели появятся во всем развивающемся мире в огромных количествах. Рост этих предпринимателей представляет собой потенциал, который значительно нарушит традиционные западные бизнес-модели. И них есть так называемая «высоко подключенная аудитория», которая может извлечь выгоду из своих новых идей. В городах Китая, например, 76% людей уже постоянно находятся в сети, а 61% имеют широкополосный Интернет у себя дома. Западные страны в настоящее время лидируют всего в отношении двух критических онлайн-услуг – электронной коммерции (Германия) и Интернет-рекламы (Великобритания), в то время как незападные страны идут впереди в ряде других направлений:

²⁵ Савин Л. Теория хаоса и стратегическое мышление // Фонд стратегической культуры, 23.03.2011 / <http://www.fondsk.ru/news/2011/03/23/teorija-haosa-i-strategicheskoe-myshlenie-2513.html>

²⁶ См. также: Кравченко С.А., Подберёзкин А.И. Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. – № 3. – С. 40–41.

- широкополосный Интернет (Южная Корея);
- социальные сети (Бразилия);
- онлайн-игры (Китай);
- мобильные платежи (Япония);
- микротранзакции через SMS (Филиппины).

Россия также могла бы извлечь определённые уроки из данных подходов, чтобы реализоваться в сфере различных проектов регионального и федерального значения.

Три информационные и коммуникационные технологии лежат в основе взрыва «социальной паутины»²⁷:

- мобильные коммуникации – расширение доступа в Интернет с помощью нового поколения мобильных телефонов и карманных компьютеров;
- социальные медиа – которые позволяют людям легко загружать свой собственный контент (текст, фото, видео), искать (и обсуждать) содержание контента, сгенерированного другими;
- социальные сети онлайн – которые дают людям возможность поддерживать и расширять свои личные и профессиональные сети, а также облегчать поток информации через эти сети.

Эти три технологии по-новому и вместе расширяют возможности, изначально предусмотренные для веб-коммуникаций и связей между людьми, идеями и институтами. Они позволили обществу начать экспериментировать с поворотом когнитивных излишков в нечто хорошее для себя и своих общин²⁸. Все чаще обычные люди получают доступ к платформам, позволяющим им изменить статус-кво²⁹ и представить, как может действовать неиерархическое партиципаторное правительство.

Эта тенденция «форматирования» сознания (как показал опыт Украины) особенно опасна в любой «переходный период», когда происходит смена основных парадигм (как это может произойти в некоторых областях в 2021–2023 гг.) потому, что внутривластная стабильность, как правило, в этот период минимальна. Достаточно вспомнить всего лишь 1989–1991 гг. в СССР.

Перечень и приоритетность основных объектов обеспечения национальной безопасности имеет ключевое значение потому, что в зависимости от этого не только распределяются необходимые ресурсы, но и формируется в конечном счёте вся стратегия национальной безопасности. Более того, представление правящей элиты, общества и всей нации о приоритетах развития и способах обеспечения их защиты³⁰.

В США, например, существует чёткая приоритетность, закреплённая нормативно в Стратегии национальной безопасности страны, в соответствии с которой существует иерархия: «национальные интересы» определяют «интересы безопасности», а те, в свою очередь, «военные интересы»³¹. Причём эта последовательность и перечень чётко зафиксированы в основных документах и тесно взаимосвязаны между собой [Summary of the 2018:3-11]. Так, в Военной стратегии США этот перечень конкретизируется до трёх основных военных задач:

- сдерживание и поражение нападающих;
- разрушение и уничтожение экстремистских организаций;
- укрепление глобальной сети союзников и партнёров³².

²⁷ Willard T. Social Networking and Governance for Sustainable Development, International Institute for Sustainable Development, March 2009.

²⁸ Shirky C. Gin, Television, and Social Surplus. April 2008 / <http://www.shirky.com/herecomeseverybody/2008/04/looking-for-the-mouse.html>

²⁹ Godin S. Spark: Whoppers, Ethical Marketing, and Leadership 2.0. N. Young, Interviewer. 2009, January 21 CBC / http://podcast.cbc.ca/spark/spark_20080115_sethgodin.mp3.

³⁰ Подберёзкин А.И., Жуков А. Факторы безопасности для российской нации, государства и общества // Обозреватель-Observer, 2017. – № 9. – С. 24–27.

³¹ The National Security Strategy. – Wash. 2015. 15 February. – P. 2.

³² The National Military Strategy of the United States of America 2015. – Wash. 2015. June. – P. 5.

В политической практике России такого деления пока что не существует. Перечень и приоритеты, определённые в Стратегии национальной безопасности, не делятся по категориям «интересы», «интересы безопасности» и «военные интересы», а существуют в едином перечне, сформулированы, по сути, в одном абзаце. Так, если согласиться с приоритетностью и использовать перечень объектов, имеющих приоритетное значение с точки зрения обеспечения национальной безопасности, данный в последней редакции Указа Президента России «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», то их можно выстроить в следующем порядке:

- защита конституционного строя; – суверенитета;
- государственной и территориальной целостности;
- основных прав и свобод человека;
- сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе; – защита от природных и техногенных катастроф [Путин, 2015].

Вряд ли подобный перечень и предлагаемая приоритетность являются точным и реальным отражением интересов безопасности России. Это имеет прямое отношение к средствам их защиты, включая информационные средства и социальные сети, рассматриваемым в данной работе. Даже оставляя за скобками вопрос о приоритетности той или иной политической цели (требующей специального отношения), можно изначально констатировать (обладая минимальной информацией о возможностях социальных сетей), что с точки зрения эффективности политического и военно-силового использования социальных сетей все эти объекты представляются идеальными мишенями для воздействия. Прежде всего, как:

- потенциальные риски, опасности и угрозы (враждебная деятельность

в социальных сетях, ведущаяся активно все последние годы, не рассматривается как военная);

- и возможные материальные затраты и время, необходимые для решения поставленной задачи (ресурсы для организации и поддержки деятельности в Сети ни в коей мере не могут сравниваться с реальными физическими операциями).

Иными словами, с точки зрения нанесения ущерба безопасности государства, нации, личности и общества эти объекты являются идеальными целями для возможного нападения противника с помощью новейших средств интернет-технологий, прежде всего социальных сетей и других Web 2.0-технологий³³. Такой подход основан на подавляющем преимуществе США в области интернет-технологий и СМИ. В специальном исследовании корпорации Rand «Стратегия принуждения» (2016 г.) подчёркивается, например, что среди преимуществ США, которые могут обеспечить им возможности проведения политики принуждения, особое место занимают «семь крупнейших медиакомпаний и 95% мировой медиасобственности» [Gompert, 2016].

Однако вопрос о приоритетности и перечне объектов безопасности, казалось бы, решённый в Стратегии безопасности России, на наш взгляд, таковым отнюдь не является. Как и вопрос о перечне основных объектов национальной безопасности, требующих защиты и, соответственно, угрожающих им средств и способов нападения. Это означает, что прежде, чем рассматривать угрозы, необходимо определиться с тем, против чего эти угрозы создаются. В этих условиях значение массового и целенаправленного использования СМИ (особенно сетевых) крайне дестабилизирует ситуацию и может радикально повлиять на развитие того или иного сценария МО. Так, если о Турции как о враге в 2015 г. думало не более 1% граждан РФ, то

³³ Под термином Web 2.0 автор концепции Т. О'Рейли понимал интернет-платформы, объединяющие пользователей на базе интерактивного взаимодействия (*О'Рейли Т. Что такое Веб 2.0 / пер. с англ. // Компьютерра. 2005. 11 октября*).

в 2016 г. – уже 29%; если в 2009 г. за членство в ЕС выступало 53%, то в 2016 г. – только 24%.

Эта стремительная динамика свидетельствует об огромных возможностях управлять общественными настроениями и даже симпатиями элиты, которые есть у новой публичной дипломатии³⁴.

С точки зрения возможностей новой публичной дипломатии это означает, что их резкое увеличение к 2021 г. позволит манипулировать общественным сознанием и превратит СМИ (особенно сетевые) в чрезвычайно эффективное, если ни решающее оружие. Эта тенденция может в ещё большей степени обостриться, если массовое использование получат новые сетевые (прежде всего веб 2.0 и веб 3.0) технологии и системы связи, которые сделают сетецентрическую войну с помощью СМИ реальностью.

Будущее российской ЛЧЦ среди других ЛЧЦ, особенно в Евразии, где им противостоит западная ЛЧЦ, как уже говорилось выше, зависит во многом от темпов развития национального человеческого капитала (НЧК). Здесь по количественному показателю наша цивилизация существенно уступает западной, исламской, китайской и индийской. Поэтому вопрос о развитии (количественно и качественно) НЧК российской ЛЧЦ – это уже вопрос не соревнования, а её сохранения и выживания³⁵. Кстати, именно такое значение НЧК придают на Западе, где в выступлении итальянского премьер-министра на санкт-петербургском экономическом форуме в июне 2016 г. тот заявил о своём главном достижении – втором месте по продолжительности жизни граждан Италии.

Качество и количество НЧК во многом обеспечивают сохранение национальной

идентичности, которая станет главным объектом борьбы между ЛЧЦ в XXI веке. Как справедливо писал С. Хантингтон, «идентичность на уровне цивилизаций будет становиться всё более важной, а облик мира в значительной мере будет формироваться в ходе взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций», к которым он относил западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую и, возможно, африканскую³⁶.

Смещение акцентов влияния в формировании МО в XXI веке от наций-государств к ЛЧЦ неизбежно ставит вопрос о том, какое место и какую роль мы сами отводим уже не только России, «русскому миру», но и всей российской ЛЧЦ и близким нам нациям в этом процессе. Тем более, что не только основоположники цивилизационного подхода – Н. Данилевский, А. Тойнби, – но и наши современные авторы относят Россию и русскую ЛЧЦ к основным типам ЛЧЦ, отделяя её как от западной ЛЧЦ, так и других ЛЧЦ³⁷.

Развитие этой глобальной тенденции в XXI веке, таким образом, неизбежно ставит вопрос перед Россией о её месте в новом мироустройстве, более того, о месте всего русского мира и российской локальной цивилизации. В этой связи необходимо выделить несколько самых общих положений, которые могут помочь нам лучше понять возможное место и роль России в формировании нового мироустройства, исходя из перспектив развития российской ЛЧЦ.

Возникла очевидная взаимосвязь, которую можно описать следующим образом: численность и качество НЧК ведёт к

³⁴ Мухаметшина Е. Основными противниками жители России считают США, Украину и Турцию // Ведомости. 2016. 3 июня.

³⁵ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов и др.]; под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родинова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военнополитич. исследований. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 768 с. – С. 30–31

³⁶ Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations>

³⁷ Подберёзкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р. Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – С. 142–148.

увеличению значения интернета и социальных сетей, что резко увеличивает политическое значение социальных сетей. В свою очередь, такое новое значение социальных сетей превращает их в новый и эффективный политический инструмент, который уже выполняет не только функции СМИ, но и организаторско-политические функции. Тезис В. Ленина о том, что «газета не только коллективный пропагандист и агитатор, но и организатор», справедливый для начала XX века, стал ещё более актуальным для социальных интернет-ресурсов, которые стали постепенно вытеснять даже электронные СМИ. Это создало совершенно новую политическую реальность, в том числе в политике публичной дипломатии³⁸.

Обращает на себя внимание и другая взаимосвязь: темпы развития экономики и общества тесно связаны с развитием интернета и социальных сетей. Из оценки влияния тенденций двух противоположных сценариев развития России – инерционного (пессимистичного) и инновационно-прорывного (оптимистичного) баланс складывается в конечном счёте в пользу последнего. Но чтобы оптимистичный сценарий прогноза воплотился в реальность, как раз и необходимо преодолеть процесс депопуляции, углубляющийся демографический кризис, выровнять этническую структуру государства, уменьшить отток населения из восточных регионов страны и др.

Эти тенденции в демографии развивались параллельно с развитием других тенденций в области информатики и связи, прежде всего, в области развития социальных сетей, которые именно в эти годы в мире и в России стали развиваться опережающими темпами. Сайты социальных сетей можно по праву назвать од-

ним из самых ярких феноменов не только сети Интернет, но и всей общественной и политической жизни за последнее время. За сравнительно небольшой период, начиная с их расцвета в 2003 г., сайты социальных сетей коренным образом изменили процессы коммуникации в Интернете. Охват аудитории, новые формы общения, которые позволяют пользователям легко обмениваться любым, в том числе мультимедийным контентом, и выражать своё отношение к нему при помощи комментариев и функций («нравится», «не нравится», «поделиться»), а также скорость распространения информации привлекли на страницы соцсетей и обычных пользователей, и различные организации. В их числе оказались и многие СМИ³⁹.

Сегодня массовые сообщества на страницах соцсетей стали неотъемлемой частью аудитории современных российских СМИ. Эти сообщества выступают в роли пространства, где происходит непрерывное интерактивное общение между СМИ и аудиторией. Количество подписчиков отдельных сообществ российских средств массовой информации в соцсетях превышает миллионы человек: такие ИА, как «РИА Новости», «Рамблер», «Русские новости», а также многочисленные популярные ресурсы типа «Нэшнл Джографик» дублируются, как правило, в социальных сетях. Некоторые СМИ публикуют в день до 70, а иногда и более постов («Газета.ру» и «Правда.ру», «Российская газета», «Спорт.ру»). Пользователи оставляют в день десятки тысяч комментариев и отметок «like» (нравится) к этим публикациям, тысячи раз используют функцию «share» (поделиться), чтобы оценить материалы, которые СМИ разместили на своих страницах, и оповестить о них своих друзей⁴⁰.

³⁸ Подберёзкин А.И., Жуков А.В. Публичная дипломатия в силовом контексте цивилизации // Вестник МГИМО-Университет, 2015. – № 6 (45).

³⁹ Дьяченко О.В. Российские СМИ в социальных сетях Facebook и в «ВКонтакте»: анализ активности и информационных предпочтений аудитории / Вестник Московского университета. Журналистика, 2016. – Сер. 10. – № 1. – С. 28 / <http://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/1/rossiyskie-smi-v-sotsialnykh-setyakh-facebook-i-v-vkontakte-analiz-aktivnosti-i-informtsionnykh-pred/>

⁴⁰ См. подробнее: Кравченко С.А., Подберёзкин А.И. Социальные сети как качественно новый фактор системы безопасности России // Вестник МГИМО-Университет, 2016. – № 6 (51).

Анализируя взаимодействие российских СМИ и социальных сетей, исследователь имеет возможность обратиться как к зарубежным учебным пособиям, статьям и публичным выступлениям, так и к публикациям отечественных специалистов. Все они подчёркивают фундаментальный характер изменений, произошедших в результате развития социальных сетей⁴¹. В изученных автором англоязычных источниках говорится, в частности, о значимости «Фэйсбук» (Facebook) и «Твиттер» (Twitter) как источников журналистской информации, так и каналов для её распространения, а также о новых ролях (модератора, менеджера по работе с сообществом, издателя), которые необходимо освоить профессиональному журналисту в связи с их развитием.

Интересны рейтинги «цитируемости» российских СМИ в соцсетях, подготовленные Brand Analytics и Медиалогия. Их объединяет анализ, основанный на широком фактографическом материале, однако в центре внимания находятся не сами публикации СМИ в соцсетях, а количество упоминаний тех или иных изданий и материалов на этих сайтах⁴². В этой связи особенно интересным представляется осмысление феномена взаимодействий российских СМИ с социальными сетями, которое основывалось бы на анализе публикаций, которые СМИ размещают в своих сообществах в соцсетях, а также реакции пользователей на эти публикации. Тем более, что в современ-

ных медиа исследованиях сегодня ещё не создано фундаментальных научных трудов, в которых были бы пристально рассмотрены все аспекты происходящих процессов именно в этом разрезе.

Так, Facebook является крупнейшей мировой социальной сетью по количеству зарегистрированных пользователей, то есть представляет собой самое популярное и масштабное воплощение феномена социальных сетей в мире с количеством зарегистрированных пользователей, превышающим 2 млрд. человек. По данным системы мониторинга Brand Analytics, российская месячная аудитория этой соцсети в ноябре 2014 г. составляла порядка 24 млн. человек.

Однако в России эта соцсеть уступает по популярности «ВКонтакте», которая является наиболее многочисленной по количеству пользователей соцсетью в Российской Федерации. Ежемесячная аудитория этого сайта за тот же период составляла 54,6 млн человек, из них более 65% проживают в России. Также на выбор повлиял тот факт, что именно в этих двух соцсетях российские СМИ имеют наиболее популярные по количеству пользователей сообщества. Более того, в некоторых регионах России в 2015 г. соцсеть «ВКонтакте» превзошла по охвату аудитории такие федеральные телеканалы, как «Первый канал» или «Россия 1», что подчёркивает актуальность изучения взаимодействия российских СМИ с этой социальной сетью.

Список литературы:

Путин В.В.. Указ № 762 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Путин В.В.. Указ № 646 от 5 декабря 2016 г. «Об утверждении доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

⁴¹ Дьяченко О.В. Российские СМИ в социальных сетях Facebook и в «ВКонтакте»: анализ активности и информационных предпочтений аудитории // Вестник Московского университета. Журналистика, 2016. – Сер. 10. – № 1. – С. 29 / <http://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/1/rossiyskie-smi-v-sotsialnykh-setyakh-facebook-i-v-vkontakte-analiz-aktivnosti-i-informtsionnykh-pred/>

⁴² Там же.

Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. – М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. – С. 34–44.

Зиновьева Е.С. Цифровая публичная дипломатия как инструмент урегулирования конфликтов / В монографии: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 54–69.

Мальчикова В. Интерактивное вещание США, как средство ведения «гибридной войны» // Военно-политическая аналитика» / vpoanalitics.com/ 2018/01/16.

Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [А.И. Подберёзкин, М.И. Александров, О.Е. Родионов и др.]; под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – С. 30–31.

Подберёзкин А.И. Национальный человеческий капитал. – М.: МГИМО-Университет. – Т. 3. 2011.

Подберёзкин А.И. Современная военная политика России: учебно-методический комплекс. В 2-х т. Том 21. М., МГИМО-Университет, 2017. С. 64–83.

Подберёзкин А.И., Мунтян М.А., Харкевич М.В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналитич. доклад. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – С. 17–44.

Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А.И. Подберёзкин (рук. авт. кол.) и др.]. – М.: МГИМО-Университет, 2016. Июль. – 86 с.

Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 42–46.

Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2-х т. / под ред. А.И. Подберёзкина. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. – 2015. – С. 112–123.

Тренин Д. Стратегическая стабильность в условиях смены миропорядка // Центр Карнеги. – М. 13 марта 2019 / www.carnegie.ru/2019/03/13.

Шапошников Б.М. Мозг армии. – М.: Общество сохранения литературного наследия, 2015. – С. 653.

Gompert D., Binnendijk H. The Power to Coerce. – Cal., RAND, 2016. – P. 3–41.

Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. – Wash. Jan. 2018. – P. 3–11.

Missile Defense Review. Office of the Secretary of Defense. – Wash., Jan. 2019. – P. 8–14.

Об авторе:

Подберёзкин Алексей Иванович – д.и.н., профессор, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России.

INFORMATION AND COGNITIVE FORCE «FORMATTING» OF THE RULING ELITE SUBJECTS OF THE MILITARY - POLITICAL SITUATION IN THE «TRANSITION PERIOD»

A.I. Podberezkin

Abstracts. Analysis and forecast for development of possible means of power politics in the transition period until 2024 is of immense importance not only for the military development plans

and the future of defense procurement (and therefore the country's military expenditures), but to any conscious changes in the military art. First of all we are talking about the strategy of the states that directly depend on the means of reference as armed and unarmed political power struggle. This is a fundamental position of political and military science well-known for a long time [Shaposhnikov, 2016].

It is also clear that not only currently there are radical changes in the priorities of the use of certain power tools, you have to select the most preferable (least risky, more effective and less costly) force politicians from all existing and constantly updated huge set of tools. But this specificity has been observed before, for example, with the advent of nuclear weapons and their means of delivery, when it became possible to achieve strategic objectives directly without the consistent achievement of tactical results.

Moreover, the choice of the most effective military tools in the era of nuclear weapons was raised repeatedly and it was natural in the USSR and in the West during the last century. And, I would emphasize, not only – and maybe not so much – of the means of armed struggle (AMSE), as of force political leverage in general – economic, informational, political, diplomatic, etc.

But in the modern transition period (2014-2025), these processes have become not only very dynamic, but frankly destabilizing, ignoring previous agreements on compliance with international security and strategic stability, and simple traditional international law and political communication.

Key words: ruling elite, tactics, strategy, means of force policy, the destabilization of international relations, traditional rules of political communication, the “transition period”.

References:

Dolgosrochnoe prognozirovanie razvitiia otnoshenii mezhdu lokal'nymi tsivilizatsiiami v Evrazii: monografiia [Long-term forecasting of the development of relations between local civilizations in Eurasia: monograph] / A.I. Podberезkin et al. Moscow, Publishing house «International relations», 2017. pp. 34-44 (In Russian).

Zinov'eva E.S. Tsifrovaia publichnaia diplomatiia kak instrument uregulirovaniia konfliktov [Digital public diplomacy as a tool for conflict resolution]. *Publichnaia diplomatiia: Teoriia i praktika: Nauchnoe izdanie* [Public diplomacy: Theory and practice: Scientific publication] / ed. M. M. Lebedeva. Moscow, Publishing House «Aspect Press», 2017. pp. 54-69 (In Russian).

Mal'chikova V. Interaktivnoe veshchanie SShA, kak sredstvo vedeniia «gibridnoi voiny» [Interactive broadcasting of the USA as a means of conducting «hybrid war»]. *Voenna-politicheskaia analitika - Military-political Analytics*. Available at: <https://vpoanalitics.com/> 2018/01/16 (accessed 10 June 2019) (In Russian).

Mir v KhKhI veke: prognoz razvitiia mezhdunarodnoi obstanovki po stranam i regionam: monografiia [World in the XXI century: forecast of the international situation in countries and regions: monograph] / A.I. Podberезkin, M.I. Alexandrov, O.E. Rodionov, etc.; ed. M.V. Alexandrov, O.E. Rodionov. Moscow, MGIMO University, 2018. pp. 30-31 (In Russian).

Podberезkin A.I. *Natsional'nyi chelovecheskii kapital: v 5 tt. T. 3* [National human capital: in 5 vols. vol.3]. Moscow, MGIMO University, 2011. 848 p. (In Russian).

Podberезkin A.I. *Sovremennaia voennaia politika Rossii: uchebno-metodicheskii kompleks: v 2 tt. Tom 21* [Modern military policy of Russia: educational-methodical complex: in 2 vols. Volume 21]. Moscow, MGIMO University, 2017. pp. 64-83 (In Russian).

Podberезkin A.I., Muntian M.A., Kharkevich M.V. *Dolgosrochnoe prognozirovanie stsenariiev razvitiia voenno-politicheskoi obstanovki: analitich. doklad* [Long-Term forecasting of scenarios of development of military-political situation: analytic. report]. Moscow, MGIMO University, 2014. pp. 17-44 (In Russian).

Proekt dolgosrochnoi strategii natsional'noi bezopasnosti Rossii s metodologicheskimi i metodicheskimi kommentariiami: analit. doklad [Draft long-term national security strategy of Russia with methodological and methodical comments: analit. report] / A.I. Podberезkin (hands. auth. count), etc. Moscow, MGIMO University, 2016. 86 p. (In Russian).

Publichnaia diplomatiia: Teoriia i praktika: nauchnoe izdanie [Public diplomacy: Theory and practice: scientific publication] / ed. M.M. Lebedeva. Moscow, Publishing House «Aspect Press», 2017. pp. 42-46 (In Russian).

Putin V.V. *Ukaz № 762 ot 31 dekabria 2015 g. «O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii»* [Decree No. 762 of December 31, 2015 «On the national security Strategy of the Russian Federation»] (In Russian).

Putin V.V. *Ukaz № 646 ot 5 dekabria 2016 g. «Ob utverzhdenii doktriny informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii»* [Decree No. 646 of December 5, 2016 «On approval of the doctrine of information security of the Russian Federation»] (In Russian).

Strategicheskoe prognozirovanie i planirovanie vneshnei i oboronnoi politiki: monografiia: v 2 tt. T. 1. Teoreticheskie osnovy sistemy analiza, prognoza i planirovaniia vneshnei i oboronnoi politiki [Strategic forecasting and planning of foreign and defense policy: monograph: 2 t. T. 1. Theoretical foundations of the system of analysis, forecast and planning of foreign and defense policy] / ed. A.I. Podberezkin. Moscow, MGIMO University, 2015. pp. 112-123 (In Russian).

Trenin D. *Strategicheskaiia stabil'nost' v usloviakh smeny miroporiadka* [Strategic stability in the conditions of world order change]. *Tsentr Karnegi - Carnegie Center*. Moscow, March 13, 2019. Available at: <https://www.carnegy.ru/2019/03/13> (accessed 10 June 2019) (In Russian).

Shaposhnikov B.M. *Mozg armii* [The Brain of the army]. Moscow, Society for The preservation of literary heritage, 2015. 824 p. (In Russian).

Gompert D., Binnendijk H. *The Power to Coerce*. Santa Monica, Calif., RAND, 2016. pp. 3-41.

Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Wash., Jan. 2018. pp. 3-11.

Missile Defense Review. Office of the Secretary of Defense. Wash., Jan. 2019. pp. 8-14.

About the Author:

About the Author

Podberezkin Alexey I – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Military-Political Studies, MGIMO (U), Ministry of Foreign Affairs of Russia.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМПАТИИ И ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ

Н.Д. Афанасьева

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы о взаимосвязи процесса обучения студентов-иностранцев в вузе с процессом воспитания и деятельности преподавателя, направленные на формирование квалифицированного специалиста (дипломата, юриста, экономиста, политолога и др.). Автор отмечает особую важность формирования эмпатии у студентов, подчёркивая, что разобщённость людей, потеря прежних идеалов, неумение общаться вне виртуальной среды, равнодушие студентов друг к другу и к проблемам, окружающим их, в эпоху всеобщей цифровизации, компьютеризации, роботизации часто оказывают влияние и на учебный процесс. Обращая эмпатию к студентам, воспитывая чувство эмпатии у них, преподаватель иностранного языка (и русского в том числе) способствует приобретению внутренней стабильности личности, помогает овладеть не только умениями и навыками изучаемого языка, но и понимать и использовать в собственной речи те фоновые знания, которые используются в процессе коммуникации членами общества.

В статье приводятся практические примеры методических приёмов в тех заданиях, которые применяют преподаватели кафедры русского языка МГИМО на занятиях с иностранными студентами, исследуя проблему развития эмпатических способностей у учащихся. Эти задания способствуют расширению познавательно-когнитивной сферы студентов, анализу и использованию эмоционально-чувственного опыта человека. Обучение проведению дискуссии, участию в деловых играх дают преподавателям возможность смоделировать события, происходящие со студентом в будущей профессиональной жизни, дать новый опыт того, как он будет выражать себя и своё отношение к окружающим рядом с другими людьми. Участие в театральном действии также стимулирует творческий потенциал студентов, помогает учитывать эмоциональный компонент, придаёт уверенность их речевому поведению. Воспитание чувства эмпатии на примере образцов русской классической литературы, разработка упражнений, развивающих способность понимать и интерпретировать мир чувств и эмоции других людей, способствуют улучшению межличностных отношений, развивают личность студента, превращают его в творческую натуру.

Ключевые слова: формирование эмпатии, воспитание, сочувствие, сопереживание, межличностные отношения, социокультурная компетентность, русский язык как иностранный.

Система высшего профессионального образования государства ставит перед преподавателями вузов задачу не только передать студентам знания, умения и навыки, научить их ориентироваться в сложном научном мире, логически мыслить, но и, учитывая когнитивное развитие студентов, считать одной из важнейших частей образования воспитание личности. Для специалиста-международника (и дипломата, и юриста, и экономиста, и политолога) важны те знания, которые они получают в процессе учёбы в университете, но не менее важным является приобретённое умение творчески относиться к решению своих профессиональных задач, применять на практике полученные теоретические знания, ориентироваться в быстро меняющемся современном мире, управлять чувствами и эмоциями [Торкунов, 2013].

Доброжелательное отношение к людям, понимание проблем другого человека, интерес к его мнению, способность выслушать, дать совет помогает и наладить личностный контакт и добиться успеха в деловых переговорах, например, обменяться разного рода информацией, суметь урегулировать спор, прийти к обоюдному согласию в обсуждении профессиональных задач с другой стороной [Байков, 2016]. Для достижения задач подобного рода нужно отметить особую важность формирования эмпатии у студентов. Понятие эмпатии не является новым для общества: психологи, философы, педагоги традиционно, уже более 100 лет, рассматривают в различном контексте проблемы, связанные с ней.

Однако в последнее время происходит актуализация данного термина, появляется большое количество работ на эту тему, современные исследователи выделяют разные виды эмпатии, указывают на наличие новых компонентов, обосновывают взаимосвязь звеньев эмпатийного процесса. Многие исследователи сходятся во мнении, что процесс обучения не может происходить отдельно от процесса воспитания, и деятельность преподавателя, его стремление сформировать квалифицированного специали-

ста направлены на развитие чувства эмпатии, которое можно считать профессиональной компетенцией. Так как эмпатию допустимо считать навыком, ей можно и нужно учиться, и тогда она находится на стыке двух наук – психологии и педагогики.

Учёные определяют эмпатию как способность проникнуть в эмоциональное состояние другого человека и дать ему возможность понять это. Авторство термина «эмпатия» (от греч. «*empathēia*», сопереживание) принадлежит Э. Титченер, с философской точки зрения соединившему идеи о симпатии и теории «вчувствования» Э. Клиффорда и Т. Липпса [Липпс, 2007]. В научной литературе это понятие трактуется по-разному (и как способ психологического анализа – Дж. Иган [Иган, 2004], и как восприятие эстетического объекта – Т. Липпс, и как точное восприятие внутреннего мира другого – К. Роджерс [Роджерс, 2002]).

Известный русский историк, философ, публицист П.А. Кропоткин ещё в начале XX века отмечал, что в эволюционном процессе можно выделить причины такого поведения людей, в какое включается сочувствие, поддержка: «Естественно, что... среди очень многих человекоподобных видов, с которыми человек находился в борьбе за жизнь, выжил тот вид, в котором было сильнее развито чувство взаимной поддержки, тот, где чувство общественного самосохранения брало верх над чувством самосохранения личного, которое могло иногда влиять в ущерб роду или племени» [Кропоткин, 1922].

Термин «эмпатия» можно объяснять как сочувствие, сострадание, отклик на эмоциональное состояние другого, стремление помочь, совпадение в восприятии чего-либо, радость от соприкосновения с прекрасным (живопись, музыка и т.д.), альтруизм. Каждая из этих частей имеет свое собственное содержание и вместе с тем дополняет эмпатию, делает её более сложнокомпонентной и наполненной.

Психолог, исследователь, филолог Т.П. Гаврилова считает, что у эмпатии су-

ществуют две основные формы – сопереживание (и здесь мы можем предложить такие синонимы слову «сопереживание», как соучастие, созвучие, сорадование) и сочувствие (другими словами – сострадание, сожаление, соболезнование). Сопереживанием можно считать понимание чувств, которые переживает другой человек. Сочувствием называют жалость, сожаление, доброжелательное отношение к эмоциональному состоянию другого. Т.П. Гаврилова предполагает, что в основе сопереживания лежит собственный опыт сопереживающего, в то время как сочувствие предполагает понимание неблагополучия другого человека и связано с его потребностями и интересами [Гаврилова, 1975].

Исследователи из разных стран продолжают интересоваться проблемой способности людей к сочувствию, сопереживанию. Интересен тот факт, что несколько лет назад американскими учёными был составлен рейтинг стран по уровню эмпатии их жителей. Был проведён онлайн-опрос, который охватил более 104 тысяч человек из 63 стран. В опросе через интернет принимали участие респонденты в возрасте от 18 до 90 лет. Было опрошено мужчин 61%, самое большое количество участвующих в опросе (74,3%) проживало в США. Результаты этого исследования были напечатаны в журнале *Journal of Cross-Cultural Psychology*. В своей работе учёные исследовали способность людей, во-первых, проявлять сочувствие, а во-вторых, понимать мнение и позицию окружающих.

Самый высокий уровень эмпатии учёные определили в Эквадоре, затем по уровню снижения – в Саудовской Аравии, Перу, Дании, Объединённых Арабских Эмирата. Последнее место по уровню эмпатии в списке стран заняла Литва. Из десяти стран с наименее уязвимыми жителями семь находятся в Восточной Европе (Эстония, Польша, Болгария, Чехия и др.). Россия занимает в списке стран-участников 53 место, но на вопросы анкеты ответили лишь 59 человек из России, а в США в анкетировании приняли участие 77 537 человек, в Канаде –

7308. Исследователи также отметили, что культура постоянно меняется, а результаты их опроса – лишь «снимок того, как выглядит сочувствие в этот момент» [Сопереживающие штаты Америки, 2018], [Is America still an «empathetic and generous giant»?], 2019].

Учёные из Швеции провели обзор мнений шведов на миграционную политику, который выполнило исследовательское агентство SIFO по заказу газеты *Svenska Dagbladet*. Они сделали вывод, что чувство сострадания, жалости может возникать у людей, которых средства массовой информации последовательно готовят к принятию того или иного решения. Публикации, интервью с беженцами об их трудном положении привели к тому, что доля шведов, считающих, что законы и правила миграции должны быть изменены, чтобы Швеция принимала больше беженцев, увеличилась с 17 до 25 процентов за сентябрь-декабрь 2017 года. Существует статистически достоверная разница по сравнению с днями перед эмоциональной публикацией о жизни беженцев и необычайно быстрым колебанием мнения.

Подобный эффект исследован в университете шведского города Линчепинга. Эксперимент об изменении степени сопереживания проводился коллективом ученых, которые демонстрировали группе респондентов фотографию больного или нуждающегося ребёнка с просьбой помочь ему материально – большой процент участников эксперимента готов был пожертвовать деньги на его лечение или улучшение качества жизни, испытывая чувство сострадания. Если было предъявлено две фотографии таких детей, желание респондентов резко снижалось [Konsten att känna med andra, 2018].

Очень важно говорить об эмпатии именно в наше время – эпоху всеобщей цифровизации, компьютеризации, роботизации, так как, помогая людям в получении информации, обработке данных, проведении сравнительного анализа, эти процессы могут иметь также ещё и отрицательную сторону: разобщённость людей, потеря прежних идеалов, неуме-

ние общаться вне виртуальной среды, равнодушие, часто приводящее к ненамеренной жестокости по отношению к другим, и т.п.

Безусловно, явления диджитализации и цифровизации оказывают влияние и на образовательный процесс, в частности, в высшей школе. Но роль преподавателя в студенческой среде, а особенно преподавателя русского или иностранного языка, который ежедневно общается с коллективом студентов в небольшой по количеству языковой группе, в современных условиях лишь увеличивает свою актуальность. Восприятие человеком новой культуры основывается на его информированности и компетентности, понимании того, что культурная парадигма изменяется.

Поликультурность современного образовательного пространства даёт обществу возможность делать новые открытия, использовать достижения науки и техники в разных отраслях, делать гуманным образование, в котором следующий этап «базируется на концепции фрагментарности политики, культуры и личности» [Сковородина, 2016]. Для всестороннего развития такого процесса преподавателю необходимо, со своей стороны, обратить эмпатию к студентам. Подобную эмпатию мы можем охарактеризовать сложными словами «благожелательность», «добросердечие», «благосклонность», «великодушие», «сердоболие». «Благо», «добро», «сердце» – то, что исходит от старшего к младшему и что должно восприниматься каждым студентом в качестве нормы общения.

Эффективно изучать любой язык, по нашему твёрдому убеждению, возможно только в обстановке полного взаимопонимания студента и преподавателя, доброжелательного отношения друг к другу. С помощью угроз, наказания и зубрёжки можно заставить студента выучить лексику, грамматические правила, например, но никогда нельзя научить свободному говорению.

Если студент, встречаясь с преподавателем иностранного языка на занятии,

слышит его вопросы «Как вы себя чувствуете?», «Что нового в вашей жизни?», «Чем вы хотите со мной поделиться?», «Чем порадуете?», понимает их искренность, отвечая на них, привыкает не бояться и не стесняться обсуждать в группе состояние своей души, то, скорее всего, в будущем, став специалистом, общаясь с коллегами или партнёрами, эту практику он может перенести и на отношения с ними. Таким образом, одновременно с овладением языковым кодом сообщества, на языке которого осуществляется коммуникация, происходит овладение социокультурным кодом – теми знаниями, представлениями и интерпретациями, которые хранятся в «когнитивной базе» членов данного сообщества, что в свою очередь способствует приобретению внутренней стабильности личности [Шестопал, Силантьева, 2012].

Исследуя проблему развития эмпатических способностей у студентов, преподаватели кафедры русского языка МГИМО применяли и продолжают применять те методические приёмы в заданиях, которые помогают расширять познавательную-когнитивную сферу, анализировать и использовать эмоционально-чувственный опыт человека [Афанасьева, 2017].

Во-первых, одним из аспектов изучения иностранного языка (и русского языка как иностранного в частности) в профессиональных целях студентов МГИМО МИД России является обучение дискуссии. На этих занятиях можно продолжить развитие чувства эмпатии, так как выступление студента, вступившего в обсуждение какой-либо проблемы, корректируется преподавателем и другими студентами. Наблюдая за эмоциональным состоянием участвующих в дискуссии, преподаватель объясняет, что критика студентом мнения оппонента должна иметь корректную, мягкую форму, а не принимать форму агрессии и нетерпимости к чужому мнению.

Здесь необходимо отметить, что человек с развитым чувством эмпатии всегда расположен к окружающим его людям, относится к ним доброжелательно, мо-

жет рассматривать его мнение с большей объективностью. Обычно такие студенты без особых проблем заводят новые знакомства, быстро понимают взаимоотношения людей, открыты для общения, способны подавить конфликтную ситуацию, с пониманием относятся к недостаткам других, чётко определяют для себя моральные ценности. Несмотря на то, что границы их культуры свободны и могут быть взаимно проницаемыми, они остаются при этом всё-таки границами, «держущими» саму культуру неизменяемой, постоянной, самобытной [Силантьева, 2014].

Во-вторых, участие в деловых играх предполагает, что студенты в ходе игры имитируют те действия, которые обеспечивают им освоение их профессиональной роли. В ходе деловой игры (например, дипломатические переговоры, подписание экономического контракта, участие в телевизионной программе и т.п.) участник получает возможность понять ситуацию, поведение другого участника, проанализировать его, а также увидеть себя со стороны. Опережение, которое помогает собеседнику правильно сформулировать то или иное положение, взаимопонимание, которое достигается в ходе диалогового общения, значительно уменьшает напряжённость разговора из-за опасения быть понятым неправильно или получить отрицательный ответ. Моделирование события даёт студенту возможность получить новый опыт того, как он будет выражать себя и своё отношение к окружающим рядом с другими людьми.

Высокую оценку студентов получает Модель ООН, ежегодно собирающая в МГИМО несколько сотен участников. Подготовка к выступлению и дискуссиям, активная коммуникация во время докладов и их обсуждений в рамках секций – хороший опыт для будущих международных. «Московская международная модель ООН – поистине уникальная площадка для отработки навыков переговоров и выступлений. На целую неделю вы реализуете себя в роли дипломатов, окунетесь в атмосферу политических

дебатов и обретете новых друзей» [Московская международная модель ООН имени Виталия Чуркина. Первый комитет Генеральной Ассамблеи, 2018], – так сказал один из экспертов Первого Комитета Генеральной Ассамблеи ООН перед открытием её в апреле 2018 года.

В-третьих, ролевые игры тесно связаны с использованием в преподавании иностранного языка лингвотеатральных приёмов. Применяя их на практике, преподаватель может использовать два приёма: один из них предполагает инсценировку студентами заданного текста с монологами, диалогами, полилогами, созданными автором текста, другой – импровизацию данной преподавателем сюжетной линии, в которой можно домыслить характеры героев и предложить свой вариант их развития. Отбирая текст для театральной постановки, преподаватель должен отдать предпочтение таким материалам, которые созвучны настроениям студентов, их эмоциям, дают им возможность ярче проявить себя, почувствовать потребность в общении на иностранном языке. Театральная игра позволяет учащемуся совершать речевые действия более свободно, так как он защищён от слушателей, присваивая себе имя персонажа и перевоплощаясь в него: те ошибки, которые отметит зритель, сделаны не студентом, а героем пьесы. Участие в театральном действии стимулирует творческий потенциал студентов, помогает учитывать эмоциональный компонент, придаёт уверенность их речевому поведению.

В-четвёртых, при изучении русского языка, используя богатый опыт классической литературы, преподаватели часто выбирают произведения, которые предоставляют яркие примеры милосердия. Это, например, рассказ Валентина Распутина «Уроки французского», в котором героиня, учительница Лидия Михайловна живёт не по строгим правилам и законам, а по любви, понимая своего несчастного голодного ученика и сострадая ему. К этой же группе можно отнести и рассказ А.П. Чехова «Студент» с очень простым сюжетом, но ярким по эмоциональности

восприятия его учащимися. Сильное впечатление от рассказа студентом библейской истории о предательстве Петра и о предсказании Иисуса этого поступка заставляет крестьянку заплакать, а самого студента понять взаимосвязь времён и беззащитность человека. Пережив это вместе с героем рассказа, студенты делают вывод о том, насколько всегда были важны и значимы в наше время любовь, уважение людей, прощение ошибок.

В-пятых, на уроках русского языка используются такие творческие задания, как устное сочинение рассказа по картинке, на которой изображён человек или люди с определённым эмоциональным настроением. Здесь студентам предлагается представить себе, какие чувства испытывает герой картинки, описать ситуацию, в которой он находится, предложить возможные пути выхода из неё, дать свою оценку происходящему.

В-шестых, разработаны также упражнения, развивающие способность понимать и интерпретировать мир чувств и эмоции других людей, выраженных через движения (невербальное изображение студентом различных жизненных эмоциональных ситуаций и определение группой, какие именно эмоции демонстрирует студент, их описание), интонацию (произнесение предложения разными интонациями и определение группой эмоции, выраженной говорящим), с помощью взгляда (передача какой-либо эмоции взглядом и обсуждение точности его восприятия).

Одно из упражнений, которому можно дать название «Испорченный телефон», напоминает детскую игру с аналогичным названием. Его целью является отработка умения внимательно слушать, запоминать и передавать усвоенную информацию. Выбрав одного из студентов группы, преподаватель вне аудитории рассказывает ему историю, в которой есть несколько действующих лиц, главных и второстепенных. В истории также обязательны завязка, развитие действия и развязка. Вернувшись к группе учащихся, студент, прослушавший историю, выбирает другого студента и также наедине

передаёт ему запомнившуюся информацию. Затем они возвращаются, и все учащиеся группы по очереди слушают одну и ту же историю. Последний студент рассказывает её всем, а преподаватель проверяет и исправляет неточности в рассказе. Иногда к концу упражнения сюжет практически невозможно узнать, часть персонажей не появляется. Это задание, воспринимаемое как развлечение, в действительности доказывает учащимся, как важно научиться не только слушать, но и слышать.

В-седьмых, снять напряжение в студенческой группе, наладить контакт с учащимися, вызвать положительные эмоции, показать своё доброжелательное отношение к ним часто помогает юмор. Как научить иностранцев понимать шутку и шутить самим? Это может быть и рассказанный к месту анекдот с демонстрацией, как создаётся комический эффект (например, алогизм или гиперболоизация), и анализ шутки известного исторического или политического деятеля (например, большой интерес будущие дипломаты проявляют к юмору министра иностранных дел С. Лаврова). Так, ответ С. Лаврова на вопрос журналистов, как проходят консультации лидеров «нормандской четвёрки» в Минске в феврале 2015 года, затянувшиеся до утра, – «Супер» – и его ответ на просьбу уточнить – «Переговоры идут лучше, чем супер» [Какие шутки Сергея Лаврова вошли в историю российской дипломатии, 2019], передают и чувство усталости министра от продолжительных переговоров, и его сочувствие журналистам, выполняющим свою работу. Не прозвучал ответ «Без комментариев», а был дан настолько ёмкий и остроумный ответ, что стал анекдотом.

Приведённые выше методики способствуют повышению чувства эмпатии, помогают улучшить межличностные отношения, тем самым развивая личность студента, превращая его в творческую натуру. Цель системы образования – формирование социокультурной компетентности ставит перед преподавателями вуза задачу – подготовить отличного

специалиста-профессионала, что не снижает другой их задачи – воспитать полноценного гармонично развитого человека, то есть выпустить специалиста высокой квалификации с развитыми социально-культурными качествами.

Список литературы:

Is America still an «empathetic and generous giant»? [Электронный ресурс] // URL: https://msu-today.msu.edu/news/2016/is-america-still-an-empathetic-and-generous-giant/?utm_campaign=media-pitch&utm_medium=email/ (дата обращения 11.03.2019).

Konsten att känna med andra [Электронный ресурс] // URL: <https://ki.se/forskning/konsten-att-kan-na-med-andra> (дата обращения 18.06.2018).

Афанасьева Н.Д. «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?» Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 1. С. 87-93.

Байков А.А. «Золотой стандарт» подготовки международного и эффективность внешней политики. Вестник МГИМО Университета. 2016. № 1 (46). С. 70-83.

Гаврилова Т.П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии. Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 147–157.

Иган Дж. Базисная эмпатия как коммуникативный навык. Журнал практической психологии и психоанализа. Пер. О. Исаковой, М. Глущенко. 2000. № 1.

Какие шутки Сергея Лаврова вошли в историю российской дипломатии [Электронный ресурс] // <http://tass.ru/politika/4946104> URL: <http://tass.ru/politika/4946104> (дата обращения 11.03.2019).

Кропоткин П.А. Этика. Пб.-М. 1922. Т. 1. С. 207.

Липпс Т. Пути психологии. В кн.: Липпс Т. Фундаментальная психология у истоков неклассической. М.: КомКнига. 2007. С.116–145.

Московская международная модель ООН имени Виталия Чуркина. Первый комитет Генеральной Ассамблеи. [Электронный ресурс] // URL: <http://modelun.ru/ru/1ga/> (дата обращения 12.06.2018).

Роджерс К. Эмпатия. В кн.: К. Роджерс К. Психология мотивации и эмоций. – М.: ЧеРо. 2002. С. 428–430.

Силантьева М.В. Проблема «культурных границ» в современном мире: ценностный аспект. Вестник МГИМО университета. 2014. № 2 (35). С. 237.

Сковородина И.С. Судьба учебника. Ч. 1. М.: ИД Университетская книга, 2016. №10 (декабрь). С. 38-44.

Сопереживающие штаты Америки [Электронный ресурс] // URL: https://www.gazeta.ru/science/2016/10/18_a_10257503.shtml#page1 (дата обращения 20.06.2018).

Торкунов А.В. Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании. Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2. С. 7-11.

Шестопал А.В., Силантьева М.В. «Мягкая сила» культурных модуляторов современных модернизационных процессов. Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 168-171.

Об авторе:

Афанасьева Нина Дмитриевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел России.
E-mail: afan-nina@yandex.ru.

INTERRELATION OF EMPATHY AND TEACHING STUDENTS AT HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

N.D. Afanasieva

Abstracts. *The article considers issues connected with interrelation between the process of teaching foreign students and the process of moral training and tutors' activities aimed at shaping a qualified specialist (diplomat, lawyer, economist, politologist, etc). The author stresses the importance of teaching students' empathy and points out that people's alienation, loss of former ideals, inability to communicate outside virtual environment, students' indifference to each other and problems of the outside world at the time of overall digitalization, computerization and robotization affect the process of teaching. Treating students with empathy, fostering the same feeling in them, a teacher of a foreign language (as well as Russian) adds to the inner stability of an individual, it helps not only to master the skills of the language being taught, but also to understand and use in their own speech the background knowledge that is used in the communication process by members of society.*

The article sites practical examples of methodical techniques used in the tasks implemented by teachers of the MGIMO department for teaching Russian to foreign students with the aim of developing empathic abilities. These tasks contribute to broadening students' cognitive sphere, analysis and implementation of emotional and perceptual experience of an individual. Teaching discussion skills, organizing business games enable teachers to simulate events students will face in their future professional activities, and let them get new experience of expressing their attitude to people around them. Taking part in theatrical performances also stimulates students' creative potential, helps them take into account the emotional component, adds confidence to their speech behavior. Developing the sense of empathy on the example of classical Russian literature, creation of exercises developing the ability to understand and interpret feelings and emotions of other people contribute to improvement of interpersonal relations, develop the character of students, and turn them into creative individuals.

Key words: *Forming empathy, process of moral training, compassion, sympathy, qualified specialist, interpersonal relations, socio-cultural competence, Russian as foreign language.*

References:

Afanas'eva N.D. «Kak serdtsu vyskazat' sebia? Drugomu kak poniat' tebia?» [«How can a heart be braced in words? Another fathom what is yours?»]. Kontsept: filosofiia, religii, kul'tura - Concept: philosophy, religion, culture, 2017, no. 1, pp. 87-93 (In Russian).

Baikov A.A. «Zolotoi standart» podgotovki mezhdunarodnika i effektivnost' vneshnei politiki [«The Golden standard» of training foreign affairs specialists and effectiveness of foreign policy]. Vestnik MGIMO-Universiteta - Vestnik MGIMO-Universiteta, 2016, no. 1(46), pp. 70-83 (In Russian).

Gavrilova T.P. Poniatie empatii v zarubezhnoi psikhologii [The concept of empathy in psychology abroad]. Voprosy psikhologii - Questions of psychology, 1975, no. 2, pp. 147-157 (In Russian).

Igan Dzh. Bazisnaia empatiia kak kommunikativnyi navyk [Basic empathy as a communications skill]. Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza - Journal of practical psychology and psychoanalysis / tr. O. Isakova, M. Glushchenko, 2000, no. 1, pp. 44-59 (In Russian).

Kakie shutki Sergeia Lavrova voshli v istoriiu rossiiskoi diplomatii [What Sergey Lavrov's jokes entered in the history of Russian diplomacy]. Available at: <http://tass.ru/politika/4946104> URL: <http://tass.ru/politika/4946104> (accessed 11 March 2019) (In Russian).

Kropotkin P.A. Etika. T. 1. [Ethics. T. 1]. Saint-Petersburg.-Moscow, Voice of labor, 1922. 263 p. (In Russian).

Lipps T. Puti psikhologii [Ways of psychology]. Fundamental'naia psikhologiya u istokov neklasicheskoi [Fundamental psychology at the origins of non-classical]. Moscow, Komkniga, 2007. pp. 116-145 (In Russian).

Moskovskaia mezhdunarodnaia model' OON imeni Vitaliia Churkina. Pervyi komitet General'noi Asamblei [Moscow International Model of the United Nations by name Vitaly Churkin. First Committee of the General Assembly] Available at: <http://modelun.ru/ru/1ga/> (accessed 12 June 2018) (In Russian).

Rodzher K. Empatiia [Empathy]. Psikhologiya motivatsii i emotsii [Psychology of motivation and emotions]. Moscow, Chero, 2002. pp. 428-430 (In Russian).

Silant'eva M.V. Problema «kul'turnykh granits» v sovremennom mire: tsennostnyi aspekt [The problem of «cultural borders» in the contemporary world: the aspect of values]. Vestnik MGIMO-Universiteta - Vestnik MGIMO-University, 2014, no. 2(35), pp. 235-239 (In Russian).

Skovorodina I.S. Sud'ba uchebnika. Ch. 1. [Fate of a textbook. Part 1]. Moscow, Publishing house University book, 2016. №10 (December), pp. 38-44 (In Russian).

Soperezhivaiushchie shtaty Ameriki [Empathic states of America]. Available at: https://www.gazeta.ru/science/2016/10/18_a_10257503.shtml#page1 (accessed 20 June 2018) (In Russian).

Torkunov A.V. Sozdanie universitetov mirovogo urovnia: novye tendentsii v rossiiskom vysshem obrazovanii [Starting Up a World Class University: New Trends in Russian Higher Education]. Vestnik MGIMO-Universiteta - Vestnik MGIMO-University, 2013, no. 2, pp. 7-11 (In Russian).

Shestopal A.V., Silant'eva M.V. «Miagkaia sila» kul'turnykh modulatorov sovremennykh modernizatsionnykh protsessov [Intercultural communication in the light of current modernization process, «soft power» cultural modulators]. Vestnik MGIMO-Universiteta - Vestnik MGIMO-University, 2012, no. 6, pp. 168-171 (In Russian).

Is America still an «empathetic and generous giant»? Available at: https://msutoday.msu.edu/news/2016/is-america-still-an-empathetic-and-generous-giant/?utm_campaign=media-pitch&utm_medium=email/ (accessed 11 March 2019) (In English).

Konsten att känna med andra. Available at: <https://ki.se/forskning/konsten-att-kanna-med-andra> (accessed 18 June 2018) (In Swedish).

About the Author:

Nina Afanasieva – PhD, Head of the Department of the Russian Language of Moscow State Institute of International Relations of Ministry for Foreign Affairs of Russia.
E-mail: afan-nina@yandex.ru.

ПРИОРИТЕТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Т.Н. Калугина

Аннотация. Статья рассматривает проблему культурной глобализации в рамках создания глобального информационного общества. Сейчас становится очевидно, что процесс формирования глобального сообщества объективно обусловлен, неизбежен и каждое государство в большей или меньшей степени вовлечено в этот процесс. Стремительно меняющиеся условия рынка естественным образом отразились на динамике экономико-политического и социального развития различных сообществ. И если изначально стоял вопрос об экономической и политической глобализации, то теперь наибольшую актуальность приобретает проблема культурной глобализации. Сравнивая различные оценки возможных последствий формирования единой глобальной культуры, автор указывает на недооценённость воздействия средств коммуникации на ускорение темпов взаимодействия и взаимопроникновения различных культур.

Статья освещает ряд факторов, которые способствовали вестернизации глобальной культуры на рубеже XX-XXI вв. Однако с течением времени становится очевидным, что глобализация способствует развитию процессов регионализации, которые, начинаясь с реформ в сфере политики и экономики, оказывают глубокое воздействие на социально-культурные институты. Регионализация препятствует дальнейшему доминированию западной культуры и лишает вестернизацию статуса единственного возможного варианта развития культурной глобализации. Образование в качестве социального института, выступая одним из ключевых факторов развития общества, также подвергается воздействию процессов глобализации. Преобразование национальных образовательных систем ориентировано на унификацию, стандартизацию и, в конечном счёте, интеграцию. И хотя интернационализация предполагает сохранение и развитие национальной системы образования, она по своей сути является лишь первой ступенью глобализации образования, которая подразумевает уничтожение национальных образовательных систем в пользу формирования единой мировой образовательной системы. Таким образом, глобализация образования приводит к противостоянию экономико-политического и социально-культурного аспектов образования.

Ключевые слова: культурная глобализация, культурное пространство, социокультурный изменения, национальная культура, массовая культура, национальные системы образования, интернационализация.

Быстрые темпы развития информационных технологий и открытый доступ к информации благоприятствовали формированию глобального информационного общества и способствовали развитию процесса глобализации, который Р. Робинсон охарактеризовал как процесс увеличивающегося воздействия ряда инструментов международного влияния на социальную действительность различных государств [Robinson, 1992]. Сейчас становится очевидным, что процесс формирования глобального сообщества объективно обусловлен и неизбежен, и любое государство рано или поздно сталкивается с дилеммой, до какой степени оно готово быть вовлечённым в данный процесс.

Глобализация представляет собой многоуровневый пространственно-временной процесс, развивающийся в трёх направлениях: экономическом, политическом и культурном. Государства перестают быть основными акторами глобализации и их конкурентами на международной арене становятся транснациональные экономические агенты в лице корпораций и банков, всемирных и международных организаций управления и информационно-экономической деятельности. Стремительно меняющиеся условия рынка естественным образом отразились на динамике экономико-политического и социального развития различных сообществ. И если изначально стоял вопрос об экономической и политической глобализации, то теперь наибольшую актуальность приобретает проблема культурной глобализации.

Если рассматривать глобализацию в социокультурном аспекте, то в рамках концепции культурного пространства Д. Замятин вводит понятие геокультурного пространства. Он формулирует его как «систему устойчивых культурных реалей и представлений на определённых территориях, формирующихся в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психических структур вос-

приятия и функционирования картин мира» [Замятин, 2006: 58].

Но, принимая во внимание резкое развитие в последнее время кросс-культурной коммуникации и «размывание» культурных границ вследствие экономико-политических и социокультурных изменений, а также распространения массовой культуры посредством средств массовой информации и интернета, данная концепция является, на наш взгляд, несколько устаревшей. Географические границы уже не могут служить рамками удержания и сохранения той или иной этнокультуры. Скорее в современных условиях будет более правильно рассматривать данный феномен с точки зрения транснационализации культуры. А её О. Астафьева определяет как «одну из базовых характеристик глобализации культуры, как процесс интеграции отдельных национальных культур в единую мировую культуру» [Астафьева, 2005].

Исследователи разделились в своих оценках возможных последствий создания единой глобальной культуры. Глобалисты дают положительную оценку данному процессу, считая, что интегрированное общество в рамках единого социально-экономического пространства может справиться со многими сложными вызовами, возникающими на пути развития человечества. Они полагают, что процесс глобализации способствует формированию новой реальности, которая не зависит ни от территориальных границ, ни от политико-экономических отношений между государствами, ни от национальных интересов.

А. Урсул и А. Романович характеризуют глобализацию как стабильный процесс формирования единого человечества в рамках тесно взаимосвязанного мирового сообщества и считают его закономерным вариантом современного цивилизованного развития общества в рамках старой модели развития. Они подчёркивают, что глобализация способствует укреплению взаимосвязей между отдельными элементами социума (в первую очередь финансовых, экономиче-

ских, политических, информационных, социально-культурных и прочих взаимосвязей), а также приводит к универсализации и транснационализации ряда структур и систем человеческой жизнедеятельности и культуры [Урсул, 2002].

С точки зрения сторонников культурной глобализации дальнейшее устойчивое развитие человеческого общества возможно лишь при «взаимопроникновении различных культур и их синтеза на основе общечеловеческих ценностей» [Касаткин, 2018: 154]. Противники же идеи культурной глобализации опасаются, что она приведёт к унификации общества и, в конечном итоге, потере культурного многообразия и культурной идентичности стран современного мира. У. Бек, говоря о постепенном уничтожении ценностного слоя традиционной культуры и закономерном исчезновении целостности национальных культур, подчёркивает, что «глобализация экономической активности сопровождается волнами трансформации в сфере культуры» [Бек, 2001].

С. Хантингтон выдвинул свою теорию указанных культурных процессов, основывающуюся на градации культур на «сильные» и «слабые» с точки зрения их экономического и политического положения и сохранения традиционных культурных устоев. По его мнению, в ходе процессов создания глобальной культуры «сильные» культуры имеют тенденцию навязывать свои ценности более «слабым». Именно поэтому многие исследователи видят культурную глобализацию прежде всего как упрочение и расширение экономической и культурной гегемонии США.

Помимо сторонников и противников культурной глобализации, существует и третья группа учёных, которая придерживается теории невозможности возникновения единой глобальной культуры. О. Шпенглер отрицал возможность существования единого культурного пространства, обосновывая свою точку зрения обособленным развитием культур в рамках своего культурного пространства [Шпенглер, 2004: 56]. Э. Смит

утверждает, что каждая культура является продуктом развития определённой нации и определённого этноса, а понятие «культурной глобализации» считает искусственно созданным термином из-за его идеологического содержания [Smith, 1990].

На наш взгляд те, кто отрицает возможность культурной глобализации, и как следствие, формирования единой глобальной культуры, недооценивают воздействие средств коммуникации на ускорение темпов взаимодействия и взаимопроникновения различных культур. Но и теория неизбежной культурной глобализации тоже представляется спорной. Невозможно отрицать, что открытый доступ к информации и уровень развития средств коммуникации сделали невозможным обособленное существование той или иной культуры и обусловили неравномерное взаимопроникновение элементов разных культур. Однако и говорить о распространении ценностей только одной культуры, а именно западной, нам представляется не совсем правильным.

Эта позиция могла казаться верной и обоснованной в начале 2000 гг. Но сегодня, с увеличением роли Востока, выходом Китая на ведущие мировые экономические позиции, а также усилением позиций ислама, который намерен не только сохранять свои многовековые культурные и социальные устои, но и распространить их на Запад благодаря активному участию во всех глобализационных процессах. В настоящее время точка зрения глобалистов в вопросе возникновения мировой культуры представляет, на наш взгляд, сугубо идеологический инструмент собственной защиты отступающего вестернизма.

На сегодняшний день безусловным является тот факт, что неизбежные глобализационные процессы породили экономические и технологические преобразования, которые, в свою очередь, обусловили ряд серьёзных социальных и политических проблем и бросили вызов традиционным представлениям о национальном суверенитете и нацио-

нальных культур. Лидирующая позиция Запада во всех аспектах глобализации была обусловлена его ведущей ролью в экономической и политической сферах современного мира. Доминирующее использование английского языка в международном общении, деловом администрировании, образовании также внесло свой значительный вклад в копилку аргументов адептов мировой культуры.

Изучение иностранного языка всегда подразумевает ознакомление с культурой другой страны, восприятие и воспроизведение нормативных, культурных и даже эмоциональных коннотаций. Тесные бизнес-связи обеспечивают внедрение западных методов ведения бизнеса как априори более успешных. Расширение сферы влияния средств массовой информации приводит к распространению массовой культуры, идеологическим фоном которой теперь служит принцип потребительства. Массовая культура поощряет массовое потребление.

Быстрые темпы развития массовой культуры в какой-то степени тоже способствовали созданию нового типа социальных пространств, высококоммерциализированных, но в известной степени не находящихся в сфере государственного контроля и управления [Бергер, 2004]. В странах, в которых произошла смена политического строя и переход на рыночную экономику, можно было отметить возникновение у населения, особенно молодёжи, обостренного осознания права на лучшую жизнь, появления новых возможностей, стремление к большей свободе.

Все выше перечисленные факторы, вкупе с ослаблением роли нации-государства как источника культурной идентификации и пропагандой того, что культурная глобализация принесёт в общество такие универсальные ценности как свобода, демократия и права человека, привели к значительными социальным и культурно-ценностным преобразованиям во всех регионах мира.

Геополитические процессы, экономическая модернизация и социальные изменения способствуют усилению ми-

грационных процессов, тем самым подрывая связь между культурным самосознанием, местом рождения и страной проживания.

Многие исследователи сходятся на неопределённом характере формирования общества под влиянием культурной глобализации, так как в разных регионах мира можно найти примеры как полного её принятия, так и решительного отторжения. Но при этом показательно, что всё больше исследователей ставят под сомнение вестернизацию как единственно возможный вариант развития культурной глобализации. П. Бергер и С. Хантингтон вводят понятие альтернативной глобализации, в ходе которой всё более сильному культурному воздействию подвергается именно западная культура. «Мы переживаем конец прогрессивной эры, которая была охвачена западными идеологиями, и вступаем в новую эру, в которой множество различных культур друг с другом сосуществуют, взаимодействуют и конкурируют» [Huntington, 1996: 143].

М. Матецкая также согласна, что «Запад» выступает не только в качестве «донора» и «поставщика смыслов» для других культур, но и сам подвергается ответному воздействию» [Матецкая, 2006: 228]. С течением времени становится очевидным, что глобализация запускает процессы регионализации, которые, начинаясь с реформ в сфере политики и экономики, оказывают глубокое воздействие на социально-культурные институты. Образование, как социокультурный институт, выступающий одним из ключевых факторов развития общества, также подвергается воздействию процессов глобализации.

Многие исследователи считают, что глобализация образования является неотъемлемой частью глобализации культуры. Преобразование национальных образовательных систем ориентировано на универсализацию, унификацию, стандартизацию и, в конечном счете, интеграцию. И хотя интернационализация предполагает сохранение и развитие национальных систем образования, по сво-

ей сути она является лишь первой ступенью глобализации образования, что подразумевает уничтожение национальных образовательных систем в пользу формирования единой мировой. Таким образом, мы наблюдаем явное противоречие в последствиях такого экономикополитического и социально-культурного развития.

И снова встаёт вопрос противостояния двух социально-педагогических доктрин. Американская система образования характеризуется технократическим подходом, сутью которого является гипертроефицированный практицизм и пренебрежение к духовным и эстетическим идеалам. Именно потребительские амбиции побуждают индивида повышать свой социальный статус и профессиональный уровень, а способную молодёжь – повышать уровень своей образованно-

сти. По мнению А. Белогурова, основополагающей философско-педагогической и социально-педагогической доктриной западноевропейских и российской систем образования является идея гуманизации, которая определяет содержание образования как системы мер, направленных на приоритетное развитие общекультурных компонентов: ориентацию на развитие и саморазвитие личности; на приоритеты общечеловеческих ценностей; на оптимизацию взаимодействия личности и социума.

Принимая во внимание создание общеобразовательных пространств, становится очевидным, что избежать процесса глобализации образования невозможно, но государству необходимо тщательно взвешивать и анализировать все возможные выгоды и потери при формировании своей образовательной политики.

Список литературы:

Астафьева О.Н. Транснационализация культурного пространства: государство и проблемы координации коммуникативных стратегий: текст выступления на Международной конференции «Человек, культура и общество в контексте глобализации» (25–27 ноября 2005 г., Москва) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifarcom.ru/> (дата обращения: 10.06.2019).

Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма - ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.

Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Сапова. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 8-24.

Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.

Калугина Т.Н. Социокультурный контекст современного образования // Актуальные вопросы развития профессионализма заказчиков в системе закупок города Москвы: сб. науч. ст. / отв. ред. И.П. Гладилина. Чехов: Центр образовательного и научного консалтинга, 2016. С. 143-146.

Касаткин П.И. Ценностная аксиоматика образовательного пространства: дис. ... докт. филос. наук. М., 2018. 392 с.

Матецкая А.В. Социология культуры: учебное пособие. Ростов-на-Дону: РГПУ, 2006. 260 с.

Урсул А.Д., Романович А.Л. Устойчивое развитие, экологическая и устойчивая безопасность // Гос. служба. 2002. №6. С. 20-28.

Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. М.: Айрис-Пресс. 2004. 640 с.

Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon&Schuster, 1996. 367 p.

Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture .L.: Sage Publications, 1992. 221 p.

Smith A.D. Towards a Global Culture? // Theory, Culture and Society. 1990. №7. P. 171-191.

Об авторе:

Калугина Татьяна Николаевна – старший преподаватель кафедры английского языка №8 МГИМО МИД России. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Россия, 119454, Москва, Проспект Вернадского, 76. E-mail: tnk77@mail.ru.

EDUCATIONAL POLICIES PRIORITIES IN THE FRAME OF SOCIOCULTURAL GLOBALIZATION

Tatiana N. Kalugina

Abstracts. *the article raises the issue of cultural globalization within the framework of global information society. Now it is evident that the process of global society creation is justified and imminent so every nation is involved in the process to some extent. The fast-changing market terms have naturally affected the pace of political-economic and social development of various communities. Though at first the focus was on economic and political globalization now the issue of cultural globalization is gaining importance. Comparing different forecasts of possible aftermath of single global culture formation, the author stresses that the impact of means of communication on accelerating the pace of cultural interaction has been underestimated.*

The article also highlights a range of factors accounting for westernization of global culture at the turn of the millennium. However, over time it becomes obvious that globalization contributes to regionalization development, which being implemented in political and economic spheres, makes great implications on social and cultural institutions. Regionalization prevents further western culture dominance and westernization stops being the only possible variant of cultural globalization development. Education as a social institute is one of the key factors greatly influencing society development and it is also influenced by globalization processes. Reforms in the sphere of national educational systems are aimed at unification, standardization and finally integration. Although internationalization of education means maintaining and developing national system of education, in fact it is just the first stage of education globalization, which implies elimination of national systems of education for the sake of creating single global educational system. Thus, education globalization triggers stand-off between political-economic and social-cultural aspects of education.

Key words: *cultural globalization, cultural area, socio-cultural changes, national culture, mass culture, national systems of education, internationalization.*

References:

Astaf'eva O.N. *Transnatsionalizatsiia kul'turnogo prostranstva: gosudarstvo i problemy koordinatsii kommunikativnykh strategii: tekst vystupleniia na Mezhdunarodnoi konferentsii «Chelovek, kul'tura i obshchestvo v kontekste globalizatsii» (25–27 noiabria 2005 g., Moskva)* [Transnationalization of cultural space: the state and problems of coordination of communicative strategies: text of speech at the International conference «Man, culture and society in the context of globalization» (25–27 November 2005, Moscow)]. Available at: <http://www.ifapcom.ru/> (accessed 10 June 2019) (In Russian).

Bek U. *Chto takoe globalizatsiia? Oshibki globalizma - otvety na globalizatsiiu* [What is globalization? Errors of globalism - answers to globalization]. Moscow, Progress-Tradition, 2001. 304 p. (In Russian).

Berger P. *Kul'turnaia dinamika globalizatsii* [the Cultural dynamics of globalization]. *Mnogolikaia globalizatsiia. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire* [The many faces of globalization. Cultural diversity in the modern world] / ed. P. Berger, S. Huntington; translation from English V.V. Sapova. Moscow, Aspect Press, 2004. pp. 8–24 (In Russian).

Zamiatin D.N. *Kul'tura i prostranstvo. Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and space. Modeling of geographical images]. Moscow, Sign, 2006. 488 p. (In Russian).

Kalugina T.N. Sotsiokul'turnyi kontekst sovremennogo obrazovaniia [Socio-cultural context of modern education]. *Aktual'nye voprosy razvitiia professionalizma zakazchikov v sisteme zakupok goroda Moskvy: sb. nauch. st.* [Actual problems of development of professionalism of clients in the procurement system of the city of Moscow: collection of scientific works] / ed. I.P. Gladilina. Chekhov, Center for educational and scientific consulting, 2016. pp. 143-146 (In Russian).

Kasatkin P.I. *Tsennoznaia aksiomatika obrazovatel'nogo prostranstva*: dis. ... dokt. filos. nauk [Axiomatics of educational space. Dr. philos. sci. diss.]. Moscow, 2018. 392 p. (In Russian).

Matetskaiia A.V. *Sotsiologiia kul'tury: uchebnoe posobie* [Sociology of culture: textbook]. Rostov-on-don, RSPU, 2006. 260 p. (In Russian).

Ursul A.D., Romanovich A.L. Ustoichivoe razvitie, ekologicheskaiia i ustoichivaia bezopasnost' [Sustainable development, environmental and sustainable security]. *Gos. Sluzhba - Civil service*, 2002, no. 6, pp. 20-28 (In Russian).

Shpengler O. *Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoi istorii* [Decline of Europe: essays on the morphology of world history]. Moscow, Iris-Press, 2004. 640 p. (In Russian).

Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, Simon&Schuster, 1996. 367 p.

Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London, Sage Publications, 1992. 221 p.

Smith A.D. Towards a Global Culture? *Theory, Culture and Society*, 1990, no. 7, pp. 171-191.

About the Author:

Tatiana N. Kalugina – Senior Lecturer, English Department # 8, MGIMO University, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow 119454 Russian Federation. E-mail: tnk77@mail.ru.

КОНЦЕПТ ПРАЗДНИКА И ПЕРФОРМАНСА У НАРОДОВ ЕВРОПЫ

И.М. Шепелева

Аннотация. Концепт праздника уходит своими корнями в глубины истории. Значение праздника для простых людей заключалось в прерывании череды дней, наполненных монотонным трудом и заботами и получении обоснованного повода для смены занятий, отдыха и веселья. Широко отмечались, прежде всего, аграрные сезонные праздники, даты, связанные с религиозными событиями, а также события национального значения, военные победы, радостные семейные события. Во всех праздничных действиях присутствовали элементы перформанса: особые наряды участников, ритуалы и представления, носящие массовый характер.

У народов Европы исчисление времени было тесно связано с периодически проводимыми сезонными праздниками, носящими местный характер. Самыми древними празднествами являлись те, что были связаны с природой и сельскохозяйственными работами. Так, всегда отмечались наступление весны, сенокос, сбор урожая как основные вехи в жизни неразрывно связанных с природой людей. Затем, под влиянием церкви появились религиозные праздники, связанные с именами святых и отмечаемые более аскетично в бытовом плане, но несущие больший эмоциональный заряд в плане психической энергии толпы. Нередко они сопровождались массовой экзальтацией, ожиданием чуда, сакрального события.

Понятие празднования в сознании народа переплеталось с проведением определённого действия, представления или зрелища, вызывающего душевный подъём. Перформанс различных типов, от самых примитивных народных театральных и цирковых представлений на рыночных площадях в средние века до высокотехнологичных массовых зрелищ наших дней, является неперенным атрибутом праздничной атмосферы, выполняя важнейшую функцию консолидации всех зрителей и участников в едином эмоциональном настрое.

Ключевые слова: праздник, зрелище, событие, народ, природа, проводить, вызывать, мероприятие, возникновение, эмоциональный.

Глубокое и последовательное изучение вопроса появления и проведения различных праздничных мероприятий, связанных с народными зрелищами у народов Европы, выявило ряд общих черт и тенденций, позволяю-

щих сделать некоторые выводы обобщающего характера. Возникновение праздника, как социального события, связано с появлением у различных народов понятий о времени и календаре. Изобретение последнего послужило важной вехой

в культурном развитии каждого народа, так как календарное видение определённого временного отрезка свидетельствует о более полном и глубоком понимании цикличности природы и жизни человека. Тем не менее, календарное мышление различных этнических групп демонстрирует значительные различия в видении мира и осознании его основных законов.

Некоторые празднования исторически связаны с религиозными событиями, а также с народными легендами и верованиями. Праздник у всех народов – это временной отрезок, в течение которого происходят определённые торжественные действия, имеющие своей целью отметить в памяти народа важное национальное событие. Часто праздники имели сакральное (не бытовое, мифическое) значение и были связаны с культурной или религиозной традицией. Так, например, в одном из первых советских фильмов «Праздник святого Йоргена» была показана атмосфера религиозного праздника, во время которого толпы экзальтированных прихожан осаждали храм святого Йоргена в ожидании обещанного им пастырями чуда. Этим обстоятельством воспользовалась пара мошенников, укрывшихся в храме от преследующих их полицейских. Они устраивают представление чудесного исцеления святым Йоргом одного из них от паралича и, воспользовавшись безграничным восторгом масс от сотворённого на их глазах «чуда», успешно скрываются.

Концепт праздника позволяет многозначное толкование. Прежде всего, это исторически детерминированный день, связанный с обычаем, традицией, образом жизни определённой нации. Затем, это может быть день, официально установленный правительством страны как нерабочий в связи с исторической датой, знаменательным событием и другими причинами. Другое понимание праздника включает в себя массовые развлекательные действия, перформанс как некое представление, все участники которого имеют своей целью выразить определённую мысль или идею. И, наконец, радостное событие личного характера, вызыва-

ющее у человека яркие положительные эмоции и душевный подъём, желание разделить его с родными и близкими. В разговорной речи часто употребляются такие выражения, как «праздник духа», «праздник души», «праздник тела», «праздник жизни» и т.д.

В английском языке слово “holiday” (праздник, каникулы) наглядно демонстрирует связь данного понятия с его религиозным происхождением, так как «holy» имеет значение «святой». Однако понятие праздника в немецком языке выражается словом «Fest», «Feier», которые заостряют внимание на веселье, как неотъемлемой составляющей данного действия. То же мы видим во французском языке, где праздник ассоциируется, прежде всего, с процессом празднования и пиршества: «celebration», «lafete». В русском же языке это слово произошло от старославянского слова «праздынъ», что обозначает свободный от работы день.

М.М. Бахтин отмечал: «Празднество (всякое) – это очень важная первичная форма человеческой культуры. Её нельзя вывести и объяснить из практических условий и целей общественного труда или ... из биологической (физиологической) потребности в периодическом отдыхе. Празднество всегда имело существенное и глубокое смысловое, миросозерцательное содержание» [Бахтин, 1990]. Цивилизационное значение праздника состоит в том, что в его формате отражается объединяющая данный социум система духовных ценностей.

Я.Г. Шемякин в своей работе указывает, что хотя праздник, как особый культурный феномен, в целом характеризуется преобладанием социального начала над индивидуальным, с наступлением эпохи модерн начинает наблюдаться новая универсальная тенденция. Это «раздвоение некогда единой праздничной культуры, которое характеризуется включением в содержание данной культуры личного, индивидуалистического начала, ранее ей не свойственных, и в то же время утратой всенародной праздничности, распадом целостной чувственности» [Шемякин, 2001].

Праздник является необходимой составляющей жизненного процесса у всех без исключения народов мира. Недаром считается, что жизнь, лишённая радостей и праздников, является самым тяжёлым наказанием для человека. Вспомним легенду о Сизифе, обречённом на тяжёлый труд без права на передышку и удовлетворение от сделанной работы. Социальное время у всех народов мира включают в себя три категории:

- рабочие дни (будни);
- нерабочие дни (выходные);
- праздники.

Будни состоят из постоянного труда и череды рутинных действий, повторяющихся каждый день. Выходные – это регулярно случающиеся перерывы в беге повседневной жизни. Чередование будней и выходных способствует упорядочению жизненного цикла и позволяет создать некую перспективу на будущее. Основным содержанием повседневной жизни народа является постоянная и монотонная работа. В выходные дни у человека появляется определённое количество свободного времени на личные нужды и отдых. Этот перерыв в трудовой деятельности физиологически необходим для восстановления физической силы после череды тяжёлых будней.

Праздник же является особым элементом в структуре социального времени. Главная функция праздника – изменение духовного состояния человека, объединение разных по положению и характеру людей в едином радостном порыве. Различные по своему характеру праздники служат разным видам общественной интеграции. В общенародном празднике социальный аспект преобладает над личностными различиями. Психологи практически едины в своём мнении, что празднование в одиночестве в обществах, основанных на коллективистской культуре, является некомфортным и вызывает удивление и осуждение, ибо праздничные действия всегда требуют присутствия, участия других людей, являются совместным действием, общим переживанием.

Праздник распространяется от индивидуума к индивидууму: праздничное

настроение захватывает всех участников, подобно цепной реакции. Так, например, герой В. Шукшина в фильме «Калина красная», душа которого требует немедленного праздника, собирает для этой цели разношёрстную компанию совершенно незнакомых ему людей. В душе русского человека праздничное настроение должно быть поддержано окружающими, разделяющими и вносящими свою лепту в происходящее мероприятие.

С другой стороны, в обществе, проповедующем индивидуализм, возможна интерпретация праздника как сугубо личного действия. В качестве примера можно привести произведение Сомерсета Моэма «Театр», в конце которого главная героиня Джулия Ламберт, переживая острый момент личного триумфа на сцене и в личной жизни, скрывается от мужа и толпы восторженных поклонников и отправляется праздновать свою победу на театральных подмостках в ресторан в полном одиночестве.

Праздничная культура подразумевает временный отказ от принятых в данном обществе норм поведения, временный отход, стирание или переворачивание социальной иерархии. Т.Г. Аниконова в своей статье подчёркивает, что «именно художественно-игровой аспект праздника позволяет создать эмоциональный подъём, условия для человеческого контакта и, как следствие, каждому участнику праздника осознать себя частью целого, при этом уважая себя как творческую личность, причастную к процессу созидания [Аниконова, 2015].

Появляется понятие «праздничной свободы», то есть свободы как психологического состояния, как условного и временного упразднения неравенства, как свободы от забот и будничной суеты, но имеющей непродолжительный характер. Так, праздничные персонажи шуты и скоморохи пользовались свободой высказывать любые мысли, за которые в другое время могло последовать суровое наказание. Они не просто веселили людей, их шутки и прибаутки часто касались больших и малых проблем современного общества. Весёлые и меткие

слова бродячих шутов запоминались и быстро разлетались по окрестностям, вызывая ответ в широких массах.

А.И. Пиотровский утверждал, что в таком виде праздник был вызовом существующей социальной системе, которая в лице знати и церкви опасалась бунтарских настроений в народной среде и рядом крутых и жестоких мер стремилась укротить и приручить этот вечно бьющий родник огромной народной энергии и весёлого буйства простолюдинов. Соответственно, властные структуры постепенно осознали необходимость управления праздником как способом оказания влияния на общество. Организация праздника в настоящее время является чрезвычайно эффективным методом работы с массами, направления их энергии в определённые каналы. Сценарии праздников, разрабатываемые специалистами, включают в себя элементы развлекательности (концерты, представления или выступления знаменитостей), созерцательной пассивности (парады, салюты и т.д.), а также организуют людей для совместного проведения определённых действий, будь то шествие, конкурс или спортивное соревнование.

Праздничный перформанс высокого уровня и широкого охвата участвующих несёт в себе черты семейного праздника, так как именно семья является идеальной моделью интеграции всех членов общества. В этом случае он имеет своей целью приблизить управляющих к управляемым, правителей и элиту к простому народу. В качестве примера можно привести знаменательные события в жизни британской королевской семьи: свадьбы, рождения наследников, юбилеи, оформленные как общенациональные праздники, и неизменно вызывающие огромный подъём национального патриотизма среди всех слоёв английского общества, а также широкий интерес за рубежом.

Данные мероприятия тщательно продуманы заранее и предполагают включение значительной созерцательной части для народных масс при помощи телевидения и интернета, а также проведе-

ния таких традиционных мероприятий, как праздничные городские украшения, уличные гуляния с угощением и повсеместная продажа сувенирной продукции. В целом, подобные празднества являются не только успешными коммерческими акциями, но и в политическом плане способствуют укреплению авторитета британской монархии и росту национального самосознания.

Религиозные праздники, с другой стороны, имеют своей целью объединить прихожан церкви вокруг своих духовных пастырей в русле исповедуемой веры. Эти праздники уходят своими корнями глубоко в историю и являются в большей степени культовыми ритуальными действиями. Так, общими для большинства народов Европы являются празднования Рождества и Пасхи, имеющие не только христианскую основу, но и давно превратившиеся в национальные и общесемейные праздники. Масленица – один из наиболее значимых праздников в Европе. Традиция отмечать конец зимы и приход весны является общей для разных стран Европы, от России до Португалии. В странах Восточной Европы он выражается в массовых народных гуляньях с уличными театрализованными представлениями. В Западной Европе аналогом празднования восточнославянской масленицы стал карнавал – праздник, связанный с переодеваниями, маскарадами и красочными шествиями, отмечаемый перед Великим постом. В Португалии он восходит своими корнями к старинному празднику «энтрудо», который отмечался в конце зимы. Участники поливали друг друга водой, забрасывали яйцами и томатами, символически демонстрируя богатство и изобилие.

Первые карнавалы как периоды веселья и массовых развлечений с красочными маскарадными шествиями зародились в Италии, где раньше всего появились большие независимые города. Затем появились карнавалы в Испании, Португалии и Франции, позже всего – в Германии. Народно-праздничные формы гуляний обычно составляли вторую часть праздника, тогда как первая была

посвящена выполнению церковных ритуалов и имела, соответственно, более сдержанный характер.

С течением времени традиционные религиозные праздники во многих европейских странах утратили свою клерикальную окраску и стали частью повседневной жизни всех слоёв общества, тесно переплелись с семейной жизнью. Так, в Португалии праздник святого Антония является самым популярным национальным событием и считается у населения этой небольшой страны наилучшим временем для вступления в брак, так как полагают, что этот святой был покровителем семьи и помощником в рождении и воспитании детей. Молодые португальцы, независимо от их социального статуса и отношения к религии, прилагают огромные усилия для того, чтобы заключить свой брачный союз именно в этот день.

В наши дни появился новый вид празднований, имеющий чисто коммерческий, прикладной характер. Они организуются и используются бизнесом с исключительно утилитарной целью: сплотить массы потребителей вокруг своей марки товара или бренда, усилить его узнаваемость на рынке на фоне конкурентов и расширение потребительской базы. Тем не менее, данный подход к организации праздника не может быть успешным в принципе, так как в этом случае, несмотря на огромные материальные инвестиции и яркую внешнюю атрибутику, отсутствует естественное эмоциональное консолидирующее ядро данного мероприятия, привлекающее широкие массы и создающее должный настрой. Тем не менее, в случае совпадения традиционного праздника и коммерческого мероприятия происходит значительный синергетический эффект.

Стараниями целой армии маркетологов и рекламщиков в странах Европы произошла коммерциализация самого большого семейного праздника – Нового Года. Этот праздник традиционно связан с широким застольем и дарением подарков всем домочадцам, что представляет собой благодатную почву для коммер-

ческого воздействия на народные массы со стороны различных ритейлинговых компаний, развёртывающих рекламные кампании своей продукции задолго до новогодних огней.

В свою очередь, традиционные семейные праздники носят камерный характер, но также имеют основную функцию объединения членов семьи и родственников с целью отметить традиционную дату или радостное событие. Неслучайно члены семьи, находящиеся далеко от дома, всегда стремятся вернуться именно к празднику, чтобы оказаться в кругу близких людей за общим столом. Важную роль в семейных праздничных ритуалах играет потребление. Оно выражается в богатом и длительном застолье, подарках домочадцам и друзьям, а также праздничной одежде всех участников. Следовательно, праздники требуют долгой и тщательной подготовки, которая является необходимой прелюдией действия и способствует созданию соответствующего эмоционального накала.

Другой не менее важной функцией праздника является общая релаксация и временное освобождение от насущных проблем и забот. Он делает перерыв в рутинной жизни обычного человека, создаёт особый приподнятый настрой и даёт выход ярким эмоциям, находящимся под жёстким контролем в рабочее время. Таким образом, традиционные праздники могут считаться неотъемлемой частью духовной культуры и всей жизни любого народа. Они чужды искусственности и являются психологической необходимостью для процветания нации. В них раскрывается то, что поэтически описывается как «душа народа», что определяет их своеобразие. Они включают не только другую деятельность, но и другое состояние сознания, противопоставленное обыденности.

В истории человечества феномену празднества принадлежит особая роль, ибо это важная изначальная форма человеческой культуры. В своём труде И.И. Шангина считает, что время праздника считалось священным и было наполнено радостью, весельем, смехом,

развлечениями. Русские относились к празднику как к главному событию в круговерти человеческой жизни. «Мы целый год трудимся для праздника», «Жизнь без праздника, что еда без хлеба», – пишет она [Шангина, 2003]. В героических эпосах западноевропейского средневековья королевские пиры и праздники длятся от семи до тридцати дней. Если герой эпоса устраивает пир, то он будет длиться до тех пор, пока не будут исчерпаны все ресурсы.

В Древней Месопотамии празднование Нового года длилось целых 12 дней, и в эти дни людям строго-настрого запрещалось работать, различные социальные слои менялись ролями. На суд, наказания и казни в праздничные дни накладывалось строжайшее табу. Это был период своеобразной анархической вседозволенности. В российской истории первое упоминание о Москве появилось в летописях именно благодаря грандиозному празднику, который устроил князь Юрий Долгорукий в новом поселении на берегу реки Москва.

Народная жизнь, связанная с народной календарной обрядностью, проявлялась главным образом в совместных гуляниях и праздничных развлечениях. Так, у славян большое значение имели праздники, связанные с солнцем: масленица, праздник Ивана Купалы. Праздник всегда связан с игрой, а праздничная игра тесно связана с комическим представлением, карнавальным действием. Недаром на всех рыночных площадях Европы и России непременным праздничным развлечением являлось кукольное представление с участием традиционных персонажей, разыгрывавших простые жизненные сценки, в которых добро неизменно побеждало зло.

История проведения карнавалов в Европе своими корнями уходит в далёкое прошлое, во времена Древнего Рима. Собрав урожай, римляне во время зимнего солнцестояния устраивали пышные ежегодные праздники, почитая бога Сатурна (другое название карнавала – сатурналии). В городах проводились весёлые гуляния, а их отличием от других празд-

ников было то, что за одним столом в те дни могли находиться и хозяева, и их вассалы. Чтобы сословные предрассудки не испортили торжества, все участники венецианского карнавала прятали свои лица под масками. М.М. Бахтин указывает, что карнавал не знает разделения на исполнителей и зрителей, так как «карнавал не созерцают, в нём и живут все, потому что по идее своей он всенароден» [Бахтин, 1990].

Первые официальные упоминания о проведении карнавалов в Венеции относятся к XI столетию, а с XIII века они получают огромное распространение. Эти празднества утеряти определённую временную привязку и могли начинаться в октябре, достигая своего пика в канун Великого поста. Последняя неделя карнавала становилась его главной и самой яркой частью. В эти дни не существовало никаких правил и запретов. Всеобщее веселье сопровождалось музыкой, танцами и различными уличными представлениями, в которых отражались народные легенды и исторические события. К тому же, во время карнавалов проходили нескончаемые массовые пиры и гулянья, что ещё раз подчёркивало и усиливало радость людей от щедрых даров природы.

Однако масштабный народный праздник-карнавал в том классическом виде, в каком он был представлен в ряде западноевропейских стран (Португалия, Испания, Италия, Германия, Франция), не получил распространения в России в силу климатических, исторических и социальных причин. Аграрно-языческое празднество – источник карнавала, очень рано угасло в России в результате роста влияния русской православной церкви с её строгой обрядностью и моралью и давления централизованного государства на народные массы.

Не все русские праздники в равной степени были связаны с православным вероучением. Только часть из них непосредственно основана на догмах христианского учения и насаждалась церковью. Они были связаны преимущественно с памятными днями священной истории, как, например, праздник Благовещения,

праздник Рождества, праздник Крещения, Пасха, Вознесение и т.д. Сюда же относятся праздники, посвящённые церковным святым – Николин день, Петров день, Егорьев день, день Веры, Надежды, Любви и Софии и многие другие.

Однако ещё до того, как были введены эти праздники, существовали и обряды языческие (праздник зимнего солнцеворота, встреча весны, летнего равноденствия, праздник жатвы и другие). С ними церковь повела двоякую борьбу: частично путём проповедей и запрещений она пыталась их уничтожить, частично же приспособливала их к своим целям и приурочивала к праздникам церковного календаря. Это привело к тому, что в большие праздники народ соблюдал как церковные обряды, так и свои, старые, по происхождению своему языческие празднования.

В эти дни люди предавались безудержному веселью, что вызывало яростное сопротивление церкви не только потому, что она считала такое веселье и связанные с ним обычаи «эллинскими» (то есть языческими) и «бесовскими», но и потому, что человеческое проявление жизнерадостности противоречило церковному учению об аскетизме, послушании и смирении.

Еще во время обрядовых праздников придавали особое значение. Два раза в году – под Новый год и на Масленицу – поголовно всё население в меру своих средств приступало к приготовлению и поглощению как можно большего количества различных блюд. Такая неумеренность объяснялась поверьем, будто обилие еды в праздник обеспечивает изобилие на весь год. Это поверье распространялось не только на еду, но и на другие жизненные блага.

В качестве представлений на многих славянских языческих праздниках практиковались:

– хоровые поздравительно-заклинательные песни;

– обряды, связанные с культом растений – украшение ими домов, изготовление венков из цветов и растений и пускание их по воде, сопровождаемое гаданием;

– а также ритуальное срубание и уничтожение дерева.

К тому же славяне придавали огромное значение различным публичным манипуляциям с куклами и чучелами, наделяя их магическими свойствами и возможностью управления человеческими жизнями. Особенно ярко это проявилось в славянском обычае заканчивать масленичные гулянья сжиганием огромного соломенного чучела Масленицы как символа холодной и тёмной зимы. Этот весёлый обычай не только сохранился, но и широко практикуется в нашей стране в настоящее время.

Апофеозом языческих празднований на Руси, вызывающих наибольшее противодействие православной церкви, являлись обрядовые игрища и увеселения. К ним можно отнести святочные вечерки, гадания, ряжение в особую одежду, шествия с животными, различные состязания, представления, имитирующие свадьбу и похороны, а также очистительные обряды (купание, омовение) как конец празднеств [Пропп, 2004].

В нашем непрерывно изменяющемся мире праздник и фантазийное зрелище и действие являются важнейшими средствами социальной адаптации и культурного взаимодействия. Понятие праздника и его проявлений является по сути неисчерпаемым. Потребность человека во временном отрыве от рутинного будничного существования не могла не быть реализована в формате праздничного эмоционального всплеска. Именно праздник есть тот фокус, в котором сосредоточивается большая часть обычаев, обрядов, поверий данного народа, его менталитет и живая душа.

Список литературы:

Аниконова Т.Г. Театрализованное представление как зрелищная составляющая праздника // Наука. Искусство. Культура. 2015. №4(8). С. 5-14.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.

Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). М.: Лабиринт, 2004. 174 с.

Шангина И.И. Русский народ. Будни и праздники. Энциклопедия. СПб.: Азбука-Классика, 2003. 560 с.

Шемякин Я.Г. Праздник как историко-культурный феномен: мир идеала и реальность власти. М.: Наука, 2001. 153 с.

Об авторе:

Шепелева Ирина Михайловна – к.филол.н., доцент кафедры английского языка №2 МГИМО МИД России, Москва. Сфера научных и профессиональных интересов: общее и сравнительное языкознание, лингвокультурология, лингвострановедение, литературоведение. E-mail: irene-shepeleva@yandex.ru.

CONCEPT OF HOLIDAY AND PERFORMANCE WITH PEOPLES OF EUROPE

Irina Shepeleva

Abstracts. *The concept of holiday is deeply rooted in European cultures. The importance of a holiday for ordinary people consisted in breaking up the monotonous row of workdays filled with toil and care and having a good reason for change, rest and fun. All peoples traditionally kept count of the time by using local holidays as milestones. The most ancient of them were closely connected with nature and agriculture. Peasants always celebrated coming of spring, haymaking, harvesting as main events in their rural life. Later, due to growing influence of church on everyday life there appeared more austere and emotionally charged religious holidays. Quite often they were accompanied by exaltation of the crowd expecting miracles or some sacral events. Celebration in peoples' mentality was associated with some action, performance or heartwarming spectacle. Various types of performance, starting from folk theatrical and circus events in medieval market places to present day mass high tech attractions are the inherent elements of festive atmosphere. They carry out the primary function of consolidating all viewers and participants in a single emotional impulse. The great significance of this social phenomenon has always been recognized by the rulers and skillfully used for strengthening their power.*

Key words: *holiday, spectacle, event, people, nature, carry out, cause, undertaking, appearance, emotional.*

References:

Anikonova T.G. Teatralizovannoe predstavlenie kak zrelishchnaia sostavliaiushchaia prazdnika [Theatrical performance as a spectacular part of the feast]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura - Science. Art. Culture*, 2015, no. 4(8), pp. 5-14 (In Russian).

Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura Srednevekov'ia i Renessansa* [Creativity of François Rabelais and folk culture of the middle Ages and Renaissance]. Moscow, Artistic literature, 1990. 543 p. (In Russian).

Propp V.Ia. *Russkie agrarnye prazdniki: (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniia)* [Russian agricultural holidays: (Experience of historical and ethnographic research)]. Moscow, Labyrinth, 2004. 174 p. (In Russian).

Shanginal.I. *Russkii narod. Budni i prazdniki. Entsiklopediia* [Russian people. Weekdays and holidays. Encyclopedia]. Saint-Petersburg, Classic Alphabet, 2003. 560 p. (In Russian).

Shemiakin Ia.G. *Prazdnik kak istoriko-kul'turnyi fenomen: mir ideala i real'nost' vlasti* [Holiday as a historical and cultural phenomenon: the world of the ideal and the reality of power]. Moscow, Science, 2001. 153 p. (In Russian).

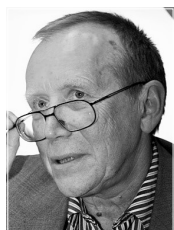
About the Author:

Shepeleva Irina Михайловна – PhD in Philology, Assistant Professor of Department of Foreign Languages, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: general and comparative linguistics, cultural linguistics, country study, literary criticism. E-mail: irene-shepeleva@yandex.ru.

ТИТАНЫ И ГЕНИИ В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ю.П. Симонов-Вяземский

Аннотация. Метатрадиция западной культуры, раскрывая себя в феномене мировой литературы, может быть описана через коммуникативное взаимодействие выдающихся личностей – творцов, чьими духовными усилиями создаются литературные произведения, которые оставили след в национальной и мировой культуре. Титаны – те, кого можно было бы называть титанами подобного творческого процесса, создатели отдельных школ и направлений, оказавших масштабное влияние на людей по всему миру. Вокруг титана обычно складывается школа его последователей, куда можно отнести даже тех, кто не вполне отдаёт себе отчёт в том, что стоят на их плечах.

Вместе с тем, титаны – не просто одиночки, чьими усилиями рождается бытие культуры. Внимательный анализ исторических данных убедительно показывает, что титан не появляется на голом месте. Прежде, чем он возникнет как бы из ничего, в культуре происходит не всегда заметная, но очень важная и кропотливая работа. Её проводят гении – люди, чья творческая одарённость создаёт питательную почву для рождения нового, ранее не бывавшего. Титаны, впитывая соки культурной почвы, способны на этой основе создать принципиально новый, ранее не присутствовавший в культуре археобраз, воплотить в нём новый архепарадокс. В Древней Греции такими трёхликими титанами были Эсхил, Софокл и Еврипид, а также Платон. В Европе Нового времени в широком смысле слова – Данте, Сервантес и Гёте. В России – Толстой и Достоевский. Углубление в дискуссию о роли и месте названных персоналий в истории мировой литературы показывает их особую роль в западной культурной метатрадиции и глубочайшее влияние на пути развития мировой культуры.

В мировой литературе, созданной титанами, всегда присутствует великий парадокс, великие вопросы, великая тайна человека. Там присутствует эта трепетная дрожащая тварь между добром и злом, которая непонятно что есть.

Ключевые слова: метатрадиция, западная культурно-религиозная метатрадиция, мировая литература, титаны мировой литературы, гении мировой литературы.

Как известно, в философии и истории культуры существует такое понятие, как метатрадиция. Обычно выделяют две метатрадиции – западную и восточную. Однако точнее говорить о трёх культурно-религиозных

метатрадициях. Это, во-первых, западная метатрадиция, основой которой является Греция; во-вторых, южная метатрадиция – Персия, Египет, Вавилон; в-третьих, восточная метатрадиция, основой которой является Китай.

Метафорически можно представить три склона великой горы, по которой идёт восхождение человечества. На западном склоне всё ведёт к христианству и дальше, на южном склоне метатрадиция ведёт к исламу, а восточная культурно-религиозная метатрадиция ведёт вначале к даосизму, потом к буддизму, и уже отсюда идёт движение дальше.

Гора едина, поэтому и литературы, которые произрастают на этой почве, со временем вступают в более тесный контакт между собой. На это впервые обратил внимание великий Гёте, который первым заговорил о мировой литературе [Иванова, 2015: 61-64]. Не факт, что такого взаимопроникновения не было раньше, возможно, на него просто не обращали внимания, или просто ещё не сформировались достаточно развитые школы литературных исследователей, чтобы поставить подобный вопрос. Напротив, сегодня изучение феномена мировой литературы в различных аспектах – одно из ключевых направлений исследований различных профилей, от сугубо литературоведческих до философских [Gálík, 2000: 1-8; Thornber, 2016: 107-118; Baggesgaard, 2016: 466-483; Locane, 2019; Bender, 2016: 261-275].

На западном склоне, то есть в западной культурно-религиозной традиции, были свои титаны и свои гении, и разница между ними следующая: титан создаёт новое литературное мышление, а гений – нет. Довольно трудно определить, что такое «новое литературное мышление», однако можно выделить несколько его ключевых характеристик. Прежде всего, с помощью такого мышления создаётся новый археобраз (в каком-то смысле по той же модели, что и архетип). Далее, этот археобраз, запущенный в литературный оборот, начинает жить собственной жизнью, то есть начинает использоваться и трактоваться другими сочинителями, другими литературными исследователями, другими поэтами и писателями. Вот появилась Медея – и живёт, появился Орест или Орфей – и живут. В литературе, в живописи, в скульптуре. И, наконец, третий (и самый показательный) пара-

метр титана мировой литературы, – то, что отличает его от национального гения: благодаря новому литературному мышлению, новому археобразу, возникаю новые литературные школы.

И здесь уже можно чётко проследить: появились крупные писатели, крупные поэты, иногда очень знаменитые («национальные гении»), которые говорят: «я учился у того-то», «он мой учитель». То есть сложились школы, основанные титанами, и их наличие можно легко опознать благодаря свидетельствам их учеников, в то время как у гениев подобная школа либо вообще отсутствует, либо она достаточно ограничена (например, носит национальный характер).

Конкретные примеры. Первые титаны литературы, которых можно найти в Древней Греции – Эсхил, Софокл и Еврипид. Точнее – это один трёхликий титан, потому что каждого по отдельности назвать титаном мировой литературы сложно. Зато вместе они создают один мир и один в широком смысле театр археобразов. Второй титан мировой литературы из Древней Греции – это Платон, и он тоже трёхлик – это титан философии, богословия и прозы. Достаточно прочесть диалог Платона «Пир», чтобы понять, что это принципиально новая литература, в которой создаются совсем другие образы [Тахо-Годи, 1979: 58-82]. И, наконец, третий титан – это Аристофан, благодаря которому родилась школа комедии [Гаспаров, 1983: 303-311; Лосев, 2005; Аверинцев, 1996].

От Греции линия культурной преемственности ведёт в Европу. В Средневековье здесь господствуют те образцы и парадоксы, которые идут из христианства, и речь, таким образом, идёт не о титанах, а о свертитанах или святых, которые потом освящают весь путь западной культуры. В это время рождаются темы и те образы, которые затем входят в сознание её носителей настолько плотно, что практически неустранимы из контекста, даже когда на них не ссылаются. Эти темы звучат, эти вопросы ведут – вперёд или назад; они возрождают или убивают, – но при этом они определяют

систему культурных координат на тысячелетия вперёд [Аверинцев, Гаспаров, 1986].

С началом Нового времени можно говорить о «привязке» литературных процессов к рождающимся национальным литературным языкам и отдельным странам: у каждой страны по одному титану. Италия – это Данте и связанная с ним колоссальная литературная школа. Даже те сочинители, кто не ссылается на Данте, воспринимаются здесь как его ученики и последователи. Англия – это Шекспир и созданный им совершенно особый образный мир. Испания – Сервантес, который, кроме всего прочего, создаёт первый европейский роман [Кожин, 1963: 136-188]. Германия – Гёте с его удивительным художественным миром, с непонятным сочинением «Фауст», где трудно определить, что это: поэма, которая не читается, или драма, которая не играется. С французами есть большая сложность, я пока не могу найти там титана. Хотя если бы мне на помощь пришёл Михаил Михайлович Бахтин, то он бы, наверное, сказал, что это Рабле [Бахтин, 2017]. С моей точки зрения, Франция скорее представляется как конгломерат очень сильных гениев, которые на корню перевернули литературный мир, не предложив что-то совершенно новое, как это сделали Данте, Шекспир, Сервантес и Гёте.

Что касается России, здесь два титана мировой литературы с колоссальной школой – Толстой и Достоевский [Коваленко, 2015: 97-108]. Многие писатели на «западном склоне» говорят: «Я учился у Толстого». Если же обратиться, например, к скандинавской художественной культуре, то практически каждый выдающийся писатель называет своим учителем Достоевского; в их числе, например, швед А. Стриндберг и норвежец Г. Ибсен. И, наконец, «половинка» титана – это Чехов. «Половинка» – потому, что если взять Чехова как прозаика, то трудно сказать, кто у него учился из зарубежных сочинителей. Мы не наблюдаем у него зарубежных школ, потому что за рубежом есть другие школы: Мериме,

Флобер, Мопассан, английские сочинители, которые ничуть не хуже Чехова, а в чём-то даже лучше. Но если мы коснёмся его знаменитых четырёх пьес, его театра, то любой мало-мальски образованный европеец вынужден будет признать, что, конечно, весь европейский театр XX века – и английский, и немецкий, и французский – вырос из Чехова. То есть он безусловно титан. Но титан только для театра. Таким образом, точнее будет сказать, что в России не два, а два с половиной титана.

Помимо титанов есть гении. И самое интересное – есть национальные гении. Кто это? Если посмотреть на горы – Эверест, Монблан, Эльбрус, Казбек, – то увидим, что горы в основном располагаются в горной стране, где их существование как бы подготовлено: сначала идут холмы, потом, потом небольшие горы, и только потом возникают титаны – Эльбрус, Эверест и т.д. Так и в литературе: чтобы появился титан, для него надо подготовить почву, надо её «всхолмить». Для этого должен быть создан великий национальный литературный язык. Что касается греков, здесь прошло много «литературных» веков прежде, чем появились триликие титаны Эсхил, Софокл и Еврипид: были те, кто всё это готовил, кто делал театр и в VI в. до н.э., возможно даже раньше, в VII в. до н.э. То есть и Эсхил, и Софокл, и Еврипид пришли на подготовленную почву, не говоря уже о том, что все они ссылались на Гомера. Гомер тоже, безусловно, титан мировой литературы, но он так далёк от нас во времени, что его фигура стала почти мифологической: мы не знаем точно ни кто он, ни где он, ни когда он. Эсхил, Софокл, Еврипид называли его просто «Поэт» с большой буквы. У нас, безусловно, такой поэт – это Пушкин. К нему мы ещё вернемся.

Интересно, что (например) Данте сам ссылается на двоих своих предшественников, о которых нам мало что известно и от которых до нас мало что дошло: Гвидо Кавальканти и Гвидо Гвиницелли. Именно они подготовили стиль «дольче нуово», «новый сладостный стиль», на котором Данте возрос и на котором он

вознёся, и на котором возникла гора Чистилище, по которой он стал восходить в своей бессмертной комедии к Раю [Гончарова, 2016: 40-42; Володина, 2004].

То же самое мы наблюдаем в Англии: это так называемые «университетские умы», из которых самый яркий, наверное, Кристофер Марло [Cheney, 2004]. Отсюда, кстати, возникает потом и пресловутый шекспировский вопрос. Говорят: вот они-то люди с университетским образованием, а он-то без, так что скорее всего он ничего и не написал, а написали за него, наверное, какие-то другие люди. Подобные домыслы питаются недопониманием характера и возможностей протекания литературного процесса: почва языка и культуры ко времени Шекспира уже была подготовлена, ему не нужно было университетское образование, он «взял» его уже готовым.

И Сервантес в Испании, и Гёте в Германии также пришли на уже подготовленную литературно-языковую почву, где уже существовали великий испанский и великий немецкий язык. Перед этими титанами не стояла задача, которая стояла перед несчастным Александром Сергеевичем Пушкиным. Вот он пришёл в мировую литературу, а до него языка не было. То есть он был, но был недостаточно подготовлен для того, чтобы возник титан мировой литературы. Были, конечно, Карамзин и Жуковский. Но если вы будете читать раннего Пушкина, то увидите, что язык этих произведений не достоин того языка, на котором потом будет писать поздний Пушкин, и Лермонтов, и Гоголь.

По поводу Пушкина у меня как-то возник спор с моим замечательным коллегой, профессором Ирвином Вайлем, славистом из Северо-Западного университета США. Он мне объяснял, что я ничего не понимаю, что Пушкин, безусловно, титан мировой литературы [Davie, 1965; Weil, 1967: 220-222]. И, кстати, профессор Вайль сказал, что если бы Достоевский услышал, что я говорю, что назвал Достоевского титаном, но не включил в это перечень Пушкина и Гоголя, мне бы от Достоевского сильно досталось. Он бы

сказал, что все его произведения не стоят одной повести Пушкина. Да, дорогие друзья, мне бы досталось от Достоевского, но всё равно это не нарушает мою картину мира: если мы возьмём школу мировой литературы, то на Гоголя здесь мало кто ссылается. Да и непонятно, зачем ссылаться, когда есть, например, Гофман.

Пушкин и Гоголь, эти великие люди, создавали удивительный богатейший русский литературный язык [Силантьева, 2014: 62-67]. Язык, породивший 2,5 титанов русской литературы – Толстого, Достоевского и Чехова. Профессор Вайль говорил мне: «Юрий, вы просто не понимаете, поэзия непереводаима. Поэтому западные коллеги не в состоянии понять и оценить Пушкина, потому что невозможно перевести поэзию». На что я ему возражал: да, конечно, поэзия непереводаима, и невозможно перевести Данте в той глубине, которую он нам предлагает, особенно «Рай». Но, однако, все признают Данте. Потому что «земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу» – и сразу создаётся глубочайший археобраз. А если мы возьмем удивительного и обожаемого мною Пушкина?

«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты ...»

Это удивительная музыка, удивительная красота, поэзия, но она сугубо языковая: попробуйте это перевести, и у вас ничего не получится: там нечего переводить ни на английский, ни на французский, ни на немецкий! Там вся красота, вся божественность заключается в игре *этой* речи, там нет ни земной жизни, ни сумрачного леса, там не возникают образы. Великая драма «Борис Годунов» переведена на английский – сразу возникает вопрос: а зачем мне это нужно, если основная идея, основной парадокс, который оттуда извлекают:

«О, совесть лютая,
как тяжко ты караешь! ...»

Здесь и стремление к власти, и расплата за то, что ты совершил преступление, «ежели на тебе пятно единое случайно завелось». Но зачем читать эту

специфически русскую драму, когда за-долго до неё была написана глубочайшая драма под названием «Макбет»? То есть, по большому счёту, тем людям, которые интересуются русской литературой, русским языком – это может быть интересно. А для других есть другие сочинения. Профессор Вайль со мной категорически не соглашался, но чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что дело не в непереводимости поэзии, а в том, что там, где титаны, там должны быть археобразы и архепарадоксы.

Мы уже говорили о трёх видах познания [Симонов-Вяземский, 2018а: 124-131] и о том, что наука после себя оставляет параметр, по которому можно идти дальше; развитие религиозного сознания должно породить парадигму, парадокс – то есть пример для подражания. А великое искусство, тем более искусство титана, оставляет после себя парадокс [Симонов-Вяземский, 2018б: 7-18; Симонов-Вяземский, 2018в: 7-14]. И чем глубже, неразрешимее и страшнее парадокс, тем дольше он живёт в литературе, потому что каждый век на него отвечает по-своему, потому что у парадокса нет однозначного ответа. И в этом величие литературы. Именно таким образом её переводят последующие сочинители.

В этом плане очень показателен следующий пример. Однажды замечательный поэт В. Берестов рассказывал мне о своей беседе с Анной Ахматовой, где она, в свою очередь, вспоминала свою беседу с Пастернаком. Анна Андреевна сказала Борису Леонидовичу, что со времён «Фауста» прошло полтора века, мир изменился, и в нашей литературе она видит только одного человека, который бы мог написать современного «Фауста», и это Пастернак. Пастернак согласился:

--Хорошо. Я переведу «Фауста».

– Вы меня не поняли, Борис Леонидович, вы можете написать нового «Фауста», это будет совершенно новый «Фауст»!

– Анна Андреевна, я вас прекрасно понял. Я его *переведу*.

И он перевёл. Его переводы – самые лучшие, но их не надо читать, если вы хо-

тите проникнуть в метафорику оригинала. Классический пример – знаменитые слова Гамлета, которые Пастернак божественно перевёл, все цитируют именно его перевод:

«Порвалась дней связующая нить.

Как мне обрывки вновь соединить?»

Удивительная красота! Удивительный образ, удивительный, если хотите, парадокс. Но у Шекспира нет ничего подобного. У него:

The time is out of joint – O cursed spite,
That ever I was born to set it right!

Что в моём почти точном переводе звучит так:

«Век выбит из сустава. В том прокля-
тые,

Что этот вывих вынужден вправлять
я».

Выдающийся переводчик Шекспира В.В. Морозов [Морозов, 1954а: 333-435; Морозов, 1954б: 93-148] доказал: во времена Шекспира театр был общественным местом, куда ходил в основном простой народ. «Приличные» люди ходили туда в масках. С этим связана мода на метафоры. Поскольку тогда активно развивалась медицина, в ходу были медицинские метафоры, и как раз такая метафора перед нами: The time is out of joint – то есть время выскочило из – joint – сустава. А Пастернак перевёл в соответствии с XX веком, в соответствии со своим гением: «Порвалась дней связующая нить...».

Важно и то, что титан вообще-то определяется не сразу – надо, чтобы время прошло – лет сто, а иногда и сто пятьдесят. Шекспира оценили через сто пятьдесят лет (первую скрипку в этом сыграл Гёте, хотя уже его предшественники обратили внимание на английского сочинителя). Но, ещё раз, Шекспир долгое время оставался в полном забвении, зато потом оказался востребован всюду, включая Южную Африку [Thurman, 2016: 2]. Для гениев тоже нужен интервал, просто меньший. Пушкин – национальный гений, но тоже был период, когда он был забыт.

А судьи кто? Судьи – это как раз и есть литература. Например, Еврипида поначалу никто не переваривал, со времен

Древней Греции он всех раздражал, потому что вёл себя в театре совершенно безобразно: поучал, философствовал, строил какие-то невообразимые сюжетные ходы. Однако со временем наступил момент, когда люди поняли, что Еврипид чрезвычайно интересен.

Или появляется Пушкин и говорит: когда читаешь Шекспира, то возникает ощущение, что ты смотришь в бездну. Кстати, сама биография Пушкина в этом плане очень интересна, видна динамика его роста. Детство – это они вместе с сестрой увлекаются Мольером, они живут Мольером, они все в Мольере. Это кумир, это мастер. Может быть даже гений, но не национальный, по моей классификации. Потом наступает момент, когда Пушкин вырастает и даёт Мольеру довольно точную характеристику: по его мнению, у Мольера персонажи всегда выходят на сцену в маске, которую не снимают. То есть скупой у него всегда скупой, умный – всегда умный, дурак остаётся дураком от начала и до конца, то есть нет динамики раскрытия образа.

Пушкину этого уже не хватает, и у него появляется другой кумир – Байрон. Байрон – национальный гений, вне всякого сомнения. Причём Пушкин настолько им пропитывается, что – попробуйте перевести «Евгения Онегина» на английский язык – получится Байрон. Набоков пытался – ничего не вышло. Читаешь Байрона – очень хорошо «переварен», но не до конца. А потом уже в михайловской ссылке Пушкин начинает работать над «Борисом Годуновым», и вот тогда уже сам становится национальным гением. Он начинает читать Шекспира, уходит от Байрона, Байрон становится ему слишком мелок для той глубины, на которую он восходит, и тогда появляется эта замечательная фраза: когда читаешь Шекспира, то смотришь в бездну. Вот такой показатель моей градации гениев – национальный гений – титан.

Ну и наконец, к сожалению, или к счастью, мои размышления показывают, что титаны появляются тогда, когда наступает золотой век, и что в жизни на-

ции и национально-религиозной культуры это пока бывало только один раз. И Данте был один. И Шекспир был один. И Сервантес был один. И у нас был удивительный золотой век, когда появилось 2,5 титана мировой литературы, которых сейчас исполняют везде, даже в Японии. Другое дело, что в Японии, если тебе не сказали, что идёт постановка «Идиота» или «Братьев Карамазовых», ты никогда не поймёшь, что это они, потому что японцы видят эти образы по-своему, всё переваривается и превращается в японскую кухню. Поль Валери когда-то гениально сказал, что лев – это, прежде всего, хорошо переваренный баран. Это высказывание очень подходит, на мой взгляд, для того, чтобы анализировать заимствования в мировой культуре.

Во-первых, лев – достойное животное. Во-вторых, именно *хорошо переваренный* баран, ибо когда это всё плохо переваривается, то не происходит заимствование, а происходит варваризм. Отсюда вывод: в русской литературе больше золотого века не будет; да, собственно, и серебряный закончился, и давно. Но остались другие национальные культуры, которые, возможно, дадут нам новых титанов. Очень хорошая почва, например, есть в Латинской Америке. В мировой литературе, созданной титанами, всегда присутствует великий парадокс, великие вопросы, великая тайна человека. Там присутствует эта трепетная дрожащая тварь между добром и злом, которая непонятно что.

Повторю, для меня золотой – это тот век, который возникает в национальной литературе вокруг титана, а титан – это человек, который, прежде всего, создаёт образы, точнее – археобразы. Создаёт за счёт того, что ставит парадоксальные вопросы, которые потом начинают звучать в художественном сознании не только у себя на родине, но и в смежных странах, и в общем в мировой литературе. Потому что, чем дальше движется человечество, тем насыщеннее взаимодействие между литературами и культурами.

Список литературы:

- Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. 447 с.
- Аверинцев С.С., Гаспаров М.Л. Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М.: Наука, 1986. 255 с.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Litres, 2017. 690 с.
- Володина И.П. Итальянская традиция сквозь века: из истории итальянской литературы XVI-XX вв. СПб.: СПбГУ, 2004. 259 с.
- Гаспаров М.Л. Литература европейской античности: Введение // История мировой литературы в 9 томах: Том 1. М.: Наука, 1983. 584 с. С. 303-311.
- Гончарова А.А. Вклад Данте Алигьери в формирование современной лингвистической философии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 1 (70). С. 40-42.
- Иванова Л.А. Понятие «мировая литература» в сравнительном литературоведении Германии // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. № 4-1 (87). С. 61-64.
- Коваленко О.А. Западная рецепция русской литературы XIX века: Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 97-108.
- Кожин В.В. Происхождение романа. М.: Советский писатель. 1963. 440 с.
- Лосев А.Ф. Античная литература. Учебник для высшей школы. 7-е изд. М.: ЧеРо, 2005. 543 с.
- Морозов М.М. Вильям Шекспир. Трагедия о Гамлете, принце датском (перевод М. Морозова) // Морозов М.М. Избранные статьи и переводы. М.: ГИХЛ, 1954а. 596 с. С. 333-435.
- Морозов М.М. Язык и стиль Шекспира // Морозов М.М. Избранные статьи и переводы. М.: ГИХЛ, 1954б. 596 с. С. 93-148.
- Силантьева М.В. Русский язык в «имперском» формате»: «золотой век» русской литературы и культуры как источник современной российской ментальности / Русское культурное пространство. 2014. С. 62-67.
- Симонов-Вяземский Ю.П. Антропологическое измерение концептуализации языков познания в современной культуре // Гуманитарный вектор. 2018а. Т. 13. № 3. С. 124-131.
- Симонов-Вяземский Ю.П. Очень хорошо, если у вас есть своя доминантная комната // Концепт: философия, религия, культура. 2018б. № 2 (6). С. 7-18.
- Симонов-Вяземский Ю.П. Человек – существо девятимерное // Концепт: философия, религия, культура. 2018в. № 1(5). С. 7-14.
- Тахо-Годи А.А. Миф у Платона как действительное и воображаемое / Платон и его эпоха. М.: Наука, 1979. 318 с. С. 58-82.
- Baggesgaard M.A. Precarious Worlds: Danish Colonialism and World Literature // Journal of World Literature. 2016. Vol. 1. No 4. P. 466-483.
- Bender M. Ethnic Minority Literature / A Companion to Modern Chinese Literature. edited by Yingjin Zhang. UK: John Wiley & Sons, Ltd. 2016. P. 261-275.
- Cheney P. The Cambridge Companion to Christopher Marlowe. UK.: Cambridge University Press, 2004. 338 p.
- Davie D. Russian Literature and Modern English Fiction: A Collection of Critical Essays. USA: Univ. of Chicago Press, 1965. 244 p.
- Gálík M. concepts of World literature, comparative literature, and a Proposal // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2000. Vol. 2. No 4. P. 1-8.
- Locane J.J. De la literatura latinoamericana a la literatura (latinoamericana) mundial: Condiciones materiales, procesos y actores. Vol. 3. Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2019. 253 p.
- Thornber K.L. Why (Not) World Literature: Challenges and Opportunities for the Twenty-First Century // Journal of World Literature. 2016. Vol. 1. No 1. P. 107-118.

Thurman C. Introduction: Generation S: «Southern» Shakespeares across Time and Space / South African Essays on 'Universal' Shakespeare. Ed. Thurman C. L.-N.Y.: Routledge, 2016. 207 p. P. 1-18.

Weil I. Russian Literature and Modern English Fiction: A Collection of Critical Essays by Donald Davie // The Slavic and East European Journal. 1967. Vol. 11. № 2. P. 220-222.

Об авторе:

Российской Федерации, к.и.н.к, профессор, заведующий кафедрой мировой литературы и культуры МГИМО МИД России. Москва, 119454, пр. Вернадского, 76.
E-mail: kfmgimo@gmail.com.

TITANS AND GENIUS IN WORLD LITERATURE

Yu.P. Simonov-Vyazemsky

Abstracts. *The meta-tradition of Western culture, revealing itself in the phenomenon of world literature, can be described through the communicative interaction of prominent personalities - creators, whose spiritual efforts create literary works that have left their mark on national and world culture. Titans are those who could be called titans of a similar creative process, the creators of individual schools and trends that have had a large-scale impact on people around the world. There is usually a school of his followers around the tyrant, where even those who are not fully aware of the fact that they stand on their shoulders can be attributed.*

At the same time, the titans are not just singles, whose efforts give birth to a culture. A careful analysis of historical data convincingly shows that titanium does not appear in a bare place. Before it arises as if from nothing, there is not always noticeable, but very important and painstaking work within the culture. It is carried out by geniuses - people whose creative talent creates a nourishing ground for the birth of a new, not previously experienced. The Titans, absorbing the juices of the cultivated soil, are able on this basis to create a fundamentally new, previously not present in the culture, arche-image, to embody in it a new arche-paradox. In ancient Greece, such three-faced titans were Aeschylus, Sophocles, and Euripides, as well as Plato. In Europe, the New Age in the broad sense of the word - Dante, Cervantes and Goethe. In Russia - Tolstoy and Dostoevsky. The deepening of the discussion on the role and place of these personalities in the history of world literature shows their special role in Western cultural metatradition and the deepest influence on the development of world culture.

In the world literature created by the titans, there is always a great paradox, great questions, great mystery of a man. There is this quivering trembling creature between good and evil, which is unclear what.

Key words: *metatradition, western cultural and religious metatradition, world literature, titans of world literature, geniuses of world literature.*

References:

Averintsev S.S. *Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj traditsii* [The rhetoric and origins of the European literary tradition]. Moscow, Iazyki russkoj kul'tury, 1996. 447 p. (In Russian).

Averintsev S.S., Gasparov M.L. *Problemy literaturnoj teorii v Vizantii i latinskom srednevekov'e* [Problems of literary theory in Byzantium and the Latin Middle Ages]. Moscow, Nauka, 1986. 255 p. (In Russian).

Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renessansa* [Creativity Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Litres, 2017. 690 p. (In Russian).

Volodina I.P. *Ital'ianskaia traditsiia skvoz' veka: iz istorii ital'ianskoï literatury XVI-XX vv.* [Italian tradition through the centuries: from the history of Italian literature of the XVI-XX centuries]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University, 2004. 259 p. (In Russian).

Gasparov M.L. Literatura evropeïskoï antichnosti: Vvedenie [Literature of European Antiquity: Introduction]. *Istoriia mirovoï literatury v 9 tomakh: Tom 1* [History of world literature in 9 vol.: Vol. 1]. Moscow, Nauka, 1983. pp. 303-311 (In Russian).

Goncharova A.A. Vklad Dante Alig'eri v formirovanie sovremennoï lingvisticheskoi filosofii [Dante Alighieri's contribution to the formation of modern linguistic philosophy]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta - Bulletin of Cherepovets State University*, 2016, no. 1 (70), pp. 40-42 (In Russian).

Ivanova L.A. Poniatie «mirovaia literatura» v sravnitel'nom literaturovedenii Germanii [The concept of "world literature" in comparative literature in Germany]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Iaroslava Mudrogo - Bulletin of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University*, 2015, no. 4-1 (87), pp. 61-64 (In Russian).

Kovalenko O.A. Zapadnaia retseptsiia russkoï literatury XIX veka: F.M. Dostoevskii i L.N. Tolstoi [Western reception of Russian literature of the XIX century: F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy]. *Kul'tura i tsivilizatsiia - Culture and Civilization*, 2015, no. 6, pp. 97-108 (In Russian).

Kozhinov V.V. Proiskhozhdenie romana [The origin of the novel]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1963. 440 p. (In Russian).

Losev A.F. *Antichnaia literatura. Uchebnik dlia vyssheï shkoly. 7-e izd.* [Ancient literature. Textbook for high school. 7th ed.]. Moscow, CheRo, 2005. 543 p. (In Russian).

Morozov M.M. Vil'iam Shekspir. Tragediia o Gamlete, printse datskom (perevod M. Morozova) [William Shakespeare. The tragedy of Hamlet, the prince of Danish (translated by M. Morozov)]. *Morozov M.M. Izbrannye stat'i i perevody* [Morozov M.M. Selected articles and translations]. Moscow, GIHL, 1954a. pp. 333-435 (In Russian).

Morozov M.M. Iazyk i stil' Shekspira [The language and style of Shakespeare]. *Morozov M.M. Izbrannye stat'i i perevody* [Morozov M.M. Selected articles and translations]. Moscow, GIHL, 1954b. pp. 93-148 (In Russian).

Silant'eva M.V. Russkii iazyk v «imperskom» formate»: «zolotoï vek» russkoï literatury i kul'tury kak istochnik sovremennoï rossiïskoï mental'nosti [Russian language in the "imperial" format: the "golden age" of Russian literature and culture as a source of modern Russian mentality]. *Russkoe kul'turnoe prostanstvo. Vyp. 3. Sbornik materialov nauchno-prakticheskogo seminara 17 aprelia 2014 g.* [Russian cultural space. Issue 3. Collection of materials of the scientific-practical seminar on April 17, 2014]. Moscow, «Pero», 2014. pp. 62-67 (In Russian).

Simonov-Viazemskii Iu.P. Antropologicheskoe izmerenie kontseptualizatsii iazykov poznaniia v sovremennoï kul'ture [Conceptualizing the Anthropological Dimension of the languages of knowing in modern culture]. *Gumanitarnyi vector - Humanitarian Vector*, 2018a, V. 13, no. 3, pp. 124-131 (In Russian).

Simonov-Viazemskii Iu.P. Ochen' khorosho, esli u vas est' svoia dominantnaia «komnata»: prodlzhenie temy «Chelovek – sushchestvo deviatimernoe» [It's a great thing to have your own dominant "Room": continuing on the topic "A man as a nine-dimensional human being"]. *Kontsept: filosofii, religii, kul'tura - Concept: philosophy, religion, culture*, 2018b, no. 2 (6), pp. 7-18 (In Russian).

Simonov-Viazemskii Iu.P. Chelovek – sushchestvo deviatimernoe [A man as a nine-dimensional human being]. *Kontsept: filosofii, religii, kul'tura - Concept: philosophy, religion, culture*, 2018c, no. 1 (5), pp. 7-14 (In Russian).

Takho-Godi A.A. Mif u Platona kak deïstvitel'noe i voobrazhaemoe [Plato's myth as real and imaginary]. *Platon i ego èpokha* [Plato and his era]. Moscow, Nauka, 1979. pp. 58-82 (In Russian).

Baggesgaard M.A. Precarious Worlds: Danish Colonialism and World Literature. *Journal of World Literature*, 2016, Vol. 1, no. 4, pp. 466-483.

Bender M. Ethnic Minority Literature. *A Companion to Modern Chinese Literature*. Ed. by Yingjin Zhang. John Wiley & Sons, Ltd., 2016. pp. 261-275.

Cheney P. *The Cambridge Companion to Christopher Marlowe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 338 p.

Davie D. *Russian Literature and Modern English Fiction: A Collection of Critical Essays*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1965. 244 p.

Gálik M. Concepts of World literature, comparative literature, and a Proposal. *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*, 2000, Vol. 2, No. 4, pp. 1-8.

Locane J.J. *De la literatura latinoamericana a la literatura (latinoamericana) mundial: Condiciones materiales, procesos y actores*. Vol. 3. Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2019. 253 p. (In Spanish).

Thornber K.L. Why (Not) World Literature: Challenges and Opportunities for the Twenty-First Century. *Journal of World Literature*, 2016, Vol. 1, no. 1, pp. 107-118.

Thurman C. Introduction: Generation S: 'Southern' Shakespeares across Time and Space. *South African Essays on 'Universal' Shakespeare*. Ed. by Thurman C. London-New York: Routledge, 2016. pp. 1-18.

Weil I. Russian Literature and Modern English Fiction: A Collection of Critical Essays by Donald Davie. *The Slavic and East European Journal*, 1967, Vol. 11, no. 2, pp. 220-222.

About the Author:

Simonov-Vyazemsky Yuri Pavlovich – Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Ph.D. in History, Professor, Head of the Department of World Literature and Culture, MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Moscow, 119454, Vernadsky avenue, 76.
E-mail: kfmgimo@gmail.com.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ-КЛАССИКА

Ли Цзинься, Сунь Пинь

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса и факторов в формировании идентичности русского писателя Василия Ерошенко как писателя-классика в китайской культуре в 1920-х годах в Китае. Анализом авторов продемонстрировано, что идейное содержание самой работы, особый культурный контекст периода Движения 4 мая, перевод произведений Лу Синя, а также рекомендации ряда знаменитых общественных деятелей, новые молодёжные публикации и продукция многих издательств стали важными факторами в формировании идентичности писателя-классика Василия Ерошенко.

Во время «движения 4 мая» в Китае происходили глубокие и важные прогрессивные перемены. В стране действовали многие ассоциации переводчиков, которые выполнили большое количество перевода иностранных литературных произведений и различных иных публикаций. И это стало не только эффективным способом распространения новых литературных идей, не только содействовало проникновению в широкие народные массы современных прогрессивных форм культурной жизни людей, но и служило эффективной критикой устаревших феодальных подходов ко всем аспектам общественной жизни. Вместе с тем читающая китайская публика получила возможность более широко знакомиться с литературой России, Японии и других соседних и более отдалённых народов, познавать ожидания зарубежных интеллектуалов от будущего, участвовать в пропаганде марксистских мыслей и истории русской социалистической революции, направлять взор на развитие духа времени, отражать духовные ценности того периода и, таким образом, влияли на жизнь и поведение широких народных масс. Примером влияния такого рода культурно-общественных движений на творчество писателя-классика Ерошенко в период движения 4 мая.

Ключевые слова: Василий Ерошенко, Движение 4 мая, Лу Синь, идентичность, идейное содержание, язык перевода.

Василий Яковлевич Ерошенко (1890-1952, в дальнейшем Ерошенко) на протяжении десятилетия XX века пользовался большой популярностью в Китае. Первая оказавшаяся

в поле зрения китайского народа сказка писателя «Узкая клетка», которую перевёл известный китайский писатель Лу Синь с японского на китайский язык, была опубликована в 1921 г. в таких га-

зетах, как «Синь Цин Нянь» («Новая молодёжь»), «Вэнь Сюе Чжоу Бао» («Еженедельная художественная литература») и «Чжнь Бао Фу Кань» («Дополнение к Утренней газете»). Потом, в январе 1922 г. крупнейшее китайское издательство «Шан У» («Коммерсиал пресс») в Шанхае выпустило сборник «Сказки Ерошенко», в который вошли переведенные Лу Синем двенадцать сказок писателя.

И этот сборник потом был переиздан семь раз. В мае этого же года в том же издательстве вышла пьеса Ерошенко «Розовое облако», которую перевёл Лу Синь в содружестве с автором. С тех пор работы Ерошенко на китайском языке неоднократно переиздавались. Его работы печатались в китайских журналах, издавались в виде сказочных сборников на китайском языке, а также были включены в работы известного китайского писателя Лу Синя. Русский писатель Василий Ерошенко стал писателем-классиком китайской детской литературы, его произведения оказали большое влияние на создание китайской детской литературы в 1930-е гг.

В своей статье Го Можо отметил, что благотворное влияние писателя оставило неизгладимый след в истории современной китайской литературы [Го Можо, 2002: 1003]. А в первой половине XX в. Ерошенко и его сказочные произведения долгое время не были известны российскому академическому сообществу. В июле 1958 г. в журнале «Знамя» была опубликована статья В.Н. Рогова «Русский друг Лу Синя», что послужило основанием для открытия Ерошенко внутри страны. Свыше 40 лет различные авторы использовали для своих публикаций формулу «Русский друг Лу Синя». Но дело, конечно, не только в дружбе с известным в Китае писателем, а во многом. И мы в своей статье постараемся приблизиться к этому.

Русский поэт, писатель Ерошенко приехал в Китай в 1921 г., в особый период истории этой страны. Одним из заметных явлений в социальной и культурной жизни Китая в XX в. стало движе-

ние 4 мая и пропаганды новой литературы. В 1919 г., через полтора года после Октябрьской революции в России и за три года до появления писателя в Китае, началось демократическое, антиимпериалистическое движение 4 мая. В тот день вышли на улицу студенты и профессора, протестуя против унижительных для страны решений Парижской мирной конференции. Движение прокатилось мощной волной по всему Китаю и утихло только в начале июля. А основной целью движения 4 мая являлся отход от китайских феодальных культурных традиций и освоение западной демократической идеологии. Многие студенты обратили свое внимание на первую в мире социалистическую страну – СССР.

Победа Октябрьской социалистической революции принесла надежду китайцам. Свершение советской революции вызвало сильное желание китайцев общаться с советскими людьми и взаимодействовать с Советским Союзом. В этих условиях приезд человека, «изгнанного из Японии большевика за революционные убеждения», вызывал горячий интерес. Ерошенко стал символом антиправительственных настроений, его воспринимали в Китае как посланца своей революционной родины. И газета «Миньгожибао» посвятила Ерошенко целый номер. Знакома китайскую общественность со слепым писателем, Ху Юй-чжи на страницах этой газеты писал, что Ерошенко является искренним другом китайского народа, что он относится с большой симпатией к китайскому народу. Ерошенко мечтает о свободном мире, плюет в лицо империалистической, милитаристской культуре, плачет над несправедливой судьбой униженного, презираемого народа.

Оказавшись в Китае, Ерошенко попал в поле зрения прогрессивных и интеллектуальных людей. И писатель оправдал такое к нему отношение, стремясь привлечь китайских студентов к борьбе за свободу. Писатель выступил с речью на вечере в народной школе при Пекинском университете, пел «Стеньку Разина», аккомпанируя себе на гитаре. Он участво-

вал в первомайской демонстрации и пел мало кому известный тогда в Китае «Интернационал». По приглашению ректора Пекинского университета Цай Юань-пэй преподавал эсперанто. Проживавший у Лу Синя слепой поэт в сопровождении Чжоу Цзожэня (младший брат Лу Синя) в различных школах Пекина читал лекции, в том числе «Весна и её сила», «Позиция русской литературы в мире», «Женщины и их миссия» и т.д. Ерошенко стал искренним другом китайского народа.

В качестве средства создания новой литературы беспрецедентное процветание в период движения 4 мая испытал литературный перевод. Представители китайской элиты, стараясь найти полезные факторы для собственного развития в литературных произведениях, глубоко осознали, что перевод литературы должен выполнить славную историческую миссию:

1) привести к изменению традиционной китайской литературной концепции;

2) направить китайцев к освоению проблем современной жизни, взаимодействию с современными идеями [郑振铎, 文学的使命, 1985: 313-316]. Ху Ши выдвинул предложение быстрее перевести западную литературную классику, чтобы она стала моделью для китайской литературы [胡适, 建设的文学革命论, 2003: 67]. Многие зарубежные литературные произведения, содержащие такие современные концепции, как индивидуализм, гуманизм, свобода, демократия, равенство и наука, которые срочно были необходимы для нового культурного просвещения, встречались с китайскими читателями в основном с помощью переводов.

В основе этого заимствования лежала и русская литература, потому что миссией русской литературы являлось преобразование общества и вмешательство в жизнь, что соответствовало социальным и политическим потребностям Китая в период движения 4 мая. И, по мнению Лу Синя, русская литература – наш наставник и друг, в ком мы увидели добрую душу, муки и страдание, барахтанье и

борьбу угнетённых... Я сожгла надежду и почувствовала грусть вместе [鲁迅, 祝中俄文字之交, 1982: 460]. Лу Синь был первопроходцем перевода и исследования русской литературы, и являлся одним из первых в Китае распространителей русской литературы. Он познакомил китайского читателя с Пушкиным, Лермонтовым, перевёл произведения Гоголя, Чехова и ряда других русских писателей.

Перевод литературных произведений создали исторические возможности для перевода иностранной детской литературы. Когда литературное сообщество познало характеристики и ценности детской литературы, ряд пионеров новой культуры, таких, как Чжоу Цзожен, Ху Юйчжи, Чжэн Чженьдо, Чжао Цзиншэнь, которые, как элита китайского общества, часто имевшая множество идентичностей, таких, как учёный-литератор, мыслитель, революционер и несравненную привлекательность во всём обществе, принимали участие в переводе иностранной детской литературы. Переводы включали в себя мифы, легенды, рассказы, басни, сказки, детские пьесы, музыкальные истории, научные романы, от «Басни Эзопа», «Сказки Крылова», «Сказки Уайльда» до «Истории деревянной куклы» и т.д. Это открыло новый мир для китайского литературного творения, благодаря чему детское литературное творчество получило мощное развитие самостоятельно сформированным стилем.

А отношения между Ерошенко и Лу Синем начались со статьи, опубликованной в японской газете в июне 1921 г. Ходили слухи, что когда японские жандармы Ерошенко изгнали, они обращались с ним свирепо и жестоко, сомневались в его слепоте и хотели открыть ему глаза. В ответ на бесчеловечность жандармов Лу Синь сразу же взялся за перевод сказки «Узкая клетка» и опубликовал её в ежемесячном журнале «Синь Цинь Нянь».

В сказочных произведениях Ерошенко, переведённых на китайский язык, есть очень интересные по содержанию и чисто детские сказки, такие, как «Сон в весеннюю ночь» и «Две маленькие

смерти», где прекрасный лирический мир, как древняя китайская пейзажная живопись, привлекающая читателей поэтическим языком и чистыми эмоциями. В то же время в произведениях также изображена идеальная область гармоничного сосуществования человека и природы, отражающая стремление писателя к природе и обществу, к гармоничному сосуществованию природы, общества и духа. В сказках Ерошенко животные в джунглях имеют тот же эмоциональный мир, что и люди, где есть политики-лисицы, художники-обезьяны, лингвисты-попугаи, филины-астрономы. Поют пчёлы весной, танцуют бабочки среди цветов, а глубокой ночью лягушки пишут стихи. Эти представители жизни, которые обычно игнорируются людьми, имеют богатые эмоции и тонкие умы, а также любовь и стремление к красоте, свободе и равенству. А люди – это «братья» животных в джунглях. Поскольку люди обладают человеколюбием, от толерантности природы к людям, люди стали великим гением всех вещей. Такое понимание сделало гармоничный симбиоз человечества и животных темой сказок Ерошенко.

Среди произведений Ерошенко были также более тяжёлые темы, что маленькие читатели не могли понять. Как писатель с анархическим фоном, «свобода» стала самым заметным идеологическим притязанием произведений Ерошенко. Гуманизм Ерошенко более выражен в стремлении к свободе и в заботе о симпатии и судьбе русского народа, также всего человечества, тем самым демонстрируя священное чувство неотложности, дух жертвоприношения и идею спасения.

В сказке «Узкая клетка» писатель ярко выражает свои фундаментальные чувства по поводу затруднительного положения человеческого существования и срочного стремления устранить угнетение и сдержанность, понесённые человечеством посредством сильной жажды свободной жизни у тигра в клетке. Всё, что делал тигр, было самым глубоким желанием в душе Ерошенко: он не мог выдержать боль, потерять свою свобо-

ду. В сказке «Сердце орла» Ерошенко размышлял о корне проблемы и сделал вывод, что запугать слабых, угнетать слабых, взять силу и мудрость слабых и использовать их для себя – это, кажется, привычка людей с древних времён. Из-за того, что сильный всегда накапливает силу слабых, поэтому не может быть настоящей свободы, а слабому тридцать три несчастья. И в «Печали рыбы» писатель призывает к любви и миру языком кальмаров.

Ерошенко увидел человеческое несчастье и глубоко продумал судьбу человечества в прошлом и будущем. Человеческие рабы, низшие рабы, вам не нужна свобода? Жалко выбежать из узкой клетки? Кажется, что нет ничего страшнее свободы, и нет ничего более тревожного, чем жить в свободном мире. Писатель глубоко выражает свою ненависть к тем, кто порабощает, а также сильное чувство неотложности и социальной ответственности.

Дух посвящения и самопожертвования всегда был отличительной чертой многих произведений Ерошенко. В сказке «Сон весенней ночью» золотая рыбка и Светлячок готовы пожертвовать своей жизнью, чтобы партнёр был свободным. В «Горе рыбы» маленький кальмар бросился в сеть, для того, чтобы своих не схватили и убили. И в сказке «У пруда» двум навязчивым бабочкам невыносимо было смотреть на темноту мира. Обе они хотели бы перелететь море, чтобы преследовать следы солнца, чтобы оно не село. В конце концов их поглотило яростными волнами море. Ерошенко исследует личное освобождение и индивидуальное счастье в категории социального освобождения и общественного счастья. Его глубина и широта уже превзошли идеологическую сферу эстетических сказочных писателей.

Сказки Ерошенко привлекали внимание китайских читателей своей социальной и культурной критикой, социальной ответственностью и миссией, глубокими знаниями. Идея работ, сила и воля писателя соответствуют совести широких масс интеллектуалов в китай-

ском обществе в то же время они отвечают духу времени – спасти людей от воды и огня. Этот аспект является, с одной стороны, продолжением традиционной психологии китайской интеллигенции, с другой стороны, изображением их реального энтузиазма. Его работы нашли пригодными к чтению именно потому, что в этих произведениях можно было найти и дикость человеческой природы, и выход для угнетённых людей. Острый взгляд в его сказках по китайской новой литературе – это именно то, что наиболее важно для литературного сознания в развитии новой китайской литературы, и наиболее необходимо для утилитарного подхода к созданию романа.

Писатель стал одним из первых русских, кто высказался за необходимость реформы китайской письменности. Китайский читатель почувствовал родственную душу в этом гонимом и униженном слепом русском человеке, который мечтает о свободном мире, плюет в лицо милитаристской культуре, плачет над несправедливой судьбой униженного, презираемого народа, скорбит и негодует. Писатель, сам страдая от тоски по родине, открыл своё сердце навстречу боли и страданиям простых китайцев.

С 14-го по 17-ое декабря 1922 г. в газете «Чень Бао Фу Кань» («Приложение к Утренней газете») серией опубликовали комментарии Ци Тяньшоу к сборнику «Сказки Ерошенко». Автор указал на уникальную красоту работ Ерошенко: «Глубокую мысль и чувство выражает он нежными и близкими к слезам матери словами, которые богаты красивой поэтической формой, что можно назвать особой характеристикой стиля писателя... Он привёл меня в другой мир. Этот мир не является реальностью и не духом, а мир за этими двумя!» [齐天授, 1922: 4]

У Ерошенко, по замечанию Лу Синя, есть только детское, но прекрасное, чистое сердце, и человеческая судьба не может ограничить его мечты. Поэтому он часто высказывал очень сердитые слова об Японии. В его произведениях русский дух, что не отвечает ценностным ориентациям Японии. Конечно, ему там

попадало, но он этого не ожидал. Это показывает, что у него наивное, но чистое сердце. После того, как я прочитал, глубоко был благодарен людям, у которых есть такое сердце [鲁迅, 《鲁迅全集》, 1981: 200]. Из этого нетрудно узнать, что Лу Синь выбрал произведения Ерошенко на перевод по двум причинам:

- 1) Существенно сказочные элементы в сказках Ерошенко;
- 2) высокая миссия сказок Ерошенко.

Первое является эстетикой вкуса, которую китайская детская литература должна изучать в ранние годы. Последнее показывает, что сказки Ерошенко имеют сильный резонанс со взглядом Лу Синя на роль искусства. Искусство является светом, направляющим будущее национального духа. Благодаря переводу великого китайского писателя Лу Синя, сказки и пьеса Ерошенко быстро вошли в круг чтения китайского народа.

Лу Синь в своём дневнике в 1925 г. писал, что «Пока Ерошенко не выгнали из Японии, я не знал ни его имени, ни фамилии. Произведения его я начал читать после того, как он был подвергнут остракизму. Из статьи г-на Кана в «Йомиури симбун» мне стали известны более подробно обстоятельства позорного изгнания слепого русского писателя из Японии. Тогда-то я перевёл кое-что из статьи г-на Кана, перевёл и сказки для детей Ерошенко и его пьесу «Персиковое облако» [鲁迅, 《鲁迅全集》, 1981: 554].

Дело в том, что как активный пропагандист русской и советской литературы, Лу Синь желал, чтобы был услышан крик страдающего гонимого, чтобы у своих соотечественников пробудилась ярость и гнев против тех, кто унижает человеческое достоинство, лишает свободы и права. Писатель не только занимался переводом, но и создал издательство, где при его участии выпустили переводы многих русских книг. Только что Ерошенко только приехал из Японии в Харбин, а прогрессивный пекинский журнал «Синь Цин Нянь» уже поместил на своих страницах его сказки «Тесная клетка» и «На берегу» в переводах Лу Синя. В пе-

кинской газете «Чэнь Бао Фу Кан» Ху Юй-чжи знакомил китайского читателя с судьбой слепого писателя, а переведенная Лу Синем сказка «Сон в весеннюю ночь» – с творчеством Ерошенко.

С детства потерявший зрение Ерошенко обошёл полмира, научился музыке, в совершенстве овладел 12 языками, в том числе эсперанто и японским, написал множество стихов, сказок, драм. Его жизнь – это повествование о силе воли и невероятных возможностях человека. Ерошенко привлекал китайских передовых людей своим упорством, энергией и ненавистью к социальному злу. Для китайцев в период движения 4 мая Ерошенко был средоточием русского духа, его истории, его путей, его болевых узлов. Именно этим он был близок китайскому народу в тогдашнее время.

На основе духовной близости Лу Синь не жалел усилий для перевода сказок Ерошенко и стремился передать облик языка и культурную форму исходного текста. Чтобы максимально отразить эстетические качества и особенности оригинала, Лу Синь не только непосредственно получал помощь от самого Ерошенко в процессе перевода, но и неоднократно обращался за помощью к японскому другу Синичи Фукуока, чтобы китайские читатели, которые не понима-

ли ни японский язык, ни японцев, находились под обаянием перевода. Перевод заинтересовал и привлёк широкую аудиторию, в результате которого несколько раз переиздавался сборник «Сказки Ерошенко».

Подобно классическому построению оригинальной литературы, которая подчиняется различным энергетическим стандартам в культурной области, классическое построение переведенной литературы также должно соответствовать различным властным отношениям, представленным основной идеологией в специфическом культурном контексте переведённого языка. Многие переводы и публикации сказок Ерошенко в Китае в 1920-х гг. были выбором идеологии и основных поэтических принципов в обществе в то время.

Итак, можно сделать вывод, что формирование идентичности писателя-классика в атмосфере языка перевода обусловлено следующими факторами: идеологические ценности произведений; литературный и социальный контекст языка перевода, фактор переводчика. Наряду с этим, очарование личности писателя, его поведение и деятельность в обществе также являлись стимулом для формирования идентичности писателя.

Список литературы:

- Рогов В.Н. Русский друг Лу Синя // Знамя. 1958. Кн. 7. С. 212-216.
- О Го Можо и его контактах с СССР в 1940-х гг.: Тихвинский С.Л. Первый президент Академии наук Китая // Вестник РАН. 2002. Т. 72. № 11. С. 1001-1007.
- Электронный ресурс. URL: <https://subscribe.ru/archive/lit.writer.1a2b3c/201112/23000606.html> (дата обращения: 10.06.2019)
- 胡适, 建设的文学革命论[N], 《胡适全集》第一卷[M], 合肥: 安徽教育出版社, 2003.
- 江口涣, 爱罗先珂童话集, 附: 忆爱罗先珂华西理君, 鲁迅全集第六卷[C], 北京: 人民文学出版社, 1973.
- 鲁迅, 《鲁迅全集》[M], 第1卷, 第6卷, 第10卷, 北京: 人民文学出版社, 1981.
- 鲁迅, 祝中俄文字之交[N], 《鲁迅全集》第四卷[M], 北京: 人民文学出版社, 1982.
- 鲁迅, 爱罗先珂童话集, 《鲁迅译文全集》第一卷[M], 福州: 福建教育出版社, 2008.
- 鲁迅, 《鲁迅全集》[M], 第1卷, 第6卷, 第10卷, 北京: 人民文学出版社, 1981.

齐天授,《读爱罗先珂的童话》,载《晨报副刊》,1922年12月14日

郑振铎,文学的使命[N],郑振铎文集第四卷[M],北京:人民文学出版社,1985.

Thurman C. Introduction: Generation S: «Southern» Shakespeares across Time and Space / South African Essays on 'Universal' Shakespeare. Ed. Thurman C. L.-N.Y.: Routledge, 2016. 207 p. P. 1-18.

Weil I. Russian Literature and Modern English Fiction: A Collection of Critical Essays by Donald Davie // The Slavic and East European Journal. 1967. Vol. 11. № 2. P. 220-222.

Об авторах:

Ли Цзинься – Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай.

Сунь Пинь – Хэбэйский институт физической культуры и спорта, Шицзячжуан, Китай.

RETHINKING THE FORMATION OF IDENTITY CLASSIC WRITERS

Li Jinxia, Sun Ping

Abstracts. *The article is devoted to the analysis of the process and factors in the formation of the identity of the Russian writer Vasily Eroshenko as a classic writer in Chinese culture in the 1920s in China. The analysis of the authors demonstrated that the ideological content of the work itself, the special cultural context of the May 4th Movement period, the translation of Lu Xin's works, as well as the recommendations of a number of famous public figures, new youth publications and the products of many publishers became important factors in shaping the story of classic writer Vasily Eroshenko.*

During the "May 4th" movement, deep and important progressive changes took place in China. There were many translator associations in the country that performed a large number of translations of foreign literary works and various other publications. And this was not only an effective way of spreading new literary ideas, not only facilitating the penetration of the modern progressive forms of people's cultural life into the broad masses, but also served as an effective criticism of outdated feudal approaches to all aspects of social life. At the same time, the reading Chinese public had the opportunity to more widely acquaint themselves with the literature of Russia, Japan and other neighboring and more distant peoples, to know the expectations of foreign intellectuals from the future, to participate in the propaganda of Marxist thoughts and history of the Russian socialist revolution, to direct the eye to the development of the spirit of the time, to reflect spiritual values of that period and thus influenced the life and behavior of the masses. An example of the influence of this kind of cultural and social movements on the work of the classic writer Eroshenko during the May 4th movement.

Key words: *Vasily Eroshenko, May 4th Movement, Lu Xun, indetness, ideological content, translation language*

References:

Rogov V.N. Russkii drug Lu Sinia [Russian friend Lu Xun]. *Znamia – Banner*, 1958, Book 7, pp. 212-216 (In Russian).

O Go Mozho i ego kontaktakh s SSSR v 1940-kh gg.: Tikhvinskii S.L. Pervyi prezident Akademii nauk Kitaia [About Guo Mozho and his contacts with the USSR in the 1940s: Tikhvin S. L. First President of the Academy of Sciences of China]. *Vestnik RAN - Vestnik of RAS*, 2002, Vol. 72, no. 11, pp. 1001-1007 (In Russian).

Electronic resource. Available at: <https://subscribe.ru/archive/lit.writer.1a2b3c/201112/23000606.html> (accessed 10 June 2019) (In Russian).

胡适, 建设的文学革命论[N], 《胡适全集》第一卷[M], 合肥: 安徽教育出版社, 2003 (In Chinese).

江口涣, 爱罗先珂童话集, 附: 忆爱罗先珂华西理君, 鲁迅全集第六卷[C], 北京: 人民文学出版社, 1973 (In Chinese).

鲁迅, 《鲁迅全集》[M], 第1卷, 第6卷, 第10卷, 北京: 人民文学出版社, 1981 (In Chinese).

鲁迅, 祝中俄文字之交[N], 《鲁迅全集》第四卷[M], 北京: 人民文学出版社, 1982 (In Chinese).

鲁迅, 爱罗先珂童话集, 《鲁迅译文全集》第一卷[M], 福州: 福建教育出版社, 2008 (In Chinese).

鲁迅, 《鲁迅全集》[M], 第1卷, 第6卷, 第10卷, 北京: 人民文学出版社, 1981 (In Chinese).

齐天授, 《读爱罗先珂的童话》, 载《晨报副刊》, 1922年12月14日(In Chinese).

郑振铎, 文学的使命[N], 郑振铎文集第四卷[M], 北京: 人民文学出版社, 1985 (In Chinese).

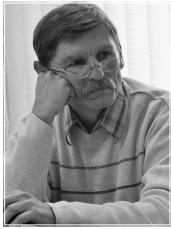
About the Authors:

Li Jinxia - Fellow at Hebei Normal University, Shijiazhuang, China.

Sun Ping - Fellow at the Hebei Institute of Physical Education and Sports, Shijiazhuang, China.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ С.Л. ФРАНКА: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

Г.Е. Аляев*

21 февраля 2019 г. в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева» состоялась презентация нового издания, точнее – нового издательского и исследовательского проекта, – первого тома Полного собрания сочинений Семёна Людвиговича Франка¹.

Собственно, это было уже не первое представление нового проекта и его первых результатов. 25 января 2019 г. в рамках Ежегодной международной богословской конференции ПСТГУ прошёл круглый стол «С. Л. Франк: от неокантианства к абсолютному реализму», на котором, в частности, только что вышедшую книгу высоко оценила Нелли Васильевна Мотрошилова. Именно Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет нашёл возможности поддержать идею издания Полного собрания сочинений С. Л. Франка. Активная работа над проектом началась в 2017 г., а в конце 2018-го издательством ПСТГУ был выпущен в свет первый том.

В «Доме А. Ф. Лосева» издание представляли ответственные редакторы и организаторы проекта – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения ПСТГУ Константин Михайлович Антонов, кандидат философских наук, доцент Татьяна Николаевна Резвых (ПСТГУ) и автор этих строк. Прежде всего, речь шла о проекте в целом. Его идея обоснована особым местом С. Л. Франка в истории русской и европейской философии и актуальностью многих его идей. Выдающееся значение этого мыслителя, стремившегося, по словам мюнхенского профессора Петера Элена, «дать духовно-нравственные ориентиры обществу, потерявшему их в катастрофах XX века»², всё чаще признаётся не только в России, но и за рубежом.

*** Аляев Геннадий Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и социально-политических дисциплин Полтавского национального технического университета имени Юрия Кондратюка (Украина).

¹ Франк С.Л. Полное собрание сочинений. Том 1: 1896–1902 / Под общ. ред Г.Е. Аляева, К.М. Антонова, Т.Н. Резвых; вступ. сл. о. П. Скорера; предисл. к изданию Г.Е. Аляева, К.М. Антонова, Т.Н. Резвых; предисл. к тому Г.Е. Аляева, Т.Н. Резвых. М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. 720 с.

² Элен П. Семен Л. Франк: Философ христианского гуманизма. Пер. с нем. Оксаны Назаровой. М.: Идея-Пресс, 2012. С. 15.

Свидетельством этого признания стало восьмитомное собрание сочинений Франка на немецком языке, изданное в Германии в 2000–2013 гг.³ Произведения русского философа в последние годы переводились и издавались на английском, французском, польском, болгарском, сербском, испанском, китайском, японском и ряде других языков. На русском языке в 1990-е – 2000-е гг. вышел ряд сборников, в которых были переизданы основные книги Франка и многие его статьи. Однако задача полного критического издания его трудов до сих пор не ставилась.

Представленный проект Полного собрания сочинений С. Л. Франка планируется подготовить и издать в трёх условных сериях. Первую составят ранее опубликованные завершённые работы философа, расположенные в основном в хронологическом порядке. В свою очередь, эта серия будет состоять из двух частей. Первые 6 томов будут включать работы доэмигрантского периода творчества философа – с 1896 по 1922 гг. Это книги «Теория ценности Маркса и её значение», «Предмет знания», «Душа человека», «Очерк методологии общественных наук», «Введение в философию в сжатом изложении», многочисленные статьи и рецензии, опубликованные в журналах, газетах, сборниках статей.

Следующие 10–11 томов составят работы эмигрантского периода, а также завершённые произведения, опубликованные уже после смерти философа, – книги «Крушение кумиров», «Смысл жизни», «Die russische Weltanschauung», «Духовные основы общества», «Непостижимое», «С нами Бог», «Свет во тьме», «Реальность и человек», «Воспоминания о П. Б. Струве», многочисленные статьи и рецензии. Немецкоязычные тексты Франка будут печататься на языке оригинала с параллельным русским переводом, то есть билингвой. Предполагается включение в эту серию до сих пор не опубликованного оригинального немецкого текста одной из основных книг философа – «Das Unergründliche».

Вторую серию собрания составит публикация архивных рукописей философа, как уже опубликованных исследователями его творчества, так и ещё не публиковавшихся. Объём этой серии составит предположительно 3–4 тома. Здесь хронологический принцип будет сочетаться с принципом подбора однотипных рукописей – философские дневники, неопубликованные статьи, записные книжки, конспекты лекционных курсов и отдельных лекций.

Третью серию собрания составит переписка философа (3–4 тома). Эпистолярное наследие С. Л. Франка продолжает быть предметом архивных поисков исследователей его творчества. Предполагается выборочная публикация писем корреспондентов философа.

Таким образом, Полное собрание сочинений С. Л. Франка планируется осуществить в объёме около 25 томов. Точное количество томов будет зависеть от результатов научной работы с рукописными материалами и подготовкой их к печати, а также от ещё возможных находок ранее не атрибутированных текстов русского философа.

Ещё раз следует подчеркнуть, что представленный проект – не только издательский, но и исследовательский. Каждый том первой серии будет сопровождаться предисловием, отражающим жизнь и творчество философа в соответствующий хронологический период, его работу над основными произведениями. Также каждый том собрания будет содержать научный комментарий к публикуемым произведениям, именной указатель с библиографическим описанием литературы, цитируемой или упоминаемой Франком, другие указатели. В приложениях предполагается публикация отдельных архивных документов биографического характера.

Наглядное представление о том, как решаются поставленные задачи, как раз и даёт презентовавшийся первый том. Хронологически он охватил работы 1896–

³ Simon L. Frank. Werke in acht Bänden. Herausgegeben von Peter Schulz, Peter Ehlen SJ, Nikolaus Lobkowicz, Leonid Luks. Verlag Karl Alber, Freiburg/München..

1902 гг., то есть периода, если можно так выразиться, «очень раннего Франка». Это, пожалуй, наименее исследованный период творческой биографии философа, собственно, ещё экономиста и критического марксиста. Большинство вошедших в этот том произведений – кроме статьи об этике Ф. Ницше и рецензии на книгу П. Струве «На разные темы», – ни разу не переиздавались. Центральное место в томе занимает первая книга Франка – «Теория ценности Маркса и её значение» (1900). Представленный в комментариях обзор рецензий на книгу молодого учёного даёт возможность сделать вывод, что работа не осталась незамеченной даже в условиях того вала публикаций о теории ценности, который буквально захлестнул российскую печать в конце XIX – начале XX вв.

Сегодня мы можем отметить, что ряд идей, высказанных в книге, как относящихся собственно к теории ценности, так и к ряду других вопросов, например, о роли монополизации в современном капиталистическом хозяйстве, позволяют говорить о недостаточной оценке этой работы в истории русской экономической мысли того периода. Впрочем, для самого автора рамки теоретической политической экономии оказались узкими, так как уже в «Теории ценности» прослеживается его стремление сформировать какую-то общую социально-психологическую теорию, а также его склонность к глубокому философскому анализу, хорошо известная по его зрелым работам.

Следует сказать, что существует несколько библиографий произведений С.Л. Франка. Последняя и наиболее полная составлена Оксаной Назаровой⁴. Однако заявленный формат «полного собрания» требует от составителей дополнительных усилий по поиску и атрибутированию текстов, по разным причинам остававшихся пока забытыми. Так, в первый том вошли три рецензии Франка – на «Основания политической экономии» Е. Филипповича, «Историю Новой философии» В. Виндельбанда и сборник работ Г. Шмоллера о народном хозяйстве, – которые до сих пор не были учтены его библиографами. Забегая вперёд, можно сказать, что подобные находки будут и в уже готовящихся к печати втором и третьем томах, а также и в томах эмигрантской серии.

Важной особенностью первого тома является то, что он ... первый! Это не игра слов и не тавтология, но лишь констатация того факта, что том посвящён не только первым произведениям философа, но и первым этапам его биографии – детским, гимназическим и студенческим годам. Соответственно, предисловие к тому описывает жизнь и творчество Франка не с 1896, а с 1877 года. Поиски в архивах Москвы и Санкт-Петербурга позволили дополнить и уточнить целый ряд биографических моментов, известных ранее как по воспоминаниям самого Семёна Людвиговича, так и по наиболее полной биографии философа, изданной ещё в 1995 г. английским исследователем Филипом Буббайером⁵. В частности, это касается:

- некоторых новых сведений о родителях будущего философа;
- уточнения адресов, по которым семья Франка проживала в Москве («адресам Франка» 1877–1902 гг. была посвящена специальная иллюстрированная презентация, представленная Г. Е. Аляевым);
- обстоятельств учёбы в гимназии при Лазаревском институте (например, уточнён год поступления – не 1886, а 1887-й) и перехода в Нижегородскую гимназию;
- новых фактов участия Франка в революционной деятельности в студенческие годы (довольно подробные сведения сохранились в фондах Департамента полиции Москвы).

⁴ См.: Семен Людвигович Франк / Под ред. В. Н. Поруса. М.: РОССПЭН, 2012. С. 495–571.

⁵ Русский перевод: Буббайер Ф. С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. 1877–1950 / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2001.

В приложении к тому опубликованы копии Аттестата зрелости и Диплома об университетском образовании, неизвестные ранее письма Франка-гимназиста и Франка-студента.

Исследовательский характер проекта обусловил развёрнутые, детальные комментарии, призванные раскрыть не только обстоятельства появления тех или иных текстов, но и проявить их смысловое содержание, скрывающееся подчас за метафорами и литературными образами, отсылками к малоизвестным работам или подзабытым ныне дискуссиям и эпизодам литературно-журнальной жизни того времени. Известный исследователь русской философии Модест Алексеевич Колеров, выступивший на презентации с лестными словами о начавшемся проекте, даже назвал эти комментарии «тотальными» и посоветовал авторам в дальнейшем использовать формат «Материалы и исследования» как дополнение к изданию томов собрания сочинений.

Надо сказать, что фактически такая работа (особенно над архивными текстами Франка) активно ведётся, и такие исследования печатаются. Опять же, забегаю немного вперёд, можно сказать, что параллельно уже отправленному в издательство второму тому подготовлено большое исследование с публикацией архивных текстов, посвящённое не реализованному Франком до конца проекту «Социальная психология», которое готовится к изданию в очередном ежегоднике «Исследования по истории русской философии» под редакцией М.А. Колерова.

Первый том открывается предисловием ко всему изданию, а также коротким, но трогательным вступительным словом внука С.Л. Франка – протодьякона Петра Скорера (Эксетер, Великобритания). Здесь необходимо подчеркнуть, что издание имеет, по существу, международный характер. Об этом свидетельствует состав Международного редакционного совета, в который, кроме о. П. Скорера, вошли известные исследователи творчества Франка из разных стран: Ф. Буббайер (Великобритания), А.А. Гапоненков (Россия), Л. Люкс (Германия), Б. Маршадье (Франция), Н.В. Мотрошилова (Россия), Оксана Назарова (Германия), Т. Оболевич (Польша), Ю.П. Сенокосов (Россия), П. Элен (Германия), В.В. Янцен (Германия). В дальнейшем предполагается активное участие членов Международного совета в подготовке отдельных томов и в редакторской работе.

Пользуясь случаем, автор этих строк, являющийся одновременно сопредседателем Общества русской философии при Украинском философском фонде, представил очередной – уже третий, – том издаваемой Обществом серии «Киевомышление» (ответственные редакторы – М.Ю. Савельева, Т.Д. Суходуб, Г.Е. Аляев) – коллективную монографию «Великий киевлянин Николай Бердяев» (Киев, 2018).

В заключение хотелось бы поблагодарить организаторов мероприятия – гостеприимных сотрудников Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» (обеспечивших, в том числе, и интернет-трансляцию) и организаторов постоянно действующего семинара «Русская философия», прежде всего, Виктора Петровича Троицкого.

*Aliaiev Gennadii E.
Complete Works of Semen L. Frank:
Publication and Research Project*

М.А. ШОЛОХОВ: ПОЧТИ СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ

К.М. Долгов*

Впервые я познакомился с этим гениальным русским и советским писателем в ранние школьные годы, когда прочитал его знаменитый роман «Тихий Дон», который произвёл на меня ошеломляющее впечатление. И по мере чтения, и по завершении, а затем при неоднократном повторном чтении я чувствовал себя одним из участников этой страшной, трагической эпопеи, отражавшей не только жизнь донского казачества, но во многом и жизнь русского крестьянства и русского народа. Поэтому не случайно в годы учёбы в средней школе я не раз писал сочинения по ранним рассказам М.А. Шолохова и его романам «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Может потому, что я родился и жил в детстве в селе, язык его рассказов и романов был мне близок и понятен. По существу, это был наш язык, язык простых крестьян.

Большая часть моей самостоятельной жизни и деятельности были посвящены вопросам философии и культуры, а ряд лет мне пришлось возглавлять сектор художественной литературы ЦК КПСС,

а также Всесоюзное агентство по авторским правам, где я имел возможность постоянно встречаться с нашими писателями, поэтами, критиками, деятелями литературы, искусства и культуры в целом. Много раз я слышал выступления Михаила Александровича Шолохова на разных официальных и неофициальных мероприятиях. Я всегда удивлялся его простому, лаконичному, выразительному языку, где не было ни одного пустого, бессодержательного слова.

Говорил он всегда не спеша, как бы по ходу обдумывая и подбирая слова, слова с глубоким смыслом, слова, соответство-

* Долгов Константин Михайлович – д.филос.н., профессор, , главный научный сотрудник Института философии РАН, Заслуженный деятель науки РФ.

вавшие его особой, внешне отрывистой, но внутренне строгой и последовательной логике. Вспоминая его выступления, я не могу назвать ни одного лишнего, а тем более пустого и бессодержательного. Выступал он, как правило, тогда, когда надо было сказать что-то существенное, серьёзное, важное, касающееся не только литературы, а всей культуры и наиболее серьёзных проблем жизни народа.

Здесь я хотел бы вспомнить о тех встречах и беседах, которые у меня состоялись с Михаилом Александровичем в период моей работы в ЦК КПСС. Однажды М.А. Шолохов пришёл к нам в сектор и стал жаловаться на то, что у него совсем нет денег. Нас это удивило, ведь он никогда не был любителем денег или богатства, скорее напротив, справедливо считался бесребреником. Все премии, которые он получал за свои произведения, отдавал в различные организации: детские дома, школы, различные фонды и т.д. Мы также знали, что его произведения часто переиздавались, и нам казалось, что он должен был иметь достаточные средства.

И когда мы ему сказали, что его произведения все время переиздают и он должен получать за это соответствующие гонорары, он иронично улыбнулся и заметил, что за переиздание платят очень скромные гонорары, и чем больше переизданий, тем меньше гонорары. Мы поняли, что он по существу, обратился к нам за помощью, и мы обещали ему помочь. И действительно, полученные нами справки показывали, что Шолохов получал за переиздание своих произведений весьма и весьма скромные гонорары. И тогда мы решили обратиться к руководству с просьбой издать, а точнее, переиздать собрание его сочинений, за что, по тем временам, он мог получить солидный гонорар. Так и было сделано.

Ещё одна встреча была совершенно неожиданной и случайной. Как-то в конце рабочего дня я решил заехать к своим знакомым, жившим на улице Сивцев Вражек, д. 33, напротив поликлиники № 1. Поднимаюсь на лифте на 4-й этаж, где жили мои знакомые, выхожу из лиф-

та и вижу: у противоположной двери стоит Михаил Александрович Шолохов. От неожиданности я оторопел, стою и молча смотрю на него, а он на меня. Затем я спрашиваю:

– Михаил Александрович, это Вы? Он говорит:

– Да, это я, а Вы здесь каким образом появились?

– Я отвечаю, что зашёл к своим знакомым.

– А Вы что здесь делаете, Михаил Александрович? – в свою очередь, спросил я.

– А я здесь живу, – последовал ответ. – Правда, я редко здесь бываю, – добавил Шолохов.

Я спрашиваю дальше: как Ваши дела, над чем Вы сейчас работаете? На это он ответил: Вы задаете мне очень трудные вопросы, на которые мне не так просто ответить. Я удивлённо: а почему? Дело в том, – продолжал Михаил Александрович, – что Вы, как ещё молодой человек, можете не понять меня или не сразу понять то, что я Вам скажу. А скажу я Вам вот что: у меня душа болит и сердце ноет, а иногда, как говорили в старину, кровью обливается. Услышав такие слова, я замолчал, не зная дальше, как продолжить разговор, поскольку не ожидал услышать ничего подобного. Все же я спросил: а в чём дело, Михаил Александрович? Он: а Вы что, не видите или не хотите видеть и замечать, как нашу страну начинают разваливать?

Я опять в недоумении: Как – разваливать? Кто это делает? Вы что, – продолжал Шолохов, – действительно не знаете или делаете вид, что не знаете? Вы посмотрите, что происходит в нашей литературе и культуре и в нашей жизни в целом! Ведётся организованная работа против Советского Союза, Советской власти, против нашего народа и государства. Кто это делает? Это делают наши враги в Соединённых Штатах и практически во всех европейских странах – всем известные антисоветские центры, фонды, газеты и журналы, это советологи, подбигающие себе, если говорить прямым языком, агентов в нашей стране из среды нашей так называемой интеллигенции.

Как это делается? Давно известными приёмами – подкупом, щедрыми денежными подачками, дешёвой славой, различными видами премий, поощрений и т.д. Наш народ хорошо помнит, что Европа, Запад фактически всегда были настроены против России и воевали с ней. Вспомним хотя бы Ледовое побоище и героизм народа во главе с Александром Невским, Полтавскую битву, нашествие Наполеона, с которым шла почти вся Европа, вспомним Первую мировую, Вторую мировую войну, когда против Советского Союза вместе с Гитлером воевали армии многих европейских стран.

Я ему напомнил: Михаил Александрович, Вы же всегда отличались тем, что резко осуждали людей подобного рода, по сути предателей, которые, по Вашему мнению, используют все средства, чтобы очернить, ошельмовать нашу действительность, показать, что у нас нет никакой демократии, свободы, а, в конечном счёте, занимаются предательством интересов своей страны. Шолохов ответил: да, главным ориентиром они считают западные страны, их государственное и общественное устройство, их понимание свободы и демократии. Вы только посмотрите: молодые писатели, которые не успели ещё написать ничего путного, бичуют нашу действительность, наши политические и общественные порядки, охаивают всё – и хорошее, и плохое, и достоинства, и недостатки.

Этим же, к сожалению, занимаются и уже известные писатели. А возьмите театры, где в спектаклях к месту и не к месту вставляются ироничные, издевательские фразы по отношению к нашей действительности, кинофильмы, где наряду с положительными героями показываются уродливые персонажи, которые олицетворяют представителей нашего народа и руководства, и т.д. и т.п. Искусство невозможно без критического осмысления жизни, но когда критика начинает выходить на первый план и становится чуть ли не главным содержанием искусства, это неизбежно ведёт к разрушению существующего общества. Вы знаете, если бы это были отдельные

моменты или эпизоды, то можно было бы особенно не волноваться, но это приобрело огромный размах, и вся эта антисоветская деятельность постоянно углубляется и расширяется. Разве не ясно, к чему это может привести?

Вот почему у меня болит душа, ноет и обливается кровью сердце! Ведь всё, что было достигнуто Советским Союзом за все довоенные, военные и послевоенные годы, оплачено десятками миллионов жизней, страданиями, мучениями, лишениями нашего народа, и если вся эта антисоветчина будет продолжаться, то я предчувствую колоссальную катастрофу. Вот почему я так резко осудил деятельность Синявского и Даниэля и других подобного рода «борцов» за свободу и демократию. Говорят, что я слишком резко выступаю против таких людей, но придёт время, и если не я, то Вы убедитесь в том, что я был совершенно прав в столь резком осуждении. Больше того, может быть, даже будут говорить, что мои суждения были слишком мягкими, ибо катастрофа будет такой, что потери и утраты почти невозможно будет ни восстановить, ни поправить, ни вернуться к тому, что было достигнуто. Вот почему я не могу сосредоточиться на своем творчестве: у меня всё валится из рук, я не нахожу себе места ни в Вешенской, ни в Москве, ни где бы то ни было в другом месте.

В молодости круговорот событий вовлекал меня в самые разные радикальные «революционные» течения и направления, часто совершенно противоположные. К моему счастью, я довольно быстро в них разочаровывался, поскольку почти все они в силу своей архиреволюционности оказывались, мягко говоря, пустыми, бессодержательными. А по существу – глубоко ошибочными и антинародными. С тех пор я всегда с большим подозрением относился и отношусь ко всякого рода «новым», «революционным», «либеральным» и «демократическим» идеям. Тем более, как показала сама жизнь, Советский Союз как государство действительно демократическое, народное, где нет ни нищих, ни богатых, где реально

существует социальная справедливость, состоялся строй, о чём свидетельствуют его признание всеми его гражданами и абсолютным большинством народов зарубежных стран.

Он пробудил в людях такой прилив необычайной энергии созидания, что за самый короткий исторический срок нам удалось создать и современную экономику, и передовую науку и культуру. Наш народ стал самым образованным народом в мире, мы первыми вышли в космос, обогнали многие страны в целом ряде фундаментальных наук. Я не говорю уже о нашей культуре: мы создали такую литературу и искусство, равных которым в современном мире нет. Это вызывало и вызывает восхищение простых людей во всем мире, вместе с тем мы видим, что это вызывает у господствующих политических кланов злобу и ненависть к нашей стране, и они всеми силами стремятся опорочить всё, что было достигнуто нами.

Слушая столь неожиданные, ошеломляющие откровения великого писателя, я почти автоматически вспоминал, что какое-то время раньше некоторые наши философы и деятели культуры в откровенных беседах со мной высказывали свои предчувствия, схожие с суждениями Шолохова. Например, известный философ и эстетик Михаил Федотович Овсянников на мой вопрос, почему у него в последнее время плохое настроение, отвечал: «Костя, разве ты не чувствуешь, что скоро придут гунны и начнут рушить всё?» Примерно то же самое говорил и известный грузинский философ Константин Спиридонович Бакрадзе, читавший нам, аспирантам, курс лекций по западной философии.

Но их предчувствия носили в то время ещё слишком общий, абстрактный характер, в отличие от совершенно конкретных, с упоминанием имён и даже примерных сроков, откровений М.А. Шолохова, который умер за год с небольшим до начала горбачёвской перестройки.

Ещё одна встреча с М.А. Шолоховым состоялась в последние годы его жизни. Я шёл по коридору в свой кабинет

и вдруг вижу: навстречу идёт Михаил Александрович. Я обрадовался и пригласил его к себе. Поскольку в мой кабинет часто приходили разные люди, я попросил разрешения у Михаила Александровича запереть дверь на ключ, чтобы нам не мешали беседовать. Глядя на него, я не мог определить для себя его внутреннее состояние, но мне казалось, что оно не только не улучшилось по сравнению с состоянием на предыдущих встречах, но даже ухудшилось. Если раньше он был энергичным в своей резкой и жёсткой критике противников и врагов Советской власти, сейчас он показался мне каким-то вялым, уставшим, снившимся.

После некоторого молчания он напомнил мне о нашей предыдущей беседе: ну что, Константин Михайлович, всё идёт, к великому сожалению, так, как я говорил, и многие это уже видят и признают. Но пока все эти разговоры остаются разговорами. Я могу только ещё раз повторить то, что говорил тогда: если не будут приняты серьёзные меры по защите нашего отечества, нашего строя, то нас ждёт страшная, невиданная и неслыханная катастрофа. Чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь в этом. Отдельные попытки кого-то наказать, выслать, раскритиковать делу не помогают, а скорее наоборот, они вдохновляют всё новых и новых претендентов на борьбу против советской власти и советского строя.

Нужна серьёзная, решительная программа по исправлению этого убийственного для нашей страны политического курса. Я как старый человек и коммунист, переживший столько всего, что надо было бы написать ещё несколько романов, считаю, что, как это бывало не раз, наша страна, наша родина, наше отечество в опасности, причём смертельной, и это не громкие слова и не повторения известных лозунгов, а трезвая оценка того, что есть. Я могу ещё раз повторить: дай бог, чтобы ни я, ни Вы не дожили до этой катастрофы и не увидели её. Надеюсь, я до этого этого не доживу, но Вы, пожалуй, увидите её во всей «красе» и будете переживать и расхлёбывать её вместе со всем народом. Конечно, я пы-

таюсь и буду пытаться написать что-то о нашем времени, но боюсь, что мне это уже не удастся.

Я отважился задать Михаилу Александровичу вопрос, который возник у меня не один раз. Некоторые мои коллеги по работе рассказывали, что их направляли в командировку в станцию Вешенскую, чтобы побеседовать с М.А. Шолоховым и убедить его переписать образ Григория Мелехова в конце романа и сделать его положительным, то есть более зрелым и высоко сознательным человеком, который даже становится коммунистом. Правда ли это, Михаил Александрович? – спросил я. От неожиданности он даже как-то отшатнулся, удивленно посмотрел на меня и тут же ответил: это правда, но мне не хочется об этом ни вспоминать, ни говорить. Я не знаю, кто их уполномочил на подобную миссию, но я считал эти разговоры крайне оскорбительными для меня и совершенно неприемлемыми с точки зрения художественной правды.

Поэтому я отправлял таких собеседников восвояси без всякого ответа. Как я мог изменить характер и поведение, мирозерцание и мировоззрение Григория Мелехова, его поступки и создать положительный образ? То, что я написал, было истиной и правдой, таких Григориев в народе было очень много, и если бы я попытался следовать советам, которые мне давали, то весь «Тихий Дон» стал бы мелкотравчатой фальшивкой. Всем известно, что я убеждённый коммунист, но я не так просто пришёл к этому. И среди казачества, и среди русского крестьянства коммунисты никогда не пользовались всеобщей любовью и уважением, вплоть до современности.

И это не случайно, немало коммунистов злоупотребляли своим положением при выдвижении на руководящие должности, распределении материальных благ, всякого дефицита и т.д., и т.п. Да и сейчас мы можем наблюдать, что некоторые коммунисты ведут себя неподобающим образом, не так, как должны вести себя настоящие коммунисты. Они часто оказываются просто пустыми болтунами –

многое обещают, но мало что делают. Больше того, я не сомневаюсь, если в нашей стране, не дай Бог, случится какой-либо кризис, они первыми, как крысы с тонущего корабля, побегут из партии и из страны на Запад. Вот почему я даже не хотел и думать о каком-либо изменении образа Григория Мелехова.

Вернувшись к теме критиков советского строя, М.А. Шолохов сказал, что о наших недостатках он знает больше и лучше всех критиков, вместе взятых. На мой взгляд, с заметным раздражением говорил М.А. Шолохов, советская власть допустила, мягко говоря, серьёзнейшую политическую ошибку, если не сказать преступление, когда она начала кампанию ликвидации кулачества как класса, объявив кулаков врагами народа. А в деревнях и сёлах, в целом в сельском хозяйстве, кулаков было слишком мало, чтобы объявлять против них такую борьбу. Неслучайно почти сразу в кулаки попали практически все середняки как люди, имеющие частную собственность, хотя, по сути, эта собственность была личной, а не частной: дом, лошадь, корова, мелкий скот. При этом никто из них не использовал наёмный труд. Однако советская власть, чувствуя сопротивление крестьян по отношению к проводимой политике, со всей своей революционной энергией обрушилась на середняков, составлявших абсолютное большинство нашего крестьянства.

Власть специально облагала их такими налогами, которые никто из них заведомо не мог выплатить. У крестьян был выбор: или вступать в колхоз, как предлагали власти, или бросать всё и уезжать, куда глаза глядят. Те, кто не мог покинуть родные места по разным причинам, вынуждены были вступать в колхоз, остальные бросали своё хозяйство и уезжали на север, в Сибирь, на Кавказ, в Среднюю Азию, на Дальний Восток. Сельское хозяйство лишилось миллионов крестьян, трудом которых держалась Россия, и в итоге оказалось на грани настоящей катастрофы. Вот почему И.В. Сталин вынужден был выступить в этот момент со своей статьёй «Голово-

кружение от успехов» именно для того, чтобы предотвратить эту катастрофу. Я всё это сам видел, знал и глубоко переживал. В «Поднятой целине» я попытался показать те неимоверные трудности, с которыми столкнулась и власть, и крестьянство при переходе от старого строя к новому.

Реальность же, конечно, была гораздо труднее, опаснее, более зловещей и почти безысходной. Тем не менее, я был и остаюсь убеждённым коммунистом, так как считаю, что социализм – это единственно правильный путь для создания подлинно человеческого общества, где высшей ценностью является человек, его труд, справедливость, свобода и отсутствие какой бы то ни было эксплуатации человека человеком. Я тоже критикую имеющиеся у нас недостатки, но с целью избавления от них и всю свою жизнь и свой труд вкладываю в то, чтобы наша страна становилась всё более могучей и совершенной. Я, как и другие настоящие коммунисты, критикуем ради укрепления и развития нашего строя, а так называемые критики – ради его уничтожения и ради собственной выгоды и дешёвой славы за рубежом.

Слушая М.А. Шолохова, я мгновенно, невольно вспомнил историю с моим приёмом в партию, когда я был студентом философского факультета МГУ. За приём меня в ряды КПСС выступили все, в том числе студенты-коммунисты, прошедшие войну, против – неожиданно для меня – выступил лишь один коммунист, с которым у меня до этого были тоже нормальные отношения – А. Бовин, аспирант нашего факультета. Он обосновывал своё мнение тем, что мой отец – крестьянин-середняк (имел своё хозяйство – дом, лошадь, корову, мелкий скот) был, по его мнению, кулаком, как и другие так называемые середняки. Мой рассказ о том, что наше село, как и многие другие, было вполне благополучным, что там не было ни нищих, ни кулаков, а крестьяне жили лишь собственным трудом, казался для А. Бовина неубедительным, видимо, он рассматривал деревню сквозь призму известной политики ликвидации кула-

чества как класса, не интересуясь реальным положением дел. Тот факт, что наша семья в разгар борьбы с кулачеством, спасаясь от совершенно несправедливых и опасных для жизни гонений, переехала в Среднюю Азию (в Бухару), явился для него лишним аргументом в пользу того, что мой отец был кулак.

На основании его выступления мой приём был отложен. Кстати, этот сверхбдительный коммунист, как только началась перестройка, оказался в первых рядах критиков советской власти и коммунистической партии, а после весьма энергичных попыток построить на этой критике свою карьеру был назначен Горбачёвым послом России в Израиле. Что касается самого Горбачёва, то после наших неоднократных споров и столкновений по ключевым вопросам развития Советского Союза, в том числе на заседаниях Политбюро, когда я критиковал его авантюристическую, по существу, предательскую политику в отношении нашей страны. Я понимал, что всё направлено на её развал, как вскоре все смогли в этом убедиться. Он, будучи в то время Генеральным секретарём ЦК КПСС, лично подписал указ об исключении меня из партии и снятии с работы.

Чувствуя столь тяжёлое содержание нашего разговора, я пытался перевести его на другие, более положительные вопросы: о недавно вышедших произведениях литературы и искусства. Но разговор явно не клеился, у Шолохова, видимо, не было ни сил, ни желания говорить о чём-то положительном, а произносить какие-то банальные ободряющие слова и пожелания успехов в творчестве такому мудрому, всё глубоко чувствующему и понимающему человеку мне казалось неуместным и неприличным. Я до сих пор жалею о том, что не нашёл нужных слов, которые я хотел бы сказать любимому мной и миллионами людей писателю, и мы расстались на общепринятых пожеланиях здоровья, творческих успехов, благополучия.

Исполнения предчувствий М.А. Шолохова пришлось ждать совсем недолго. С кончиной Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропо-

ва, К.У. Черненко, с избранием Генеральным секретарем М. Горбачёва началась гнусная, предательская эпоха перестройки, а затем ельцинских реформ, приведших к той катастрофе, которую так остро и мучительно предчувствовал М.А.Шолохов. Я много раз вспоминал и по сей день вспоминаю его неожиданно вырвавшиеся когда-то в разговоре вещице слова – какой бы ни была родная мать, каким бы ни был родной отец, они никогда не позволят себе отказаться от своих детей. Но и дети должны помнить, что нигде и никогда они не найдут себе

ближе людей, чем родная мать и родной отец. И родители, и дети вместе должны действительно как зеницу ока беречь родину-мать, своё отечество, посвящать им свою жизнь, свой труд и творчество, не жалеть для этого ничего, ибо в таком отношении родителей к детям, детей к родителям и всех вместе к родине, отечеству есть высший смысл человеческой жизни. Как гениальный художник, М.А. Шолохов понимал это лучше, чем кто-либо другой, но, к великому сожалению, он не написал об этом своего нового романа.

ПАМЯТИ П.Г. ЧЕСНОКОВА – ДИРИЖЁРА, КОМПОЗИТОРА, ПЕДАГОГА

А.С. Стрельцова*

Московский педагогический государственный университет.
109240, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16-18.

14 марта 2019 г. исполнилось 75 лет со дня кончины русского хорового дирижера, композитора и педагога Павла Григорьевича Чеснокова. Родился буду-

щий композитор 12 (24) октября 1877 г. близ города Воскресенска (ныне г. Истра) Звенигородского уезда Московской губернии в семье церковного регента. С пятилетнего возраста в церковном хоре началось его певческое воспитание. Музыкальная одарённость и прекрасный певческий голос позволили семилетнему мальчику поступить в Синодальное училище, которое он окончил в 1895 г. с золотой медалью. Обучаясь в старших классах училища, Чесноков проявлял интерес и любовь к хоровой композиции. Выдающийся педагог и музыкант С.В. Смоленский пристально следил за

развитием композиторского таланта юноши. Творческий стиль сложился не вдруг.

Позднее, в беседе со своими учениками, Павел Григорьевич вспоминал: «В то время я впервые познал вдохновение. Я писал свой первый большой концерт для хора с любовью и прилежанием. Но всякий раз, на очередном уроке композиции и теории, С.В. Смоленский спокойно подчёркивал карандашом написанное и говорил: «Это – не то». В конце концов, я был близок к отчаянию. Но вот однажды я шёл по улице, думал о своём неудачном сочинении, и вдруг меня осенило!

Как будто передо мною отворилась закрытая дверь. Я постоял мгновение и затем бросился бежать. Москвичи, вероятно, с удивлением смотрели на долговязого юношу, бегущего со счастливым лицом по Кузнецкому мосту. Всю ночь я писал. А наутро С.В. Смолен-

* **Стрельцова Анна Сергеевна** – к.пед.н., доцент кафедры «Музыкознание и музыкальное образование» МПГУ им. М.А. Шолохова, руководитель вокально-хорового ансамбля «Благовещение», лауреат II Международного конкурса «Современное искусство и образование» (Музы мира), XI Международного конкурса «Звучит Москва», Международного фестиваля-конкурса «Рождественская песнь».

ский, внимательно проиграв сделанное мною, встал, обнял меня, поцеловал и сказал: «Поздравляю тебя». И действительно, это было одно из лучших моих сочинений!»¹.

К сожалению, автор не указывает название этого произведения, но можно предположить, что это концерт «Не имама иныя помощи», который был исполнен впервые 25 марта 1898 г. в зале Синодального училища под управлением регента В.С. Орлова. Анализируя репертуар концертов Синодального хора, мы пришли к выводу, что ранее исполнялись только такие сочинения автора, как Антифон 4-го гласа (18 февраля 1896 г.), Херувимская и Достойно есть (18 декабря 1897 г.). Всего в концертном репертуаре Синодального хора в период с 1890-х – до начала 1900-х гг. числилось семь произведений П.Г. Чеснокова: «Благослови, душе моя, Господа», воскресные тропари, концерт «Не имама иныя помощи», «От юности моя», две Херувимские (на «Радуйся» и «Стрелецкая») и концерт «Высшую небес», исполненный впервые в 1899 г. в Вене.

Интересно отметить реакцию прессы того времени на творчество молодого композитора. Например, автор рецензии на духовный концерт Синодального хора от 17 декабря 1900 г. журнала «Московские ведомости» так описывает свои впечатления от услышанного: «...Херувимская «Стрелецкая» в переложении П. Чеснокова представляет замечательную работу, сделанную с большим талантом и знанием дела. Такое переложение есть вполне самостоятельная композиция, свидетельствующая в одинаковой степени как о даровании, так и о техническом мастерстве композитора»².

В период после окончания училища, с 1895 по 1901 гг., наряду с духовными сочинениями (которые позднее составили *ор.7*³ и *ор.8*), Чесноков написал семь романсов (*ор.1*) и три хора для женских голосов в сопровождении фортепиано (*ор.2*) «Ночь», «Русалка», «Крестьянская пирушка». Ощущая недостаточную техническую подготовку, он в течение четырёх лет брал уроки композиции и теории у композитора, профессора Московской государственной консерватории С.И. Танеева, который был высшим авторитетом в технике контрапункта.

Одновременно с этим Чесноков активно занимался педагогической деятельностью. По рекомендации С.В. Смоленского он вёл курс «Церковного пения» в младших (1-5) классах Синодального училища; преподавал хоровое пение в двух городских начальных мужских училищах - во 2-ом Суцевском и 4-ом Рогожском, хоровое пение и игру на фисгармонии на курсах для учителей церковно-приходских школ. В 1901 г. был назначен помощником регента Синодального хора. Регентские обязанности в Мещанском женском училище (1896-1905 гг.) и в Екатерининском институте (1904-1918 гг.) побудили Чеснокова сочинить цикл песнопений из

¹ Хор и управление им. (стр.10).

² Русская духовная музыка т.II, кн.2, стр.1012.

³ Сочинения (второй половины 1890-х и начала 1900-х) составили **ор.7** – «Херувимская» (си минор), «Херувимская» (Стрелецкая), «Достойно есть», «О всепетая Мати», «Высшую небес». **Ор.8** – «Во царствии Твоем», «Приидите поклонимся», «Господи, спаси... и Трисвятое», «Видехом свет... и Да исполнятся уста», «Благочестивейшаго».

Литургии и Всенощного бдения для женского хора (ор.9).

В январе 1900 г. Чесноков принял приглашение старосты храма Космы и Дамиана в Шубине, фабриканта Р.Д. Вострякова руководить хором любителей при этой церкви. Хор репетировал в доме Вострякова на Б. Дмитровке и пел обедни. А осенью 1902 г. Чесноков перешёл в церковь Троицы на Грязях. Именно с этим любительским хором Павел Григорьевич прославился на всю Москву. «Не певчим платили, а певчие платили, чтобы их приняли в хор Чеснокова» – вспоминал в 1960 г. один из старожилов-регентов С.Н. Данилов.

В рецензии на юбилейные концерты хора Чеснокова автор так описывает свои впечатления: «П.Г. Чесноков в деле дирижирования хором и виртуоз замечательный, и тончайший художник. Просто и серьёзно, смиренно и строго пел хор. Никакого стремления удивить необычайным эффектом, подготовить что-нибудь поражающее, какой-нибудь разительный контраст. Все оттенки даются такими, каких требует внутреннее чувство и музыкальная красота каждого исполняемого произведения».

В 1911 г. Синодальное училище праздновало 25-летия деятельности со времени своего преобразования в среднее учебное заведение (в 1866 г.). Журнал «Музыка и жизнь» №10 за 1911 г. так осветил это событие: «6 ноября состоялся концерт из произведений питомцев Синодального училища, начиная с выпуска 1895 г. (П. Чеснокова) и кончая выпуском 1910 г. Синодальный хор отлично спел ряд произведений молодых композиторов, из коих всех затмил, конечно, Павел Чесноков. За ним выделились Н. Толстяков и К. Шведов. Многочисленные приветствия, принесённые юбиляру-учреждению, свидетельствуют о той популярности, которая приобретена им за последние годы в роли музыкально-педагогического института, в настоящее время в правах приравненного к консерваториям. ...Целый ряд духовных композиторов, сгруппировавшихся около Синодального училища и его хора, дал

толчок «новому направлению в церковной музыке», основывающемуся не на традициях Запада, а на безыскусственном русском народном песнотворчестве, что составляло красивую страницу не только в жизни училища, но и в истории русской музыки».

С 1911-1917 гг. П. Г. Чесноков преподавал на летних регентских курсах в Санкт-Петербурге, продолжая дело С.В. Смоленского, начатое ещё в 1909 г.

Особую страницу его биографии составляет участие в заупокойной службе в храме Спаса на Крови в Санкт-Петербурге. Каждый год в конце летних курсов хор регентов под управлением Чеснокова пел литургию в храме Спаса на Крови, где исполнялись песнопения как самого Чеснокова, так и других композиторов. В конце литургии всегда служилась панихида и исполнялась «Панихида на темы древних распевов» почившего композитора.

Творческий облик Чеснокова будет неполным, если обойти вниманием его общественную деятельность. Так, например, он принимал самое активное участие в работе регентских съездов, которые проходили в Москве с 1908 по 1910 гг. В дискуссиях съездов он высказывался за повышение социального статуса и улучшение материального положения российских регентов, а затем и в публикациях.

В 1913 г., в возрасте 36 лет, будучи уже известным композитором и регентом, П.Г. Чесноков поступил в Московскую консерваторию, которую окончил в 1917 г. по классу свободного сочинения с серебряной медалью. К этому периоду композитором было написано 50 опусов, из них 36 опусов духовной музыки.

Регентская деятельность проходила красной нитью через всю жизнь композитора, несмотря на изменение идеологии и политические гонения. П.Г. Чесноков был регентом храма Христа Спасителя до 1932 г., одновременно руководил Московской государственной академической капеллой, работал главным хормейстером Большого театра, позднее возглавлял капеллу Московской

государственной филармонии. В 1920 г. был приглашён профессором в Московскую государственную консерваторию. В консерватории Чесноков вёл созданный им курс хороведения, хоровой класс, специальное дирижирование, сольфеджио, а с 1932 году возглавлял впервые созданную кафедру хорового дирижирования. В эти годы Павел Григорьевич работал над главным теоретическим трудом своей жизни – книгой «Хор и управление им», которая вышла в свет в 1940 г. (тираж разошёлся в считанные часы).

Любовь к хоровому творчеству во всех его проявлениях составляла смысл всей жизни П.Г. Чеснокова. Как композитор, Чесноков пользуется всемирной известностью. Им написано свыше 60 опусов без инструментального сопровождения, свыше 20 женских хоров с сопровождением фортепиано, несколько обработок русских народных песен, романсы и песни для голоса соло. Все без исключения хоры, возглавляемые Чесноковым за время его многолетней творческой деятельности, добивались высоких художественных результатов, исключительно вокально-технического мастерства и яркой выразительности.

Павел Григорьевич прошёл великолепную русскую музыкальную школу – Синодальное училище и Московскую консерваторию. Его учителя – С.В. Смоленский, С.И. Танеев, В.С. Орлов, С.Н. Василенко, М.М. Ипполитов-Иванов. Его друзьями и единомышленниками по искусству были замечательные русские артисты А.В. Нежданова, Л.В. Собинов, Д.А. Смирнов, М.Д. Михайлов, охотно творчески общавшиеся с ним и с радостью певшие в хорах под его управлением. Чесноков был одним из видных представителей русского музыкального исполнительства, хранившим и про-

должавшим лучшие традиции отечественного вокально-хорового искусства, преобразовывавшим их силой своего самобытного и большого дарования.

В работе с хором Чесноков представлял как великолепный знаток хорового пения, отличный образованный музыкант и талантливый высокопрофессиональный регент и дирижер. Каждый шаг его работы с хором был глубоко осмыслен и последователен, каждое требование совершенно целесообразно и ясно, во всём действии хора чувствовалось его руководство – горячее творческое чувство и сильная мысль большого художника музыканта. Его исполнение отличалось всегда благородством, безукоризненным вкусом. Его пониманию содержания произведения было свойственно мудрое и глубокое проникновение в авторский замысел. В дирижерской трактовке произведений ему было органически присуще прекрасное художественное чутьё.

Умер П.Г. Чесноков 14 марта 1944 года в Москве, похоронен на Ваганьковском кладбище.

Вечная Ему память!

XIV КОНГРЕСС МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ (МАПРЯЛ)

С.Ю. Дианина*

С 29 апреля по 2 мая 2019 года в г. Нур-Султане (Республика Казахстан) состоялось важное событие в мировой русистике – XIV Конгресс МАПРЯЛ «Рус-

ское слово в многоязычном мире». Один раз в четыре года преподаватели из разных стран мира собираются вместе, чтобы:

- обсудить проблемы состояния русского языка и русской культуры в эпоху глобализации;
- поделиться результатами своих исследований динамики языковых изменений;
- рассказать об использовании русского языка в межкультурной коммуникации;
- посоветоваться о выборе методов преподавания русского языка и литературы;
- высказать своё мнение о плюсах и минусах дистанционного образования.

На Конгресс прибыло более 500 делегатов из 50 стран, самой представитель-

ной делегацией были преподаватели из России (более 200 человек) и Казахстана (более 100 человек).

Президент Российской Федерации В.В. Путин направил участникам и гостям Конгресса приветственное послание. В этом обращении он отмечал: «Ваше важное традиционное мероприятие выполняет высокую миссию – собирает под своей эгидой педагогов, учёных-филологов, лингвистов из разных стран для обсуждения широкого круга актуальных проблем, связанных с популяризацией русского языка и укреплением его позиций как языка межнационального общения, внедрением современных методик преподавания, продвижения ценностей российской словесности». Большой заслугой МАПРЯЛ, по мнению Президента России, являются образовательные и научные проекты, осуществляемые во многих странах мира, просветительская деятельность русских школ и центров русского языка, увеличение количества иностранных студентов, как поступающих учиться в русские вузы, так и обучающихся в России на стажировках.

* **Дианина Светлана Юрьевна** – к.филос.н., старший преподаватель Кафедры языков стран Северной Европы и Балтии Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел России.

«Такая ответственная многогранная деятельность ассоциации заслуживает самой глубокой признательности. Имеет огромное значение для наращивания гуманитарных контактов, развития межкультурной коммуникации, упрочения добрососедских дружественных отношений между людьми», – говорится в приветствии В.В. Путина.

Также приветствия в день открытия XIV Конгресса МАПРЯЛ прислали многие известные государственные и общественные деятели Российской Федерации и Республики Казахстан. В.И. Толстой, советник Президента России, в приветственной речи отметил: «Девиз нашего форума – «Русское слово в многоязычном мире», – очень точно отражает цели и задачи, стоящие перед многомиллионной армией почитателей языка Пушкина, Чехова, Достоевского и Толстого. Сегодня важно не просто констатировать, что русский язык остаётся важнейшим средством межнационального общения. Нам необходимо предметно обсудить особенности функционирования русского языка в современных условиях, обозначить его место и роль в образовательной системе, оказать поддержку тем, кто активно распространяет русский язык и культуру за рубежом».

На торжественной церемонии открытия Конгресса 30 апреля В.А. Никонов, председатель правления фонда «Русский мир», глава Комитета Государственной Думы РФ по образованию и науке, сказал: «Для меня огромная честь и огромное удовольствие приветствовать вас здесь, представителей пяти десятков стран, которые собрались здесь, в замечательной столице Казахстана на уже XIV ассамблею Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Я от всей души хотел бы вас приветствовать и поблагодарить за то, что вы здесь, за то, что вы являетесь послами русского языка в мире». Желая участникам Конгресса успехов в работе, он отметил, что русский язык, язык не только России, но и всего Русского мира, в котором насчитывается 300 миллионов человек.

«Русский язык – это язык великой культуры. Пушкина, Толстого, Чайковского, Достоевского, Станиславского, Чехова», – напомнил Вячеслав Никонов. – «Это язык, который позволил стать великой науке и приобщил очень многие народы к этой великой науке. По-русски говорил основатель химии Менделеев, изобретатель радио Попов, изобретатель телевидения Зворыкин. По-русски говорили первый человек в космосе и человек, запустивший его в космос. По-русски говорили создатели атомной энергетики, лазеров... По-русски говорил недавно ушедший из жизни нобелевский лауреат Жорес Алфёров, который получил Нобелевскую премию за те изобретения, благодаря которым сейчас существуют айфоны, мобильный интернет и многое другое. Русский язык – это и язык большой геополитической игры... Это удивительный язык – язык международного общения, Организации Объединённых Наций». В заключение выступления В. Никонов процитировал классика казахской литературы Абая Кунанбаева: «Русский язык откроет нам глаза на мир. Русская наука и культура – это ключ к мировым сокровищам. Владующим этим языком всё другое достанется без особых усилий».

Далее состоялась панельная дискуссия «Русский язык в многоязычном мире: идентичность, ресурс, интеграция». В ней участвовали известные учёные и государственные деятели России, Казахстана, США, Финляндии. Всех выступавших объединяла заинтересованность в решении многих проблем, связанных с современным состоянием русского языка. Так, например, ведущий дискуссии В.А. Никонов говорил о том, что никогда и нигде преследование русского языка и его носителей не давало тех результатов, которые предполагали получить инициаторы запретов и «наказаний». Говоря об итогах выборов на Украине, он заметил: «Победил тот, кто говорил, хоть тоже не всегда правильные вещи, но по-русски».

Статс-секретарь – заместитель Министра просвещения П.С. Зенькович в своём выступлении определил главные за-

дачи Министерства просвещения РФ по поддержке русского языка: повышение квалификации преподавателей русского языка как иностранного, модернизацию экзамена по русскому языку как иностранному, который мог бы проходить и в России, и за рубежом.

А.К. Садвокасова, руководитель Центра по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в Центрально-Азиатском регионе, председатель Научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстана сообщила присутствующим о проведении языковой политики в Казахстане. Так как здесь можно наблюдать объединение тюркской и славянской цивилизационных основ, население Казахстана сегодня – билингвы. Но народ Казахстана будет решать следующую важную задачу – освоение трёх языков. Она назвала народ Казахстана, изучающий казахский, русский и английский языки, поликультурным, английский язык определила как ключ к миру науки и техники, русский – как ключ к великой культуре.

В.И. Толстой, советник Президента РФ, отметил, что уровень владения русским литературным языком снижается и поэтому сегодня особенно важна роль преподавателей русского языка и литературы. Он обратил внимание участников Конгресса на важную злободневную проблему – необходимости возродить интерес молодёжи к русскому языку. Дэн Юджин Дэвидсон, вице-президент МАПРЯЛ, Почётный Президент Американских советов по международному образованию, сообщил, что в США, несмотря на монологичность общества, популяризируется изучение иностранных языков (и русского в том числе) в высших и средних учебных заведениях.

Арто Мустайоки, вице-президент МАПРЯЛ, профессор Хельсинкского университета, предположил, что русский язык важен не только в области политики и культуры, но может являться и языком повседневного общения. На пленарном заседании были заслушаны доклады:

- Элеоноры Сулейменовой («Пушкин и Абай. Времен связующая нить»);
- Дэна Дэвидсона («Трансформативное обучение иностранным языкам. Теория и практика»);
- Вячеслава Шульженко («Современная литература на русском языке: русская классика и межкультурная интеграция в XXI веке»);
- Арто Мустайоки («Что такое знание языка»);
- Сергея Кузнецова («Какой язык мы изучаем?»).

На следующий день Конгресс продолжил работу по 14 направлениям. На секциях участники прослушали более 300 докладов и обсудили вопросы, которые считали наиболее важными. Представители МГИМО МИД России выступили на Конгрессе с докладами: заведующая кафедрой русского языка Н.Д. Афанасьева, доценты С.С. Захарченко и И.Б. Могилева на тему «Особенности учебных материалов, используемых иностранными преподавателями русского языка (взгляд со стороны)»; старший преподаватель А.А. Апостолиди на тему «Лингвостилистические характеристики малоформатного новостного медиатекста»; преподаватель Н.Ю. Ярыгина на тему «Русский язык в профессиональном общении».

Круглые столы были посвящены проблемам билингвального обучения, дистанционного образования, лингвокультурологии.

Завершала работу Конгресса Генеральная Ассамблея МАПРЯЛ:

- были намечены планы развития МАПРЯЛ на следующие 4 года;
- избран новый президент МАПРЯЛ – советник Президента Российской Федерации, председатель совета при Президенте РФ по русскому языку, журналист и писатель-эссеист, праправнук Льва Николаевича Толстого Владимир Толстой;
- избраны вице-президенты: Дэн Дэвидсон (США), Татьяна Кортова (Россия), Сергей Кузнецов (Россия), Арто Мустайоки (Финляндия), Чжэн Тиу (Китай), генеральный секретарь – Наталья Бру-

нова (Россия), казначей – Татьяна Млечко (Молдова);

– в состав президиума также вошли Нурлана Алиева (Азербайджан), Харри Вальтер (Германия), Давид Гоциридзе (Грузия), Рафаэль Гусман Тирадо (Испания), Иржи Клапка (Чехия), Аксилия Красовски (Румыния), Людмила Кудрявцева (Украина), Антония Пенчева (Болгария), Иван Ровдо (Беларусь), Эле-

онора Сулейменова (Казахстан), Томас Шмидт (Швейцария);

– был назван город XV, юбилейного, Конгресса МАПРЯЛ – Санкт-Петербург. Он примет русистов в 2023 г.

C.Y. Dianina.
XIV CONGRESS OF THE
INTERNATIONAL ASSOCIATION OF
RUSSIAN LANGUAGE TEACHERS AND
LITERATURE

РОЖДЕНИЕ ШКОЛЫ И ЕЁ ТРАДИЦИЙ (О 100-М ЗАСЕДАНИИ МЕЖКАФЕДРАЛЬНОГО СЕМИНАРА «ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ТЕЗАУРУС И РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛА-МЕЖДУНАРОДНИКА»)

С.Е. Глазунова*

26 февраля 2009 года в МГИМО прошло 100-е заседание межкафедрального семинара преподавателей иностранных языков МГИМО «Лингвострановедческий тезаурус и речевое поведение профессионала-международника».

На этой торжественной, юбилейной встрече присутствовали и выступили с приветствиями и поздравлениями гости:

– проректор по общим вопросам А.В. Мальгин;

– заведующие кафедрами МГИМО Н.Д. Афанасьева (кафедра русского языка), Н.В. Иванов (кафедра романских языков), О.К. Ильина (кафедра английского языка №3), М.К. Огородов (кафедра французского языка), А.В. Штанов (кафедра языков стран Ближнего и Среднего Востока);

– исполнительный директор Российско-иранского делового совета М. Делинад.

Юбилей – время поздравлений и подведения итогов. Проректор А.В. Мальгин,

открывший заседание, от имени ректора А.В. Торкунова вручил профессору Л.Г. Ведениной, основателю семинара, грамоту за создание и ведение семинара. Также грамоты за активное участие были вручены наиболее постоянным участникам.

Семинар начал свою работу в 2003 г. Инициатором, основателем и неизменным его руководителем является почётный профессор МГИМО, член Парижского лингвистического общества и Международного общества функциональной лингвистики, член Парижского лингвистического общества и Международного общества функциональной лингвистики, Кавалер французского ордена Академических пальм, удостоенная за вклад в теоретическую разработку и преподавание лингвострановедения Государственной премии Правительства Российской Федерации, Людмила Георгиевна Веденина. Вспоминая, как всё начиналось, Людмила Георгиевна отметила, что «семинар был создан по воле народных масс, без принуждения и без особых распоряжений со стороны администрации».

* **Глазунова Светлана Евгеньевна** – старший преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России. Москва, 119454, пр. Вернадского, 76. E-mail: svtln.glazunova@gmail.com.

Понимание необходимости изучения не только иностранного языка, но и культуры, особенностей общества, государства страны этого языка пришло давно. Язык, безусловно, является важнейшим инструментом межнационального общения, однако без формирования умения понять другого, увидеть чужое через своё и наоборот, эффективность межкультурного общения, очевидно, будет намного ниже. Уже в конце 70-х – начале 80-х годов XX века начинает развиваться сопоставительное лингвострановедение, основоположниками которого считаются Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, которые первоначально употребляли этот термин, говоря лишь о преподавании русского языка иностранцам. Однако очень скоро этот подход распространился на преподавание всех иностранных языков.

К началу 2000-х гг. материалов и работ в области лингвострановедения уже набралось очень много и возникла необходимость их обсуждения. Так в МГИМО возникла идея межкафедрального семинара преподавателей иностранных языков, целью которого стал обмен накопленным опытом, ознакомление с исследованиями в области различных научных дисциплин, на которые опирается лингводидактика (национальная психология, социология, языкознание, культурология, педагогика). «Нам, преподавателям, было необходимо обмениваться впечатлениями и опытом, поговорить на профессиональные темы вне профессиональной обстановки, обсудить, какие книги вышли, выступить самому, – отметила Людмила Георгиевна. – Темы, которые мы обсуждали, развивали и обогащали наш профессиональный кругозор».

В своем выступлении профессор Л.Г. Веденина говорила об истории семинара и причинах его создания. Она отметила, что в самом названии семинара закодировано его основное значение: слово «тезаурус» означает «вместилище» – вместилище тех лингвострановедческих знаний, которыми должен обладать профессионал-международник.

И действительно, палитра вопросов, обсуждавшихся на семинаре за прошедшие 16 лет, невероятно разнообразна:

- от широких теоретических тем, как, например, «Сравнительно-сопоставительный анализ – основной метод исследования в области лингвострановедения»; «Научный дискурс: структура, функционирование, культурноносный смысл»; «О коммуникативных неудачах и борьбе с ними»; «Актуальные проблемы европейской лингводидактики»; «Языки и религии как структурные компоненты духовной жизни общества»; «Лингвокультурологические основы переводческой деятельности»; «Социальная концептосфера в дискурсе изучаемых языков»; «Отношение языка, культуры и религии»; «Гендерная и возрастная концептосферы, их коммуникативная природа»;

- до конкретных страноведческих тем: «Национальные традиции в искусстве песни»; «Национальные особенности внешнего облика носителей изучаемых культур»; «Образ Родины в национальных культурах»; «Языки о трудовой деятельности человека»; «Национальная система образования»; «Атрибутика и эмблематика страны изучаемого языка»; «Национальная литература» и др.

По каждой теме преподаватели-участники семинара готовили выступления о стране преподаваемого ими языка. Безусловно, много внимания всегда уделялось непосредственно языку, его особенностям, отражению специфики культуры, обычаев и пр. страны в языке. Все рассматриваемые вопросы подавались через призму языка. При этом языковые явления рассматривались как в диахронии, так и в синхронии.

На юбилейной встрече гостям и участникам были показаны фрагменты из фильма «История одного семинара», снятого в 2012 г. и приуроченного к юбилею Л.Г. Ведениной (премьерный показ фильма состоялся 1 марта 2012 г.). В этот фильм вошли кадры с заседаний семинара, интервью с его участниками и представление ими новых мультимедий-

ных материалов по страноведению, мышления самой Людмилы Георгиевны, рассказ о подготовленных ею учебных и лекционных курсах. В показанных на встрече фрагментах участники семинара рассказывали о значении семинара для своей научной и преподавательской деятельности. Все отвечавшие на этот вопрос подчёркивали, что семинар даёт им возможность расширить свои знания, посмотреть на изучаемый и преподаваемый ими предмет с нового ракурса.

Ряд преподавателей, вдохновлённые полученной на семинарах информацией и дискуссиями с коллегами, создали свои лингвострановедческие курсы. Участие в семинаре принимают преподаватели языков разных стран мира, и европейских, и азиатских. Кроме того, активными членами «семинарского сообщества» являются преподаватели кафедры русского языка. Также к работе семинара регулярно присоединяются преподаватели других кафедр (философии, социологии). Это позволяет получить широкий, «международный» взгляд на проблемы, оценить поставленный вопрос с точки зрения разных культур. В фильме прозвучало интересное мнение доцента кафедры романских языков Татьяны Романовны Титовой, которая отметила, что семинар даёт возможность преподавателям не застревать в «языковом шовинизме», в узком пространстве только «своего» языка, сравнить историю, закономерности и все иные стороны преподаваемых языков с языками других стран.

На заседании Л.Г. Веденина также напомнила, что межкафедральный семинар «Лингвострановедческий тезаурус и речевое поведение профессионала-международника» является так называемым «малым». По её инициативе и под её неизменным руководством в МГИМО с 2003 г. проходит «большой» – межвузовский семинар «Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения», который ежегодно собирает ведущих специалистов в этой области из российских и даже из зарубежных вузов. Работа межвузовского семинара проходит в рамках пленарных заседаний и по секциям.

Названия и количество секций менялись в разные годы, но последние несколько лет на семинаре организуются три секции: Секция 1 – «Языки и культуры», Секция 2 – «Проблемы лингводидактики (и переводоведения)» и Секция 3, посвящённая анализу конкретных лингвокультурологических тем. Л.Г. Веденина непосредственно руководит третьей секцией, и именно в эту секцию «вливается», по большей части, «малый» межкафедральный семинар. Список тем, рассмотренных за 16 лет третьей, лингвострановедческой секцией, чрезвычайно разнообразен:

- «Национальные особенности зрелищ: обычаи, праздники, театр»;
- «Образ иностранца в русской культуре»;
- «Образ России в иноязычных культурах»;
- «Категория вежливости в этнолингвистическом пространстве»;
- «Национальные особенности обозначения цвета»;
- «Концепт “семья” в аспекте лингвострановедения»;
- «Национальные особенности юмора»;
- «Особенности национальных кулинарных традиций»;
- «Концепт “человек” в аспекте лингвострановедения»;
- «Концепт “система ценностей” в аспекте лингвострановедения»;
- «Мир фауны в языковых картинах мира»;
- «Языковые заимствования как отражение взаимодействия культур»;
- «Спорт как отражение национально-культурных традиций»;
- «Лингвострановедческие реалии как хранители исторической памяти народа».

По итогам семинара публикуется сборник, редактором которого всегда выступает сама профессор Веденина и который фактически представляет собой коллективное монографическое исследование, построенное на материале целого ряда языков. На юбилейном 100-м заседании 26 февраля Людмила Геор-

гиевна продемонстрировала сборники, вышедшие за эти 16 лет – 15 сборников, каждый из которых включает себя 2 части (книги). О росте популярности семинара могут свидетельствовать хотя бы следующие цифры: в первом сборнике (2004) – по материалам Первого межвузовского семинара по лингвострановедению (который состоялся 06.02.2003) Часть 1 занимала 166 стр. и включала 21 статью, Часть 2 – 171 стр., 19 статей. Размеры пятнадцатого сборника, изданного в 2018 году по материалам Пятнадцатого межвузовского семинара по лингвострановедению (состоявшегося 14-15.06.2017), были намного значительнее: Часть 1 – 501 стр., 41 статья; Часть 2 – 373 стр., 26 статей.

О неослабевающем интересе к теме семинара – лингвострановедению – свидетельствует тот факт, что за все годы его существования заседания ни разу не отменялись. Несмотря на огромное количество уже упомянутых тем, по-прежнему остаётся вне научного рассмотрения множество вопросов, каждый раз возникает новое поле для исследования. Длительность работы «малого» – межкафедрального и «большого» – межвузовского семинара, огромный авторитет

его руководителя, неизменная заинтересованность участников и практическая значимость получаемых ими знаний и опыта, несомненно, подтверждают перспективность этого научного формата.

Нам представляется, что долгосрочность семинара, невероятный спектр охватываемых им вопросов позволяют говорить о том, что он стал не только курсом повышения квалификации, но настоящей научной школой, формирующей традиции подготовки не просто специалистов в области международных отношений со знанием иностранного языка, но и личностей, стремящихся овладеть чужой культурой так же хорошо, как и своей. И на юбилейном заседании семинара выступающие отмечали, что выпускники МГИМО, по многим откликам, отличаются от своих коллег-выпускников других вузов схожего профиля, именно глубокими знаниями культуры, обычаев, традиций зарубежных стран. Надеемся, что эта традиция, свидетелями рождения которой нам посчастливилось стать и которая продолжает развиваться и крепнуть сегодня, станет неотъемлемой частью образования в нашем университете.

О II ВСЕРОССИЙСКОЙ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ) НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ»

Н.В. Литвак*

6-8 декабря 2018 г. в Ростове-на-Дону, в Южном федеральном университете (ЮФУ) при поддержке РФФИ прошла II-я Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Утопические проекты в истории культуры» на тему «Город Солнца»: в поисках идеального локуса» (к 450-летию со дня рождения Томмазо Кампанеллы)¹.

Более ста докладов учёных из России и зарубежных стран (Великобритания, Испания, Германия, Молдова, Бразилия), представленных на конференции, отразили широкий спектр направлений исследований утопии:

«Философские основания утопического мышления» (Гончарова И.К.);

– «Теоретико-методологические основы сравнительного анализа утопии и утопизма» (Бакулов В.Д.);

– «Утопия как жанр и как способ мышления» (Сенюта Л.В.);

– «Постгуманизм как утопический проект современности» (Пендюрина Л.П.);

– «Город Солнца в game-пространстве: мифология компьютерных игр» (Тихонова С.В.);

– «Проблема идентичности в культуре: «Инстаграм» как современная утопическая практика» (Благородова Е.А.);

– «Утопические идеи, архетипы и мотивы в социальных сетях» (Митрохина М.В.)

Показателен интерес к исследованию утопических проблем у молодых специалистов, которые принимали в конференции самое активное участие. Одним из главных стало выступление на открытии конференции Грегори Клейса (Gregory Clayes), профессора истории Университета Лондона, Роял Халлоуэй. Примечательно, что его размышления о современном утопизме, о его проблемах и перспективах были оформлены в докладе «Маркс и XXI столетие», при том, что, показав непреходящее значение

* **Литвак Николай Витальевич** – д.социол.н., доцент Кафедры философии МГИМО МИД России.

¹ <http://sfedu.ru/www2/web/press-center/view/news/57425>

марксистского подхода, британский учёный подчеркнул, что сам он не марксист.

Затем, в беседе, Г. Клейс, уже как Председатель Европейского общества исследователей утопии, пояснил, что считает как марксизм, так и утопизм по-прежнему актуальными, несмотря на постоянное изменение общества. Прежде всего, эти подходы и концепции рассматриваются, во всяком случае, многими европейскими учёными, в качестве возможного источника решения современных проблем. А среди самых острых британский специалист полагает экологический кризис, прежде всего, глобальное потепление, усиливаемое антропогенным фактором, то есть обострением проблемы производства и потребления.

В своём докладе «Актуальность философских основ внешней политики в классических «утопиях» на заседании Секции «Философские аспекты утопизма» доцент МГИМО (У) МИД России Н.В. Литвак показал, что, несмотря на сосредоточение авторов «Утопии» и «Города Солнца» на вопросах внутреннего устройства новых обществ, большое внимание в этих произведениях уделено внешнеполитическим факторам. Это следствие трезвой оценки Т. Мора и Т. Кампанеллы последствий реализации их проектов, которая неминуемо вызвала бы борьбу против них «традиционных» государств.

Но важно, что большинство изложенных ими принципов новой внешней политики и сегодня широко применяется целым рядом государств – самых активных «игроков» на мировой арене, что свидетельствует об их значительном эвристическом потенциале и актуальности. Примечательно, что с постепенным развитием науки, техники, экономики, социальных отношений эти принципы (но не утопии!) были последовательно реализованы и стали важнейшими инструментами колониализма и постколониализма, с помощью которых сегодня самые развитые державы управляют остальными.

И это не только обоснование Т. Мором силовой колонизации принадлежащих другим, но не используемых земель, но и такие современные внешнеполитические технологии постколониального периода, как:

- гуманитарная помощь жителям иностранных государств для создания своего благоприятного имиджа;
- финансовое подчинение целых стран посредством системы долговых обязательств, различных санкций;
- провоцирование в других странах мятежей и междоусобиц и даже «гуманитарные интервенции» (войны, которые начинают утопийцы, когда «жалуют какой-либо народ, угнетённый тиранией»).

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ДЛЯ ВСЕХ

Н.Д. Афанасьева*

28 февраля – 1 марта 2019 года студенты и школьники из Москвы, из разных российских регионов, из стран СНГ и Балтии принимали участие в XIII Междуна-

родной научно-практической конференции «Языкознание для всех», подготовленной преподавателями Московского педагогического государственного университета. В этом году участники конференции, проявляющие интерес к проблемам развития языка, сравнительному языкознанию, фразеологии, подготовили доклады на тему «Серьезное и занимательное в языке разных сфер жизни».

Работа конференции была разделена на два дня: в первый в МПГУ проводили заседания студенческие секции и было заслушано 45 докладов (студенты из МПГУ, Санкт-Петербургского РГПУ им. А.И. Герцена, Электростальского медицинского колледжа, Московского издательско-полиграфического колледжа им. И. Федорова, Академии государственной противопожарной службы МЧС России и др.), во второй день в работе девяти секций приняли участие школьники, представившие 107 докладов.

1 марта конференция работала в школе № 1561 в Ясенево.

Членами жюри, экспертами докладов выступили ученые ведущих вузов страны – МПГУ, МГУ им. М.В. Ломоносова, Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина и др., учителя московских школ. В работе жюри активное участие также приняли представители кафедры русского языка МГИМО МИД России зав.кафедрой к.пед.н. Н.Д. Афанасьева и доцент к.филол.н. М.В. Беляков.

Не оставила равнодушными никого из участников работа круглых столов конференции:

- «Языковая игра в детской литературе»;
- «Может ли смешное быть обидным?»;
- «Старожилы не припомнят» или «время покажет»: аукцион журналистских штампов»;
- «Существуют ли шутки на все времена (на примере языка театральных спектаклей)»;
- интерактивная игра «Учёные шутят».

Победители, представившие настоящие лингвистические исследования, получили дипломы I, II, III степени.

* **Афанасьева Нина Дмитриевна** – к.пед.н., доцент, заведующая кафедрой русского языка Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел России. E-mail: afan-nina@yandex.ru.

Председатель оргкомитета конференции, заведующий лабораторией междисциплинарных филологических проектов в образовании МПГУ, д.пед.н. О.Е. Дроздова отметила, что интерес участников к этой ежегодной «детской» по составу, но «взрослой» по качеству выступлений конференции растёт и, по её прогнозу, в

2020 г. в МПГУ приедет большое количество студентов и школьников. Несмотря на то, что награды конференции не дают никаких привилегий для поступления в вуз, дети с удовольствием «примеряют» себя к званию лингвиста, общаются со своими сверстниками, получают новый опыт работы.

5-Я МЕЖДУНАРОДНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК В МОЕЙ СТРАНЕ»

И.П. Багинская*

Традиционно каждые два года в МГИМО МИД России проходит международная студенческая конференция для студентов-иностранцев, учащихся российских и зарубежных высших учебных заведений. 30 марта 2019 г. была проведена пятая международная студенческая научная конференция, посвящённая теме «Русский язык в моей стране». Организатором конференции выступила кафедра русского языка МГИМО МИД России. В течение четырёх месяцев до мероприятия оргкомитетом была проведена работа по отбору представленных для участия в конференции статей. Желаящими принять участие было подано 60 статей, из которых оргкомитетом были отобраны 41.

30 марта 2019 г. в конференции приняли участие студенты из 18 стран – Алжира, Вьетнама, Индонезии, Иордании, КНР, Монголии, Мьянмы, Нигерии, Перу, Республики Корея, Сербии, Сирии, Турции, Туниса, Японии и др. По условиям конфе-

ренции, заочные участники записывали видео-доклады, которые были продемонстрированы присутствующим на конференции. Некоторые из них специально прилетели из своих стран, чтобы принять очное участие. Принявшие участие в конференции сейчас обучаются в российских высших учебных заведениях по программам обмена, бакалавриата и магистратуры или учатся на подготовительных факультетах. Нельзя не отметить и то, что вместе с участниками на конференцию пришли их одноклассники, научные руководители и преподаватели русского языка как иностранного (далее – РКИ) из НИУ ВШЭ, ИРЯК МГУ имени М.В. Ломоносова, ВА МТО имени А.В. Хрулева, ТГУ, ВА ВПВО имени А.М. Василевского.

Конференцию открыл своими приветствиями декан факультета Международной журналистики МГИМО МИД России Ярослав Львович Скворцов и заведующая кафедрой русского языка Нина Дмитриевна Афанасьева. Организационными вопросами во время проведения конференции занимались преподаватель кафедры русского языка Ирина

* **Багинская Ирина Петровна** – преподаватель кафедры русского языка МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: rinabaginskaya@gmail.com.

Петровна Багинская и доцент кафедры русского языка Михаил Васильевич Беляков. Они объявили регламент выступления, а также внесли поправки в программу конференции ввиду отсутствия некоторых очных участников.

Заявленная в этом году тема конференции «Русский язык в моей стране» давала желающим принять участие возможность рассмотреть русский язык и его положение в их родных странах с точки зрения разных аспектов. Так, например, студентка первого курса бакалавриата МГУ имени Н.П. Огарева Пандуро Дегтярь Марилуна обратилась к теме билингвизма и выступила с докладом «Проблема культурной идентичности билингва (носителя русского языка) в Перу». Ею были рассмотрены понятие «билингвизм», особенности воспитания ребенка-билингва в двуязычной семье, обучение билингва – носителя русского и испанского языков – в русскоязычной школе при посольстве РФ в Перу и вопрос доминирования одного из языков в языковой среде и вне её. После выступления участнице задали много вопросов, так как во время доклада она упомянула, что сама является билингвом и поэтому интересуется этой темой.

Студент-магистрант из НИУ МГСУ Аунг Мин Кхант посвятил свое выступление роли русского языка в Мьянме и представил доклад «Состояние и перспективы развития русского языка в Мьянме». Он отметил, что официальные дипломатические отношения между Россией и Мьянмой установились в 1948 г., что способствовало расширению связей в области образования. Так, в 1964 г. в Янгонском университете иностранных языков было создано первое отделение русского языка, в 2000 г. начала работать кафедра русского языка в Мандалайском университете иностранных языков, а в 2003 г. открыли кафедру русского языка в Академии Вооружённых сил. Выступающий также рассказал о том, какие пособия используются преподавателями для обучения РКИ на начальном этапе.

Большое внимание было уделено положению русского языка в КНР, так

как многие принявшие участие в конференции участники приехали из КНР. Слушатели курсов РКИ в НИУ ВШЭ Ван Йипин и Ли Бору выступили с докладом «Русский язык в Китае в наши дни», рассмотрев развитие экономических отношений между Россией и КНР как причину востребованности русского языка среди китайских студентов, особенно в сфере перевода. В свою очередь, Лю Чжуньюй – стажёр-магистрант Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, – в качестве темы своего доклада выбрал проблемы на рынке переводческих услуг в КНР.

Были отмечены отсутствие установленной официальной оплаты труда переводчика с русского на китайский язык, а также дефицит высококвалифицированных переводчиков, имеющих, по данным опроса среди работодателей в провинции Синцзяне, только теоретические знания. Последнее, как отметил выступающий, является следствием устаревших методов обучения, а также недостаточного количества практических занятий по переводу в университетах. Слушатели заинтересовались данной темой и задали выступающему вопросы, касающиеся процесса обучения переводчиков в вузах КНР, в частности, переводчиков-синхронистов.

Участники и слушатели активно принимали участие в обсуждениях докладов, что доказывает актуальность темы конференции – «Русский язык в моей стране», а также необходимость проведения таких мероприятий, дающих возможность студентам-иностранцам:

- делать первые шаги в приобщении к научной деятельности;
- получать опыт представления докладов на конференции;

– знакомиться с будущими коллегами из других стран.

Участники и слушатели выразили благодарность МГИМО МИД России и кафедре русского языка за организацию конференции и предостав-

ленную им возможность принять в ней участие.

По итогам конференции очные и заочные участники получили сертификаты. Также будет опубликован и зарегистрирован в РИНЦ электронный сборник статей.

© Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-67951 от 06 декабря 2016 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, к. 4114 а.
Тел./ факс. +7(495) 299 38 22
Веб-сайт: www.concept.mgimo.ru
e-mail: concept@mgimo.ru
ISSN 2541-8831

Выходит 4 раза в год.
Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.
Тираж 2000 экз. Объем 18,356 п.л.
Заказ 889

© Federal state autonomous institution of higher education «Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation»

The Founder and Publisher:

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.
Vertificate of registry
ПИ № ФС77-67951, 6 December 2016.

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 4114 a.
Phone/fax: +7(495) 299 38 22.
URL: www.concept.mgimo.ru;
e-mail: concept@mgimo.ru.
ISSN 2541-8831

Published by MGIMO University Press.
Number of printed copies: 2000.